

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Н.СМИРНОВ

ЧЕРЕЗ 5000 ДНЕЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ДЖЕК ВОСЬМЕРКИН АМЕРИКАНЕЦ

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»

2019

ЧЕРЕЗ 5000 ДНЕЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Николай Смирнов
Через 5000 дней
М.: Молодая гвардия, 1931 г.

Н. Г. С М И Р Н О В

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ТЫСЯЧ
ДНЕЙ

РИСУНКИ Н. КУПРЕЯНОВА

РОМАН ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1931 МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЧАСТЛИВЕЦ КРОЛЬ

1. ДВА СТАРЫХ ПИСЬМА

Арт Кроль, владелец «Большой шелковой мануфактуры», вынул из вращающейся этажерки тонкую целлулоидовую папку. Сквозь прозрачную обложку он сейчас же рассмотрел, что взял не то, что следует. Однако он раскрыл папку и, улыбаясь, стал проглядывать письмо, которое стояло под номером первым. Он сам писал его много лет назад. Вот что было в этом письме:

Ребята, простите, что задержался с подробным докладом. Дело в том, что я неожиданно для себя самого попал в Америку. Здесь, понятно, верчусь, как белка в колесе. Вчера захворал немного и не выхожу из дому. Вот и решил написать вам обо всем.

Ребята, вот уже две недели, как я в Нью-Йорке. Своими собственными руками я трогал небоскребы за углы и даже побывал на крыше одного из них, где пил шоколад. Много раз катался по подземке и надземке, про автомобили уж и не говорю. Здесь творятся чудные вещи, ребята!

Например, что вы скажете о такой штуке: негры играют на скрипках и барабанах, и у каждого сзади горит фиолетовая электролампа, а проводов не видно. Или: аэропланы пишут дымом на небе по-английски разные слова и даже ставят восклицательные знаки. Здесь мороженое не тает, пока его не возьмешь в рот. И каток здесь не тает, ребята, хоть на улице жаррица смертная. Два раза я катался на конь-

ках по искусственному льду. Очень здорово! А какие здесь крупные апельсины! А что такое бананы, вы знаете? Вот прелесть-то!

К чему я это пишу, ребята? Очень просто. Скажу прямо, я пришел к убеждению, что нам никогда не догнать и не перегнать Америки. И это говорят все умные люди, даже американские инженеры. Вы там сидите у себя на технической станции и думаете, что дело делаете. А это не дело, а форменная чепуха.

Я твердо решил не возвращаться в Москву, ребята. Там делать нечего. Жизнь и наука — здесь, а не там.

Теперь выслушайте мое предложение: приезжайте вы все ко мне. Дом у меня большой, двадцать комнат. Продовольствия хватит. Поступите в ВУЗы, на это я денег достану. Будете жить у меня и питаться, об одежде не беспокойтесь. А что дальше, будущее покажет.

Месяца через два я уеду из Америки, побываю в Японии, а потом домой. К этому времени вы мне напишите о своем согласии, и я здесь все оборудую. До стану вам визы и прочее.

На Петьку Аккуратова я, конечно, не очень рассчитываю, но всех остальных десять человек жду. Хорошо проживем здесь, ребята. Когда приедете, поймете.

Итак, жду.

С товарищеским приветом
Артеми́й Кроль
город Нью-Йорк, август 1930 года.

Кроль прочел все это и перевернул страницу. Там было еще одно письмо:

Гражданин Кроль, наш бывший товарищ!

Мы получили твое письмо из Нью-Йорка и спешим вернуть тебе его обратно.

Очень жаль, что ты так скоро перестал верить в строительство социализма. Мы, однако, продолжаем верить, и хоть небоскребов не видели, их учитываем. Все остальное, о чем ты пишешь, — реклама, и нам она не нужна.

Конечно, ни один из нас к тебе не приедет. Нам и тут дела достаточно. Но Петр Аккуратов просит тебе сообщить, что через две пятилетки мы с тобой встретимся. А через три — уж обязательно. Одним словом, самое большее через 5 000 дней жди нас у себя.

Ударная бригада техстанции.

Приложение: возвращаемое письмо.

Москва, сентябрь 1930 года

Прочтя оба эти письма, Кроль захлопнул папку и закрыл глаза. На лице его легли складки, мускулы даже на носу напряглись. Видно было, что он вспоминает что-то.

Наконец Кроль открыл глаза и задумчиво пробормотал небольшое стихотворение. Собственно, даже не стихотворение, а несколько фамилий, размещенных в рифму:

*Елкин, Гнедин, Абрикосов,
Чайкин, Петин, Глюкфест, Носов,
Кроль, Спасибин и Ежов,
Аккуратов и Пыжов.*

Прочтя это стихотворение, Кроль поставил прозрачную папку на место и вынул другую. У него был

блестящий порядок в кабинете, и он моментально отыскал нужную ему бумагу. Проглядел ее, взял трубку телефона и назвал номер.

— Директора! — сказал он строго.

Разговор по телефону длился всего минуту.

— Через три четверти часа я буду на фабрике. Соберите всех, подготовьте документы. Очень важный секретный разговор. Что? Вы думаете, что ксантогенат нам не страшен? Увидим, увидим. Я буду через полчаса...

Кроль повесил трубку и засмеялся. Потом позвонил, приказал подать автомобиль и, спускаясь по лестнице, запел вполголоса на веселый мотив:

*Елкин, Гнедин, Абрикосов,
Чайкин, Петин, Глюкфест, Носов...*

Что и говорить, Кроля трудно было вывести из равновесия! Он был всегда уверен в себе и готов веселиться даже на кладбище. Недаром его прозвали Кроль-Счастливец. А как он получил свое огромное богатство? Можно сказать, что он достал его рукой прямо с неба. Об этом стоит даже рассказать.

История эта произошла давно, когда Кроль был еще пятнадцатилетним мальчишкой.

Когда от него еще не отрекались товарищи.

Когда он жил в Москве.

Вот как все это случилось.

2. МОСКОВСКИЙ ДОЖДЬ

В тот вечер дождь дубасил по асфальтам плотными струями, длинными, как хорошие веревки. Такие дожди бывают не чаще двух раз в лето.

Они несут за собой множество разрушений, хотя и скоро проходят. Люди любят смотреть

на них в окна и радуются этому буйству природы. Но когда сорвалось дело и приходится возвращаться под таким водопадом, на душе не очень-то приятно. Дырявые башмаки, как насос, втягивают воду сквозь подошвы. Рубашка прилипает к телу, а брюки стягивают ноги так, что трудно идти. Впрочем, идти, даже бежать, все-таки можно, и Артюшка Кроль попеременно то шел, то бежал.

Он возвращался домой из технического лагеря, где вчера случилось огромное, непоправимое несчастье. Несчастье это больше, чем дождь, занимало сейчас Артюшку, и, перепрыгивая через лужи у тротуаров, он ронял в них слезы и тяжело вздыхал. Беда, настоящая беда стряслась вчера в деревне Крушинке!

Больше года шла подготовка к торжественному событию, которое намечалось как раз на сегодня. Планы были разработаны еще прошлым летом и окончательно оформлены весной. Самое трудное дело — сбор средств — удалось провести за зиму. А разве легко двенадцати ребятам собрать почти восемьсот рублей? Конечно, помогла техстанция, но все-таки дело-то ведь было сделано.

Шесть недель тому назад технический лагерь развернул свою палатку у деревни Крушинки, на речке Мелкой. Из Крушинского колхоза были вызваны добровольцы-ребята, которых временами собиралось

до двадцати человек. Из города аккуратно приезжал руководитель, студент-электрик.

Шесть недель технической лагерь и добровольцы прудили речку Мелкую, заколачивали сваи, укрепляли берега и, наконец, подняли уровень воды в реке на два метра. Вода была направлена по желобу на большое колесо, которое завертелось сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее.

Колесо вращалось не для удовольствия ребят. При помощи целой системы передач оно приводило в движение динамо-машину, которая должна была осветить деревню Крушинку. Ну, не осветить, конечно, а дать по одной лампочке на двор.

А разве этого мало?

И вот, когда после нескольких отказов динамо заработала, и получился накал, и крестьяне всех окрестных деревень были приглашены на торжественное открытие электрической станции, — стряслось несчастье.

Ночью, накануне открытия станции, динамо была похищена неизвестными злоумышленниками.

Хилая дверь будки, где стояла машина, была взломана, проволоки оборваны, ремень снят. Кому понадобилась машина? Ничего не известно. Ясно только, что она была вывезена на подводе: рядом с будкой, на песке ребята нашли следы колес.

Ребята никогда не предполагали, что дело может так повернуться. Возможность похищения машины не была предусмотрена ни одним планом. За все шесть недель никому и в голову не приходило, что могут на свете найтись воры, которые посягнут на крохотную динамку. Ведь она не нужна первому встречному. Пустить ее в ход можно только умеючи. А между тем, машину украли. Ребята безмятежно спали в палатке, когда какие-то подлецы рвали провода и укладывали динамо на подводу.

Конечно, торжество было отменено. Конечно, было заявлено в милицию, и милиционер составил акт. Но ведь можно понять отчаяние ребят! Колесо вертелось, не производя никакой работы. Плотина стояла прекрасно. Но на кой шут нужна плотина, если нет самого главного?

Лампочки были выверчены в избах, проводка пока осталась. Крестьяне жалели ребят, и каждый из них давал какой-нибудь совет. Но разве после всего этого можно было оставаться в лагере? И речка, и колесо, и плотина стали ненавистны ребятам. Кроль дезертировал первым. Остальные решили задержаться на время, подумать, потолковать и, может быть, даже поискать машину в соседних деревнях. Но никто, конечно, не рассчитывал на успех.

Правда, сейчас же после обнаружения пропажи ребята в торжественных выражениях поклялись, что не бросят этого дела и доведут постройку электростанции до конца. Колхоз будет электрифицирован, если не в этом году, то в будущем. Клялись в присутствии крестьян. Но какой толк от этого? Где взять машину? На помощь техстанции рассчитывать невозможно: кто станет теперь помогать ребятам, у которых из-под носа утащили машину?

Отчаяние, отчаяние...

* *
*

Артюшка вбежал в подъезд. На площадке лестницы он отжал рукава и штаны, и у ног его образовалась целая лужа. Машинально он поднялся на третий этаж и позвонил три раза. Долго не открывали. Должно быть, Александры Павловны не было дома. Наконец открыла соседка. Она сообщила, что Александра Павловна уехала к знакомым на дачу.

Артюшка вытащил ключ из-за плинтуса, где он лежал всегда, и вошел в комнату. Быстро разделся и сделал несколько гимнастических упражнений. Он был рад, что Александра Павловна уехала. По крайней ме-

ре, не будет поправок, что вымок. Через пять минут он в сухой одежде и босиком занимал кипятик у соседей.

Он напился чаю с корками и уже собирался улечься на диван, как заметил, что возле двери, на полу лежит большое желтое письмо. Артюшка поднял письмо, и прочел адрес. Ему!

Внутри оказалось отношение, написанное на машинке. Иностранное консульство предлагало ему прийти на другой день, в десять часов утра, по делу.

— Какое еще дело? — буркнул Артюшка недовольно и бросил письмо на стол. — Наверное, какая-нибудь ошибка.

Он выпил еще стакан чаю и улегся на диван. Мысли о пропавшей динамо все еще продолжали мучить его. Он даже не думал о письме. Немного погодя Артюшка уже спал, свернувшись клубочком на диване. Он даже не потушил лампочки, так был расстроен и утомлен.

3. ДРУГАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА СОБЫТИЯ

Петра Аккуратова ребята звали Архимедом. Он был сын слесаря с Брянской дороги, и в техническом лагере играл роль вожака. Мало того, он был совестью лагеря и на этом основании тираном всего актива. Ребята втайне боялись его, кроме Пыжова, который всегда был с ним заодно. Нельзя сказать, что кража мотора не повергла Архимеда в смущение. Он расстроился не меньше других. Действительно, работе был нанесен смертельный удар, и не было никакой возможности самостоятельно поправить дело. Единственно, что спасло бы положение — это отыскание мотора. Но ребята были хорошими техниками, а в области сыска они ничего не смыслили. Искать мотор для них значило разводить кустарщину. Но Аккуратов все-таки заставил их взяться за это дело. После того, как было окончательно выяснено, что дело сорвано, началось отчаяние, и Кроль удрал из лагеря, Архимед категорически заявил, что не все еще кончено. Он собрал всех ребят на собрание и предложил заняться самостоятельными поисками. Возражений не последовало, хотя и энтузиазма не было. Аккуратов крикнул на ребят, и они задвигались шустрой.

Саша Спасибин, по прозвищу Чукча, известный своей хитростью, сейчас же придумал путь, по которому надо идти. Мотор был увезен на телеге. Если изучить следы колес у будки, то можно двинуться по следам. Работа кропотливая, но обещает успех: ведь следы колес неминуемо должны привести к мотору.

Решение заняться самостоятельными поисками было принято после обеда. Все легли на землю. Очень тщательное изучение следов телеги дало хорошие результаты. Обод одного из колес имел отметину. Эту

отметину удалось отыскать и на песке вдоль берега. Скоро было установлено, что телега направилась к дороге. Но и на дороге в пыли можно было кое-что разоб-
раться.

Отметина на колесе все время была перед глазами, и ребята могли уже отличить это колесо от других. Но все же за час они продвинулись не больше, как на сто метров вперед. Работа протекала в полном молчании. Вдруг возмущенно заговорил близорукий Петин:

— Ребята, а ведь если мы будем двигаться с такой скоростью, то придем к мотору не раньше, как через неделю.

— Через неделю, так через неделю, — меланхолично сказал длинный Носов.

И, наклонившись к земле, он продолжал тщательно рассматривать песок.

Глюкфест, автор стихотворения, составленного из фамилий, сказал насмешливо:

— Ты, кажется, уже нюхаешь землю, Нос? Прямо как охотничья собака.

Архимед сердито буркнул:

— Не остри, Глюк! Сейчас твои острооты не требуются.

— Требуются! — вдруг закричал Чайкин и вскочил на ноги.

Десять голов повернулись в его сторону.

— Мы — идиоты, ребята, — продолжал Чайкин уверенно. — Мы — величайшие идиоты на земле! Какого нам чёрта лезть самим по следам, когда мы можем из МУРа вызвать специальную ищейку?

— Есть такое дело! — закричал Абрикосов, любитель научных подходов к жизни. — С этого надо было начинать.

Аккуратов уже сообразил, как действовать дальше:

— Двое идут на станцию и звонят по телефону в МУР. Остальные остаются здесь и охраняют следы. Если ищейка придет сегодня, завтра Мелкострой заработает. Даешь?

Возражений не было. Глюкфест и Спасибин, как самые хитрые, были командированы на станцию. Остальные остались при палатке. Но чертовски не везло техническому лагерю в этом деле! Глюкфест и Спасибин еще не дошли до станции, как начал накрапывать дождь. А когда они взялись за трубку, дождь уже перешел в ливень. Это был тот самый дождь, который так сильно вымочил Артюшку Кроля.

Оставшиеся в палатке ребята прижались друг к другу и молчали. Вода лупила с неба, как по заказу, и полотно палатки начало промокать. Но не это смущала ребят. Они знали, что дождь уничтожает следы телеги, а вместе со следами возможность отыскать мотор.

В восемь часов вечера Глюкфест и Спасибин мокрые, как утопленники, появились в палатке.

— Ну?

— Что «ну»? Разве не видите, что делается? Конечно, ни одна собака не найдет теперь следов. Так нам и в МУРе сказали. В Москве тоже дождище...

— Буза...

Разговор замер. Только вода шумела по палатке.

— А плотина? — вдруг спросил Спасибин. — Ее не размыло? Жуткое молчание. Ведь вода от этого дождя поднялась наверное выше всех учтенных уровней!

— Все на плотину! — хрипло крикнул Аккуратов.

Ребята выскочили в темноту и помчались к плотине.

— Проседает! — закричал Елкин, который при-
мчался первым. — И берег проседает.

Аккуратов начал командовать:

— Тащи лопаты и топоры, Абрикосов, Елкин,
Гнедин! Глюкфест, жарь в деревню за ребятами. Если
вода хлынет через край, от работы ничего не останет-
ся. Пыжов, сядь на берег, где его подмывает. Живо!

И под проливным дождем ребята принялись
укреплять плотину. Четыре березки на берегу были
мигом срублены и превращены в хворост. Хворост ва-
лили на плотину, вместе с дёрном. Многие разделись,
так как мокрая одежда стесняла. Землю таскали в ру-
башках.

Через час Глюкфест привел девять человек ре-
бят из деревни. Срубили еще два дерева. Плотину
утрамбовывали собственными ногами.

В полночь дождь перестал, и на небе показались
звезды.

Плотина была спасена.

4. ДЕЛА КАК БУДТО ПОПРАВЛЯЮТСЯ

На другой день утром в лагерь приехал агент МУРа, но без собаки. Он осмотрел поверхностно место происшествия, прошелся к речке и заявил ребятам, что на отыскание мотора рассчитывать не приходится. Если бы не дождь, можно было бы пустить собаку. Но теперь об этом нечего и думать. Конечно, МУР примет некоторые меры, но будут ли результаты — сказать трудно.

После этого агент посмотрел плотину, спросил ребят, ловится ли рыба в реке, и, простившись со всеми, пошел на станцию.

Одиннадцать человек тихо уселись на берегу и начали плевать в воду.

— Надо сворачивать палатку, — сказал решительный Елкин. — Придется в город ехать. Больше здесь делать нечего.

— Да, надо укладываться, — подтвердил Ежов.

Но никто даже не двинулся. Так горько было бросать это местечко, где столько положили трудов и столько вечеров провели вместе.

— Поднимайтесь, ребята, — сказал Гнедин. — Сиденьем делу все равно ни поможем. Надо палатку убирать — и на станцию!

Ребята неохотно побрели к палатке. Елкин и Гнедин уже начали развязывать веревки, когда сверху, с горки послышался какой-то странный крик, как будто там резали человека.

— Что такое? — спросил Аккуратов и стал смотреть вверх.

— Кроль бежит, — ответил Пыжов. — Машет руками. Взбесился, что ль?

С горки действительно бежал Артюшка и кричал что-то неразборчиво. Он задышался. Должно быть, бежал от самой станции.

— В чем дело? — спросил как бы про себя Аккуратов. — Пошли навстречу!

И все бросились в горку.

— Зачем ты приехал? — закричал Елкин, подбегая к Кролю. — Мы уж палатку свертываем. Какого чёрта?

Артюшка сел на землю, бледный, как меловой.

— Не собирайте палатки, ребята, — сказал он, отдышавшись. — Будет мотор. Гарантирую.

— С ума сошел, что ли? Откуда будет?

— Я, ребята, наследство получил.

— Врешь?

— Говорю, получил.

— А на мотор-то его хватит?

— Ну да, хватит. Ведь там четыре миллиона долларов. Ребята, родные... Вот повезло-то.

5. КАК БЫЛО ДЕЛО

В десять часов утра того дня, как было сказано в письме, Артюшка Кроль явился в консульство. Уже переступив порог этого учреждения, он понял, что попал в какой-то другой мир.

У самой двери консульства сидел старый, нарядный швейцар с пушистыми усами. Артюшка показал ему письмо, и швейцар сейчас же заговорил с ним по-русски. Он провел его в приемную, подставил стул, и сказал:

— Уж вы обо мне попомните, молодой человек.

Очень скоро в приемную вошел пожилой чиновник, франтовато одетый. На его маленькой головке страшно редкие волосы были расчесаны бабочкой. В глазу торчало стеклышко, и от каждого его движения пахло духами. Посмотрев на чиновника, Артюшка решил, что это заправский буржуй и его надо остерегаться.

Чиновник ввел Артюшку в соседнюю комнату, где стояла мягкая мебель. Он попросил Артюшку сесть, потом открыл маленький письменный столик и вынул оттуда какие-то бумаги.

— Ну-с, — сказал он, — так вы и есть Артемий Кроль, которого мы разыскиваем?

— Я и есть, — подтвердил Артюшка.

— Сын инженера Генриха Стефановича Кроля?

— Да...

— Когда умер ваш отец?

— Пять лет назад.

— А мать?

— Матери я не помню.

— С кем же вы живете теперь?

— С Александрой Павловной. Она — подруга моей матери. Дает уроки языков и мне помогает. Да я и сам пенсию за отца получаю, тридцать пять рублей в месяц.

— Так. Вы партиец?

— Нет. Я просто учусь в советской школе. Сейчас в седьмой группе.

— Скажите, пожалуйста, господин Кроль, — продолжал чиновник, — у вашего отца был брат Карл Стефанович?

Артюшка начал вспоминать.

— Кажется, был, — сказал он наконец. — Отец мне рассказывал про него один раз. Он жил не то в Австрии, не то в Галиции. Но я с ним не переписываюсь. Так что ничего вам про него сказать не могу.

— Я вам сам скажу про него, — сказал чиновник печально. — Пять месяцев тому назад ваш дядя скончался.

Чиновник вздохнул. На Артюшку это известие не произвело ровно никакого впечатления. Он никогда в жизни не видал своего дяди.

— Эта смерть, — продолжал чиновник задумчиво, — имеет для вас очень большое значение. Дело в том, что ваш дядя умер внезапно, не оставив духовного завещания. По законам нашей страны все его состояние переходит к вам.

— Что?

Артюшка насторожился. Потом как-то крикнул насмешливо и спросил:

— То есть выходит, что я получил наследство от американского дядюшки?

— Он не был американцем, — сказал чиновник строго. — Но наследство вы действительно получили.

— Большое ли?

— Очень большое, господин Кроль. По предварительным подсчетам, около четырех миллионов долларов.

И чиновник весело протянул Артюшке руку. «Вот он, мотор-то! — подумал Артюшка. — Выгорело дело»...

— Консульство окажет вам содействие в поездке за границу, — говорил чиновник, подобострастно улыбаясь. — Вам будут предоставлены нужные средства. Поверенные покойного поручили нам о вас позаботиться...

Он говорил еще много о том, что в наследство, помимо денег, входят большая шелковая фабрика, земли, неудобные для земледелия, дом и так далее. Но Артюшка уже не слушал его.

Одна мысль была у него в голове: скорее к ребятам! Ведь теперь, наверное, можно сказать, что электричество загорится в Крушинском колхозе.

6. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОБСУЖДАЕТ ПОЛОЖЕНИЕ

Всё это вкратце рассказал Артюшка столпившимся вокруг него ребятам. Они слушали молча, почти не перебивая. Только когда он кончил и сияющими от радости глазами посмотрел на ребят, Аккуратов сухо спросил:

— Что ж теперь думаешь делать, Артюшка?

— Что делать? Ясно что. Поеду через три дня за границу, и первым долгом вам мотор вышлю, ребята. Не подержанный, конечно, самый лучший, оборотов на шестьсот. Потом дом продам и землю тоже. Фабрику рабочим подарю и через неделю назад приеду. Ведь, ребята, подумайте, деньги какие колоссальные...

— Здесь не только мотором пахнет, — сказал Глюкфест. — Можно целый дворец техники соорудить...

— А то как же! — закричал Артюшка. — Я уж об этом думал и даже план в голове набросал. Построю обязательно дворец техники, ребята. Весь на электричестве, с собственной станцией. Что б даже двери электричеством отворялись. В нижнем этаже мастерские с полным набором инструментов на тысячу человек. В буфете чай бесплатно, а в кладовке материал какой угодно. Приходи и работай. Эх, и раздолье будет!

— Только ребят надо с разбором пускать, — сказал осторожный Чайкин. — А то напрет народу много, а толку будет мало.

— Это уж, как пить дать, — подтвердил Абриков. — Надо будет экзамен устраивать по электричеству.

Посыпались разные предложения. Одни говорили, что дворец надо построить в Москве, другие — что за городом. Елкин и Гнедин говорили, что во

дворце должны быть отделение спорта и бассейн для плавания. Чайкин требовал химическую лабораторию, Абrikосов и Ежов к нему присоединились. Петин доказывал, что при дворце техники обязательно должен быть дирижабль для пробных полетов и, по крайней мере, три аэроплана. Носов советовал сделать сельскохозяйственное отделение: показательный сад, огород и питомник. Глюкфест предложил разводить собак-ищек.

Ребята долго толковали о том, что надо и чего не надо делать во дворце техники. Все принимали участие в интересном обсуждении, только один Аккуратов молчал и смотрел в сторону. Когда разговор на минуту приостановился, он вдруг, заявил басом:

— Будет, ребята, чепуху молоть. Нам сейчас другое решать надо.

— Что решать?

— А вот что: ехать Артюшке за наследством или здесь оставаться?

Такого вопроса никто и не поднимал. На Аккуратова посмотрели как на человека рехнувшегося.

— Да что ты, Архимед, с ума сошел, что ли? Как можно от такого наследства отказываться?

— Я не об отказе говорю. А о том, ехать ли Артюшке.

— А как же наследство-то получить, если не ехать? — спросил Кроль. — Мне секретарь сказал, что обязательно ехать должен. Иначе не выдадут.

— Он тебе это сказал?

— Ну да, сказал. Я должен во владение ввестись. Заочно нельзя.

— Тогда другое дело. Только боюсь, как бы ты не подкачал.

Артюшка засмеялся.

— С ума сошел! Что ж я с буржуями жить останусь, что ли? Ели останусь, застрелите меня тогда из поганого ружья, ребята. Мне там делать нечего. Ликвидирую имущество и сейчас же назад прикачу.

— Ну, если так, то другой разговор, — сказал Аккуратов. — Кто за поездку, прошу поднять руку.

Десять рук поднялись к небу.

— Я воздерживаюсь, — сказал Аккуратов и пошел к палатке. Потом повернулся к ребятам и прибавил: — Я не уеду, отсюда, пока мотора не найду. И ты, Пыжов, оставайся со мной.

7. ПОКА ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО

Консульство помогло Артюшке. Оно снабдило его визой, адресами и небольшой суммой денег. Даже телеграмму послало поверенным, что наследник нашелся и выезжает.

Александра Павловна, которая явилась с дачи, была вне себя от радости. Она взяла с Артюшки слово, что обо всех подробностях получения наследства он будет телеграфировать. Больше всего она боялась, что Кроля надуют за границей.

На деньги, полученные из консульства, Артюшка купил себе новые башмаки, брюки и пальто. Запасся небольшим мешком. В мешок положил перемену белья и немного технической литературы. В этом и заключались все его сборы. Поехал за границу он без шапки, как всегда летом ходил по Москве.

Все ребята, кроме Аккуратова и Пыжова, проводили Артюшку на вокзал и еще раз слышали от него обещание не задерживать высылки мотора.

— Назад я прилечу на аэроплане! — закричал Артюшка, когда поезд тронулся. — Встречайте меня.

В вагоне Артюшка чувствовал себя прекрасно. Во-первых, он ехал за границу, а во-вторых, с такой интересной целью. Он рисовал себе разные веселые картины ближайшего будущего. Конечно, через год он построит замечательный дворец техники в Москве и добьется, чтобы его назначили заведующим. Он делается инженером, профессором, главным индустриализатором СССР. Он будет читать лекции об электричестве, обязательно с опытами Тесла, когда кажется, что воздух лопается от напряжения, и молнии гуляют по комнате целым веником. То-то будет жизнь!

В таких мыслях он под вечер доехал до рубежа.

Артюшка не знал ни одного иностранного языка, но это не помешало ему благополучно перебраться через границу. Документы его были в порядке, и никакой контрабанды он с собой не вез. Он пересел в новый вагон заграничного поезда и сейчас же заснул.

На другой день он вскочил рано и стал к окну, желая увидеть что-нибудь особенное. Но всё — и поля, и постройки, и коровы были похожи на наших. Только на станциях появились жандармы, да железнодорожники были одеты иначе. Так прошел целый день.

Начало темнеть, и Артюшка задремал в уголке. Он проснулся, когда поезд уже остановился перед огромным освещенным вокзалом, и пассажиры двинулись из вагонов. Артюшка понял, что приехал. Надел мешок на спину и выпрыгнул на платформу. Было десять часов вечера.

Не задерживаясь на вокзале, он пошел разыскивать дом, который достался ему по наследству. Еще в консульстве ему показывали по плану, где дом находится и как надо идти.

Первые улицы у вокзала были темны и печальны, но дальше стало веселее. Белые фонари, как яблоки, прятались в листьях деревьев. Несмотря на поздний час, люди в белых штанах шаркали ногами по асфальту, смеялись и кричали на непонятном языке. Все были нарядно одеты, и Артюшка со своим мешком старался прятаться в тени. Он боялся, что его примут за нищего. После получасовой ходьбы дом наконец был найден, и Артюшка робко остановился на тротуаре.

Дом был солиден и мрачен. Казалось, что он сложен из обломков скал. Зеркальные стекла без переплетов были задернуты изнутри белыми занавесками.

Дверь была огромная, резная, окованная железом. На медной дощечке стояло:

К. КРОЛЬ

Прочитав свою фамилию на дощечке, Артюшка решил, что стесняться нечего. Он позвонил. Долго не открывали, и он несколько раз нажимал кнопку

Наконец за дверью раздались тихие шаги, и голос спросил на непонятном языке неизвестно что. Артюшка закричал:

— Открывайте! Это я приехал, Артемий Кроль, наследник.

И дверь открылась.

Артюшка вошел в переднюю, большую комнату, с серебряным потолком и мраморной лестницей. Старый лакей низко поклонился и взял из рук Артюшки мешок. Артюшка поздоровался с лакеем за руку и заявил, что с удовольствием помылся бы с дороги и выпил чаю. Лакей ответил по-русски, что все это возможно, что Артюшку ждали, и опять поклонился.

Еще в Москве Артюшка знал, что ему досталось богатое наследство, но такого большого дома он все-таки увидеть не предполагал. Это было целое учреждение или, вернее, музей. Артюшка велел лакею провести себя по всем комнатам. Лакей пошел вперед, зажигая электричество. Они прошли, по крайней мере, двадцать комнат с натертыми полами, и Артюшка решил, что в таком доме можно было бы свободно устроить дворец техники. Наконец они оказались в спальне. Кровать была так велика, что на ней поперек мог бы переночевать весь технический лагерь. Рядом со спальней была небольшая комната с умывальником и еще одна, с ванной. Артюшка ванны принимать не

стал, а разделся и вымылся у умывальника. Потом заявил, что теперь хорошо бы поесть.

Лакей, похожий на тех, что показывают в кино, провел его в круглую столовую, где закуска была уже приготовлена. Артюшка увидел на столе разные колбасы, рыбу, сыр, фрукты и две бутылки вина. Вина Артюшка пить не стал, но колбасу съел почти всю. Сыра он никогда не любил.

Пока он закусывал, в столовую вошли люди, четыре человека, и тихо стали возле двери. Артюшка сначала подумал, что это полиция, и спросил:

— Вам чего?

Оказалось, что это прислуга в доме. Тут были повар, шофер, дворник и горничная. Все они, кроме горничной, говорили по-русски. Артюшка поднялся из-за стола, поздоровался со всеми за руку и сказал:

— Садитесь, товарищи. Вместе закусим.

Но никто из них не сел. Тогда Артюшка сам подошел к ним и начал расспрашивать — кто какую выполняет работу и сколько кто получает. Узнав, что об отпусках никому ничего не известно и получают все они мало, Артюшка сказал:

— Эх, улучшил бы я ваше положение, товарищи... Да вот только жить-то я здесь не хочу. Впрочем, будьте покойны, я вас в обиду не дам.

Отдельно поговорил с шофером об автомобиле. Спросил, какой марки машина и сколько в ней сил. Шофер, назвал марку, о которой Артюшка никогда не слышал.

Машина оказалась большая, дорогая, в шестьдесят сил.

Шофер был славный парень. Артюшка усадил его силой за стол и начал с ним пить чай. Шофер растолковал ему, где можно купить динамо, и взялся в

этом деле помочь. Артюшка пил чай и жалел только об одном — что ребят с ним нет. Вот бы была потеха! Закуски много, всем хватит, переночевать есть где. Он решил сейчас же после ужина написать обстоятельное письмо на имя Аккуратова. Но сделать этого ему не удалось. Старый лакей Казимир пристал к нему с вопросами и рассказами. Повел его в спальню и там начал подробно докладывать, как жил покойный фабрикант Кроль и какой он был богач. Артюшка слушал рассказы и посмеивался.

Лакей Казимир был одет как фокусник — в серую жилетку, голубые штаны и коричневый пиджак. Баки у него были белые. Артюшка сначала его стеснялся, но потом, как увидел, что он разговорчивый старичок, сказал ему просто:

— Ну, дед, теперь я спать хочу. Поболтали — и будет.

Старик засмеялся, пожелал покойной ночи и потушил свет. Артюшка разлегся на мягкой постели, как будто век здесь спал. Ему было приятно и весело: всё определенно налаживалось. Назавтра оставалось сделать только четыре дела:

Получить деньги у поверенных.

Купить и отправить динамо.

Продать дом и землю.

Передать фабрику рабочим.

8. ЧТО ТАКОЕ НАСЛЕДСТВО

Было не меньше десяти часов, когда Артюшка вскочил со своей огромной кровати и пошел по комнате, чтобы отодвинуть занавес на окне. Он дернул за шнурок, и в комнате стало светло. Тут Артюшка обратил внимание, что его одежда и башмаки исчезли из комнаты. Он не на шутку испугался и начал осматривать все углы. В этот момент дверь отворилась, и торжественно вошел лакей Казимир. Он принес на подносе чашку шоколада со сбитыми сливками и пяток бисквитов. Поклонился и поставил все это на столик рядом с кроватью.

Сначала Артюшка не хотел есть до умыванья, но Казимир уговорил его попробовать, и Артюшка выпил шоколад и съел бисквиты. Пока он пил, Казимир принес в комнату вычищенную одежду и ботинки. Укладывая одежду на стул, Казимир необыкновенно вежливо сообщил, что ванна готова.

Против ванны у Артюшки появилось возражение: он мылся только вчера вечером и не рассчитывал так скоро повторять эту процедуру. Но раз вода была готова, делать было нечего. Он прошел в ванную и там поплескался в душистой теплой воде. Купаться было приятно, но у Артюшки появились злобные мысли в голове:

«Вот сволочи, сколько воды тратят без нужды. Покажу я им сегодня кузькину мать и как она собиралась помирать».

Пока он купался, Казимир стоял рядом, держа в руках халат, сшитый из мохнатых простынок. Как только Артюшка вылез из воды, Казимир накинул халат ему на плечи и начал растирать все тело. Артюшке стало стыдно, что старый человек занимается такой

ерундой, и он убежал в спальню. Здесь Казимир сделал еще одну попытку — помочь ему одеваться. Но Артюшка строго попросил его не мешать, и старик отошел в сторону, обиженно поджав губы.

Одевшись, Артюшка пошел в столовую и здесь нашел на столе еще больше кушаний, чем вчера.

Он взялся было за колбасу, но в этот момент горничная поставила перед ним яичницу с ветчиной.

Артюшка съел яичницу и почувствовал, что совершенно сыт. Но горничная принесла еще цыпленка и кашу с цукатами. Артюшка не стал больше есть, принялся пить кофе. Пил, а сам думал: «Какой глупый буржуазный строй! Пять человек обслуживают одного. Сколько еды зря тратят. А помещения сколько пропадают. Чёрт знает!»

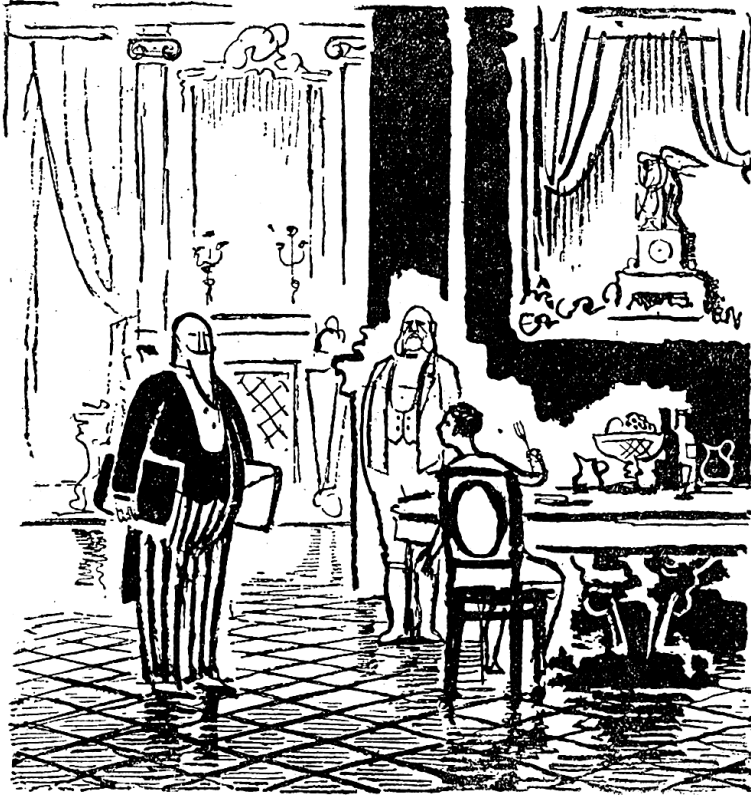
Артюшка не успел еще допить кофе, как в комнате появился человек, которого он вчера не видел в доме. Человек был совершенно лысый, но с длинной седоватой бородой и такими же усами. Борода была острая и напоминала обнаженный меч вороненой стали, а нос и подкрученные усы — рукоятку меча. В каждой руке человек держал по большому портфелю. Он отвесил Артюшке поклон, еще стоя в дверях, и потом начал медленно приближаться, все время улыбаясь. От этого меч слегка двигался.

Человек подошел к самому столу, положил на стулья свои портфели и нежно пожал Артюшке руку. При этом сказал:

— Я — доверенный в делах покойного господина Кроля — Роберт Робертович Пашкет. Уже несколько дней я встречал вас на вокзале, но увы...

И он безнадежно развел руками.

— Разрешите сесть? — спросил он сейчас же деловым тоном.

Артюшка кивнул головой, и Пашкет сел. Затем мягко, как воркующий голубь, начал говорить о том, что он может оказать наследнику Карла Кроля полное содействие в получении наследства.

Артюшка обрадовался приходу лысого Пашкета. Он решил, что с помощью поверенного в делах нетрудно будет осуществить намеченный план дня. Прежде чем говорить о своих намерениях, Артюшка предложил Пашкету доесть нетронутого цыпленка, и

тот сейчас же взялся за тарелку. Ел и пил Пашкет очень ловко, не пачкая своего меча. Артюшка внимательно следил, как он пользовался вилкой и салфеткой и при этом разговаривал. Когда Артюшка заявил, что с удовольствием принимает услуги поверенного в делах, Пашкет на минуту прекратил еду и сделал поклон, хотя со стула не встал.

— У меня такие планы, Роберт Робертович, — решительно сказал Артюшка, когда Пашкет кончил есть. — Как можно скорей продать этот дом и все остальное. Фабрику продавать не буду, передам рабочим бесплатно. Наличность, какая образуется, переведу в доллары и в СССР перешлю. Я должен быть в Москве не позже, как на той неделе, в среду...

— Превосходно! — закричал с восторгом Пашкет. — Прямо превосходно. Вы, я вижу, дорогой господин Артемий, заправский большевик. Я тоже им немного сочувствую. Со временем мы, несомненно, сделаем именно так, как вы говорите. Но пока есть одно маленькое препятствие. Позвольте спросить, сколько вам лет?

— Пятнадцать.

— У вас есть документы?

— Конечно.

И Артюшка выложил на стол все свои удостоверения. Пашкет проглядел их и сказал серьезно:

— Дело в том, дорогой господин Кроль, что по нашим законам вы до совершеннолетия не имеете права распоряжаться доставшимся вам имуществом.

— Значит, я должен ждать целый год?

— Что вы, что вы! Гораздо больше, господин Артемий. Полноту прав вы получите в двадцать один год.

— Чёрта пухлого! — сказал Артюшка решительно. — Шесть лет жить за границей я не намерен...

И он пошел по комнате, размахивая руками.

— Когда идет поезд в Москву? — спросил он немного погодя.

— Зачем вам это нужно знать?

— Очень просто. Сегодня я уезжаю в СССР.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я отказываюсь к чертовой матери от наследства.

Пашкет мягко взял его за талию.

— Но вы не можете и этого сделать, дорогой господин Кроль. Вы же несовершеннолетний, и за вас могут отказаться только ваши опекуны. Если вы уедете в Москву, наследство останется за вами. Опекунский совет будет его охранять в ваших интересах.

— Ну и пусть себе охраняет! Когда мне исполнится двадцать один год, я вернусь.

— Я бы не советовал вам делать этого, дорогой господин Кроль. Во-первых, опекунский совет будет протестовать против вашей шестилетней отлучки. Ведь он должен заботиться не только о вашем имуществе, но и о вашем образовании, воспитании. А во-вторых, если вы уедете, все ваши мечты об улучшении положения рабочих отложатся на шесть лет. А оставшись здесь, вы с моей помощью сможете сделать все, что вам хочется, теперь же. Ведь рабочих на фабрике более двух тысяч, дорогой господин Артемий. Вряд ли они будут рады, если вы уедете за границу. Это произведет на них самое дурное впечатление.

— Значит, у меня нет никакой возможности сделать по-моему?

— Решительно никакой.

— И от наследства не могу отказаться?

Пашкет засмеялся.

— Единственный выход для вас — это кончить

жизнь самоубийством. Тогда все наследство, как выморочное, перейдет в пользу казны...

— Ну, это... маком! — сказал Артюшка довольно безнадежно.

Пашкет как бы не расслышал этих слов. Он вышел в соседнюю комнату и немного погодя позвал туда Артюшку.

— Смотрите, — сказал он и открыл большим ключом несгораемый шкаф.

В шкафу стояли какие-то золотые столбики, каких Артюшка раньше никогда не видал.

— Что это?

— Золотые деньги.

Пашкет ударил по одному из столбиков, и тот распался на множество маленьких золотых кружков.

— Это соверены, английские деньги. А это американские доллары.

Артюшка взял несколько монет в руку.

— Ишь ты, тяжелые...

— Да, конечно. Ваш покойный дядя очень любил золото. Он собирай его всегда, когда представлялась возможность. Его война научила этому. Он говорил, что единственная вечная ценность — это золото в доме. Бумаги понижаются во время войны, заводы могут быть взорваны, а земли конфискованы. Золото в доме остается при своем хозяине, если даже дом сгорит.

— Это правильно! — сказал Артюшка. — И сейчас же прибавил: — Ну, что же мне делать, Роберт Робертович?

— Положитесь на меня, мой друг. Право, шесть лет пройдут очень скоро. За это время вы можете сделаться инженером любой специальности. У вас прекрасное дело на ходу, и на имуществе нет никаких

долгов. Мы назовем вашу фирму: «Арт Кроль, преемник К. Кроля». Ведь это звучит совсем не плохо. Затем в ближайшее же время вы сможете совершить путешествие, побывать в Берлине, Париже...

— И в Америке?

— Да, конечно, и в Америке.

— Хорошо, — сказал Артюшка, — я подумаю.

И он пошел по комнатам, кусая губы.

Он чувствовал, что, приехавши сюда, он попал в безвыходное, ужасное положение. Прямо какая-то петля затянулась вокруг шеи. Податься некуда. Бежать? Но какая польза от этого? Его наследство останется за ним, пока он жив. Что делать? Что делать?

Вдруг он вспомнил еще об одной вещи и быстрыми шагами пошел к Пашкету.

— До совершеннолетия я не имею права распоряжаться имуществом, Роберт Робертович, — сказал он тихо, — но вот что интересно: мог бы я выслать сегодня или завтра в Москву небольшую динамо на сто двадцать вольт? Или и это невозможно?

— О, я вам устрою это, дорогой господин Кроль! Ведь вы же миллионер, и все ваши маленькие прихоти всегда будут исполняться. Вам необходим мотор? Великолепно. Едемте сейчас же покупать его.

Артюшка благодарно посмотрел на Пашкета.

— Но мне нужен хороший мотор, Роберт Робертович.

— Какие могут быть разговоры? Через полчаса вы будете иметь лучший мотор в мире...

9. АРТЮШКА В РОЛИ ХОЗЯИНА

Артюшка и Пашкет в огромном сером автомобиле выехали в город. Здесь Пашкет проявил себя совершенно незаменимым человеком. С его помощью Артюшка приобрел красивый клетчатый костюм, состоящий из куртки и широких штанов. На ноги надел чулки и красные туфли, а на голову маленький синий берет с тесемочкой на макушке. Кроме того, незаметно они приобрели еще два костюма, и множество различных вещей, нужных и ненужных.

Пашкет, как бы невзначай, завел Артюшку и в парикмахерскую, где его остригли по моде: сзади очень коротко, под машинку, а спереди оставили клок волос. Завтракали они в каком-то великолепном ресторане, и на этот раз Пашкет угощал Артюшку и выбирал блюда. Когда после завтрака Артюшка захотел ехать на фабрику, Пашкет немедленно побежал звонить по телефону директору, чтоб он их ждал. Фабрика оказалась огромной. Целый ряд запыленных четырехэтажных корпусов мягко клокотал от работающих внутри станков. Здания жили. И хотя ничего нельзя было видеть сквозь грязные окна, по дрожи стен чувствовалось, что тысячи людей и машин напрягают здесь свои усилия, чтоб создать товар. Автомобиль въехал во двор и остановился перед конторой.

На высоком крыльце Артюшку встретил директор Оберталлер, важный человек, с мягкими, блестящими руками. Он сказал небольшую речь о том, что рад наконец видеть хозяина на фабрике, так как дело без хозяина все равно, что человеческий организм без головы. Потом директор провел Артюшку в кабинет, где собрались инженеры фабрики, по крайней мере, двадцать человек.

Инженеры были старые и молодые. Они выстроились в ряд, как солдаты, и когда вошел Артюшка, дружно поклонились. Директор Оберталлер сейчас же подал Артюшке мягкое кресло и попросил сесть. Артюшка уселся, и Оберталлер, начал торжественно представлять ему инженеров, одного за другим. При этом он называл фамилии и объяснял, кто каким цехом заведует.

Артюшка сидел в своем кресле красный и ничего не слушал. Ему было стыдно, что перед ним, учеником седьмой группы, стоят знающие пожилые люди и смотрят ему в рот. Только три дня назад слово «инженер» ему казалось почетным, и он мечтал о том, чтобы добиться этого звания. А теперь у него самого было двадцать пять человек инженеров, и он мог разогнать их или дать им прибавку, как захочется. Артюшке все это казалось очень странным и неудобным, но он потерпел до конца процедуру представления, а когда она окончилась, встал с места и заявил, что хочет говорить с рабочими.

Видимо, на инженеров это заявление произвело неважное впечатление. Они начали как-то растерянно улыбаться, и отошли в сторону. Но директор, не подал вида, что ему не понравилось требование Артюшки. Он наклонил с достоинством голову и отдал распоряжение, чтобы в его кабинет пришли представители всех цехов.

В контору начали собираться рабочие, в большинстве случаев пожилые, очень похожие на русских. Это были ткачи с серыми лицами, аппретурщики и красильщики с разноцветными руками. Вероятно, им было уже известно, что новый хозяин приехал из СССР, и от него можно ждать добра. Рабочие входили в кабинет директора весело и с интересом рассматривали Артюшку. Когда рабочих набралось человек сорок, директор тихо шепнул Артюшке, что пришли все.

— Товарищи! — сказал Артюшка дрогнувшим голосом.

Воцарилась полная тишина, такая тишина, что Артюшка слышал, как урчало в животе у рабочего в первом ряду.

— Товарищи, — повторил он, — все ли вы понимаете по-русски?

Никто ничего не ответил. Но директор опять на ухо Артюшке разъяснил, что старые рабочие понимают по-русски, а молодые — нет, и что он с удовольствием будет переводить.

Артюшка почувствовал себя тверже. У него даже появился какой-то задор. Рабочие смотрели на него прямо и доверчиво, и ему захотелось вдруг вскочить на стол и закричать:

— Ребята, бей директора, он сволочь...

Но он понял, что таких вещей кричать нельзя. Уж если кого бить, так не директора, а хозяина фабрики. Ведь сегодня утром он пил и ел за счет рабочих и на их автомобиле приехал на фабрику. Лучше уж пока ничего не говорить о битье.

Артюшка кашлянул и заговорил спокойно и громко:

— Товарищи, вы все, вероятно, уже знаете, что я получил эту фабрику в наследство от моего дяди. Я приехал из СССР. У нас, в Советском Союзе, считается преступлением эксплуатировать человеческий, труд в пользу отдельных лиц. Сегодня утром я хотел передать всю фабрику вам в собственность, но мне разъяснили, что до совершеннолетия я не имею права этого сделать. Я хотел уехать обратно в СССР, но от этого вам лучше бы не стало, так как в управление фабрикой вступил бы опекунский совет. И вот я решил остаться здесь и сделать все возможное, чтобы вам было лучше. А когда вырасту, вы получите фабрику. Есть у вас сейчас какие-нибудь заявления?

Очевидно, директор подобрал нарочно спокойных рабочих. Заявлений было сделано немного, и все они были несущественны. Рабочие говорили о мелких

ремонтах, о желании получать мыло, о добавочных лампочках в цехах. Никто и не заикнулся о повышении зарплаты.

Все заявления Артюшка записал себе в книжку. И по каждому из них директор дал объяснения, что все это уже намечено сделать в ближайшее время. Однако Артюшка чувствовал, что дело не в добавочных лампочках и что, наверное, у рабочих есть желания посерьезнее. Он задумчиво посмотрел в окно и вдруг, как бы невзначай, спросил:

— А есть среди вас коммунисты?

Оказалось, что коммунистов нет.

— А на фабрике коммунисты есть? — допытывался Артюшка.

Рабочие начали смущенно переглядываться, и Артюшка сейчас же понял, что толковать о коммунистах при директоре и инженерах неудобно. Он не стал дальше говорить на эту тему и заявил, что в ближайшие же дни приедет еще раз на фабрику и соберет на дворе общее собрание рабочих. После этого все начали выходить из конторы.

А директор повел Артюшку к себе на квартиру обедать, познакомил его со своей женой и начал длинный разговор о тех мероприятиях, которые необходимо провести на фабрике. Пашкет, который тоже обедал, двигал своей бородой-мечом и во всем поддерживал директора. Артюшка ничего не понимал в этих разговорах, но делал вид, что понимает все.

После обеда директор повел Артюшку в музей фабрики и показал ему продукцию, которую вырабатывала фирма Кроль.

Артюшка увидел в музее шелковые ткани — одни невероятно ярких цветов, другие — блеклые, как туман. Ткани пестрые, полосатые и клетчатые, со

странными названиями, под номерами и литерами. Отдельно в витрине звездой были расположены шелковые чулки разных цветов, кашне и дамское белье. Все это было очень красиво, но дорого. Из всех материй Артюшка понравился только ярко-красный атлас, который хорошо было бы порезать на знамена.

Около семи часов вечера Пашкет сказал Артюшке, что если он хочет попасть в театр, то надо ехать. Директор проводил их до автомобиля, и они понеслись по улицам предместья к огромному городу, в котором зажигались уже огни.

А затем полетели быстрые, короткие деньки, и Артюшка уже не принадлежал самому себе. Каждое утро появлялся Пашкет с книжкой в руках и зачитывал полный порядок дня, который нельзя было изменять. Артюшка знакомился и разговаривал с разными лицами, которые оказывались опекунами, нотариусами, служащими фирмы. Он прочитывал много бумаг и смет, занимался языком. К нему приходили портные и снимали с него мерки для новой одежды. Несколько раз он и Пашкет ездили в автомобиле смотреть пустоши, принадлежащие фирме.

Артюшка так и не послал динамо ребятам. Впрочем, в этом винить его нельзя. Через несколько дней после его приезда, из Москвы пришла открытка:

Артюшка, возвращайся немедленно. Машина найдена. Петька и Пьжов излазили все окрестности и при помощи ребят обнаружили динамку у одного кустаря в сарае. Открытие станции на той неделе в четверг. Обязательно постарайся быть. Почему не пишешь, как дела?

За всех А. Спасибин

Письмо это не произвело на Артюшку никакого впечатления, как и несколько писем от Александры Павловны. Он был слишком занят своими новыми делами. Интересы у него были уже другие.

Дел на каждый день оказывалось так много, что он не удосужился даже съездить второй раз на фабрику, поговорить с рабочими. Он не знал и о том, что группа рабочих прислала ему письмо, в котором было написано много интересного. Письмо это вместо него прочел Пашкет, но рассказывать о нем Артюшке не стал.

Он не хотел расстраивать молодого хозяина.

10. КРОЛЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

Опекунский совет, который составил при участии Пашкета, высказался категорически против поездки Артюшки в СССР. Но тот же совет не нашел никаких возражений против его путешествия вокруг света.

Артюшка к этому времени уже успел войти во вкус новой жизни. Идея кругосветного путешествия ему понравилась. Пашкет подыскал ему в спутники молодого и способного инженера Цезаря Роммера, хорошо знающего языки. Роммеру было поручено сопровождать Кроля в поездке, показывать ему все интересное, вести денежные расчеты. В самый разгар лета они выехали в Германию, где пробыли недолго. В Гамбурге они сели на пароход американской линии и через пять дней прибыли в Нью-Йорк. После двухнедельного пребывания в этом городе Артюшка написал товарищам письмо, что не намерен возвращаться в СССР, и пригласил их всех к себе. Нельзя сказать, чтоб его особенно интересовал вопрос, ответят ли ребята на его приглашение. Инженер Роммер получил от опекунского совета инструкции не только развлекать молодого Кроля, но и знакомить его со всеми достижениями техники и области шелкового дела. Еще в Германии они начали посещать шелковые мануфактуры, а в Америке проводили на текстильных фабриках целые дни.

Роммер по своей инициативе вел особый журнал, в который записывал все полезные достижения американцев, и, в конце концов, сумел заинтересовать Артюшку в шелке. Сам Роммер был очень умный и восторженный человек, которому не хватало средств, чтобы осуществить все свои фантазии. Богатый и неопытный Артюшка был для него лучшим собеседни-

ком. В свободное время Роммер развешивал перед ним целые картины американской постановки шелкового дела. Он доказывал, что можно поднять продукцию фирмы Кроль на такую высоту, что Франция и Италия со своими шелками будут только краснеть. Все дело, по его мнению, заключалось в хорошем сырье. И он советовал Кролю использовать принадлежащие фирме пустоши под плантации тутовых деревьев, которые дали бы возможность организовать собственное производство грежи более совершенной и дешевой.

— Шелковое дело — самое верное в мире, — говорил Роммер. — Всегда будут богатые люди на земле, а разве можно представить себе богатого человека в галстук из искусственного шелка? Шелковая ткань ласкает тело, и через нее весь мир кажется мягким и веселым. Производство шелка — древнее производство, и оно умрет только вместе с человечеством. Верьте мне, если взяться за это дело как следует, можно в будущем организовать огромный картель, который объединит Европу. Мы будем диктовать цены всему миру, потому что Америка и Япония никогда не смогут дать ничего интересного. Для этого они слишком грубы.

Он говорил с Кролем о шелке постоянно, но с таким искусством, что никогда не надоедал ему. Для изучения вопроса о выводке червей Роммер посоветовал Кролю съездить в Японию. Они телеграфировали в опекунский совет, прося разрешения на эту поездку, и получили согласие.

Япония очень понравилась Артюшке.

Они посещали там рощи тутовых деревьев, где дикие шелкопряды размножались прямо на ветках, под открытым небом. Бабочки не разлетались из этих рощ, крылья их были слишком малы. Каждый день

японки с корзинами, подставляя к деревьям бамбуковые лестницы, собирали коконы, как сливы. Здесь грежа (*шелк-сырец – прим.ред.*) обходилась дешево, но она не была достаточно хороша.

Роммер и Кроль посетили также несколько образцовых червоводен. Там в легких зданиях, сделанных из бумаги, урожай коконов получался несколько раз в лето. Они рассматривали коконы самых различных пород, красные и зеленые и бланжовые, под названием Матамукаши.

Они познакомились с производством грены, сидели в папильонажах и смотрели в микроскопы на превращенных в жидкость бабочек.

Кажется, не было такого уголка в шелковом деле, которого они не обследовали бы во время своего путешествия.

Все это привело к тому, что Кроль серьезно заинтересовался шелком.

11. КРОЛЬ ДЕЛАЕТСЯ НАСТОЯЩИМ ФАБРИКАНТОМ

Вернувшись почти через полгода домой, Арт Кроль поразил директора и Пашкета знанием дела и широкими планами. Он был весь во власти идеи — сделаться знаменитым шелковым фабрикантом, своего рода Фордом от текстиля.

Правда, его поджидала маленькая неприятность дома: письмо от ребят. Но теперь послание товарищей не слишком смутило его. Ударная группа техстанции представлялась ему сборищем смешных дикарей, которые с серьезным видом играют в электрификацию на маленькой речонке, которые ничего не видали на своем веку и страшно важничают. Все, что увлекало его когда-то в СССР, казалось ему теперь несущественной мелочью, странной ошибкой, самообманом. Настоящее дело происходило здесь, где был он, на его фабрике. Мысль о создании грандиозного шелкового комбината увлекла его, заставила забыть все остальное.

С помощью фантазера Роммера, который был приглашен на службу фирмой, он разработал пятилетку своей деятельности. По этому плану предполагалось уже на четвертый год снабдить производство своим сырьем, доведя его до возможного совершенства.

Опекунский совет не возражал против этих планов, и Арт Кроль принялся за работу. При нем безотлучно находился инженер Роммер, по-прежнему веселый, готовый высыпать на стол сотни планов и идей.

Огромные поля вереска, принадлежавшие фирме, были подняты тракторами, удобрены и разбиты под плантации. Молодые саженцы шелковицы, с ли-

стями, похожими на сердца, выстроились правильными рядами, готовые служить фирме Кроль. По этим бесконечным полям были разбросаны червоводни, напоминающие японские.

Большая гренажная станция начала работу; на лучшей грене, выписанной из Японии и Италии. Миллионы короткокрылых бабочек, покрытых пушком, выползали из коконов и умирали через неделю в маленьких бумажных мешочках, распространяя запах сушеных грибов. Перед своей смертью они откладывали яички.

После того как трупы бабочек исследовались под микроскопом, яички смешивались и отправлялись в холодильник. Весной от действия тепла и света грена оживала, — червяки выползали из яичек.

Они размещались на этажерках в червоводнях, и сотни работниц дни и ночи носили в корзинах листья тутовника. Черви поедали листья целыми тоннами и потом расплачивались за корм — километром шелковой нити каждый.

То, чего не удавалось сделать шелководам Франции, удалось фирме Кроль. Было налажено крупное червоводное дело, с непрерывной выкормкой червей. Теперь фирма не покупала коконов у крестьян мелкими партиями. Производство было обеспечено собственным первосортным сырьем, более дешевым, чем рыночное. Сырье было превосходно, и лучшие фирмы страны добивались возможности приобрести грежу Кроля. Кроль охотно продавал сырье на сторону. Его фабрика уже не могла поглотить всего урожая коконов.

Годы шли, и Кроль все больше и больше заинтересовывался шелковым делом. Он читал массу книг и

часто выезжал во Францию и Италию, чтобы не отставать от тамошних фабрикантов. Он уже давно понял, что богатому человеку вовсе не надо быть инженером. За него могут учиться другие. Его дело только командовать.

У Арта Кроля была еще одна слабость, кроме шелка. Он копил золото, продолжая дело своего покойного дяди. На все свободные деньги он скупал золотую монету и запирали ее в свой шкаф. Он знал, что это мертвый капитал, гиря на его оборотных средствах, но это его не смущало. Какие-то мысли заставляли его мириться с потерями на процентах. Однако эту свою слабость Кроль скрывал.

Меньше всего он теперь интересовался рабочим вопросом на фабрике. Все казалось ему благополучным в этом отношении. Он усвоил вполне взгляд директора Оберталлера: рабочие фирмы Кроль обеспечены не хуже, чем на других фабриках.

Фирма Кроля преуспевала на рынках Европы. Кроль сделался настоящим хозяином, Кролем-Счастливецем, как называли его за глаза. Пашкет и Оберталлер уже боялись его, и он не стеснялся иногда высказать свое недовольство и тем, и другим. Но Пашкета он любил и часто шутил с ним.

Как-то после одной очень удачной запродажи шелка в Англию Пашкет напомнил Кролю их первый разговор и планы передать фабрику рабочим.

Арт Кроль нисколько не смутился.

— Я многого не понимал тогда, — сказал он весело. — Рабочие развалили бы дело, а я отдал шелковым тряпкам всю свою жизнь. Теперь наш шелк уже знают в Европе. А подождите три года, и весь мир будет уважать продукцию фирмы Кроль. Вы думаете, я шучу? Нисколько! На будущий год по моей пятилетке

я думаю отправить пробную партию черного шелка в Америку. Посмотрим, что скажут американцы!

Но послать черный шелк в Америку Кролю не удалось. Его великолепное производство, стоящее так крепко на земле, вдруг покачнулось. Да покачнулось так, что он принужден был вспомнить людей, которых давно позабыл: смешных чудаков, своих прежних товарищей.

Не надо думать, что кто-нибудь из них стал на его дороге. Ничего похожего не было. Но дело, за которое они боролись, принесло свои плоды, и Кроль очень болезненно ощутил это.

По-прежнему он не знал, что делают ребята и как обстоят их дела. Ни про одного из них он не слышал ни хорошего, ни дурного. Но он чувствовал, что это они подкапываются под него, под его шелк, под его благосостояние.

СССР зловещей громадиной поднялся на востоке Европы.

12. ЧТО ЖЕ БЫЛО В ЕВРОПЕ

Был ли Арт Кроль на самом деле счастливым? Скорее всего, нет. Смешно сказать, но он никак не мог позабыть политграмоты, которую изучал когда-то в Советском Союзе.

Его новые товарищи, промышленники и дельцы, продолжали думать, что капитализм — это хорошая лошадка, которая вывезет еще много поколений фабрикантов и финансистов.

Но Арт Кроль не верил в это.

Страшная безработица терзала мир. Тридцать, сорок миллионов безработных теперь считалось за норму. Капиталисты и их профессора уже давно научно оправдали это явление и перестали бояться его.

Может быть, и на самом деле ничего ненормального для капиталистического строя в этой безработице не было. Но безработные глубоко сочувствовали коммунистам, видя в них единственных защитников рабочего класса. Мало того. На почве голода, эксплуатации и жестокостей организовывался и креп пролетариат колоний. Стихийные раскаты грома с востока теперь все более и более напоминали дружные залпы из орудий.

Правда, под напором фашизма коммунизм всюду был объявлен вне закона. Но это не мешало ему существовать и развиваться. Конгрессы Коминтерна собирались по-прежнему в Москве, и резолюции конгрессов из года в год предвещали мировую революцию.

Во всем мире, может быть, только один капиталист верил в эту истину. И этот капиталист был Арт Кроль.

Он считал себя приговоренным к смерти. Его утешала только одна мысль: «Сроки мировой революции никому не ведомы. Может быть, я успею прожить жизнь».

— Посмотрите на Америку, — легкомысленно говорил ему Роммер, — там капитализм чистой воды. Но ведь он не перестает развиваться. Значит, и мы можем жить, как они.

Так думали многие.

Европа не сводила своих старых глаз с заокеанского материка: Америка действительно все бежала вперед и ставила новые рекорды.

На одного человека, считая и грудных младенцев, там приходилось теперь по сто ведер воды в день и по три апельсина. В среднем американец потреблял в год в пять раз больше, чем европеец. С прежней энергией американцы продолжали лить металл и фабриковать множество вещей, которые поражали своим количеством, величиной и невысоким качеством. Правда, эти вещи иногда залеживались на складах, и тысячи фирм разорялись на этом. Но другие обогащались, и легенда об американском благополучии не сходила с языков. Фордизм делал невероятные успехи. Все чаще и чаще на заводах применялись аппараты, автоматически действующие у конвейера. Конечно, это увеличивало безработицу. Но янки нашли свое средство бороться с этим неприятным явлением: они не учитывали безработных.

Европа во всем старалась подражать Америке, и это почти что удавалось ей, за одним исключением: она платила бешеные деньги американцам, а они ей — нет. Каждый год огромные суммы переправлялись через океан в западном направлении. Это были платежи по займам, за патенты, машины, хлеб. Американские

туристы вывозили с собой прекрасные картины старых мастеров, мебель эпохи Возрождения, а иногда даже целые дворцы в разобранном виде. Понемногу Европа нищала.

Но все-таки европейцы не хотели сдаваться и считать Америку своим хозяином. Они дружно перекладывали все свои убытки на плечи Германии. Годы шли, но Франция и Англия никак не могли забыть, что когда-то в мировой войне немцы потерпели поражение. Немецкие рабочие везли на себе всю Европу. Им приходилось туго. И немудрено, что компартия Германии являлась одной из самых мощных в мире.

Все это знал, понимал и учитывал Арт Кроль, особенно когда рассматривал в шкафу свое золото. Его золотой запас был велик, и в нем он видел свою страховку от войны и революции. Но пока революции не было, войны — тоже. Капитализм скрипел по всем швам, временами бился, как в ознобе, но все-таки приспособлялся ко всем новым неприятностям. Нации находили еще возможным уступать друг другу, и этому были свои причины.

Невероятный прогресс в химии сделал войны настолько страшными, что политики всех стран напрягали свои усилия, чтобы хоть как-нибудь обойтись без этого международного бедствия.

Правда, в каждой стране, на случай налета аэропланов с бомбами, были составлены подробные планы выселения граждан из городов в деревни. В каждой спальне самый усовершенствованный противогаз висел на гвозде, и даже дамские сумочки выделялись теперь с отделениями для изящного противогазика. Но никто серьезно не верил в эти выселения, противогазы, убежища. Всем было известно, что генеральные штабы крупнейших государств имеют вполне

реальные планы истребления всех вражеских народов. Об этом иногда газеты писали в отделе «Смесь» мелким шрифтом. Буржуазные философы доказывали, что это соответствует природе вещей. И можно было себе представить, что немедленно после объявления войны население воюющих стран разбежится от отчаяния или устроит кровопролитнейшую революцию против своего правительства. Людям все равно нечего было терять.

13. А КАК ЖЕ СССР?

Как это ни странно, Арт Кроль не получал советских газет в первые годы своей промышленной деятельности. Он боялся, что сведения с родины наведут его на грустные размышления, вызовут сентиментальные воспоминания, подорвут его энергию. Он черпал свою информацию об СССР только из европейских газет.

Здесь Советскому Союзу, по-прежнему уделялось достаточно места, особенно временами, и по-прежнему место это использовалось главным образом на ругань и клевету. Только иногда, чаще всего к новому году, в солидных экономических журналах появлялись статьи более объективного содержания.

В этих статьях авторы констатировали обычно, что хозяйство СССР безусловно растет. Выпуск чугуна и добыча угля догнали уже наиболее передовые страны. Но сейчас же приводились соображения, что это ровно еще ничего не значит. Количество выплавленного чугуна, например, делилось на число квадратных километров территории Союза, и с получившейся маленькой цифрой автор проделывал чудеса, сравнивая ее с данными по Бельгии. То же самое делалось с протяженностью железнодорожной сети. Временами обращали внимание на слабое распространение автомобилей, опять-таки сравнительно с территорией. Указывалось на незначительную выработку предметов роскоши, граммофонов, электрических утюгов, ванн. Английские газеты иногда печатали иронические справки о слабом развитии в СССР некоторых видов спорта.

По временам газеты, ухватившись за какую-нибудь мелочь, начинали дикую травлю СССР, отдавая

на это все свои первые страницы. Такие кампании начинались и кончались, как приливы океана. В воздухе как будто даже пахло войной, но затем запах этот рассеивался. Знающие люди понимали, что газеты наживались на таких кампаниях, и придавали не слишком большое значение истерическому тону передовиц и грозным заголовкам.

Помимо прессы, у Европы был еще один, более достоверный источник сведений о Советском Союзе. Это его внешняя торговля. И хотя широкие слои населения Европы не слишком интересовались статистикой экспорта и импорта Союза, Арт Кроль при каждом удобном случае проглядывал справки о грузах, идущих в СССР и обратно.

В начале тридцатых годов текущего столетия вывоз СССР по западной границе был невелик, хотя очень разнообразен. Советский Союз вывозил лес, нефть, рожь, лен, масло, черную икру, соболей, бараны кишки, сморчки, яблоки, утиль, изумруды. Обрат-но шли по преимуществу машины и некоторые виды промышленного сырья: хлопок, шерсть, каучук, бобы какао, цветные металлы.

Во всяком случае, ничего угрожающего в торговле СССР не было. Характер, экспорта оставался колониальным, примерно таким же, как при царе. Крики о демпинге не имели под собой почвы. И в широкой публике Европы прежним оставалось представление о России: европейская культура кончается в Польше, а дальше идет непроходимый дремучий лес.

Это представление начало изменяться в начале второй пятилетки.

Именно: дремучий советский лес двинулся на Запад.

14. ПОЛОЖЕНИЕ НА ЛЕСНОМ РЫНКЕ

Да, в начале второй пятилетки советский лес совершенно заполнил мировой рынок! Ни Польша, ни Норвегия, ни Финляндия не могли уже угнаться теперь за своим восточным конкурентом.

Советские ели, сосны и пихты в разных видах проникли не только в Европу, но и в остальные части света. Вывоз леса из СССР покрывал теперь более девяноста процентов мировой торговли лесом.

Скромная советская ель переплывала через океан и предоставляла свою древесину под ящики в Аргентине и Бразилии. Из нее же фабриковала бумагу вся Европа. Из советского дуба во Франции делались бочки под шампанское. Спички из советской соломки зажигала Индия, Япония, Австралия. В центральной Африке туземцы строили свои домики из советской фанеры. На китайских фабриках можно было встретить челноки из кавказского самшита. Советские липовые игрушки пользовались огромной популярностью в Американских Соединенных Штатах.

Лес шел густо с востока, шел непрерывным потоком и бил своих конкурентов не только высоким качеством, но и низкой ценой. Кроме того, это был не простой, круглый лес, как в старые годы, а лес обработанный, переработанный, имеющий уже определенное назначение.

Надо сказать прямо, наступление советского леса никого не удивило в Европе. Это можно было давно предвидеть: лесная площадь Союза превышала полмиллиарда гектаров. Кроме того экспорт леса всегда считался наивыгоднейшим.

Многие страны Европы даже обрадовались такому нашествию советских деревьев. Европа жалела

свои леса, да и Америка тоже. Протестовали только прежние торговцы лесом. Но Норвегия и Финляндия сейчас же начали переводить свою лесную промышленность на производство целлюлозы. До поры, до времени это спасало положение.

Вторжение советского леса не затронуло интересов широких масс в Европе. Лопнуло только несколько лесоторгующих фирм. Советский экспорт никого еще не ударил больно по голове.

Впрочем, такое положение длилось только до середины второй пятилетки.

15. СОВЕТСКИЙ ХЛЕБ ПОШЕЛ

Летом того года торгпреды СССР в различных странах мира объявили через биржи и газеты, что СССР предлагает к продаже все сорта зернового хлеба в неограниченном количестве. Образцы хлеба предлагалось осматривать в торговых залах торгпредств. Здесь же хлеботорговцы могли узнать и советские цены на хлеб, которые были примерно на тридцать процентов ниже мировых.

Нью-йоркская, а затем все остальные биржи ответили на это предложение падением цен не только на рожь и пшеницу, но и на целый ряд процентных бумаг. Количество биржевых самоубийств моментально увеличилось на сто процентов. В Америке наметился небывалый за все время ее существования кризис с зерном. Оно и понятно: цены на хлеб в то время были доведены до минимума, и фермеры не имели возможности сбросить даже цента на бушель.

Несколько американских хлебных фирм пресебно заявили, что они предполагают кормить Соединенные Штаты в этом году советским хлебом.

— Выгоднее, — сказал репортерам один из хлеботорговцев в Чикаго, — перебросить зерно через океан, чем удовлетворять ненасытные аппетиты фермеров. Безработного тоннажа у нас более чем достаточно.

Может быть, хлеботорговец только пугал, он просто хотел сбить цены на хлеб. Но сотни газет подхватили интервью и завели старую песню о демпинге. Крупнейшие производители хлеба заявили, что при таких условиях они отказываются вести хозяйство.

Вслед за зерновым кризисом, наметился земельный, транспортный, товарный.

«Советы плохо шутят, — писали в «Нью-Йорк Таймс». — Может быть, даже они торгуют без убытка, но дело определенно пахнет скандалом».

Англичане, наоборот, были скорее рады падению цен на хлеб. Это обессиливало Соединенные Штаты и давало возможность обеспечить дешевой пищей рабочих, не нажимая на доминионы. В «Дейли Геральд» писали, что собственно такое снижение цен на хлеб было давно предсказано газетой:

«Избыток удобрений и машин всех систем рядом с дешевой оплатой труда в СССР и укрупнением хозяйств сделали то, что и надо было ожидать: дешевое производство хлеба. Конечно, Америка на своих карликовых фермерских хозяйствах не способна сделать ничего подобного. Да и на крупных хозяйствах тоже. Ведь в СССР нет помещиков и земельной ренты, и весь мир теперь имеет на этом барыш».

Одна сочувствующая коммунистам немецкая газета объясняла вопрос так:

«Американцы придумали рационализацию и фордизм, чтобы удешевить производство. И мы подражаем им. Советы пошли дальше и придумали социализм, который оказался выгоднее американского фордизма. Как жаль, что мы не можем подражать Советам».

О советском хлебе заговорили в Европе не только на биржах и складах, но и в гостиных, в театрах, на пляжах. Именно в том году Арт Кроль решил, что не может оставаться больше в неведении. Он подписался на советские газеты.

Первый же номер «Известий», который он получил, просто и кратко объяснил положение с хлебом.

«Колхоз победил ферму» — так была озаглавлена передовица в «Известиях».

(Шрифт был латинизирован, и заглавие выглядело так:

Kolhos pobedl fermu.)

И тут же на первой странице в правом углу, была помещена карикатура Б. Ефимова: колхозница через океан протягивала калач дяде Сэму. Подпись под карикатурой гласила:

«Спасибо за выучку, дядя. Теперь ты отдохни».

Дешевый советский хлеб привел Европу в необыкновенное оживление. Вспоминали царские времена. Белогвардейские газеты источали слезы, напоминая, что ничто не ново под луной и от советской индустриализации пахнет потом мужика.

Но под луной было кое-что новое. Хлеб шел на этот раз из социалистической страны, которая имела свои планы и расчеты. За дешевым советским хлебом скрывались сюрпризы. Например, вдруг советская нефть начала исчезать с рынка. Правда, СССР выполнял аккуратно старые договоры, но новых не заключал. Возникла опасность, что множество двигателей внутреннего сгорания останется без горючего. Здесь не могли помочь даже американцы: они уже не торговали нефтью.

Французы и итальянцы, крупнейшие потребители советской нефти, почувствовали себя довольно скверно. В их газетах начали появляться пренебрежительные статьи по адресу СССР.

«Поставщики должны руководствоваться коммерческими выгодами, — писали в «Матен», — а СССР, сосредоточивший в своих руках огромные запасы товаров, ведет какую-то другую политику. Таких поставщиков надо подвергать бойкоту».

В ту же осень, в конце октября, в Одессу пришел из Бразилии пароход «Сан-Паулу». Все трюмы парохода, палуба и надпалубные помещения были загружены одним товаром: бананами. Желтые когти этих тропических плодов вонзились в перила мостиков, повисли на тросах кранов. Бананы были очень быстро сгружены и в течение недели распространились по кооперативам Союза. Советские дети сначала не знали, как их есть. Они не снимали кожи. Но это было только в первые дни. Съесть банан нетрудно, важно

иметь его. И скоро сладкое, розовое мясо бананов стало любимым детским лакомством. Банановые корки валялись по тротуарам, липли к подошвам, оставляли на асфальте сладкие пятна.

Все это Кроль прочел в небольшой статейке в «Известиях» — «Подарок детям к празднику Октябрьской революции».

16. ЧТО ТАКОЕ «КСАНТОГЕНАТ-Ц»?

Первоначально советский хлеб никак не задел Кроля. Падение цен на продовольствие он даже приветствовал. Это дало ему возможность несколько снизить заработную плату рабочим.

— Колхозы, так колхозы, — говорил он иронически, читая «Известия». — Старайтесь, ребятки, мы на вас заработаем...

Но скоро оказалось, что история с дешевым хлебом имеет и свои минусы.

Вследствие падения цен на хлеб в Европе уменьшилась покупательная способность сельского населения. Крестьянские дочки остались без шелковых лент той осенью, жены хлеботорговцев — без шелковых платьев. В результате всего этого затруднился сбыт шелка фирмы Арт Кроль. Порядочные партии товаров задержались на складах. Кроль рассчитывал распродать их зимой или весной. Но ни зима, ни весна не оправдали его надежд. Время уже не помогало Кролю. Прошел целый год, а положение с шелком все ухудшалось и ухудшалось. И наконец, наступил такой момент, когда шелковичные гусеницы фирмы Кроль, работавшие над созданием шелковой нити, оказались на положении почти безработных. Против натурального шелка пошел искусственный. И это было только дальнейшим развитием наступления советского леса.

Всем известно, что искусственный шелк изготавливается на фабриках без помощи гусениц и тутового листа. В основу его производства положена целлюлоза — обработанная клетчатка дерева. Более всего здесь пригодна обыкновенная ель. Она дает так называемый вискозный шелк.

Производство целлюлозы представляет собой довольно сложный процесс и обходится недешево. Еще сложнее приготовление нити искусственного шелка из целлюлозы. Достаточно сказать, что тонна вискозы в тридцатых годах текущего столетия была в десять раз дороже тонны хлопка.

Совершенствою своей лесной экспорт, СССР предложил нескольким фирмам Европы особый продукт переработки дерева — ксантогенат целлюлозы. «Ксантогенат-Ц», как его называли, был похож на застывший мед. Он укупоривался в металлические ящики и вполне выдерживал перевозку и хранение. Достаточно было растворить ксантогенат и пропустить его под большим давлением через золотую сеточку — фильеру, чтобы получить тончайшую блестящую нить. Одна такая фильера могла заменить миллионы гусениц шелковичной бабочки, так как работала без перерыва и давала сразу до сорока нитей. С появлением на рынке ксантогената стоимость искусственного шелка приблизилась к стоимости хлопка. И в этот момент вопрос о том, во что одеваться Европе, начал занимать не только портных, но и политиков.

Хлопок не растет в Европе, и главнейшими поставщиками его являются Америка и Египет. Молчаливая борьба между Америкой и Европой привела к тому, что европейские фабриканты охотно стали отказываться от покупки американского хлопка и переводили свои производства на искусственный шелк. К такой передвижке капиталов была и еще одна причина: потребители мануфактуры определенно оказались на стороне искусственного шелка.

Градусы блеска новой ткани затмевали блеск натурального шелка, прочность и легкость ставили ее вне конкуренции. Борьба между хлопчатобумажника-

ми и вискозниками была длительной. И напряжения она достигала необычайного. В каждой стране борьба эта заканчивалась в парламенте, так как была связана с таможенной политикой. Повысить пошлины на ксантогенат значило спасти хлопок.

Население боролось на стороне искусственного шелка. Чтобы попасть в парламент, кандидаты клялись перед избраниями погубить хлопок. И одна за другой страны переходили на новую ткань. Витрины магазинов горели золотом, серебром, сталью — оттенками, на которые не был способен хлопок. Простыни, носовые платки, даже палатки теперь приобрели способность блестеть под лучами солнца. Толпа на улицах переливалась всеми цветами радуги.

В конечном счете, борьба в Европе была выиграна вискозниками.

Только Англия, богатая хлопком, отгородилась от ксантогената. Она предложила выпускать миллионы ярдов блеклой хлопчатобумажной ткани и одевать в нее колониальные народы. На европейском же рынке оставался лишь один сорт легкой материи, который выдерживал конкуренцию с ксантошелком.

Это был натуральный шелк.

Да, как это ни странно, натуральный шелк все еще существовал и находил себе сбыт, хотя и в ограниченных размерах. Он был легче и эластичнее ксантошелка и значительно менее теплопроводен. Вот почему богатые люди предпочитали переплачивать лишнее за старую ткань, сделанную из паутины.

Но натуральный шелк не мог долго бороться с искусственным. Все его качества зависели главным образом оттого, что в середине нити, созданной гусеницей, помещается тончайший канал, содержащий в себе воздух. Нить же ксантошелка состояла из сплошного

вещества. Кроль строил все свое благополучие на этом воздушном канальчике, держался за него, как за каменную гору.

Но Кроль также хорошо знал, что лучшие химики Европы работают над разрешением задачи усовершенствования искусственного шелка. И действительно, почти одновременно в ряде лабораторий при заводах ксантошелка были открыты дешевые способы, позволяющие замкнуть в искусственную паутину немного воздуха.

О первом из этих открытий Кроль получил срочную телеграмму. Он пожал плечами, засвистел, подумал немного, а потом показал телеграмму Роммеру.

— Конец нашим тряпкам? — спросил он испытующе.

— Только через несколько лет, — ответил Роммер. — Еще долго по старой привычке будут покупать натуральный шелк.

— Да, но мне неинтересно заниматься производством, которое находится при последнем издыхании.

— Да нет, нет! Мы оба успеем умереть, а шелк все еще будет жить.

Но Роммер ошибся. Новый сорт ткани аэрошелк — начал быстро завоевывать рынок.

Кроль и Роммер возвращались в открытом автомобиле с фабрики, когда над их головами, на облаках появилась световая реклама:

Довольно одеваться в паутину!

Самая красивая, дешевая и удобная ткань

в мире — аэрошелк.

— Это ничего не значит, — засмеялся оптимист Роммер. — Пусть по этому поводу выскажется покупатель.

И покупатель скоро высказался.

Требования на натуральный шелк сначала упали на двадцать пять процентов, потом еще на столько же. Теперь его покупали только старушки, оригиналы в электротехнические фирмы.

Производство натурального шелка сделалось явно невыгодным.

Так подошел тот день, с которого начинается наш рассказ.

17. КРОЛЬ НЕ ХОЧЕТ СДАВАТЬСЯ

В своем деловом быту Кроль был поклонник рационализации.

Его большой письменный стол имел круглую форму и покоился на электромоторе. Нажимая ногой кнопку, Кроль мог повернуть стол вокруг оси, как маховое колесо. И это давало возможность, не вставая с места, пользоваться всем, что находилось на столе: книгами, таблицами, арифмометром, телефоном, диктофоном.

Кроль постоянно применял диктофон в своей деловой практике. С вечера он надиктовывал валик, два, три и на другой день посылал их в контору фирмы или на свою фабрику. Хозяйский голос звучал из трубки настойчиво и угрожающе. Распоряжения прослушивались два раза и выполнялись.

Но на этот раз Кроль изменил своему обыкновению. Он не послал валика с распоряжениями директору Оберталлеру. Дело было слишком важно, чтобы он мог доверить его машинке. Ведь как-никак он, Арт Кроль, потерпел первое поражение! Да, он принужден закрыть фабрику, которой отдал столько лет труда!

Сидя в автомобиле, Кроль напряженно думал о причине своего поражения и пришел к выводу, что сам он несколько не виноват в нем. Допотопное шелковое производство не могло существовать бесконечно. Техника бежит вперед. Это понятно.

Но Кроля бесило одно обстоятельство: в его разорении какую-то роль сыграл Советский Союз. Дешевое сырье, которым СССР завалил Европу, испортило все дело. Тут Кроль вспомнил и о письме ребят, которое попало ему под руку. Наверное, эти бестии сейчас

смеются над ним, радуются его беде! Нет, это пустяки, конечно. Они не имеют никакого представления о его интересах, о его теперешней жизни... Но все-таки неприятно.

Автомобиль остановился у конторы фабрики.

Кроля встретил растолстевший директор Оберталлер и поверенный фирмы Пашкет, борода которого превратилась от времени в серебряный меч. В кабинете директора собрались все старшие инженеры, коммерческие представители фирмы и работники финансовой части.

Положение с шелком было всем достаточно хорошо известно. Служащие фирмы смотрели испуганно на своего хозяина. За последнюю неделю четыре крупнейших магазина отказались принять шелковый товар, ссылаясь на отсутствие сбыта. Кроль открыл собрание и предложил высказаться всем.

Разумеется, служащие были заинтересованы в том, чтобы фирма продолжала существовать. И каждый считал своим долгом лишний раз доказать, что шелк еще постоит за себя, что скоро мода на аэрошелк кончится. Говорили, что надо только переждать, продержаться немного. В будущем еще возможны хорошие барыши.

Кроль выслушал все речи с величайшим вниманием. Он задавал множество вопросов, просил говорить детальней. Похоже было на то, что ораторы сумели убедить его.

Наконец высказались все.

Стены кабинета директора были обиты синим шелком старинной выработки. От действия света шелк только слегка поблек, но не утратил своего рисунка и благородной фактуры. Кроль обвел стены глазами, усмехнулся и просто сказал:

— Мне очень приятно, что вы так уверенно настроены, господа. Мы все любим эту прекрасную ткань и знаем ее качества. Но всякому овощу свое время. Шелк кончился, он отошел в архив истории вместе с одеждой из перьев, листьев, коры. Мое мнение просто и кратко: я решил закрыть фабрику.

Кроль улыбнулся и встал. Можно было подумать, что он шутит. Но он не шутил,

— Да, я решил закрыть фабрику! — продолжал он легко и весело. — И мой приказ такой: завтра объявить рабочим, что через две недели фабрика останавливается. Затем срочно учесть состояние всех запасов и представить мне справку. Дальнейшие распоряжения я буду присылать на валиках, по мере надобности. До свидания, господа. Едемте, Роммер!

Пашкет испуганно воскликнул:

— Но ведь надо думать, что фабрика закрывается на время?

— Нет, навсегда, — ответил Кроль. — Не забывайте, что теперь я совершеннолетний и могу делать все, что хочу...

И Кроль вместе с Роммером вышли из кабинета.

Автомобиль хозяина укатил со двора. Оберталлер вернулся в кабинет.

— Хозяин что-то придумал, — сказал он уверенно. — Так фабрик не закрывают...

— Безусловно.

И все заговорили сразу и заспорили о том, как объяснить такое быстрое решение вопроса.

— Роммер, — сказал Кроль в автомобиле, — вы, конечно, понимаете, что мы прогорели отчасти из-за еловой продукции СССР?

— Да, конечно.

— Так вот я вам предлагаю срочно представить мне доклад — каким образом я могу обогатиться за счет Советского Союза. Мне это не важно просто из самолюбия. Вы понимаете?

— Понимаю, — ответил Роммер серьезно. — В ближайшие же дни такой доклад будет вам представлен. Кое-что я уже имею в виду. Только где нам взять деньги?

— О деньгах позабочусь я.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЯН КОРЖЕК — НЕУДАЧНИК

1. РАСЧЕТ ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ

— Давай! — закричал Феликс Ланц с другой стороны опальной машины.

Ян Коржек повернул кран газовой горелки, и длинные язычки пламени вытянулись вверх. Машина загрохотала, и тонкая пелена шелка стремительно понеслась над огнем. Казалось, что языки пламени выливают и без того блестящую материю. Огонь отражался в шелке, обжигаемый ворс шипел с легким хрустом. Шелк летел над огнем с огромной быстротой.

Вдруг что-то произошло в моторе, который двигал машину: он замедлил ход, и машина сейчас же утратила свою быстроту. Ян не успел выключить газа, и пламя охватило кусок материи. Вмиг огонь разделился на две части. Одна улетела куда-то вверх, другая полыхала вниз, пожирая шелк. В воздухе запахло горящим сарицином.

Ян выключил газ и руками затушил горящий кусок. Такого огромного несчастья с ним не случилось никогда. Стоимость сгоревшего куска равнялась, по крайней мере, его трехмесячному заработку. Конечно, он не виноват, мотор остановился сам. Но кто ему поверит?

Он не мог думать больше ни о чем другом, как только о сгоревшем шелке. Но в это время странная тишина воцарилась во всем аппретурном цехе. Как будто все нарочно остановили свои машины, чтобы принять участие в несчастье Яна Коржека. Эта тишина отвлекла мысли Яна от его несчастья. Он огляделся и понял, что весь цех остановился. Десятки круглых

утюгов, аппретурных станков и колендров перестали работать. Рабочие у станков все еще не могли понять, в чем дело, и каждый осматривал свой мотор. Потом вдруг всем стало ясно, что прекратилась подача электрической энергии, и огромный зал наполнился рокотом голосов. Машины стояли неподвижно, как мертвые, а люди возле них волновались и кричали с удвоенной, утроенной энергией.

— В чем дело?

— Что за чёрт?

— Пожар, что ли?

— Электротехники забастовали! — звонко ответил всем мальчишка, подносчик к конвейеру.

— Почему забастовали?

— Расчет всем через две недели.

— А-а-а-а-а...

Теперь уже ничто больше не интересовало рабочих в цехе. Здесь нельзя было получить ответа ни на один вопрос. Люди обтирали руки о фартуки, сбрасывали в ведра аппрет со станков и, не сговариваясь, шли к выходной двери.

На фабричном дворе уже собрался летучий митинг. Видимо, все цехи прекратили работу.

Красильщики, забрызганные краской самых модных цветов, сушильщики с желтыми, как у персов, лицами, ткачихи в туфлях без каблуков, браковщицы с шелковой паутиной в волосах — все собрались на этом асфальтовом квадрате, чтобы поскорей узнать, какая еще беда стряслась над фабрикой. Толпа все подваливала. Уже в отдельных группах появились ораторы, и каждый из них по-своему пытался объяснить остановку фабрики. Им возражали и подсвистывали. Шум рос и переходил в крик. В это время на высоком крыльце конторы появился директор Оберталлер.

Высоким тенорком он крикнул:

— Внимание!

Все притихли и повернулись в сторону крыльца.

— Я удивляюсь, — закричал директор, — почему рабочие без причины покинули цехи и остановили производство!

— Хо-хо! — отвечали из толпы. — Ничего без причины не бывает. Закрывают фабрику, разве это не причина?

— Да, фабрику закрывают, — подтвердил директор вызывающе. — Но ведь мы не можем больше работать. Никто не хочет покупать шелка.

— Почему не хочет? Почему? Все покупали, а теперь не хотят...

— Совершенно верно, не хотят. Нас обошел искусственный шелк.

— Так что же вы раньше-то зевали?

Директор будто не слышал этого вопроса.

Он продолжал свою речь:

— Вискоза подешевела за последний год в восемь раз. Вы сами все одеваетесь в вискозу. И если вам нужно непременно знать, кто виновник наших несчастий, смотрите на восток.

И директор показал своей блестящей ручкой в сторону ткацкого цеха, который закрывал весь восток и полнеба. Все повернули голову в направлении руки, но никто не мог понять, о чем говорит директор.

— Я имею в виду СССР! — закричал директор раздраженно. — Это он наводнил нашу страну ксантогенатом. Он не знает, куда девать свои леса, и вот вы теперь благодарите его...

По толпе прошел ропот. Кто-то вздумал крикнуть:

— Долой искусственный шелк!

Но этого крика не поддержал никто. Все были одеты в белье, чулки и одежду из вискозы.

— Обратно по цехам, рабочие! — закричал директор током полководца. — Зачем увеличивать нам свою безработицу на две недели? Сегодня вас только предупреждают о расчете. Полмесяца вы будете еще прилично кушать. За сегодняшний прогул будет сделан вычет часового заработка. А если все станут к станкам немедленно, то получасового.

Что оставалось делать рабочим? Продолжать митинг? Но это стоило денег. Бастовать? Но забастовка теперь не испугала бы хозяина. Крича и размахивая руками, рабочие двинулись по цехам, к своим станкам. Через минуту ток был пущен, и все машины сразу заработали.

Еще до этого Ян Коржек и Феликс Ланц, не сговариваясь, направились к воротам. Им не хотелось возвращаться в цех, где на их станке остался кусок сгоревшей ткани. Вычет за этот кусок, конечно, значительно превзошел бы двухнедельный заработок.

2. ЯН КОРЖЕК – НЕУДАЧНИК

Яну Коржеку не везло с самого раннего детства. Можно было сказать вперед, что все дела, за которые он брался, будут проиграны. У его отца-крестьянина было пять человек детей, и он – Ян – самый нелюбимый. Один из всех пяти он не доучился в школе, и потом, когда началась его самостоятельная жизнь, он терпел неудачу за неудачей. Он вечно всюду опаздывал, и у него составилось убеждение, что он родился ровно на один день позже, чем следует.

Когда он приходил просить работу, ему обыкновенно говорили:

– Вчера была работа, сегодня нет. Вот если бы вы пришли вчера.

Когда он попадал к приятелю, тот сокрушенно кричал:

– Что ж ты не приходил вчера, Ян? У нас была хорошая выпивка.

И даже когда Ян призывался на военную службу, и все шансы были за то, что он не попадет, он все-таки попал. Оказалось, что до вчерашнего дня была добрая комиссия, которая всех браковала, а с сегодняшнего села такая, с которой невозможно было разговаривать.

Ян был забран в солдаты и сейчас же налетел на новую неудачу. Как крестьянин, он рассчитывал попасть в кавалерию, но он попал в пехоту, так как набор в кавалерию был прекращен накануне.

Не стоит перечислять все те штрафы, аресты и взыскания, которым Ян подвергался на военной службе. И здесь он опаздывал, где только возможно, опаздывал без вины, ровно на один день. Когда он по-

нял наконец, что один день играет решающую роль в его жизни, он попробовал бороться с этим: начал приходить всюду заранее. Но это не помогло. Ему продолжали говорить:

— Ах, если бы вы пришли вчера!

Тогда Ян решил, что с таким дьявольским невезением ничего поделаться нельзя. И он покорился своей участи.

И на фабрике Кроля, куда Ян каким-то чудом сумел устроиться, ему не везло до такой степени, что рядом с ним у машины поставили Феликса Ланца, заведомого коммуниста. А Ян боялся коммунистов, как огня. Он знал, что их часто арестовывают и сажают в тюрьму. Правда, он старался иметь с Феликсом как можно меньше дел, но все-таки чувствовал, что соседство с коммунистом для него добром не кончится.

Теперь они вместе вылетели с фабрики, и общность несчастья заставила Яна на время забыть свои страхи. Они незаметно проскользнули через контрольную будку, которая была пуста: контролер пошел узнавать новости о закрытии фабрики и оставил будку без надзора.

Оказавшись на улице, Феликс и Ян пошли в одну сторону.

Феликс сейчас же начал объяснять, почему, закрывается фабрика.

— Дело не в том, — говорил он, — что искусственный шелк взял верх над натуральным. Надо смотреть глубже. Капитализм сейчас переживает крах во всем мире.

Ян усмехнулся.

— Не понимаю я людей, которые хотят добратся до причины всех причин. Помню, у нас в школе учитель непременно хотел узнать, какой цвет больше

нравится лягушке — желтый или розовый. А по-моему это все равно, особенно, если человеку нечего есть.

— Нет, не все равно! — возразил Феликс. — Из краха капитализма надо сделать выводы. Надо национализировать промышленность, как в СССР.

Ян никогда не придерживался таких крайних убеждений. Он все еще не мог забыть, что на фабрике Кроля ему удалось получить место после демобилизации. Только здесь ему не сказали, что он опоздал на день. Поэтому он попытался заступиться за капитализм.

— Наверное, и в СССР тоже закрываются теперь шелковые фабрики.

— Да, но там рабочих отправляют на другие. А здесь Кроль выбрасывает нас на улицу, как только шелк подешевел на грош.

— Все гонятся за выгодой, товарищ, — сказал Ян примиряющим тоном. — Кроль кормил нас, пока это было возможно. Он не зверь, а человек.

— Не зверь, говоришь? — спросил Феликс злобно. — Вот погуляешь без работы, тогда меня вспомнишь. Кроль наживется на закрытии фабрики, а мы с тобой подохнем. Хозяева живут нашими печенками и потрохами.

Ян не любил разговаривать на мудреные темы. Живут ли хозяева печенками рабочих или еще чем-нибудь, — такие рассуждения он относил к области философии. Поэтому он перевел разговор на другую тему.

— Ты куда идешь-то? — спросил он Феликса.

— В профсоюз. А ты?

— А мне тут надо зайти к одному человеку, — ответил Ян уклончиво.

На углу они расстались.

«Одним человеком» Ян называл свою невесту Броню, которой он хотел в первую очередь сообщить новость о закрытии фабрики.

Броня работала в другом конце города на фабрике искусственного жемчуга. Познакомились и полюбили друг друга они давно, но пожениться не успели, так как, по мнению Брони, надо было до свадьбы собрать денег хотя бы на обстановку для комнаты. Пока что сбережений сделать не удавалось, и они жили в разных концах города.

Фабричка искусственного жемчуга, под названием «Версаль», помещалась в паршивом одноэтажном домишке на загрязненном дворе. Работало на фабрике три десятка работниц, которых хозяин эксплуатировал до последней степени.

Уже на дворе фабрики Ян ощутил сильный запах эфира, и это напомнило ему Броню, от которой тоже всегда пахло эфиром. В производстве жемчужного пата эфир играл самую важную роль, и это, конечно, сильно отзывалось на здоровье работниц. В частности, Броня все время ходила осовелая, или, наоборот, была возбуждена, как пьяная.

Ян подошел к окну, за которым работала Броня, и стукнул условным образом. Но Броня вышла не сразу, а минут через двадцать. Во время работы работницы не имели права отлучаться. Им предоставлялся отдых на пять минут только после каждого часа работы.

Ян терпеливо ждал Броню, гуляя по двору, усеянному рыбьей чешуей, из которой делались самые дорогие сорта жемчуга. Наконец Броня в своем сером фартуке выскочила на двор. Она по виду Яна поняла, что стряслось какое-то несчастье. Ян знал, что они могут разговаривать только пять минут. И он скороговоркой рассказал все, с начала и до конца.

Броня страшно побледнела, но предаваться отчаянию ей было некогда. Она быстро заговорила:

— Конечно, тебе необходимо сейчас же уехать из твоей комнатухи, иначе тебя там застукают. Перебери вещи пока в мою комнату. Вот ключ.

— Но меня не выпустит хозяин, Броня. Я ему задолжал за тот месяц.

— А ты оставь в комнате тюфяк. Возьми только белье и подушку. Какого цвета был шелк, который ты спалил?

— Экрю.

— Святая дева Мария, ты пропал, мой бедный Янек! Ну, ладно, иди скорей! Вечером увидимся.

Только сказавши это деловым тоном, Броня заплакала и жалостливо посмотрела на Яна.

— И до чего же тебе не везет, бедному! — сказала она ласково и потрогала Яна рукой с жемчужными ногтями.

Ногти у нее никогда не отмывались от пата и были похожи на крупные перлы.

Пять минут пролетели, и слышно уже было, как хозяин кричал в мастерской. Броня шмыгнула в дверь, а Ян побрел к себе на квартиру за вещами.

3. ЯН НАЧИНАЕТ КОЕ В ЧЕМ СОГЛАШАТЬСЯ С ФЕЛИКСОМ

О том, что у него в комнате засада, Ян узнал несколько поздно, именно в ту минуту, когда вошел к себе в комнату.

Вместе с Яном жили еще два рабочих, которых в данный момент налицо не было. Но сыщик, засевший в комнате, был, судя по всему, травленный волк и в вещах разбирался блестяще. Он приветствовал Яна возгласом:

— Ну, слава богу! Вас-то мне и нужно, гражданин Коржек.

Ян никогда не видал этого мордастого человека и очень удивился, когда тот назвал его по фамилии.

— В чем дело? — спросил он.

— Вы арестованы, дражайший, за ваши пакости...

Тут Ян понял все и не стал дальше расспрашивать.

Он машинально схватил с вешалки полотенце и бросился вон из комнаты. При этом успел захлопнуть дверь на английский замок и этим выгадал несколько секунд. Он скатился с лестницы с опасностью для жизни, а оказавшись на дворе, побежал не к улице, а в другую сторону. Перемахнул через забор на соседний двор и таким образом замел следы.

Но каково создалось положеньице!

Теперь уж нечего было и думать выносить вещи или искать новую работу. Надо было спасать шкуру. Ясно, что на фабрике его несчастье с шелком сочли за месть хозяину, за сознательную порчу товара. И все потому, конечно, что он стоял за одной машиной с

коммунистом, и что они исчезли вместе до окончания митинга.

Да, за три ближайших дня Ян основательно узнал, что значит, когда человеку действительно не везет. Вся его прежняя неудачливая жизнь казалась ему теперь счастливой, невозвратной порой, которую хотелось увидеть хоть во сне.

Новая собачья жизнь началась для Яна.

Отличительными чертами этой новой жизни были следующие ее особенности:

Яну негде было жить.

Яну нечего было есть.

Он не мог повидаться с Броней.

Он не представлял себе, что надо делать дальше.

О том, что Броня тоже взята под наблюдение, Ян узнал вечером того же дня от подружки Брони — Жози. Жозия была выставлена Броней у ворот в качестве пикета и предупредила Яна, чтобы тот и не думал подниматься к своей невесте. На лестнице дежурит сыщик с двумя собаками. Но Жозия тут же сообщила Яну, что Броня будет ждать его на другой день в десять часов вечера в загородном парке, недалеко от пруда, у большого бука.

Теперь Яну всюду чудились сыщики. По неопытности своей он полагал, что все сыскные силы государства брошены на его поиски. Он боялся углов, потому что сыщики любят как раз появляться из-за углов. Закрытые двери приводили его в содрогание. Раньше он не обращал никакого внимания на идущих людей, а теперь в каждом из них он видел скрытого сыщика. На ночь Ян ушел за город и переночевал там, на пустыре, в яме. Но рано утром, когда достаточно рассвело, он понял, что за городом его могут, скорее

всего, арестовать: он был слишком заметен на безлюдье. Он вернулся в город, и тут его опять взял страх, что вот-вот он нарвется на мордастого.

К вечеру начал мучить голод, так как денег хватило только на булочку. Ровно в десять часов Ян был у дерева в парке. Броня тоже пришла туда. Прежде всего, она заявила, что за ней следят и что ей стоило огромного труда прийти незаметно. Они вместе погребали немного, а потом Броня сказала:

— Знаешь, Янек, я тебе советую уйти из города недели на две. За это время, может быть, все забудется.

— Уйти — хорошо. Но куда?

— Иди к отцу, в деревню.

— А ведь верно! Только вот загвоздка: нужны деньги на билет. А я все проел. Может быть, ты мне достанешь немного?

Броня задумалась.

— У нас, в «Версале», есть еще две работницы, у которых я не занимала ни разу, — сказала она хитровато. — Попробую поговорить с ними. В крайнем случае, ты можешь пойти пешком.

— Конечно, могу. Только тогда на еду потребуются вдвое больше.

— Это-то верно...

Они расстались, и Ян остался ночевать в парке. Теперь в нем затеплилась надежда на деревню. Как будто наметился выход. Он думал, что проведет ночь спокойно, но не тут-то было. Сыщики снились ему всю ночь. Они наседали с разных сторон. И на этот раз сыщиками руководил хозяин фабрики — Кроль. У него в руках была длинная острая иголка, и этой иголкой он кольнул Яна в желудок.

Ян закричал, вскочил на ноги и пошел спать на другое место. Может быть, там кошмары покинут его. Но Кроль со своими сыщиками и иголкой появился и там. «Кроль действительно зверь, — к утру решил Ян. — Из-за куска шелка так травить человека, что даже во сне ему покоя нет! Должно быть, уж не такой дурак Феликс, когда говорил, что Кроль гадина».

Днем Ян пошел в город, чтобы посмотреть в окна гастрономических магазинов. Ему казалось, что вид колбас уменьшит его голод. Но до колбас он не добрался. Опять ему показалось, что на всех углах его поджидают сыщики. Он начал быстро ходить по переулкам, а вечером совершенно разбитый притащился в парк, к большому буку. Там он встретил подругу Брони — Жозю, которая сообщила, что Броня не придет. Но она прислала Яну немного денег.

Жозя дрожала всем телом, когда передавала эти деньги. Так она была запугана полицией.

— Броня настаивает, чтобы ты ушел завтра, чуть свет, — сказала она. — Сегодня ее вызывали к допросу и спрашивали, где ты. Она сказала, что исчез. Ищут также другого рабочего, Феликса Ланца.

— Понимаю, — сказал Ян. — Они подозревают нас в сообщничестве. Ты передай Броне, что я уйду сегодня же ночью и, может быть, останусь у отца на все лето. Я напишу ей письмо на почтамт до востребования.

4. ПРЕЛЕСТИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ

Сначала Ян шел весело. Было раннее утро, была весна, и после городских улиц поля и рощи развлекали его, как театр. Он давно уже отвык от запаха сырой земли, пения птиц, открытого горизонта. Все это радовало его.

Тополя всегда спешат подогнать весну, и их листки уже торчали кверху, как зеленые клешни раков. Остальные деревья украсились тоже редкими шариками почек. На все это нельзя было смотреть без улыбки, и Ян уже решил, что неудачи городской жизни остались у него за спиной и теперь он идет быстрыми шагами к своему детству. Но он ошибся. Проклятые мрачные мысли начали терзать его после того, как он съел весь хлеб, взятый на дорогу. А он съел его за один присест недалеко от города: слишком уж пришлось голодать последнее время. Он начал утешать себя, что в пути сумеет достать пропитания без денег. Но из этого ничего не вышло.

Вечером в каком-то поселке Ян ходил из дома в дом и предлагал за кусок хлеба обе свои руки на целый день. Но руки его никому не были нужны. Весной в деревне мало хлеба, а рабочего надо кормить хорошо. Ян скоро убедился, что на работу ему рассчитывать нечего и что, пожалуй, правильнее просить милостыню. Трудно было только начинать. Когда он дошел до конца деревни, у него образовался уже небольшой опыт по части попрошайничества. Но все же улов его был невелик. Он набрал в свою кепку только холодных картошек, которые и съел с кожурой, без соли в ближайших кустах.

В этих же кустах он решил переночевать. Укладываясь на сырую весеннюю землю, он думал только

об одном: как пойдут дела дальше. Пожалуй, и у отца сейчас мало хлеба, и вряд ли его ласково примут в родном доме после многолетнего отсутствия.

Так оно и случилось. Ян убедился в этом на другой день вечером, когда, наконец, он предстал перед родительским домом.

Белый домик под красной крышей и аист у трубы — все это напомнило ему старое время. Но остальное носило на себе печать новизны.

Его отец, старик с длинными, белыми усами, страшно кричал на мать в тот момент, когда Ян заглянул в окно. Ян на некоторое время задержался на пороге, чтобы узнать, из-за чего идет ссора между стариками. В его положении знать это было важно. И он не поверил своим ушам: отец упрекал мать за то, что русские устроили революцию. Мать Яна действительно была русская, но никакого участия в революции не принимала. Она вышла замуж за отца Яна еще до мировой войны. В доме мать и отец, и все дети постоянно говорили по-русски. Но никогда раньше Ян не слышал от отца обвинения матери в том, что она виновата в революции.

«Старик из ума выжил», — подумал Ян и шагнул через порог.

Крестьянские дома не меняются десятилетиями, и здесь все осталось, как прежде. Ян заметил только, что отцовская скрипка, которая всегда висела на стене в венке из зелени, исчезла куда-то.

— Зачем ты пришел? — спросил отец строго, увидевши Яна и даже не поздоровавшись с ним.

— Я без работы, — ответил Ян, как только мог, весело. — Думал, может быть, помогу вам по хозяйству этой весной.

— Нам твоя помощь не нужна, — сказал отец грубо, и усы его поднялись вверх, как фонтаны. — Разве ты не знаешь, что все мы в деревне разорены? Хлеб теперь не имеет никакой цены, а налоги растут. Об этом даже писали в газетах, что ж, ты не читаешь их разве? Не только мы голодаем, но и скот. Лошадь изгрызла кормушку, а корова валится с ног. Ведь травы-то еще нет.

— Я тоже хочу есть, — сказал Ян, обращаясь к матери просто, как говорил в детстве.

Но мать вместо того, чтобы немедленно выставить еду на стол, вопросительно посмотрела на отца.

— Дай ему поесть, — сказал отец и махнул рукой. — Но чтоб завтра его здесь не было.

Ян уселся за стол, а мать поставила перед ним хлеб, картофель и полкружки молока. Подавая соль, она тихо шепнула ему:

— Если бы ты вчера пришел, Янек! Вчера отец был гораздо добрее.

Ян злобно ухмыльнулся, а мать заплакала. Ян не стал успокаивать ее. Он был зол на всех. Он облил картошки в тарелке молоком и начал разминать их. Потом стал есть молча, и, к своему удивлению, увидел, что злость его не проходит вместе с голодом.

— Куда делась скрипка? — спросил он, когда отец вышел на минуту.

— Он продал ее еще перед Рождеством. Сказал, что теперь не время заниматься глупостями. Нам надо было починить печь.

Злость в Яне сменилась печалью. Он вздохнул и посмотрел на пустое место на стене. Он считал скрипку лучшей вещью в доме и часто вспоминал о ней в городе. В детстве, когда он был еще несмышленышем, ему очень хотелось сделаться скрипачом в оркестре. Потом

он бросил эту затею, хотя и умел играть немного по слуху. Теперь, когда в доме не было скрипки, он готов был верить, что действительно беда стряслась над его семьей.

Отец так и не сказал с Яном ни одного слова в этот вечер. У Яна, пока он ел, родилось желание не-медленно же после ужина уйти из дома. Но он очень устал за день, а после еды окончательно отупел.

— Я пойду спать, — сказал он, не обращаясь ни к кому, и поднялся по скрипучей лестнице на чердак, где всегда спал еще в юности.

Засыпая, он слышал, как неугомонный старик напустился на мать, обвиняя ее в приходе сына и рас-пущенности остальных детей. Он перечислил всех — двух братьев Яна и двух сестер, и о каждом нашел ска-зать что-нибудь дурное. Младший брат Мечик, кото-рый отбывал воинскую повинность, и тот заслужил несколько ругательств. Но Ян слышал, что больше все-го все-таки доставалось ему за то, что он весной, в го-лодную пору, явился домой с пустыми карманами.

Прислушиваясь к этим обидным словам, Ян за-снул, испытывая страстное желание никогда не про-сыпаться.

5. ГОРОД НЕ ВЫДАСТ

Ян проснулся на другой день рано от страшных криков отца, который, казалось, совсем не ложился спать. Крики были на ту же тему, но только в более грозном тоне.

У Яна была слабая надежда, что утром отец смягчится, но теперь эта надежда покинула его. Он спустился с чердака и, не прощаясь с родителями, вышел на улицу. Застегиваясь на ходу, он побрел тихими шагами в сторону города. Его никто не окликнул, пока он шел по деревенской улице, да он и не рассчитывал на это.

Ян шел назад пять дней и теперь просил милостыню в каждой деревне и у каждого встречного. Ему подавали немного, ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы не умереть с голода. Но с каждым днем его ноги передвигались все неохотней. Ян спал, где попало, в лесу, в кустах, и, чтобы сберечь силы, старался идти как можно медленней. И только на шестой день рано утром он подошел вплотную к городу.

Город, опять тот же город, набитый сыщиками, колбасами, собаками и безработными, преградил его путь. Он закрыл своей свинцовой пылью полнеба, топорщился своими трубами и башнями, злобно рывкал гудками авто. Ян решил войти в город сейчас, но показать Броне вечером, перехватить ее по дороге с фабрики. Пока же он будет бродить по переулкам и, может быть, найдет что-нибудь.

Он ходил долго, глядя себе под ноги, но нашел только несколько сигарных окурков, которые и опустил в карман, думая, что выкурит их на бульваре. Он знал, что курение немного утоляет голод.

Он выкурил одну сигару, и у него закружилась голова. Ему показалось, что от голода он может растянуться на тротуаре, его заберут, как пьяного, и в участке установят личность. Надо было съесть чего-нибудь хоть немного, чтобы продержаться до вечера. У перил сада он увидел клочок газетной бумаги, в которую, вероятно, раньше было завернуто сало или масло. Бумага была покрыта прозрачными пятнами и блестела. Ян поднял газету и понюхал ее. От сальных пятен пахло аппетитно, что и говорить, но типографская краска портила все впечатление. До чего жирно кладут ее в отделе объявлений! И кому это нужно?

Ян начал приглядываться к объявлениям и вдруг как-то бессмысленно всплеснул руками, взмахнул клочком газеты и бросился бежать.

Объявление, которое он прочел, извещало:

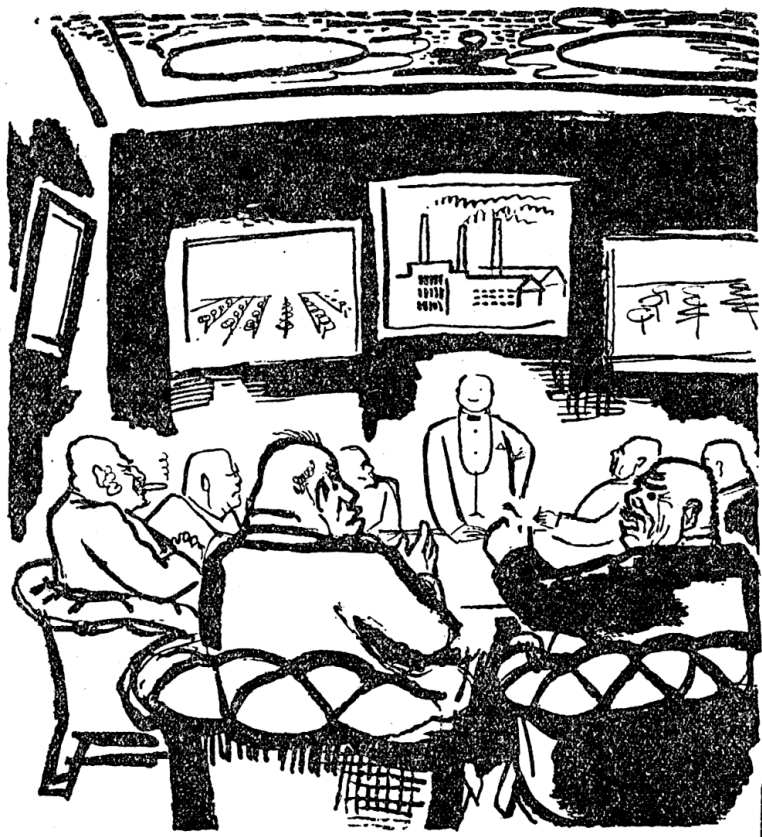
ОТ ТОРГПРЕДСТВА СССР

Вследствие недостатка рабочей силы в СССР безработные текстильщики и металлисты приглашаются работать в социалистической промышленности СССР на средних советских условиях. Запись в Торгпредстве ежедневно — от 9 до 3 часов дня.

Газета, конечно, была вчерашняя.

6. ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

Накануне закрытия своей фабрики Арт Кроль созвал секретное совещание крупнейших шелковых фабрикантов страны. Их было семь или восемь, и все они сидели за круглым столом в его кабинете. На столе в этот день стояли только графин с водой и коробка с папиросами. Кроль никогда не позволял себе излишеств в домашнем быту.

Первые полчаса совещания Кроль молчал и внимательно прислушивался к глупостям, которые выбалтывали фабриканты.

Толстый Шафдель, например, определенно стоял за немедленную войну с СССР. Он пространно развил свою мысль и закончил речь истерическим выкриком:

— Только в поле, с оружием в руках, мы можем решить, кто из нас имеет право на дальнейшее существование: мы или СССР.

Все готовы были уже согласиться с ним, но тут Кроль решил, что пора, пожалуй, выступить и ему.

— Этот номер не пройдет, — сказал он уверенно. — Нигде в мире право объявлять войну не принадлежит шелковым фабрикантам. Вдобавок, искусственный шелк разорил нас, но он обогатил группу других предпринимателей. Я думаю, что они очень довольны, что СССР истребляет свои леса и поставляет по умеренным ценам нам свой ксантогенат. И правительство на их стороне. Не забывайте, что искусственный шелк — это тот же порох, а из нашей продукции делали только мешки для пороха, и то в старину.

— Что же вы предлагаете? — спросил Шафдель.

— По-моему, пришел момент, когда мы должны забыть нашу конкуренцию и выступить, так сказать, единым фронтом. Мы должны дружно закрыть наши фабрики. Пусть шелковая промышленность на время перестанет существовать в нашей стране. Мы предложим нашим аристократкам одеваться в аэрошелк, как последним мешчанкам...

— Никто и не заметит, что мы закрылись, — сказал мрачный Ридель. — Богатых людей очень мало, и все они могут одеть своих жен в Париже.

Но у Кроля и на это был готов ответ:

— В нашей власти закрыться так, чтобы это заметили. Мы должны в течение месяца выбросить несколько десятков тысяч безработных на улицу. Голодные рты покричат немного в нашу пользу. Этим мы напомним о себе правительству, которое погубило целую отрасль промышленности, допустив ввоз в страну ксантогената.

— Вы циник, Кроль, — сказал Шафдель печально. — Защищать шелк голодными ртами... Это может предложить только циник.

— Ничего не поделаешь. Не забывайте, что я капиталист, получивший воспитание в Советском Союзе. Там впервые я узнал, что все капиталисты — циники, и я не хочу опровергать своим поведением политграмоту, которую преподают советским детям.

— Но если мы будем плодить безработных, мы доконаем капитализм очень быстро, — пробасил Ридель.

— Думаю, что на наш век его хватит. А после нас хоть коммунизм. Итак, я предлагаю забастовку фабрикантов. Вам, вероятно, уже известно, что сам я завтра рассчитываю рабочих. Но важно, чтобы одновременно со мной так же поступили и остальные фабриканты. Я приостанавливаю, конечно, и производство грежи и коконов. Иначе никто не поверит в мою искренность. Я это говорю для того, господа, чтобы вы не рассчитывали на мое сырье.

Фабриканты переглянулись. Все они получали грежу с шелкомотальной фабрики Кроля. Теперь он их ставил в тяжелое положение.

— Я думаю, что пяти минут будет достаточно, чтобы решить это простое дело? — спросил Кроль легкомысленно. — Я скоро вернусь.

И он пошел по комнатам, позвякивая ключами в кармане. Он решил предоставить возможность фабрикантам обсудить вопрос в его отсутствие.

Он обошел все комнаты своего большого дома, и когда вернулся в кабинет, вопрос был уже решен. Фабриканты решили последовать его совету и свернуть производство на неопределенное время.

— Составим документ, — сказал Кроль.

И он набросал несколько слов на листе. Это было обязательство подчиниться решению секретного совещания.

Кроль подписался первым. Затем он привел во вращение свой стол, и лист обошел всех присутствующих. Каждый поставил свое имя под обязательством. После этого Кроль объявил заседание закрытым и простился со своими коллегами.

Он был в великолепном состоянии духа, как будто только что одержал победу. Захотелось погулять, но его трудовой день еще не кончился. Нужно было подсчитать, какие суммы потребуются для расчета рабочих и инженеров, а также выяснить, откуда он возьмет эти суммы.

Кроль быстро сложил на арифмометре колонку цифр, выписанных в блокнот. Вынул книжки текущих счетов. Открыл одну из них. Длинный звонок телефона заставил его прекратить работу.

Кроль взялся за трубку.

— Откуда?

Ему ответили по-русски:

— Из советского торгпредства.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы переговорить с владельцем фирмы
Арт Кроль.

— Я у телефона.

— Так. Мне надо получить небольшую справку. Когда вы закрываете вашу шелковую мануфактуру?

— Завтра. А в чем дело?

— В сущих пустяках. В настоящее время Торгпредство заинтересовано в срочном получении некоторого количества опытных текстильщиков.

— Кто это говорит? — спросил Кроль очень сухо. В трубке засмеялись.

— Кто говорит? — переспросил Кроль, чувствуя в этом смехе что-то знакомое. — Я спрашиваю: кто говорит?

— Говорит сотрудник Торгпредства Александр Спасибин.

— Спасибин! Саша?

— Да.

— Так. Вы что же решили мне мстить, ребята?

— О нет, что ты! Нас не интересуют отдельные капиталисты. Просто по плану мы должны ввезти в Союз этим летом сто тысяч рабочих. Только и всего.

И Кроль услышал, как Спасибин положил трубку.

7. НОВЫЙ ВИД СОВЕТСКОГО ИМПОРТА

Недостаток рабочей силы в СССР возник в середине третьей пятилетки, когда все имеющиеся в Союзе рабочие руки были учтены, переквалифицированы и распределены по тем местам, где в них нуждались. Смена не обеспечивала уже дальнейшего развертывания промышленности в намеченном темпе. И вот Наркомтруд обратил свое внимание на кадры устойчивой безработицы в соседних с СССР странах. На первый раз намечалось ввезти около ста тысяч человек.

Сто тысяч человек — количество огромное. И напрасно Ян Коржек бежал изо всех сил, опасаясь, что все места текстильщиков будут разобраны. Его смущало главным образом то, что газета, из которой он получил сведения о наборе рабочих, была вчерашняя. Он был убежден, что опоздает, как всегда.

Однако, оказавшись у Торгпредства, Ян попал в хвост очереди всего в несколько сот человек. Закрепив за собой место, он еще пересчитал всех, пришедших раньше, и успокоился окончательно. Он попадет!

Теперь ему надо было разузнать, что это за «средние советские условия», на которых приглашали рабочих. Ян не имел никакого представления о СССР и не мог даже представить себе, в чем заключаются эти условия.

Он попытался поговорить на эту тему со своими соседями по очереди, но и те ровно ничего не знали. Только один парень, весело подмигнувши глазом, сказал:

— Не больно-то хороши эти условия, как я слышал. Говорят, что плата у них натурой.

Но он не мог объяснить подробней, в чем заключается эта натура.

Очередь бойко продвигалась, и не было еще одиннадцати часов, когда Ян оказался перед столом в Торгпредстве. За столом сидело три человека: агент по найму, секретарь, который записывал фамилии, и, должно быть, доктор.

Агент поздоровался с Яном за руку и спросил, какой он специальности.

— Текстильщик. Работал на шелковой фабрике,
— ответил Ян по-русски.

— А язык откуда знаете?

— Мать у меня русская.

— На какой фабрике здесь работали?

— На фабрике Арта Кроля.

Агент засмеялся:

— Ага, первая ласточка...

Затем взял у секретаря листок с напечатанным договором и передал его Яну.

— Вот наши условия, прочтите их, и если не имеете возражений, подпишитесь. Проставьте имя, фамилию и адрес.

Ян отошел в сторону и быстро проглядел лист. В договоре было сказано, что в СССР надо ехать не меньше, как на два года. Фабрику указывал распределительный пункт в Киеве. На месте, работ рабочему предоставлялась отдельная комната, полное содержание и право пользоваться культурными учреждениями при фабрике, вплоть до посещения вечернего ВУЗа, который в три года давал квалификацию инженера. Гарантировался шестичасовой рабочий день и ежегодный отпуск на один месяц.

Все это было прекрасно, но Яна смутил пункт, в котором было указано, какая сумма денег выдается ежемесячно на руки. Сумма была так мала, что

о высылке помощи Броне думать не приходилось. Ян подошел к столу.

— Я бы согласился ехать, — сказал он агенту, — но у меня здесь остается невеста. Я не могу проживать всего, что заработаю.

— Вы сможете выписать невесту в СССР. Работа найдется.

— Но ведь на ее проезд нужны деньги.

— Проезд будет оплачен Торгпредством.

— Тогда я согласен.

— Подпишитесь на листе и отправляйтесь вы-
правлять заграничный паспорт. По получении паспор-
та приходите сюда. Вы будете вместе с другими в
трехдневный срок отправлены в Киев. А сейчас зайдите
в соседнюю комнату. С вами хотят переговорить.

Ян открыл дверь и оказался в небольшом кабинете. Там за столом сидел молодой человек, который под-
нялся ему навстречу.

— Вы с фабрики Кроля? — спросил он.

— Так точно.

— А ну-ка, скажите, хорош ли был ваш хозяин?

— Зверь! — ответил Ян убежденно. — Формен-
ный зверь.

И в кратких словах, ничего не скрывая, Ян рас-
сказал все свои несчастья за последние две недели. Он
чувствовал, что здесь, в Торгпредстве, его не подведут,
и рассказывал без утайки. Кроме того, он надеялся
разжалобить «советского чиновника» и немного зара-
ботать на своем рассказе.

— Я очень голоден, — сказал он в конце. — Нель-
зя ли мне получить небольшой аванс...

— У нас не дают авансов, — ответил молодой че-
ловек, — но накормить вас обедом мы можем.

Он написал несколько слов на листке и передал листок Яну.

— Пройдите в столовую, и вы получите обед. Подпись под листком была

«А. Спасибин».

* *

*

Хорошо закусивши в столовой Торгпредства, Ян вышел на улицу с сияющим лицом. Его распирало от радости, и он решил, не дожидаясь вечера, тотчас же отправиться к Броне и сообщить ей о своих новых планах. Он прибежал в «Версаль» на рысях и начал весело барабанить в окно.

Броня вышла на двор, сначала всплеснула руками и пригорюнилась, а потом воспрянула духом. Она не нашла возражений против поездки Яна в СССР и даже сама была готова с ним ехать.

— Что же теперь тебе остается сделать, Янек? — спросила она скороговоркой, как всегда говорила во время перерыва.

— Только получить заграничный паспорт. Отправка за счет Торгпредства.

Броня посмотрела на Яна длительным взглядом, и глаза ее медленно наполнились слезами.

— Но ведь ты же никогда не получишь паспорта, мой бедный Ян, — сказала она с горечью. — Или ты все позабыл в деревне? Ведь заграничные паспорта дает полиция. И она тебя ищет с собаками. Нет, ты так и подохнешь с голода здесь, я тебе это предсказываю...

8. РАЗНЫЕ БЫВАЮТ ТОВАРИЩИ

Значит, у Яна сорвалось еще одно дело.

Он шел тихо по улице, опустив голову, и только изредка оглядывался по сторонам. Он надеялся, что, может быть, появится сыщик. Теперь он уже решил не бежать и не сопротивляться, а прямо отдать себя в руки полиции. По крайней мере, в тюрьме ему дадут возможность выспаться и кормить его будут несколько раз в день.

Но, вероятно, сыщики искали Яна на улицах накануне, а сегодня их видно не было. Как всегда, один день портил все дело. Даже и тут не везло.

«А может быть правильнее утопиться? — думал Ян. — Ведь в тюрьме выколотят все печенки. А тут под воду — и конец. Больше все равно делать нечего. Кроль уложил меня на обе лопатки. Справиться с ним не может простой рабочий».

Он пошел в сторону реки, решивши, что бросится с моста вниз головой. Ничего лучшего придумать он теперь не мог. В это время сзади него кто-то тихонько свистнул.

Ян обернулся и увидел Феликса Ланца с большой пачкой книг в руках. Феликс похудел, но смотрел весело. Ян сначала хотел убежать. А то, чего доброго, заметят их на улице вместе и скажут, что они сообщники. Но потом Ян вспомнил, что решил утопиться. Значит, теперь все равно. И он подошел к Феликсу.

— Ну, как дела? — спросил тот. — Держишься?

— Да вот держался до последнего времени. А сейчас утопиться решил.

— Что ж так?

— Замучился.

— Понял теперь, каковы хозяева?

— Понял.

— Ну, вот что, — сказал Феликс тихо. — Здесь нам, на улице, разговаривать не стоит. Ты не топись пока что. А сегодня вечером приходи к Роману Спицеру. Знаешь, где он живет?

— Знаю.

— Приходи к нему. Я там буду. Поговорим. Может, что и наклюнется.

И Феликс, взвалив на плечо книги, пошел своей дорогой.

Ян прошлялся до вечера по улицам, а в восемь часов поднялся на пятый этаж, в каморку, которую занимал Роман Спицер, бывший рабочий фабрики Кроля.

В комнате Романа Ян застал Феликса и еще одного знакомого рабочего — Куколя. Куколь был первым скандалистом и пьяницей в аппретурном цехе и сегодня уже успел выпить, получив расчет. Все ребята были очень удручены безработицей. Роман чуть не плакал, а Куколь так ругал всех капиталистов, что Яну сделалось страшно. Феликс молчал, но, видно, и ему приходилось несладко.

Ян прежде всего рассказал, как за ним охотились сыщики. Оказалось, что ловили они и Феликса. Но Феликс был опытнее Яна в таких делах и легко отделался от преследователей.

Затем Ян закрыл дверь поплотнее и сообщил ребятам о своем проекте поехать на работу в СССР. Он даже предложил всем троим двинуться вместе с ним, искать за границей счастья.

Все трое отказались по разным причинам.

— Куда я поеду? — сказал Роман раздраженно. — У меня здесь старуха-мать и сестра. Да и все говорят, что скоро война против СССР будет.

Куколь закричал:

— А я никуда не поеду, пока не побью, морды Кролю и Оберталлеру. А может, и еще похуже что-нибудь устрою.

Ян обратил внимание, что Куколь был очень бледен, и руки у него дрожали.

— А ты? — спросил Ян, обращаясь к Феликсу.

— Мне и здесь работа найдется, — ответил тот уверенно.

— На какой фабрике?

— На казенной. Меня в этом году призывают в солдаты.

Ян удивился. Он знал, что Феликс коммунист, а коммунисты идут против войны. Сказал:

— Будет дурака ломать. Вот пока не забрали с солдаты, давай и дернем вместе. Ведь ты говорил, что в СССР замечательно хорошо.

— Я и теперь то же самое говорю. Но думаю, что нам надо у себя порядок навести. Поэтому здесь и остаюсь.

Ян смекнул, что Феликса удерживают на родине партийные обязанности, и не стал его больше уговаривать. В это время Роман и Куколь начали собираться в бар. Ян и Феликс идти отказались, сказали, что им надо потолковать. Феликс закричал, когда ребята пошли:

— Куколь, только ты не дури, слышишь?

А тот угрюмо ответил:

— Ладно. Не твоя беда.

Оставшись наедине с Феликсом, Ян подробно рассказал ему свои затруднения и попросил совета, как быть.

Феликс думал недолго.

— А ты перемахни границу тайно, с контрабандистами.

Ян удивленно захлопал глазами. Он был совершеннейшим ребенком по этой части и даже не знал, что контрабанда существует. Но Феликс тут же посвятил его в тайну. Оказалось, что у пограничной станции живет старик-трактирщик Златый-конь, который имеет связь с контрабандистами. Брат этого Златый-коня был знаком с Феликсом, и Феликс брался достать письмо к трактирщику с просьбой о помощи.

Ян отлично понимал, что дело это рискованное, но выбора у него не было.

— Когда ты можешь достать письмо? — спросил он, волнуясь. — Завтра можешь?

— Завтра? Могу. Приходи часов в десять утра на вокзал. Но только помни, никому об этом ни слова.

— Понимаю.

9. ЯН ХОЧЕТ ПОРВАТЬ НЕСЧАСТЛИВУЮ ЛИНИЮ ЖИЗНИ

Феликс Ланц, как и обещал, достал письмо Яну. При этом он подробно объяснил, как надо держать себя на границе, чтобы Златый-конь сразу понял, что приехал не шпион, а рабочий, желающий эмигрировать. Ян горячо поблагодарил Феликса за помощь, и они расстались.

Броня продала свою тоненькую золотую цепочку, которую еще мать ее носила в юности. Деньги за цепочку целиком пошли Яну на дорогу.

В буфете Броня еще на какие-то неведомые деньги купила Яну пирожок и апельсин, и когда поезд тронулся, добросовестно расплакалась. Она совершенно не представляла себе, что ожидает Яка в будущем. Впрочем, и сам Ян этого не знал. Ему одно казалось ясным: если он не предпримет чего-нибудь решительного, его ждет гибель.

Поезд катил вперед, и Ян досадовал, что паровоз слишком торопится. Страшный час перехода через границу приближался, и беспокойство Яна росло. Правда, где-то в глубине сознания Ян жаждал опасности. По рассказам знакомых и по своему собственному опыту он знал, что важно как-то перебить несчастную линию жизни. Может быть сознательно подвергнуться беде. Переход через границу и был с точки зрения Яна вызовом судьбе. Надо переломить жизнь. Или пан, или пропал... Да... Но все-таки с такими мыслями не очень-то весело путешествовать!

Ян слез на пограничной станции в девять часов вечера, когда уж стемнело. Теперь ему оставалось только пробраться в поселок при станции и отыскать ресторанчик Златый-коня.

Поселок состоял наполовину из казарм, которые тяжелыми кирпичами улеглись вдоль улицы. Очевидно, вечерней зори еще не играли: по тротуарам шаталось много солдат. Звякали шпоры и сабли, и под фонарями блестели окаймленные медью козырьки фуражек. Когда Ян увидел все это великолепие, он уже решил, что дело его проиграно наполовину: как перейти границу, если ее охраняют целые полки солдат?

Военных было много и дальше на улице, там, где казармы уже кончились. Ресторанчик «Оаза», хозяином которого был Златый-конь, помещался тут же, рядом с казармами.

Кабак был как кабак. На вывеске, кроме бочки с пивом, нарисована желтая пустыня и мираж: пальмы, дворец, озеро. Два больших фонаря освещали всю эту картину. Из дверей ресторана неслась веселая музыка, и пахло острыми закусками и пивом.

Публика в ресторанчике была наполовину военная, а прислуга — женская. Фальшивые пальмы, напоминающие об оазисе, были повиты живым плющом, серым от пыли. По стенам шли караваны верблюдов, и ехали бедуины.

По совету Феликса Ян не прямо направился отыскивать хозяина, а сел за столик и заказал себе стопочку пива. Он опьянел от первых же двух глотков. Захотелось плакать навзрыд. Что же, в самом деле: он принужден бежать с родины, да еще с таким трудом! На Яна подействовало не только пиво, но и скрипки. Он с детства не мог слышать струнной музыки без волнения.

Но Ян не мог сидеть за столиком бесконечно. Надо было двигать дело. Подражая солдатам, он подозвал свистом кельнершу и спросил, продолжает ли Златый-конь, владеть «Оазой» до настоящего времени.

Получив утвердительный ответ, Ян переложил письмо из внутреннего кармана в боковой и пошел за стойку. Там, в задней комнате ресторана, как объяснил ему Феликс, и жил Златый-конь.

У Златый-коня паралич отнял обе ноги, и это было ему очень выгодно, так как безногого человека трудно обвинить в контрабанде. Целыми днями он лежал на черном клеенчатом диване и выдавал на нем свое изображение. Сюда же, на диван, ему подавали еду, счета и книги, и здесь он производил расчеты. Перед диваном висело большое зеркало, в котором отражалась вся зала ресторана. Не сходя с дивана, Златый-конь следил за всем происходящим в его заведении.

У Златый-коня была курчавая седая борода и такая же шевелюра, прикрытая шапочкой. Когда Ян вошел, он курил сигару и пускал кольцами дым.

Ян никогда раньше не занимался конспирацией. Войдя в комнату, он довольно принужденно кашлянул два раза. Златый-конь вытащил откуда-то пенсне и приложил его к глазам. Потом отечески сказал:

— Садись, парень, ко мне на диван. Поговорим.

Ян протянул старику письмо и сел. Златый-конь забегал глазами по строчкам.

— Ты хотел бы переправиться сегодня же? — спросил он тихо.

— Да, чем скорей, тем лучше.

Златый-конь зачмокал языком:

— Тц, тц... Не знаю, будет ли сегодня случай. Ведь сегодня суббота, сам понимаешь. Вчера случай был, а сегодня — не знаю. У тебя, конечно, нет средств, чтобы оплатить свой переезд?

— Конечно, нет.

Златый-конь заговорил плачущим голосом:

— Ай, плохо, когда из страны бегут такие молодые люди... Очень плохо. Очень плохо. Если сегодня подвернется возможность, я тебя устрою. Но тебе, конечно, придется поработать. Я не отказываю коммунистам в содействии, и они должны дать мне пенсию, если захватят власть... Ступай в зал, я тебя позову. Но не вздумай довериться какому-нибудь прощелыге, если он будет тебя уговаривать идти вместе с ним. По границе протянуты обнаженные провода, они убивают всех, кто на них нарвется. Конечно, калоши помогают, но не всегда. Так что ты никому не говори, зачем приехал. Понял? Иди теперь, я за тобой пришлю.

Ян вышел в зал и направился к своему столику. Но он не успел еще сесть, как кто-то с громким криком схватил его в свои объятия и начал тискать пьяно и радостно, как близкий друг. Ян не сразу сообразил, кто это с ним так энергично здоровается. И только услышав возглас: «Янек, Ян!» — он понял, что это его младший брат, солдат, с которым он не виделся уже два года.

10. ЯН ОБЗАВОДИТСЯ ДОРОЖНЫМИ ВЕЩАМИ

Ян не слишком обрадовался брату Мечику. Его смутило, что он не сумеет ответить на все его вопросы, запутается, попадетсЯ. Ведь вот такая неудача: он не встречался с братом два года, и теперь, в такой неподходящий момент, столкнулся с ним. Ведь надо же!..

Однако он чувствовал и некоторую радость от этой встречи. У Мечика на глазах были слезы, и это растрогало Яна.

Он спросил ласково:

— Почему ты здесь, братишка?

— Нас перекинули сюда на той неделе. А вот ты как попал сюда?

Ян тяжело вздохнул. Первый же вопрос брата поставил его в затруднительное положение. Он знал по опыту, что врать не умеет, и если начнет фантазировать, то обязательно провретсЯ. Поэтому, он решил рассказать брату всю правду: ведь он же не подведет его.

— Я остался без работы, Мечик. Нашу фабрику закрыли.

— Что же, ты думаешь найти работу здесь?

— Не совсем так. Сегодня ночью я хотел перейти границу. Там, в Советском Союзе, говорят, работы сколько угодно.

Мечик страшно побледнел и как-то судорожно икнул. Казалось, что весь хмель вышел из него вместе с этой икотой. Лицо его сделалось серьезным и умным.

— Ты не врешь?

— Нет.

Мечик расстегнул свой мундир, а потом опять застегнул его. Огляделся кругом и сказал убежденно:

— Брось, Янек. Нельзя туда ехать.

— Почему, позволь спросить?

— Ах...

Мечик закрыл глаза и замотал головой, чтобы показать, что он переживает страшные страдания. Потом заговорил горестно и очень тихо:

— Я давал присягу, что не скажу никому ни слова о военных тайнах. Но на той неделе один вольнопер доказывал в казармах, что бога нет и что присяга ерунда. И нам нечем было крыть его. Так вот я тебе скажу все, как своему брату. Против Советского Союза замышляется страшная война. Их всех там решили передушить газами. Значит, и ты попадешься.

— Но Союз очень велик, — сказал Ян с дрожью в голосе. — Говорят, что он в пятьдесят раз больше нашей страны.

— И газов много, милый Янек. Ты знаешь что под тем местом, где мы сидим сейчас, проведены трубы, такие, что в них может пролезть человек. Каждая труба идет одним концом в газгольдер, а другим — к самой границе. Говорят, что деньги на это дали американцы и англичане. Как только начнется война, ветер погонит газы волнами по советским полям, вот как пастух гонит стада...

Яну показалось, что Мечик бредит, настолько невероятны были сведения о трубах и газах. Он попытался расспросить брата поподробней, но тот и сам не знал многого. Он был простым солдатом химической роты, и начальство не считало нужным посвящать его во все тайны. Но о том, что под землей лежат трубы, это он знал наверное.

— Что же будет, если выпустят газ?

— На сотни километров кругом умрет жизнь, люди, птицы и звери. Трава делается серой, как мочалка, а железо заржавеет.

— Зачем же это надо?

— Среди солдат идут разговоры, что наши боятся советской кавалерии. А если будет зона, отравленная газами, то кавалерия не пройдет через нее. И вообще наступление надолго будет невозможно. А наши в это время, разгромят с аэропланов все советские города. Если же ветер удержится на три дня, то газ может доползти до самой Москвы...

Мечик испытующе посмотрел на Яна.

— Ты все же решил ехать?

Ян почувствовал себя, как богатырь на распутье дорог. Смерть грозила ему со всех сторон. Но смерть от газа показалась ему менее страшной, чем от голода.

Он сказал твердо:

— Все равно, я поеду. Я видел карту Союза, там есть горы. Невозможно, чтобы газ перешел через них.

— Значит, едешь?

— Да. Здесь я все равно подохну. Я изголодался.

— Тогда я тебе сделаю подарок на дорожку, — сказал Мечик и вынул из кармана какой-то пакет.

Он подал этот пакет Яну незаметно, под столом.

— Спрячь его в карман. Это мой противогаз. Мы их надеваем на ученья. Если попадешь в волну, натяни маску на лицо. Она спасет тебя.

Ян спрятал противогаз в карман штанов.

— А тебе не достанется, что ты отдал мне эту штучку?

— Нет, не достанется. Это ворованный. Я хотел продать его.

— Ну, спасибо. Вот, значит, у меня теперь и будет дорожная вещь.

Немного помолчали, потом Ян рассказал о деревне, о том, как отец выгнал его.

Мечик слушал внимательно. Несмотря на свою солдатскую форму и высокий картуз, он выглядел жалко. Он все время хватал Яна за руку и дрожал мелкой дрожью, как щенок, вытащенный из воды. Яну очень хотелось успокоить брата, но он не мог ничего придумать.

Они долго сидели у пустых стаканов, глядя друг другу в глаза. Оркестр играл «демпинг-степ», старый печальный танец.

Вдруг Ян почувствовал, что кто-то тронул его за плечо.

Он оглянулся. Перед ним стояла кельнерша.

— Хозяин просит вас пройти к нему в комнату,
— сказала она.

Ян заплатил за пиво и обнял Мечика.

— Прощай, Мечик.

— Прощай, брат. Увидимся ли?

Ян пальцами убрал слезы с глаз и прошел за стойку.

11. КАК ПЕРЕДВИГАЮТСЯ КАПИТАЛЫ

Инженер Роммер выполнил задание своего хозяина. Он явился к Кролю с какими-то чертежами и сметами, и все это разложил перед ним на круглом столе. Кроль долго смотрел непонимающими глазами на чертеж и наконец спросил:

— Что же, вы мне предлагаете приобрести фабрику резины?

— Натурально.

— Новое дело! — сказал Кроль иронически.

И, повернувши стол градусов на пятьдесят, начал просматривать смету. На этот, раз удивление выразилось на его лице.

— Как, вы исходите из предположения, что каучуконосы могут произрастать в нашей стране?

— Именно из этого допущения я и исхожу.

— У вас есть доказательства?

— Безусловно. Пол-Украины сейчас засажено удивительным растением. По-русски оно называется ластовень, или ваточник, и дает каучук...

— Пол-Украины?

— Да, конечно. Ведь вы же мне дали задание строить новый проект на советских достижениях.

— Вы гениальны, Роммер! — закричал Кроль восторженно. — Право, нельзя придумать вещи парадоксальнее, чем наша национальная резина. Я думаю, что даже правительство заинтересуется на этот раз нашими начинаниями.

— Безусловно. А вам это даст грандиозные барыши. Ведь тонна каучука в настоящее время стоит здесь сто фунтов. А нам будет обходиться в двадцать

пять. Но, конечно, прежде всего, нам придется узнать все секреты советского производства.

— Но как мы это сделаем?

— Не беспокойтесь. Украсть секрет гораздо легче, чем вам кажется. Труднее будет купить эту фабрику, а она нам необходима. Там налажено производство шин, прорезиненных пальто и подметок.

— А калош?

— Ну, разумеется, мы оборудуем и калошный цех, если вы захотите. Так как?

Кроль был не из тех людей, которых надо уговаривать взяться за выгодное дело. Он задал еще несколько вопросов, а потом решительно заявил, что согласен перебросить свой капитал в производство резиновых изделий.

— Теперь поговорим конкретно, — сказал Роммер. — Какими средствами вы будете располагать в ближайшем будущем?

— Не очень-то большими, но кое-что наберется. У меня на складе осталось много шелкового товара. Чтобы поднять на него цену, я уговорил наших идиотов закрыть свои фабрики вместе со мной. Об этом уже была заметка в газетах. Магазины заволновались, и я думаю, что мне удастся продать шелк с выгодой. Но это не раньше, как через полгода. Весь остальной мой капитал уложен в фабрику.

— Так! Что вы предприняли, чтобы ликвидировать это бездоходное заведение?

— Все то, о чем мы говорили. Я снял сторожей со вчерашнего вечера. Все они уволены вместе с рабочими. А двое из них, наиболее способных, шляются по кабакам и ищут дуралея-рабочего, который из мести ко мне согласился бы спалить фабрику.

— И когда это может произойти?

— Сегодня — завтра. Вы понимаете, что пожар хорош именно сейчас, когда рабочие обозлены и никому не придет в голову, что огонь идет от нас.

— Разумеется. Ах, как нужны деньги!

* *

*

Кролю не долго пришлось ждать пожара.

На другой день вечером, когда он с Роммером обсуждал детали своего нового производства, прозвонил телефон.

— Что? — закричал Кроль в трубку. — Что? Что? А кто поджигатель? Так. Я сейчас выезжаю.

Он положил трубку на аппарат и посмотрел на Роммера.

— Ну? — спросил тот.

— У нас будут деньги, дорогой, Роммер. Пожар начался со складов грежи, и теперь, конечно, его не потушат. Я получу полную страховую премию. Едемте.

Спускаясь по лестнице, Кроль сообщил Роммеру, что поджигатель пойман. Он оказался бывшим рабочим фабрики.

— Теперь нам остается только съездить в СССР, — деловито сказал Роммер, усаживаясь в авто.

— Мы отправимся туда в ближайшие же дни.

Шофер повел машину по боковым улицам, чтобы скорее выйти за город. В предместье они заметили, что половина неба охвачена заревом.

— Вот наше золото! — сказал Кроль.

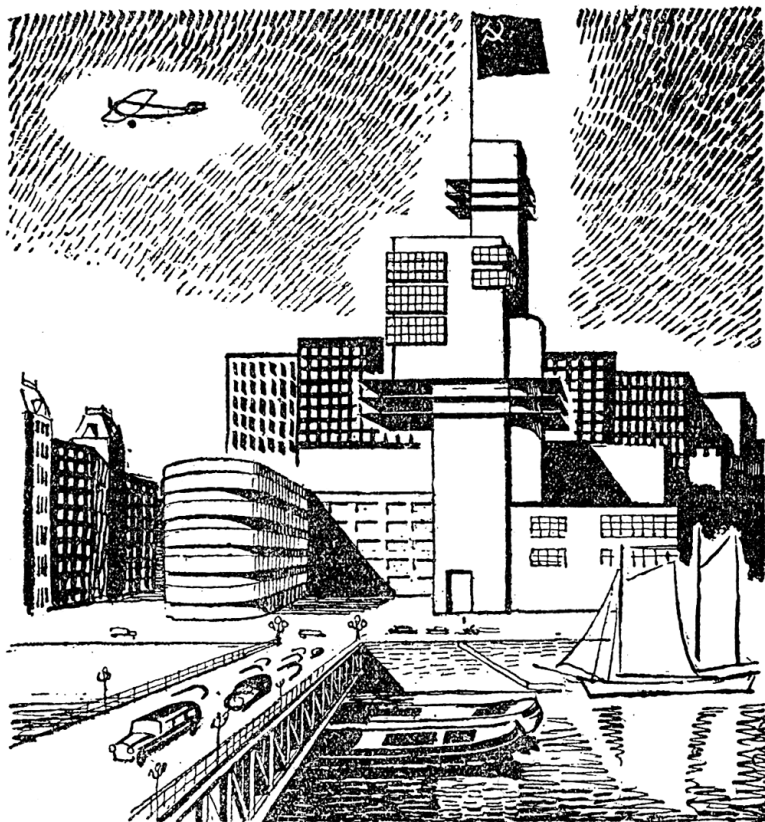
— Да. Оно еще не звенит, но уже немножко блестит.

Они прибыли на пожар, когда все корпуса фабрики уже пылали. Местность была оцеплена. Кроль

вызвал к себе в автомобиль директора и немного поговорил с ним. Потом приказал ехать обратно.

Ему было нечего делать на пожаре.

12. ВСТРЕЧА СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

Советское торгпредство помещалось в новом здании, выстроенном всего два года назад.

Рядом с вычурной, буржуазной пышностью лишенное украшений здание Торгпредства выглядело как автомобиль среди золотых карет. Дом был оформлен в так называемом новом советском стиле, не при-

нятом в Европе. Это была груда разноцветных кубов, нагроможденных друг на друга с каким-то внутренним смыслом. Достаточно было взглянуть на дом, чтобы сейчас же догадаться, что он занесен сюда из другой, враждебной культуры. Верхний куб здания, все время вращаясь, ловил солнце в свои чистые окна. Этот вращающийся куб беспрестанно менял фасад и делал его неуловимым.

Дом стоял уже два года, но до сего времени люди с разных концов города приходили посмотреть на это замечательное сооружение. Кроль приехал сюда с другими целями.

Он выпрыгнул из своего автомобиля перед подъездом Торгпредства и развязно стукнул дверкой. Затем с независимым видом вбежал на лестницу.

В вестибюле в справочном бюро он узнал, где можно видеть товарища Спасибина. Ему был дан номер комнаты и направление. Он пересек коридор и вошел в небольшой кабинет.

Конечно, Спасибин не узнал Кроля. Он выглядел слишком упитанным, вылощенным, нарядным. Но Кроль отлично узнал Спасибина. Довольно весело он крикнул от самых дверей:

— Здорово, Саша!

Но руки не протянул и, пожалуй, правильно сделал. Спасибин поднял свой нос от бумаг и посмотрел на Кроля.

— В чем собственно дело?

— Я — Артюшка Кроль.

Спасибин улыбнулся и почти вежливо сказал:

— Садитесь. Чем могу служить?

Встреча окрылила Кроля. Он подсел близко к столу и глазами проехался по письму, которое писал Спасибин. Ему удалось разглядеть только несколько

слов: «я полагаю, что фирма Гутта...» Спасибин закрыл бумагу, а Кроль сказал задушевым тоном:

— Саша, ты все такой же милейший парень. Я тебя любил больше всех остальных и очень обрадовался, что ты приехал работать сюда.

— На днях я уезжаю в Вену...

— Это не важно. Расскажи мне поподробней обо всех ребятах и о нашей станции на реке Мелкой.

— Думаю, что станции уже нет, — ответил Спасибин серьезно. — Весь тот район теперь обслуживается электропередачей с Бобрика Донского. А что касается ребят, то все они работают. Здорово работают! О Серёжке Чайкине скоро узнает весь мир. А одного уже нет в живых. Он погиб при заготовке леса...

— Кто именно? — быстро спросил Кроль, — Елкин? Гнедин? Абрикосов?

— Не все ли равно? Вы этого никогда не узнаете. Он умер за наше дело, и мы его не забудем. Остальных я редко встречаю. Но одно могу сказать: ни один из них не станет продолжать знакомства с изменником.

— Это слишком узко, — сказал Кроль со вздохом. — Ну, уехал я, и уехал. Это право каждого. Вы решили строить социализм, а мне захотелось пожить при капитализме. Давай больше не говорить об измене. Ты приехал сюда торговать с нами. Значит, какой-то контакт возможен?

— Да, временно, деловой.

— Вот и прекрасно. У меня есть к тебе дело. Ты знаешь, вчера моя фабрика сгорела, и я теперь безработный. До известной степени меня тоже погубил ваш лес... И вот мне захотелось побывать в старых местах, погулять по Москве, отыскать товарищей. Можешь ты мне устроить визу на въезд в СССР?

Спасибин засмеялся.

— Вот капиталист... Из всего он хочет извлечь выгоду, даже из своего ренегатства. Вряд ли этот номер пройдет.

— Но я ввезу в Союз валюту...

— Сейчас это не играет роли. Лично я против того, чтобы изменники и ренегаты, даже прогоревшие, возвращались на старые места. Они могут повредить делу.

Кроль покраснел.

— Но я ведь сумею попасть в СССР и без вашего содействия, товарищ Спасибин...

— Это будет самое лучшее. На мою помощь рассчитывать не приходится.

Кроль встал. Он не любил, когда с ним говорили таким тоном.

— Вы, что же, меня вызываете на войну?

— На войну? Прогоревшего капиталиста? В наших планах это не значит.

Кроль определенно обиделся. Он пошел к двери и только на одну секунду повернулся к столу:

— Адье, Сашка!

Спасибин не ответил. Кроль спустился по лестнице и сердито уселся в свой автомобиль.

Вот уже несколько лет никто не раздражал его так сильно. Кроме того, ему было горько, что он не узнал, кто именно из его товарищей умер.

13. ЯН ДЕЛАЕТСЯ КОНТРАБАНДИСТОМ

Контрабандисты не совсем безнадежные люди. Они очень внимательно следят за техникой и быстро воспринимают все ее достижения. Люди, боровшиеся с сухим законом в Америке, сооружали целые спиртопроводы между Канадой и Штатами и перекачивали спирт с помощью дизелей. Позже американские контрабандисты обзавелись собственными подводными лодками. По другим версиям доставкой спирта не гнушались заниматься и военные субмарины в свободной от подводных занятий время. Во всяком случае, фигуры контрабандистов в широких шляпах и с тюками за спиной безвозвратно отошли в область преданий.

Ян не имел ни малейших представлений о том, как ему придется перейти границу. Но он был готов на все. Когда он вошел в комнатку Златый-коня, там оказался человек в коричневом кожаном пальто, стянутом в поясе. Яну показалось, что он похож на виолончель.

Незнакомец, как и подобает виолончели, стоял, прислонившись к стене.

— Вот, — сказал Златый-конь многозначительно и показал на человека. — Тебе повезло, парень. Он поможет тебе. Когда вы расстанетесь, ты держи путь на деревню Княжьи Гнилушки. Я в тех местах бывал еще при царе. Деревня бедная, под соломой, но мужики добрые. До станции доведут. Княжьи Гнилушки, запомнил? А теперь ступайте и держите ухо востро.

Человек, похожий на виолончель, вывел Яна на заднее крыльцо ресторана. Там стоял небольшой автомобильчик, в который они и уселись. Незнакомец пустил машину полным ходом, как понял Ян, в направлении от границы.

Они ехали минут двадцать, и, конечно, за их спиной осталось немало километров. Наконец, незнакомец замедлил ход и свел автомобиль с шоссе. Они подъехали к постройке, у которой огней не было. Человек ввел автомобиль во двор и зажег фонарь. Затем он открыл большие ворота в сарае, набитом соломой, и велел Яну убрать солому назад. Ян принялся за работу и скоро увидел, что за соломой спрятан аэроплан геликоптерного типа.

— Помогите мне его вывести из сарая, — сказал незнакомец. — Только осторожно.

Они вывели тонкую машину на двор.

— Теперь перенесем груз.

Груз был упакован в виде больших толстых колбас. Ян осторожно взялся за одну из них, но поднять не смог.

— Здесь нет ничего взрывчатого, — сказал контрабандист. — Так что не бойтесь. Я торгую только предметами искусства и старины. Тут у меня уложены революционные гравюры и воззвания. А здесь историческая переписка. Есть несколько подлинных писем Адама.

— Самого Адама? — воскликнул Ян.

Незнакомец засмеялся.

— Однако я вижу, вы — порядочная деревенщина. Вы думаете, вероятно, что здесь письма Адама к Еве? Этого в Союзе не требуется. У меня письма Адама Мицкевича. Сейчас в Москве укомплектовывается музей революционной поэзии всех времен и народов, и за такие вещи платят золотом. А наши ничего не позволяют вывозить. Вот и приходится по воздуху...

Общими усилиями они перетасили колбасы в аэроплан и привязали их веревками. Незнакомец проверил мотор. Потом сказал Яну:

— Надвиньте кепку поглубже на уши и забирайтесь.

Ян неуклюже забрался в машину, незнакомец прикрепил его ремнями. Сам занял место у руля и перевел рычаги.

Над головой завыл пропеллер высоты, и вертолет начал медленно подниматься. Постройки, двор и шоссе под ногами утонули в темноте. Пилот перевел еще один рычаг, и машину потянуло в сторону СССР.

«Лечу к чёрту в зубы», — подумал Ян и на минуту, закрыл глаза.

Когда он снова посмотрел вниз, он увидел далеко на земле тонкую ниточку огней. Ян понял, что это граница. Она быстро приближалась, земля как бы раскололась под ногами огненной трещиной. Затем трещина начала уплывать назад и скоро разорвалась на куски. Через пять минут все стало темно на земле.

Они летели еще некоторое время, как вдруг, пропеллеры прекратили свой гул. Пилот начал быстро вертеть какое-то колесо.

Ян понял, что с аппаратом что-то случилось.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

1. ПЕРВАЯ НОЧЬ В СССР

Геликоптер несло книзу довольно плавно. Винт высоты вращался от тока воздуха и заменял парашют. Пилот выбирал место для посадки, но на земле нельзя было ничего разобрать: под ногами молоком тек туман, в котором, как мухи, плавали темные верхушки деревьев. Наконец геликоптер прикоснулся своими рессорами к земле. Яну показалось, что от толчка все внутренности в нем перевернулись.

— Скверная штука! — сказал пилот. — Чёрт его знает, где мы находимся! Конечно, за наш груз греть нас не станут, но все-таки теперя повозиться придется. Главное — из-за тумана трудно найти дорогу. Да и машина забастовала.

Он прыгнул с геликоптера вниз, но сейчас же начал карабкаться обратно.

— На поле газ, — сказал он, тяжело дыша. — Не понимаю, в чем дело! Бьет в нос и в голову.

— Удушливый газ?

— Похоже на то. Теперя я не знаю, как быть.

Ян вытащил свой противогаз и развязал его. Это была резиновая маска с патрончиком, какой он на видел на военной службе.

— Может быть это вам поможет? — спросил он пилота.

— Нет, в противогазе ничего не разглядишь. Да и газ только на земле, тут его нет. Не понимаю, в чем дело! Мотор в полной исправности. Придется подо-

ждать до утра. А вы идите, если хотите. Я вижу, вы за-
пасливый человек. Наденьте вашу штучку и жарьте.
Без вас мне легче будет подняться. Я постараюсь уле-
теть чуть свет.

Ян поблагодарил пилота за помощь, надел мас-
ку и соскочил с вертолета. Дышать было трудно, и,
чтобы скорей выбраться с отравленного поля, он бро-
сился бежать. Какие-то растения с жирными листьями
пружинили у него под ногами, но он не обращал на это
внимания. Он уже начал уставать от бега, когда уперся
руками в забор, сделанный из гофрированного железа.
Забор был высок, и перелезть через него было невоз-
можно.

«Вот так СССР! — подумал Ян. — Пока там гото-
вят свои ядовитые газы, они отравили уже здесь целые
поля, загоняют на них самолеты, а потом не дают уй-
ти. Ничего себе!»

Он побежал вдоль забора, рассчитывая найти в
нем калитку, но пальцы его прыгали по волнистому
железу, не натываясь на щель. Уже окончательно
обессиленный, он плечом задел дерево, которое росло
недалеко от забора. Ян обхватил дерево руками и
начал карабкаться на него. С дерева он перелез на за-
бор, с забора прыгнул на землю. Прыгнул и закричал:
он почувствовал вдруг страшную боль в ноге. Слезы
посыпались у него из глаз. Он попытался встать, но
сейчас же упал опять. Очевидно, нога была сломана
или вывихнута.

Ян стащил с себя противогаз и несколько раз
боязливо вздохнул. Воздух по эту сторону забора был
совершенно чист. Даже пахло свежей травой. Ян начал
дышать без страха.

Надышавшись властью, он попытался снова
встать, но это ему опять не удалось. Нога не позволила.

Тогда он приподнялся немного на руках и закричал в туман, который окутывал все кругом:

— Помогите!

Ведь он не боялся русских и не считал их врагами. Наоборот, он стремился в Союз, чтобы работать здесь.

— Помогите! — вновь закричал он.

Слова его потерялись в тумане, никакого эхо не ответило на них. Значит, он лежит в поле.

— Помогите...

Ян прислушался.

И тут ему почудилось, что из-за тумана какая-то неизвестная машина двинулась к нему с мягким, ритмическим стуком:

— Так-тик, так-тик...

Звуки приближались, и Ян решил, что кто-то едет к нему в тихоходном экипаже. Он начал кричать громче, временами прислушиваясь и ликуя, что машина подходит все ближе и ближе.

— Сюда... Сюда...

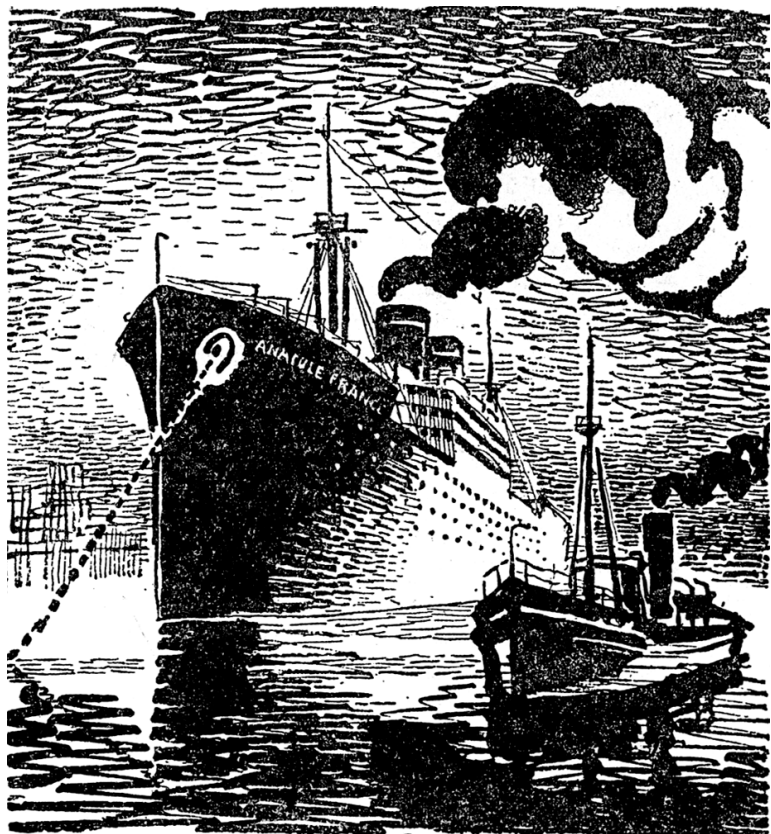
В ответ на этот крик машина неожиданно лязгнула чем-то, а затем пошла опять, удаляясь от него. Ян закричал:

— Сюда... Я здесь...

Но машина продолжала уходить, теряя свои стуки в тумане.

«Чёрт ее знает!» — подумал Ян и растянулся на земле.

Он больше уже не мог кричать и закрыл глаза. Боль в ноге немного утихла. Он задремал, но несколько раз в течение ночи неосторожно поворачивался и просыпался. И просыпаясь, всякий раз слышал одно и то же: неизвестная машина, то приближаясь, то удаляясь, бродила в тумане, как бы охраняя его.

2. КРОЛЮ ИЗМЕНЯЕТ СЧАСТЬЕ

В Ленинград-порт прибыл «Анатолий Франс», белый, как лебедь, пароход «Компании далеких путешествий». «Анатолий Франс» был оборудован по последнему слову комфорта и техники. Все его каюты были отделаны внутри благоухающим Мадагаскарским деревом. Иллюминаторы пропускали ультрафиолетовые лучи. Часть дна была сделана из толстого стекла, с таким расчетом, чтобы путешественники имели возможность в пути хоть бегло познакомиться с подводной

жизнью. Впрочем, для развлечения туристов были приняты и другие меры. На одной из палуб, например, был расположен зоологический сад, наполненный обезьянами, ихневмонами и жирафами. В трюме днем и ночью работали каток и ледяная гора, с которой можно была кататься на лыжах. Затем, конечно, на «Франсе» были танцевальные залы, бассейны для плавания, библиотеки, кино, театры и спортивные площадки.

Две тысячи пассажиров «Анатоля Франса» — крупнейшие капиталисты мира — приехали в СССР ради развлечения. Уже несколько лет как такие экскурсии считались очень модными на земле.

На территории Союза путешественникам предоставлялся полный комфорт в буржуазном вкусе. Специально для экскурсантов были сооружены многоэтажные отели, где можно было танцевать до утра и пить крепкие напитки, разрушающие здоровье. Помимо этого, иностранцам показывали древности, музеи и церкви, советские театры и красивые пейзажи. Обычно маршрут путешественников был такой: Ленинград, Москва, Тифлис, Черноморское побережье. В Туапсе тот же «Анатолий Франс», успевший к этому времени обогнуть Европу, забирал путешественников в свои каюты и развозил по домам.

Такое путешествие по СССР обходилось очень дорого, но доставляло много удовольствий.

Но на этот раз интуристов в Ленинграде ожидала маленькая неприятность. Представитель советского общества «Интурист», встретивший пароход в порту, заявил агенту французской фирмы «Компания далеких путешествий», что правительство СССР в этом году решило не пускать иностранных капиталистов дальше Ленинграда.

Весть эта быстро распространилась среди пассажиров и вызвала настоящее возмущение. Капиталисты вообще не любят, когда им противоречат, а тут их было две тысячи, и они, подзадоривая друг друга, обступили советского представителя со всех сторон. На разных языках посыпались вопросы одного характера: чем вызвано такое странное распоряжение властей?

— Дело в том, — отвечал агент по-французски, — что мы смотрели на Интуризм, как на средство привлечения валюты. Теперь она нам не так уж нужна. А затем помещения, предназначенные для путешественников, в настоящее время уже заняты. Оркестры распущены, вина превращены в уксус.

— Кем заняты помещения?

— Иностранцами.

— Какими иностранцами?

— Главным образом рабочими. В этом году СССР приступил к борьбе с безработицей в европейском масштабе. Тысячи безработных приезжают из-за границы в Союз. Конечно, если бы уважаемые гости сумели у себя на родине наладить производство таким образом, чтобы оно поглощало всех ищущих работы, то гостиницы остались бы свободными. Но теперь, когда...

Представитель общества «Интурист» развел руками. Капиталисты не захотели говорить на эту тему, их интересовало другое. Какой-то немец спросил:

— Но почему же нельзя было предупредить обо всем этом заранее?

— Это распоряжение издано правительством только сегодня утром, — ответил представитель «Интуриста». — Да, кроме того, правительство не возражает против осмотра Ленинграда. Здесь очень много интересного: центральная часть города сохранена в цело-

сти со времен царизма. Во дворцах развернуто около ста музеев. Петергофские фонтаны изумительно красивы. Они превосходят даже Версальские. Ведь в Петергофе струи воды проектируются на море...

Американцы недовольно надулись и отошли в сторону: им непременно хотелось посмотреть московский Кремль. Но французы не сдались и продолжали шумно возмущаться. Затем начали составлять телеграмму на имя «президента советской республики».

— Извиняюсь, — сказал агент застенчиво.— В Союзе Советских республик нет президента.

— Кто же у вас есть?

— У нас есть председатель Совета народных комиссаров.

— Прекрасно, — сказали французы, — ему мы и пошлем жалобу.

Один из французов, особенно бойкий и разговорчивый тут же набросал проект протеста, который был одобрен присутствующими. Все изъявили желание подписаться под телеграммой. Представитель «Интуриста» заговорил опять:

— Мне кажется, что ваша телеграмма не может достичь цели, уважаемые граждане. Постановление, которое вам так не понравилось, издано Наркомбытом, подтверждено Наркоминделом и уже вошло в силу.

— Но это нарушает правила международного гостеприимства! — горячились французы.

— Совершенно верно, но международное гостеприимство давно уже нарушено. Вот уже третий год, как наши рабочие экскурсии не могут получить виз на въезд в Испанию, Польшу и Англию.

На этом разговор и кончился. Интуристы понемногу успокоились и начали готовиться к выходу на берег для осмотра Ленинграда. Француз, составлявший

телеграмму, отвел в сторону своего товарища и сказал ему тихо:

— Что же, Роммер, как только мы пристали к берегам СССР, счастье нам изменило?

— Думаю, что нет. Вы прекрасно говорите по-русски, и поэтому многое нам доступно сверх программы. Пока наши спутники будут любоваться фонтанами Петергофа, мы сделаем разведку по каучуку. Ведь мне не нужно месяцев или недель для этого. Достаточно взглянуть только поверхностно на одну фабрику по обработке ластовня, и я вам доложу подробно все остальное.

— В таком случае, едем на берег.

Интуристам были поданы автомобили и автобусы. Группами по пять, десять, двадцать человек иностранцы двинулись в разные концы интересного города. Роммер и Кроль покинули экскурсию на лестнице «Эрмитажа» и пошли гулять по Ленинграду без проводников.

3. НЕУЛОВИМЫЕ КАЛОШИ

Дворцы цвета запекшейся крови, марципановые, синие и серые, узкие каналы, горбатые мостики с золотыми перилами, конные статуи на площадях, — одним словом, все, что было перед глазами, нисколько не интересовало Роммера и Кроля. Они обратили внимание только на то, что кругом часто слышалась английская речь.

— Должно быть, здесь много американцев, — сказал Кроль.

— Возможно. Но нас сейчас это не касается. Прежде всего мы должны купить калоши. Мне интересно знать, делают ли они их из ввозного сырья или из своего. Ведь советские калоши когда-то славились на весь мир.

Они зашли в первый попавшийся магазин Резино-треста и потребовали две пары калош.

— Номер? — спросил продавец.

— Безразлично.

Продавец подозрительно посмотрел на покупателей.

— Дайте десятый номер, — поправился Кроль.

Продавец поставил перед ними несколько образцов, в числе которых были и желтые. Калоши славно блестели и хорошо пришлись по ногам.

— Завернуть или в калошах пойдете? — спросил продавец.

— Пойдем в калошах.

— Позвольте ваши расчетные книжки.

Кроль и Роммер переглянулись.

— Книжек у нас нет.

— В таком случае снимайте калоши.

— Но позвольте! Мы готовы уплатить валютой.
Продавец с любопытством посмотрел на покупателей, усмехнулся, сказал:

— Снимайте калоши, граждане. Мы за деньги не продаем.

— Почему не продаете? У нас доллары. Мы иностранцы.

— Понимаю, — сказал продавец. — Но за деньги продать калош вам не могу. У нас даже кассы нет в магазине. Не могу же я положить ваши доллары в свой жилетный карман. Уж четыре года, как мы торгуем без денег.

— Но почему? — спросил Кроль раздраженно.

— Деньги — устаревшая вещь, — сказал продавец тоном преподавателя политграмоты. — Они были распространены в эпоху капиталистического хозяйства. Тогда это было необходимо, а теперь — излишне. Ведь вы понимаете: чтобы торговать на деньги, нужна кассирша, касса, артельщик, несгораемый шкаф. Кассирша должна вертеть ручку, давать сдачу и так далее. А при нашей системе мы отрываем ярлычок от расчетной книжки и вешаем его на эту проволоку. Только и всего. Поняли? Теперь снимайте калоши.

— Но ведь здесь, в Ленинграде, много иностранцев, — горячился Кроль. — Английская речь слышится повсюду. Ведь у англичан наверное тоже нет расчетных книжек, а калоши им могут понадобиться.

Продавец засмеялся.

— Это не иностранцы говорят по-английски. Это результат деятельности общества «Языки в массы». Теперь у нас каждый город изучает какой-нибудь один язык. Так легче можно выучиться. Ленинград выбрал английский, Москва — французский, Харьков — немецкий и так далее. А калоши здесь не при чем. Поняли?

Кроль и Роммер печально сняли калоши.

— А нельзя ли где-нибудь все-таки раздобыть калоши без книжек? — спросил Кроль.

— Вряд ли. Последний магазин, торгующий за деньги, закрылся в прошлом году. Не окупил себя. До свиданья.

— Я говорю, что нам перестало везти, — сказал Кроль, оказавшись на улице. — Что же нам теперь делать?

— Попытаемся купить хоть резиновый мячик. Это тоже интересная вещь. Да и дорожат они мячиками, наверное, меньше, чем калошами.

Но напрасно Роммер так думал. Они зашли в три игрушечных магазина. Им показывали прекрасные мячи всех размеров, но когда дело доходило до уплаты, требовали опять расчетную книжку.

— Вот проклятая страна! — возмутился Роммер. — Нам необходимо выяснить, можно ли вообще достать в Ленинграде хоть какую-нибудь резиновую вещь без книжки.

Кроль спросил об этом продавца в игрушечном магазине.

— Вряд ли вам удастся купить что-либо без книжки, — ответил тот. — Впрочем, на Васильевском острове есть аптека, где продают и иностранцам за деньги. Поезжайте туда.

В аптеке на Васильевском острове Кролю удалось купить соску и клизму. Роммер от радости подпрыгнул чуть ли не до потолка.

— Теперь нам надо съездить на юг, — сказал он. — Фабрики по обработке ластовня расположены южнее Харькова. Думаю, что и калоши там достанем.

Они послали на пароход записку, что остаются ночевать на берегу. А сами, переменив валюту на со-

ветские деньги, пошли в кассу воздушных сообщений. Здесь Кроль, дрожа от волнения, попросил два билета до Харькова. В билетах им не отказали: расчетные книжки на полеты были недействительны.

В тот же день вечером они улетели в Харьков.

4. ЯН ВЫИГРЫВАЕТ СРАЗУ ДВА ДНЯ

На рассвете нога снова заняла у Яна, и он уже не мог больше заснуть. Машина по-прежнему тикала где-то в стороне, туман еще не рассеялся. Ян лежал неподвижно и успокаивал себя мыслью, что сломанная нога — это последнее его испытание. Цепь несчастий как бы завершилась, и теперь можно ожидать, что дела поправятся.

Когда туман начал редеть и распадаться на отдельные клочья, Ян собрал все свои силы и пополз по направлению к тикающей машине. Он был убежден, что у машины должны быть люди, которые помогут ему справиться с бедой.

Ян полз медленно, таща за собой, как гирию, разбитую ногу. Оборачиваясь, он долго еще видел позади себя серый забор, а машины впереди не видел. Он переполз шоссе, вдоль которого была натянута проволока. За проволокой начиналась пахота. Около этой проволоки Ян остановился.

Машина тикала уже совсем близко. Ян закричал:

— Помогите!

Стуки машины приближались, и вот, наконец, она сама вышла из прозрачного тумана. Это был легкий плуг, похожий на кузнечика. При помощи двух колес со шпорами он, не спеша, передвигался по полю, взрыхляя землю тремя лемехами. Над плугом торчала какая-то желтая палка, за плугом тащился толстый мягкий провод, но человека при машине не было.

Плуг дошел до проволоки и уткнулся в нее рычагом. Рычаг от давления откинулся назад, сдвинувши всю машину немного в сторону. Лемеха выскочили из

земли, опустив в землю три других, прикрепленных к тому же стержню с противоположной стороны. Плуг как-то крякнул и пошел обратно.

Ян следил за машиной до тех пор, пока она не скрылась в тумане.

— Вот чёрт ее возьми! — выругался он с восторгом, когда смотреть больше было не на что.

Он запустил руку во вспаханную землю.

— Здорово забирает...

Через несколько минут плуг с точностью маятника опять пришел к проволоке, перевел рычаг и двинулся обратно. Ян забыл про свою больную ногу, так его заняла машина. Он лежал у проволоки и ждал возвращения плуга. Пошел тихий дождь. Туман таял на глазах.

Плуг вновь приближался. Не доходя нескольких шагов до Яна, он как-то весь встрепенулся, и из его палки развернулся желтый зонтик. Теперь он продолжал работу под зонтиком, и этим опять поверг Яна в крайнее удивление и восторг.

Лежа под дождем у проволоки и наблюдая интересную работу машины, Ян пришел к заключению, что плуг работает электричеством. Он сообразил, что если человека у плуга нет, то за машиной все-таки следят, может быть, на электрической станции. Наверное, там заметят, если плуг остановится. Ян подполз к тому месту, где по его расчетам плуг должен был уткнуться в проволоку, и когда машина пришла, протянул руку, чтобы задержать ее. Но он не успел дотронуться до плуга. Что-то загудело в машине, и металлический голос отчетливо произнес:

— Стоп! Не прикасайся ко мне, если не хочешь получить искры в бок.

Ян упал на землю от неожиданности.

«Вот это машина, так машина!» — подумал он и почувствовал в себе какой-то задор. Ему очень захотелось остановить плуг. Терпя невыносимую боль, он пополз за проводом, ухватил его и дернул изо всей силы. Провод оторвался от плуга, и плуг остановился. А Ян от боли в ноге потерял сознание.

Он пришел в себя от рева автомобильного гудка и крика:

— Эй, заснул, что ли?

На шоссе стоял автомобиль, похожий на автобус. На крыше автомобиля торчал небольшой подъемный кран, а поперек кузова латинизированным шрифтом было написано: **masterskaa**. Кричал на Яна человек, сидевший у руля. Ян поднял голову и застонал. Человек соскочил, с автомобиля и подошел к нему. Он был высокого роста, и голос его звучал как с каланчи.

— В чем дело?

— Дайте пить.

— Дай ему бутылку нарзана, Макарчук! — закричал человек.

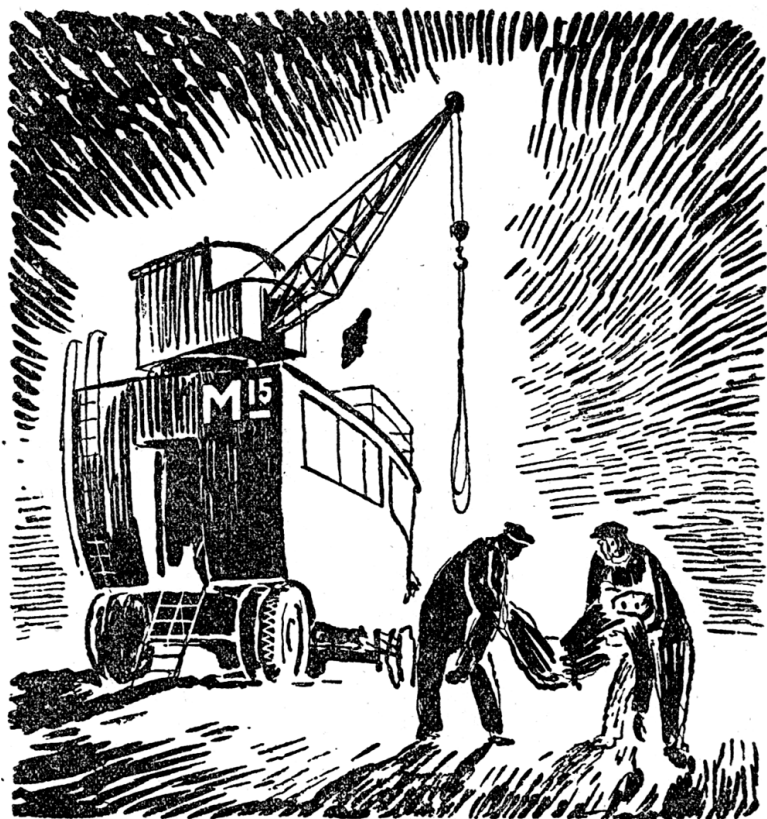
К первому человеку присоединился второй, с бутылкой в руках. Оба они были одеты в брезентовые комбинации песочного цвета, которые грубо облегли тело, так что люди были похожи на глиняные игрушки.

Один из людей нагнулся к Яну и подал ему бутылку газированной воды. Ян с удовольствием выпил несколько глотков,

— Ты откуда взялся-то? — спросил его тот, что подал бутылку. — Ветром занесло, что ли?

— Да, ветром. Я из-за границы.

— Рабочий?

— Текстильщик. У меня нога сломана. Это я плуг остановил. Вырвал провод. Помогите.

— Ага, вот в чем дело. А мы по счетчику заметили, что плуг № 99 остановился. Вот и прикатили. Ну, мы тебя сейчас заберем в машину. Дай только плуг запустить.

Они оба подошли к плугу и соединили его с проводом. Плуг затикал опять. Ребята вернулись к Яну.

— Ты сам-то в машину влезть можешь? — спросил рулевой.

— Нет, не могу.

— Ну, мы тебя сейчас краном поднимем.

Они положили Яна на доски, доски на брезент. Потом зацепили брезент крюком, и Ян почувствовал, что поднимается на воздух. Затем кран повернулся, и Ян через отверстие в крыше автомобиля спустился на узкую походную койку.

— Теперь держись! — сказал рулевой. — Мы тебя живо в больницу доставим.

— Мне бы надо в деревню... как ее? Князьки Гнилушки.

Рулевой засмеялся.

— Да мы как раз к тому месту и поедem. Мы тамoшные мужики, понял? Я — Громчук, а тот, что тебе бутылку подал, — Макаpчук. Мы сегодня с ним вдвоем все здешние поля пашем. А ведь полей-то — десять тысяч гектарчиков. Это не жук начхал!

Ян поразился не величине площади, которую пашут двое людей, а совсем другому. Он спросил:

— А почему вы сегодня работаете? Ведь сегодня воскресенье.

— У нас в Союзе нет ни суббот, ни воскресений, — объяснил Громчук. — По нашему счету сегодня вторник.

— Вторник? — закричал Ян.

— Ну да. Чего ты?

Ян не ответил. Все равно, они ничего не поймут! Ведь если сегодня вторник, то значит, он выиграл два дня вперед. Перебил несчастливую линию. Значит, он больше никогда уже не будет опаздывать на один день!

Автомобиль рявкнул и покатился по шоссе.

«Выкрутился!» — подумал Ян и закрыл глаза.

У него началась лихорадка.

5. КРОЛЮ ЧЕРТОВСКИ НЕ ВЕЗЕТ

Кроль и Роммер не достали калош и в Харькове. Здесь им на украинском языке объяснили то же самое, что в Ленинграде по-русски: нужна расчетная книжка.

— Чёрт знает! — сказал Роммер Кролю на ухо. — Впечатление такое, что мы ищем не простые калоши, а калоши счастья. Теперь я совершенно не знаю, что нам делать.

— Зато я знаю, — ответил Кроль. — Раньше в СССР по городам ходили татары. У них-то мы и купим калоши. Наверное, татары не интересуются расчетными книжками.

Они принялись искать татар, но их нигде не оказалось в Харькове. В справочной будке Кроль спросил:

— Куда девались татары?

— Вы, вероятно, иностранцы? — любезно спросил голос из будки.

— Да, конечно.

— Так вы ошиблись, граждане. Вам надо ехать в Татарскую республику, а здесь — Украинская. Татарская республика лежит значительно восточнее, на Волге. Поезд на Казань отходит в четырнадцать часов.

Но Кроль и Роммер вовсе не собирались ехать в Казань. Они решили окончательно отказаться от поисков калош и сделать попытку приблизиться к производству резиновых изделий. По электрической железной дороге они выехали на станцию «Кавчук», возле которой помещался огромный завод по обработке ластовня.

От станции до завода шла прекрасная резиновая дорога. Роммер нагнулся, ему захотелось вынуть

хоть одну плиточку. Но с этим делом ничего не вышло: плитки были хорошо скреплены и не поддавались пальцам.

Интуристы зашагали по резиновой дороге, испытывая муки Тантала. Резина была под ногами, но как ее взять? Идти по резиновой мостовой было очень приятно. Она была эластичной и совсем не скользкой. Автомобили пробегали мимо них бесшумно, как тени облаков.

В конторе каучукового завода интуристы обратились к управделами с просьбой разрешить им оглядеть производство. Тот посмотрел на них участливо и с сожалением сказал, что не может дать разрешения.

— Каучуковое производство, — разъяснил он, — связано с обороной. Мы не показываем его иностранцам. Только иногда, в виде исключения, директор дает пропуска.

— Так мы к нему и обратимся, — сказал Кроль. — Кто у вас директор?

— Наш директор инженер Абрикосов сейчас на совещании. Но, конечно, вы его можете подождать.

— Хорошо. Только будьте добры, скажите, его зовут не Василий?

— Да, Василий Васильевич. Вы его знаете?

Кроль проворчал что-то невразумительное и на минуту задумался. Он представил себе Ваську Абрикосова, пунктуального и холодного мальчика с задатками формалиста. Лучше уж ему не показываться на глаза, может арестовать.

— Идемте, Роммер, — сказал Кроль покорно. — Если производство считается военным, придется отказаться от осмотра.

Они вернулись на станцию опять по резиновой дороге, на которую завидно было смотреть. У началь-

ника станции узнали, что в пятидесяти километрах находится еще один завод каучука. Электрический поезд подхватил их на свои мягкие подушки, и через час пятьдесят километров были за спиной.

И здесь, как на «Кавчуке», от станции шла длинная резиновая дорога. Она вытянулась среди вспаханных полей, как огромный приводной ремень, уложенный для просушки. Путешественники бесшумно зашагали по резине. На их несчастье вдруг, ударил сильный дождь, и Роммер совершенно искренне воскликнул:

— Чёрт знает, идем по резине, а калош нигде не достанешь! Абсурд советского строя!

В конторе завода им предложили получить разрешение на осмотр у дежурного инженера.

— А как его фамилия? — робко спросил Кроль.

— Инженер Ежов.

— Евгений?

— Да. Евгений Иванович.

Кроль представил себе Женьку Ежова, лохматого и злого парня, который никому не давал спуска. Наверное, теперь он стал еще злее и решительнее.

Пришлось уходить и отсюда. Под проливным дождем интуисты перебрались через резиновое шоссе, с которого так хорошо сбегала вода.

— Дальше идти невозможно, — сказал Роммер. — Давайте переждем дождь. Вот здесь можно устроиться.

Они вбежали на крыльцо клуба, прикрытое стеклянным колпаком, похожим на прозрачную черепаху.

— Теперь я понимаю, что значит, когда чертовски не везет, — сказал Кроль печально. — Ручаюсь вам, что этот дождь не перестанет до утра.

6. ГРАЖДАНИН КАЛИНКИН

Но им наконец повезло.

Пузатый немолодой человек, с объемистым желтым чемоданом, вбежал на крыльцо клуба. Роммер не успел еще открыть рта, чтобы расспросить незнакомца о резине, как тот уже заговорил сам:

— А паршивая штука — гулять без калош по такому дождичку!

Калош на незнакомце не было. Это Роммер счел за хороший признак и не задержался с ответом.

— Особенно неприятно мокнуть здесь, в резиновом царстве. Нельзя сказать, чтобы Советы были гостеприимны. Мы — иностранцы, и не можем достать калош ни за какие деньги...

— Вы — иностранцы?

Незнакомец посмотрел восторженно на путешественников, придвинулся к ним и тихо прошептал:

— Воображаю, какую жуть вы переживаете здесь, в стране социализма!

— Что и говорить! — ответил Кроль многозначительно.

Незнакомец засмеялся.

— Да, здесь вам не Европа. Позвольте представиться: перед вами экземпляр вымирающей в СССР людской разновидности. Я нелегальный капиталист Калинин. Вы страдаете здесь? Так утешьтесь, я страдаю в десять раз больше вашего.

Недолгое молчание.

— Какую же функцию выполняете вы сейчас в СССР? — мягко полюбопытствовал Роммер.

— О, самую незначительную! Всего только торгую вразнос самогонным спиртом. Больше здесь делать нечего.

У Роммера моментально появилась мысль, что «нелегальный капиталист» может быть полезен во многих отношениях. Он завел пространный разговор с Калинкиным, все время подчеркивая, что очень интересуется положением частного капитала в СССР.

Калинкин проникся доверием к любезным иностранцам и рассказал им о себе решительно все.

Прежде всего, он с гордостью заявил, что заработок его от продажи спиртного хорош и во много раз превышает зарплату директора любой фабрики. Любители спирта не перевелись еще в СССР. Кроме того, удается иногда доставать из-за границы коньяк и ликеры. Но все же в положении Калинкина были и неудобства. Например, он не имел квартиры, и принужден был ночевать в поездах и у знакомых пьяниц.

— Почему же вы не уедете за границу? — спросил Кроль участливо. — Там квартир сколько угодно.

Калинкин тяжело вздохнул.

— Представьте себе, привык к СССР. Все мои деды и прадеды занимались здесь продажей спиртного, разумеется, в несколько больших масштабах, чем я. Я тоже решил умереть в России. Ведь к каждому положению можно привыкнуть. Временами мне кажется, что собственная квартира — предрассудок.

Роммер поинтересовался, все ли другие капиталисты живут в СССР перелетными птицами.

— К сожалению, это вошло в обычай, — ответил Калинкин. — Нас не пускают в советские дома, а других нет.

— А кулаки? — спросил Кроль.

Калинкин стыдливо потупил глаза.

— Кулаки? Они рассосались в северных широтах.

— Конкретней.

— Все они в свое время были направлены из районов сплошной коллективизации на север. Там они гнали деготь, охотились на белок, заготавливали лес, собирали грибы. В лесах, под елками, они растеряли свои кулацкие инстинкты и теперь мало чем отличаются от обыкновенных советских граждан. «Бытие определяет сознание», — как говорит русская пословица. Самые упрямые расселились у Ледовитого океана, дальше ведь ехать некуда. В океане они ловят моржей и рыбу. Не могу вам сказать, хорошо ли клюет рыба в Ледовитом океане. Я там не был, хотя спирт на побережье, говорят, в цене...

Калинкин умолк, затем продолжал с горечью:

— Главное наше несчастье заключается в том, что советская власть отвоевала у нас детей. Мы добились, чтобы их принимали в школы. Их приняли. Но в школе нашим детям внушили такое отвращение к так называемым нетрудовым доходам, что нам не удалось создать себе смены. Наши дети, подрастая, отказывались от нас, объявляя об этом в газетах, на последней странице... Так было и со мной...

Роммер решил, что Калинкин слишком расчувствовался и что поэтому довольно, пожалуй, разговаривать о судьбе капиталистов в России. Незаметно он перевел разговор на резиновое производство.

Калинкин очень охотно поделился своими сведениями об обработке ластовня. Оказалось, что у него был знакомый инженер на заводе, который как-то за рюмкой коньяка рассказал ему все секреты производства.

Калинкин сообщил Роммеру, что подсушенный ластовень дробят в барабанах, набитых галькой, а затем промывают в широких ящиках, где каучук всплывает в виде пены. Он описал и все остальные

процессы производства. Рассказывал все это Калинин со злорадством: ему казалось, что, беседуя на секретные темы с иностранцами, он подрывает мощь СССР.

Роммер все время делал вид, что интересуется ластовнем так, между прочим, в порядке туризма. Лишь временами он задавал вопросы и получал от Калинкина толковые ответы.

— В общем ластовень, кажется, доходная вещь? — сказал Кроль. — Ведь цены на каучук в Европе очень высоки.

— Да, конечно, — ответил Калинин, — но, надо вам заметить...

Тут Калинин вдруг побледнел, поднял воротник пальто и сбежал с крыльца. Через улицу проходил агент охраны завода.

— Что надо заметить? — закричал Роммер.

Калинкин махнул рукой и исчез за дождем.

— Ну и чёрт с ним! — рассмеялся Роммер, — Теперь весь процесс мне ясен. Обработка ластовня мало чем отличается от обработки гваюлы ^{*)}. Можно считать поездку удавшейся...

Дождь начал переставать, и интуристы кратчайшим путем прошли на станцию. Там они узнали, что до отхода поезда остался целый час. Чтобы скоротать время, они зашли в парикмахерскую побриться.

При выходе из парикмахерской Роммер задержался в раздевальне, а затем быстро догнал Кроля.

— Ну, теперь можно смело возвращаться домой, — сказал он весело, беря Кроля под руку. — Одержана еще одна победа на резиновом фронте.

— Именно?

— Посмотрите мне на ноги.

^{*)} Гваюла — мексиканское каучуконосное растение.

Кроль опустил глаза и увидел на ногах Роммера совершенно новые калоши.

— Вы украли их в парикмахерской, Роммер?

— Так точно. Мне кажется, что это единственный способ получить в этой стране калоши без расчетной книжки.

Вечером того же дня они были в Харькове, а на другой день в Ленинграде. Там они присоединились к экскурсии, осматривавшей Исаакиевский собор. Свое двухдневное отсутствие они объяснили недомоганием.

Во время прогулок по Ленинграду Роммеру удалось еще срезать бритвенным ножичком кусочек автомобильной шины. Кроме того, Кроль нашел на тротуаре резиновый каблук.

Теперь они считали уже, что больше в СССР им делать нечего.

7. ЯНУ НАЧИНАЕТ ПОНЕМНОГУ ВЕЗТИ

В автомобиле Ян уснул, а когда проснулся, то сейчас же заметил, что его уже перенесли в какое-то другое помещение.

Все кругом было белое, как будто весь мир внешне побледнел. Сам Ян лежал в чистой рубашке на белой койке и не мог уже пошевелить ногой. Она была забинтована и казалась большим коконом.

Ян приподнял голову и оглядел стены помещения.

Похоже было на то, что он лежит в небольшом вагоне, приспособленном под больницу. По стенам в два яруса койки, узкие, белые, пустые. На белой табуретке рядом с его койкой лежат противогаз и бумажник, в котором ничего не было. И то и другое Ян сейчас же спрятал под подушку, а затем притворно застонал.

Сейчас же в комнате появилась женщина в белом халате и взяла Яна за пульс. Затем сказала:

— Мы вам делали перевязку под наркозом. Кости целы, но нога вывихнута. Вам придется полежать. Есть хотите?

Ян никогда не удивлялся ничему плохому. Он не удивился бы, например, если бы его ошпарили кипятком или ударили по больной ноге оглоблей. Так он был с детства воспитан. Но все хорошее производило на него потрясающее впечатление, может быть потому, что хорошее редко встречалось в его жизни. Поэтому теперь, когда ему вежливо предложили закушать, он решил, что мир изменился.

Женщина стояла перед ним, дожидаясь ответа.

— Я очень хочу есть, — сказал Ян искренно. — За весь вчерашний день я съел только булочку и апельсин.

Женщина взяла трубку телефона и попросила подать обед. Через пять минут перед Яном стоял уже судок, и он обедал. Накормили его прямо по королевски. Достаточно сказать, что в супе плавала половина курицы с одной ножкой и крылышком. Потом была рыба с картофелем, а на третье — консервированные груши в сиропе.

Этот немислимый обед проник не только в желудок Яна, но и дошел до самого его сердца. Ян почувствовал вдруг глубокий интерес к СССР и ко всему тому, что здесь происходит.

«Устроились же люди на земле! — подумал он и тяжело вздохнул. — Питаются, как офицеры в военном собрании».

Ян вспомнил, как, будучи солдатом, дежурил на офицерской кухне и видел там такие же половинки кур, которые, однако, на одном крылышке пролетали мимо его рта. И ему захотелось поскорее посмотреть в окно и выяснить, что это за вагон, в котором он лежит, и что это вообще за страна, где подают обеды из трех блюд первым встречным.

Он ломал себе голову над этими вопросами, когда дверь в вагон открылась и перед ним предстал его знакомый, Макаруч, уже не в прозодежде, а в белом халате.

За ним стоял высокий человек тоже в белом халате.

— Вот, товарищ Носов, наш раненый, — сказал Макаруч. — Упал с неба в наш совхоз и сломал себе ногу.

Товарищ Носов, человек с большой головой, при-

двинул белую табуретку к постели Яна и уселся на нее. Потом начал подробно расспрашивать, каким образом Ян переправился через границу.

— Я остался без работы, — сказал Ян, — и должен был умереть с голода.

Таково было начало. А дальше Ян без утайки рассказал все свои приключения. Умолчал он только о своем разговоре с братом Мечиком и в газгольдерах, которые расположены по ту сторону границы. Скрыл он это по самой низменной причине: он боялся, что у него отберут противогаз, а этот противогаз он считал огромной ценностью.

Ян довел свой рассказ до того момента, как они опустились на поле, отравленное газами.

Дальше он рассказывать не мог: ему надо было узнать, что это за поле, и какие там газы.

Носов объяснил все это очень просто. Прежде всего, он засмеялся.

— Как же это вас угораздило на таком неподходящем месте снизиться? — спросил он.

— Аэроплан забастовал. Он и теперь, должно быть, там стоит.

— Никакого там аэроплана нет. Мне только сказали, что на огороде сегодня много капусты поломано. Вот в чем дело...

— Капусты?

— Ну да, капусты. У нас за этими железными заборами капустники расположены. Мы капусту углекислотой поливаем. Иными словами, воздух удобряем. От углекислоты она растет как бешеная. Через месяц будем свежие щи хлебать.

— Так, значит, там у вас огороды...

— Натурально.

Ян не знал даже, что и сказать. Значит, все эти

отравленные поля, железные заборы и все остальное — только скромные огороды. Вот так история! А он-то думал, что СССР готовится к войне.

— А почему у вас плуги разговаривают, товарищ Носов? — сказал Ян, понимая, что говорить дальше об отравленных полях нечего.

— А это вы у товарища Макаrchука спросите, это его рук дело, — ответил Носов. — Мне самому сейчас разговаривать некогда. У меня весь совхоз на руках.

— Какой совхоз?

— Да вот этот, «Приграничный». Ну, пока.

И Носов ушел.

8. СОВХОЗ НА КОЛЕСАХ

Макарчук оказался очень разговорчивым парнем. С точки зрения Яна у него был только один недостаток: все, что происходило вокруг, он считал самым обыкновенным делом и ничему не придавал значения. А для Яна все это было ново, и он волновался, желая узнать все мелочи. При этом неожиданно для самого себя Ян почувствовал, что раньше на родине он никогда не интересовался такими вещами. Макарчук рассказал ему подробную историю совхоза «Приграничный».

Из рассказа Макарчука выяснилось, что раньше в этих местах были бедные деревни, которые лет десять назад объединились в колхоз. Постепенно, в связи с усовершенствованием хозяйства, стало ясно, что народа в деревнях гораздо больше, чем нужно для обработки земли. Фабрик при границе не строят, так как боятся, что в случае войны они будут разрушены. Поэтому комиссариат борьбы с потерями перебросил большинство крестьян в другие места, где народа недостаточно. Теперь на месте колхоза существует совхоз «Приграничный». Обработка земли ведется самым интенсивным образом. Применяются электроплуги, которые пахут без участия рабочих.

— А зачем же эти плуги кричат? — спросил Ян.

— Да это так, — ответил Макарчук смущенно. — Это я придумал для потехи. Они моим голосом кричат только одну фразу. У нас тут разный народ шляется из-за границы. Бывает, что и плуги поворачивают. Вот я и поставил на них машинки.

— А где же вы живете? — спросил Ян, подумавши.

— В автомобилях. Мы ведь все городские. Сюда приезжаем только весной пахать, а осенью — для уборки хлеба. Как ссыплем хлеб в элеватор, так прощайте.

— А хорошо ли в автомобилях жить?

— Ничего. Само дело этого требует. Ведь нас тут всего сто человек, а земли десять тысяч гектаров. Передвигаться приходится целый день. Вот ты посмотри: чего-чего у нас тут нет!

Макарчук приподнял Яна, и тот заглянул в окно. Он увидел множество автомобилей самого различного назначения. Некоторые из них стояли под навесами, а другие просто вдоль шоссе. Тут была и электростанция на колесах, и цистерны с керосином, кухни, походные мастерские, кинопередвижка с серебряным экраном и даже автомобили в два этажа. Макарчук показывал на каждый автомобиль пальцем и рассказывал, в чем его назначение. А то, пожалуй, Ян и не разобрался бы.

— А куда же вы их зимой деваете? — спросил Ян.

— В город, в гараж. А сами — в разные стороны. Я, например, в Киеве учусь в политехникуме, а Носов в Москве лекции читает по капусте.

Все это Яна очень удивило. Он спросил:

— Неужели все крестьяне в СССР живут в автомобилях?

— Да нет же! — ответил Макарчук с возмущением. — Как ты не понимаешь? Здесь у нас фабрик нет, поэтому мы и живем на колесах. А в других местах при зерновых хозяйствах заводы построены — макаронные, крахмальные, кондитерские. Там живут в домах. Понял?

Ян ничего не понял, но кивнул головой. Ему трудно было все сразу переварить в своей голове.

— Вот поправишься, я тебе все хозяйство покажу, — сказал Макарчук, вставая. — Выберу свободный денек и прокачу на мотоциклетке. Поправляйся.

Макарчук ушел, а Ян призадумался. Его поразило легкомыслие русских. Неужели они и не помышляют, что в нескольких километрах от них идут военные приготовления, казармы полны солдатами, и аэропланы стоят, как цепные собаки, готовые броситься вперед. А они тут разводят капусту, придумывают говорящие машинки, катаются на автомобилях...

И одна отчетливая мысль пришла Яну в голову: «Пожалуй, правильнее всего как можно скорей стрельнуть отсюда».

9. ЯН СОГЛАСЕН РАССТАТЬСЯ С ПРОТИВОГАЗОМ

Ночью Ян проснулся. Ему показалось, что ветер начал дуть с запада. Он потянул в себя воздух носом, и ему померещился какой-то странный запах. Может быть, волна газа уже идет неслышной поступью, заполняет овраги, заползает в дома, и мухи начинают валиться с потолков, птицы падают с деревьев, а люди умирают во сне в страшных кошмарах.

Ян заволновался, вытащил из-под подушки противогаз и натянул его себе на голову. Так он пролежал некоторое время. Дышать было трудно, а заснуть — невозможно. Да еще смущала мысль: он обезопасил себя, а как же все остальные?

Ян стащил противогаз с лица и закричал. Вошла женщина и спросила, что ему надо. Ян потребовал, чтобы немедленно позвали товарища Носова. Он решил рассказать ему все и даже отдать противогаз, если это потребуется.

Женщина подержала Яна за пульс и попросила успокоиться. Но Ян не мог успокоиться, и снова повторил свою просьбу пригласить Носова. Женщина накала капель в стаканчик и попросила Яна выпить. Ян выпил, поволновался еще немного и заснул. Но утром, проснувшись, он заявил, что все-таки просит товарища Носова прийти в лазарет.

Носов пришел, но по всему видно было, что он недоволен и сердит.

— Что вы знаете насчет газа, товарищ Носов? — спросил Ян.

— Какого газа?

— Ядовитого. Того самого, который приготовлен за границей в подземных хранилищах... который пойдет по трубам...

— Сказки...

— Нет, не сказки. А вот это вы видели?

И Ян подал ему противогаз.

Носов подержал противогаз в руках, развинтил патрон, посмотрел его, потом вернул противогаз Яну.

— Мало я в этом деле понимаю, — сказал он. — Мое дело — капуста и зерновые. Все, что касается хозяйственного применения газа, это моя специальность. А по части обороны я не спец.

Яна поразили эти слова. Он думал, что Носов, увидевши противогаз, заволнуется, побежит куда-то.

— Да ведь погибнете вы все! — сказал Ян, глядя в глаза Носову.

— Вряд ли. Нас западный пролетариат поддержит.

— Да ведь западный пролетариат далеко. А тут у границы солдаття видимо-невидимо.

И Ян рассказал Носову все, что знал о войне. Носов зевнул.

— Должно быть, у вас лихорадка, товарищ, потому вы так и волнуетесь, — сказал он спокойно. — У нас на границе охрана стоит. Блиндажи там, артиллерия.

— Но ведь газ-то на все это не посмотрит. Он всех солдат передушит в блиндажах.

Видимо, разговор начал надоедать Носову.

Он поднялся и насмешливо сказал:

— Опять вы про газ! Ну, вот что я вам скажу: ближайšie два года ветра в сторону СССР не предвидится. Поняли? Ну, пока!..

И вышел из лазарета.

Ян проводил его возмущенным взглядом. Он отлично понимал, что насчет ветра Носов пошутил. Как так не будет ветра в сторону СССР? Ведь если все будут рассуждать так, то, конечно, от Союза ничего не останется.

И если бы не больная нога, Ян сейчас же соскочил бы с койки и бросился на поиски людей, которые отнеслись бы более внимательно к его страхам и противогазу.

10. ВОДОЧНЫЙ ЗАВОД № 88

Прекрасные люди жили в совхозе «Приграничный». Они хорошо и продуктивно работали, много ели, смотрели и слушали кино по вечерам и были разговорчивыми собеседниками. Все же остальное их не касалось.

Когда Ян заговорил о войне с Макарчуком, тот отнесся к этому делу совершенно так же, как Носов. Посмотрел противогаз, развернул патрончик и, сославшись на поддержку мирового пролетариата, перевел разговор на другую тему. Ян был человек тихий, но и то возмутился. Он затаил в себе подозрение, что в совхозе «Приграничный» не все благополучно, и о войне больше не говорил.

В первый же день, когда Ян без посторонней помощи мог выйти из лазарета, Макарчук подал ему мотоцикл и предложил осмотреть хозяйство совхоза. Ян с радостью согласился. Макарчук усадил его в прицепку и пустил мотоцикл по шоссе так быстро, что у Яна затряслось лицо.

Электрические плуги к тому времени уже кончили свою работу, и поля уже были засеяны. Осимые зеленели сплошным зеленым ковром. Ковер этот выплывал навстречу быстрому бегу машины, поворачивался вокруг какой-то оси на горизонте и сменялся снова черными полями яровых.

— Во всем СССР нет ни одной межи! — хвастливо крикнул Макарчук, скаля зубы под автомобильными очками. — За счет этого у нас тысячи тонн лишнего хлеба родятся.

Ян не имел никаких возражений против уничтожения межи, но его поразило странное безлюдье

местности. Словно газ уже прошел по этим полям и превратил всех людей и лошадей в прах.

Ян закричал Макарчуку:

— Почему никого нет?

Макарчук остановил машину.

— Да ведь объяснял же я тебе в первый день, что у нас расселение произведено. Здесь людей больше и не требуется. Ведь земли в СССР непочатый край, а народа не хватает. Здесь у нас нет ни фабрик, ни городов, значит, и людям нечего здесь болтаться.

И он пустил машину тихим ходом. Они проехали немного, и Ян увидел в стороне нечто похожее на фабрику. Поперек шоссе шел какой-то бетонированный канал, а дальше возвышались невысокие бугры, напоминающие крыши.

— А это разве не фабрика? — спросил Ян. — Или это крепость?

Макарчук засмеялся.

— Какая там крепость! Это водочный завод № 88.

— Под землей?

— Да, тут граница близко. Поэтому он и построен так солидно. Защищен от налета.

— Слушай, товарищ, — сказал Ян тихо. — А нельзя ли там немного водочки достать? Выпить хочется.

— Нет, брат, сейчас не достанешь. Завод не работает. Прежде он входил в наш комбинат, и мы на нем гнали спирт из зерна. В СССР много, брат, водки пили в прежние времена. Но четыре года тому назад во всем Союзе на рабочих собраниях было решено ни капли в рот не брать. И много водочных заводов после этого позакрыли. Ну, и этот попал в их число.

— А когда-нибудь его опять пустят?

— Ничего не известно. Это уж как там решат. Он в полной исправности, и на нем инженер живет и работает. Если нам спирт потребуется, моментально можно будет пустить.

— А все-таки чудно! — сказал Ян. — Нашли, что строить на границе — водочные заводы! Ты бы посмотрел, что там понастроено, так ахнул бы!

Макарчук ничего не ответил, только припустил машину. Они подъехали к забору из гофрированного железа и осмотрели капусту. Теперь она уже начала завиваться. Они обошли весь огород и видели даже дерево, с которого Ян спрыгнул в злополучную ночь. При свете дня огород выглядел несколько не страшно и был похож на обыкновенный капустник, только за железным забором.

Ян вернулся к себе в лазарет совершенно расстроенный. Ему очень понравилось хозяйство совхоза, но страхи его от этого не уменьшились. Наоборот, он решил, что должен предпринять что-нибудь срочное и особенное.

— Потихоньку поеду в Москву, — сказал он сам себе. — Прямо к военному министру и ему все доложу. Если у них страна пролетарская, меня послушают.

11. ДУШИСТЫЙ РОЗОВЫЙ ЦВЕТOK

Ластовень — чрезвычайно полезное растение, и очень странно, что люди так поздно обратили на него свое внимание.

Достаточно сказать, что он дает вату, как хлопок, и волокно, как кенаф. Его млечный сох содержит в себе каучук, но и этим не исчерпываются достоинства ластовня. Он медоносен, как липа, и семена его не менее маслянисты, чем подсолнечные. Ко всему этому ластовень неприхотлив и засухоустойчив. Он обладает мощной корневой системой и может быть употреблен для крепления оврагов и берегов. Цветущий ластовень дает душистые розовые цветы и вполне годен для садов.

В СССР заинтересовались ластовнем одновременно как каучуконосом и как хлопковой культурой. Когда все качества этого растения были выяснены, ластовень распространился по полям Украины, вытеснив ряд других технических культур. В свое время именно ластовень помог СССР освободиться от ввоза иностранного хлопка. Позже он покрыл всю потребность Союза в каучуке и даже дал возможность советской промышленности применять этот дорогой материал гораздо шире, чем это практиковалось в других странах. Но ластовень требовал очень больших площадей. Он занял почти весь юг Союза, потеснив хлеба на север, который раньше почему-то считался неподходящим для земледелия.

Западная Европа не располагала излишками земли, чтобы засадить у себя поля этим полезным растением. Зерновые культуры там тоже, конечно, не оправдывали себя. Но их сохраняли искусственно за

счет субсидий военного ведомства на случай войны. Под ластовень же земли не находилось.

Мировые цены на каучук к тому времени поднялись до невероятных размеров. Это было результатом деятельности объединения англо-американских каучуковых королей «Роббер синдикат». Все стремления американцев снизить цены ни к чему не приводили. «Роббер синдикат» свирепствовал на мировом рынке и довел дело до того, что автомобильные резиновые шины составляли чуть ли не четверть стоимости всей машины.

Кроль, заинтересовавшись каучуком, решил, что он может пустить под новую культуру, кроме своих собственных земель, огромные площади песчаных вересковых полей, которые принадлежали казне и лежали без всякого употребления. Арендовать эти земли на десять лет не представляло особого труда, и еще из Ленинграда Кроль дал телеграмму Пашкету с приказом проделать эту операцию. Пашкет разбился в лепешку, чтобы угодить хозяину, и к приезду Кроля огромные площади земли уже вспахивались тракторами. Кроль спешил с этим делом, потому что решил произвести посев ластовня именно этой весной.

Но по вполне понятным причинам Кроль и Роммер не имели возможности закупить и вывезти из СССР нужного количества семян ластовня. Они путешествовали инкогнито, и их деловые сношения с органами СССР выразились только в неудачной попытке купить калоши и проникнуть на резиновые фабрики.

Кроль вообще был уверен, что приобретение большой партии семян ластовня будет затруднительно и обойдется в копеечку. Но он не считал этого дела невозможным.

По возвращении домой Кроль, поручив Роммеру

произвести анализ калош, кусочка шины, каблука и соски, вывезенных из СССР, сам занялся вопросом о приобретении семян. Сначала он решил использовать легальные способы и дал консулу в Москву телеграмму — возможно ли приобретение трехсот тонн семян ластовня для посева.

Ответ пришел очень быстро и поразил Кроля своей неожиданностью.

Консул телеграфировал:

Семена ластовня (каучуконоса) могут быть отпущены в любом количестве со складов Укрнаркомзема по цене — одиннадцать фунтов тонна.

Кроль запросил нужное количество семян. К этому времени Роммер, уже произвел анализы и установил состав советского каучука. Мало того, он успел спроектировать систему машин, позволяющих выделить каучук из ластовня. В основу своей работы он добросовестнейшим образом положил рассказ Калининкина под дождем. Дела складывались как нельзя лучше. Кроль, не мешкая, заказал оборудование для фабрики с таким расчетом, чтобы оно было готово к осени. Одновременно с этим он информировал правительственные круги о своем новом начинании. Проект его получил полное одобрение.

Роммер, который по природе своей был промышленным бандитом, все время находился в страшном возбуждении. Он боялся, что дело с семенами сорвется. Но дело не сорвалось. Семена ластовня, похожие на раздавленных клопов, прибыли в срок, и их отправили на плантации.

В тот же день Роммер сказал Кролю:

— Бейте меня по щекам, хозяин, если к будущей весне все автомобили в нашей стране не будут ходить в башмаках марки «Арт Кроль»...

12. ЯН СНИМАЕТСЯ С МЕСТА

Ясно без объяснений, что Яна Коржека никак нельзя было назвать сознательным пролетарием. Он был неопределившимся человеком, одним из тех европейских рабочих, которые часто так и не определяются до конца своих дней.

Именно за сердца таких людей буржуазия билась с коммунизмом во всем мире. Буржуазия обещала им немного — всего только местечко на заводе, собственную квартиру, кружку пива и новый костюм. Коммунизм звал вперед, куда-то в неизвестные дали. Неопределившемуся человеку предоставлялось выбирать.

Что касается Яна, то до самого последнего времени его симпатии определенно склонялись к собственной квартире и пиву. Он остался бы при этих симпатиях и дальше, если бы вдруг дела его не сложились так, что он чуть не умер с голода. Перспектива голодной смерти заставила его сделать шаг, о котором он прежде и не помышлял: перебраться в СССР. Ступив на этот путь, Ян вдруг почувствовал, что его прежние убеждения хромают на обе ноги и здесь, в СССР, с ними не проживешь.

На его родине ему был внушен страх к политике. Он знал, что рабочих, занимающихся политикой, сажают в тюрьмы, и они страдают там.

Он знал также, что политика — это хитрая наука и что Феликс, который занимался политикой, таскал книги целыми пачками и не гулял с девушками, так; как не имел на это свободного времени. А Яну больше нравилось ходить с Броней в кино и за город. Так он и прогулял политику, вернее променял ее далекие цели

на близкую и доступную, казалось бы, цель — устройство своей личной жизни. Но жизнь-то свою он как раз устроить и не сумел.

Оказавшись в СССР с противогазом в кармане и встретив радушный прием, он вдруг почувствовал, что на него свалилась забота: спасти Союз от опасности. Его возмущало равнодушие окружающих к военной тайне, которую он привез с собой. И вот он решил, что именно он, Ян Коржек, поможет СССР разоблачить козни врагов.

Конечно, Яном руководило похвальное намерение. Может быть, впервые в жизни он почувствовал себя пролетарием, членом международного братства рабочих. Он решил принять участие в политике, тем более, что здесь, в СССР, это вовсе не было опасно. Но путь, который он выбрал для этого, был не очень блистателен: он решил тайно уйти из колхоза.

К этому времени нога у него зажила совершенно, и он уже мог свободно ходить. Сейчас же после обеда он, сказавши докторше, что пойдет прогуляться, двинулся по направлению к станции. Идти надо было шесть километров. Маршируя вдоль шоссе, Ян думал о том, что, уйдя из колхоза, ни с кем не простившись, он собственно не совершил никакого дурного поступка. Ведь он направляется в Москву для блага всего Советского Союза, и поэтому совесть его чиста. Конечно, лучше было бы проститься с товарищем Носовым, но тот, наверное, не пустил бы его в Москву, а направил в Киев, в распоряжение Бюро по распределению рабочей силы.

Ян прошел уже полдороги, когда его догнал автомобиль. В автомобиле сидел только один человек. Поравнявшись с Яном, автомобилист закричал добродушно:

— На станцию идешь?

— На станцию.

— Садись, подвезу.

Ян уселся в машину, и человек начал с ним разговаривать. Он ни о чем не спрашивал Яна, а о себе рассказал все. Из его слов Ян понял, что он заведующий водочным заводом № 88, инженер Петин, и едет в Москву по делам.

— У нас на заводе сейчас все равно делать нечего, разве только пауков с машин сгонять,— сказал Петин между прочим. — А у меня глаза стали что-то плохо работать. Вот я и еду в Москву к доктору, посоветоваться.

Ян искоса посмотрел на Петина. Неужели и этому надо рассказывать о том, что война приближается. Нет! Яну уж надоело говорить всем одно и то же и встречать полное равнодушие. Он промолчал.

Петин довез Яна до самой станции и, высадив его у подъезда, пошел устраивать свой автомобиль в гараж. Ян вошел в помещение станции и узнал, что электропоезд на Москву идет через десять минут.

У Яна не было советских денег, у него вообще ничего не было, кроме противогАЗа. Последние монетки он заплатил за пиво в ресторане «Оаза». Теперь, очутившись на станции, он начал раздумывать, каким же образом он может попасть в вагон. Идя на станцию, он думал устроиться зайцем под вагоном. Но узнавши, что тут ходят электропоезда, он побоялся лезть под вагон: чего доброго еще убьет током!

Раздумывая над этим вопросом, Ян рассматривал карту железных дорог СССР. Тут было на что посмотреть: линии, как паутина, свились вокруг городов и вытянули свои лапы далеко на окраины. Вся страна

была рассечена на треугольники и квадраты, и даже тундры за Полярным кругом не оставлены в покое.

Ян с большим вниманием ползал глазами по линиям, когда кто-то тронул его за плечо. Он оглянулся и увидел опять того же товарища Петина.

— Ну что, достал билет? — спросил Петин.

— Нет, не достал.

— Хочешь, я тебе помогу? Ведь ты по делу в Москву едешь?

— По делу.

— Я тебе сейчас бесплатный билет достану, если ты по делу.

И Петин убежал куда-то.

«До чего ласковый народ в СССР! — подумал Ян.

— Только они так долго не просуществоют».

Не прошло и двух минут, как Петин вернулся с билетом. А еще через пять они уже сидели в электрическом поезде.

Места их оказались рядом.

13. НА ПУТИ В МОСКВУ

Яну интересно было хорошенько разглядеть СССР. Но быстро наступил вечер, а потом ночь, и СССР предстал перед ним при искусственном освещении.

Поезд катил очень быстро, без гудков и почти без остановок. В темноте полей сияли на высоких мачтах невероятно яркие огни, заливая светом целые поселки. Наперерез поезду бежали трамваи, и по проводу над ними скользили золотые иголки и втыкались в темноту.

Невидимые здания разбивали своими окнами небо на клетки. Огни вдоль рек казались гвоздями, забитыми в воду, мосты болтали фонарями над водой, и под ними медленно двигались туши барок с маленькими фонариками.

Пока Ян смотрел в окно, эта картина не прерывалась. Ласковый Петин уже уснул, уложивши на столик свои очки, а Ян все еще торчал у окна. Он думал о том времени, когда газ пойдет по этой стране, между фабриками и домами. Стало страшно. Ян прилег на лавку и уснул в тревоге и тоске. Утром Петин разбудил его.

- Через час Москва. Закусить хочешь?
- Конечно, съел бы, да денег нет.
- Наши билеты с продовольствием. Идем.

Они прошли в вагон-ресторан и там закусили. Им были поданы кофе, ветчина, каша. Яну очень понравилось есть на ходу поезда, он никогда не бывал в вагонах-ресторанах. Запихивая себе ветчину в рот, он думал:

«Что и говорить, товарищи здесь хорошие и кормят здорово. Только не просуществуют они так».

Они вернулись к себе в вагон, и Ян снова стал на страже у окна. Поезд приближался уже к Москве. Фабрики исчезли, и путь лежал теперь среди сплошных вишневых и яблоневых садов. Деревья цвели. Ян никогда не видел такой массы белых и розоватых цветов. Поезд как будто грудью пробивался сквозь вспененную воду.

Ян спросил Петина:

— Для чего яблок столько?

— В Москве очень любят фрукты, — ответил Петин серьезно. — Вот и развели сады, чтобы не возить плоды издалека.

За фруктовыми садами начались парники. Длиннейшие оранжереи поблескивали своими перламутровыми окнами. Наперерез им землю покрывали полосы грядок с ранними цветами. У гряд возились ребята.

— А это что за штука? — спросил Ян.

— Здесь разводят овощи и цветы круглый год под стеклом. Тут помещаются и детские дома. Ребята начинают учиться труду на этих грядках.

За стеклянным морем некоторое время тянулись просто поля, как будто даже невозделанные.

— А это что?

— Это запасной земельный фонд. Каждый год приносит какое-нибудь новое растение, игру, затею. Вот эти поля и оставлены на такой случай. Пока здесь пасутся коровы.

Сады, цветники, поля кончались. Поезд вошел в лес.

— Это уже пригородные парки, так называемое зеленое кольцо.

Зеленое кольцо оборвалось, поезд загромыхал по стрелкам, а затем вошел в тоннель.

В вагонах вспыхнули лампочки.

Ян отошел от окна.

— Скоро Москва?

— Москва над нами.

Пробег под землей длился недолго. Поезд остановился у освещенного подземного вокзала.

— Идем, — сказал Петин. — Мы приехали. Тебе куда надо-то? Мы сейчас в центре города.

— Мне бы нужно было в военный комиссариат.

— Я тебя провожу. Мне все равно делать нечего. Доктор принимает с двенадцати. До этого времени я свободен.

14. ЯН ИСПОЛНЯЕТ СВОЙ ДОЛГ

На улицах Яна больше всего поразило отсутствие вывесок и солдат — как раз того, что он так привык видеть у себя на родине. Но Ян не стал расспрашивать своего спутника, чем это объясняется. Он переживал большое волнение, так как чувствовал, что сейчас ему предстоит выполнить дело государственной важности.

Они вошли в вестибюль большого дома, где на лестнице стояли красноармейцы в длинных шинелях. Петин спросил:

- Ты кого хотел бы увидеть здесь?
- Самого народного комиссара.
- Я тебе сейчас это дело устрою. Подожди.

Он вошел в какую-то дверь и скоро вернулся с зеленым пропуском. Передавая пропуск, Петин сказал с сожалением:

- Самого комиссара сейчас нет. Принимает его заместитель. Это тебя устроит?
- Устроит.

Ян переступил порог кабинета военного комиссара с большой робостью и огляделся. Четверть комнаты занимал огромный зеленый стол, за которым сидел человек в штатском костюме и пенсне. Он дружелюбно протянул Яну руку и спросил:

- Иностранный рабочий?

Ян вспомнил военную учебу и вытянулся в струнку.

- Так точно.
- Имя и фамилия?
- Ян Коржек.
- Бывший солдат?

— Точно так.

— Вольно, — сказал комиссар сердито. — Садитесь, товарищ. В чем дело?

Ян сесть не решился. Тем же солдатским, лающим тоном он начал докладывать о готовящейся войне. Комиссар выслушал его до конца. Потом улыбнулся.

— Да, все это печально, — сказал он, — но, думаю я, что нас поддержат...

— Кто? — спросил Ян, заранее зная, что получит ответ о международном пролетариате.

Но комиссар ответил другое:

— Кто? Вы — Ян Коржек!

В другое время и в другом месте Ян непременно бы прыснул от смеха. Ответ военного комиссара показался ему верхом легкомыслия. Ян полагал, что рассчитывать на помощь мирового пролетариата против газов — и то невозможно. А как мог помочь он, Ян Коржек, постоянный неудачник? Яну стало стыдно и за себя и за комиссара. Он почувствовал, что в этом большом кабинете ему делать нечего. Он увял. И это выразилось на его лице.

— Вы какой специальности? — спросил его комиссар.

— Текстильщик.

— Очень хорошо. Сейчас же идите в бюро распределения рабочей силы, и там вам дадут путевку на работу. Хорошая работа на первое время и будет вашей помощью нам. А дальше — увидим...

Ян удрученный вышел из кабинета. Внизу в вестибюле его ждал Петин.

— Ну что, сделал свое дело? — спросил он.

— Как будто бы, да.

— Куда теперь думаешь идти?

— Прямым в бюро распределения рабочей силы.

— Сам дорогу найдешь?

— Думаю, найду.

— Ну, вот и отлично. Теперь скажи, что от тебя Носову передать?

— Носову?

— Ну да. Чего же ты удивился? Ведь он меня и просил тебе в пути посодействовать.

— Откуда же он узнал, что я уйду?

— Догадался. Видел, что дисциплины у тебя нет. Но ты не огорчайся. Годик у нас поработаешь, все поймешь. И в западный пролетариат поверишь.

— А почему у вас все говорят одно и то же, товарищ Петин?

— Потому что мы знаем, что говорим, дружище. Только поэтому. Всего...

Ян не успел возразить, как Петин уже исчез в толпе.

В голове у Яна замелькали разные мысли. Теперь он ровно ничего не понимал: дураки русские или умники? Всё они знают или ничего? Вопросов было много, но Ян отмахнулся от них. Раз военный комиссар ему приказал идти на работу, он и пойдет. В конце концов, ведь он, Ян Коржек, только простой рабочий. А если так, то ему надо поскорей стать к станку.

Яну стало сразу легче, когда он добрался до этой мысли. Он решил больше не думать о газах и пошел отыскивать бюро по распределению труда.

15. МОСКВА В БУДУЩЕМ

Жить в Москве в то время считалось уже несчастьем.

Огромный старый город не поддавался перепланировке, и улицы его были тесны и кривы, как и теперь. Правда, целый ряд кварталов в районе Арбата и Мясницкой был взорван, но это не выровняло остальных улиц.

Вопрос о метрополитене все еще обсуждался на страницах печати, так как находились люди, доказывающие, что в социалистических городах не должно быть подземного городского передвижения. Бесчисленные трамваи и автомобили превращали езду в пытку. Насыщенный парами бензина воздух был сперт между громадами домов; неукрошенная пыль, взвешиваемая множеством колес, липла к лицу и попадала в легкие в совершенно неумеренных количествах.

Кроме всего этого, удручал внешний вид города.

Дома капиталистической эпохи с безвкусицей украшенными по фасаду в виде женщин, зевающих львов и водорослей вперемежку со стеклянными шкапулками новой архитектуры составляли настоящий каменный винегрет самой непривлекательной внешности. Церковки, стиснутые домами, кремль, декадентщина и конструктивизм не смешивались никак, и только старые полоумные москвичи как раз в этой комбинации видели прелесть Москвы.

Конечно, стремления МКХ хоть что-нибудь сделать для благоустройства города бросались в глаза на каждом шагу. Улицы были залиты асфальтом, торговля с рук окончательно запрещена. Москва-река, запру-

женная ниже города, уже не показывала своего зловонного дна у нового Каменного моста. Храм Христа был довольно искусно переделан в здание гражданской архитектуры: горельефы и боковые главки были уничтожены, а золотой купол заменен стеклянным. Здесь помещалась теперь физическая аудитория, и под куполом непрерывно качался маятник Фуко, доказывающий всем сомневающимся, что земля действительно вращается. В районе Парка культуры и отдыха торчал единственный в Москве многоэтажный небоскреб. В нем был расположен музей американской техники и американского идиотизма — рекламы глупых развлечений, ненужных мелочей. Да, в Москве было на что посмотреть, но жить в ней с удобствами не представлялось возможным.

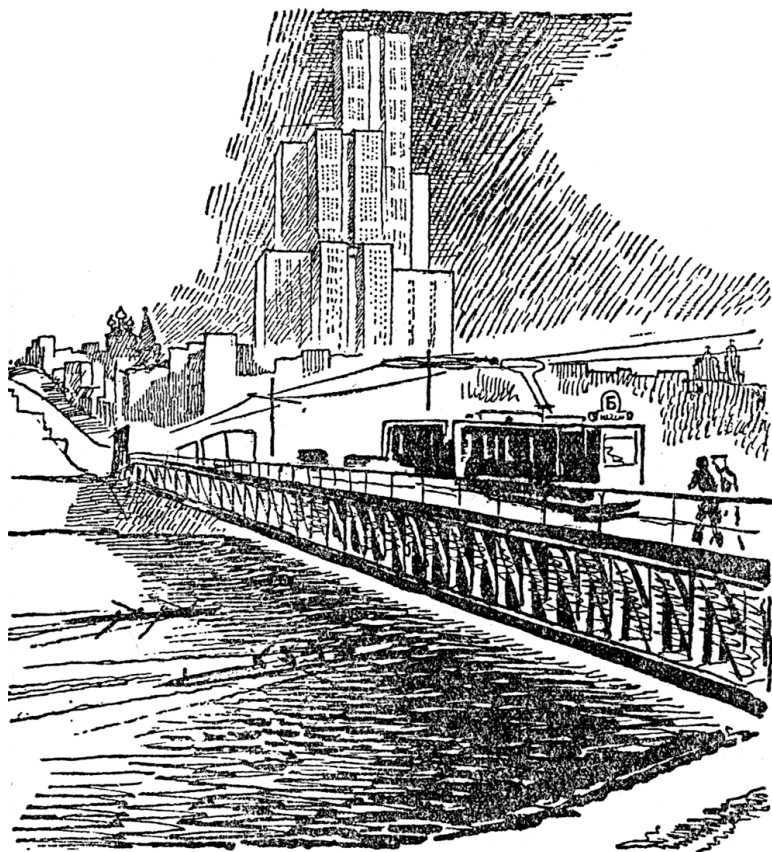
Вот почему население Москвы в то время немногим превышало три миллиона. Рост города замедлился. Столичная жизнь теперь никому не казалась привлекательной. По статистическим данным смертность в новых городах была значительно ниже, чем в Москве, и высококвалифицированные специалисты сюда ехали уже неохотно. Они предпочитали работать в селениях социалистического типа.

Но, несмотря на все это, Москва была единственным городом в мире по своему значению.

К голосу из Москвы прислушивался каждый трудящийся мира, под какой бы широтой он ни работал. Москва была как бы столицей еще несозданного мирового государства.

Сейчас здесь находился центр страны, занимающей шестнадцать процентов всей суши планеты.

Здесь заботились о том, чтобы жизнь ста девяноста миллионов населения была сытой, легкой и разумной!

Отсюда шли планы и указания, как работать ста миллионам работников обобщественного хозяйства, как воспитывать и учить шестьдесят миллионов детей и подростков, как обеспечивать за прежний труд тридцать миллионов престарелых.

Общая площадь полей и засевов определялась здесь на каждый год. Крупнейшие в мире заводы по указанию отсюда работали с точностью музыкантов симфонического оркестра.

Каждый поезд на бесконечной сети дорог, каж-

дый из пяти миллионов авто местного транспорта, пастух, выгоняющий в горы овец, школьник, впервые открывающий букварь — все выполняли какую-то свою долю общего плана.

Стихия рынка была окончательно укрощена. Хозяйство жило и развивалось без бирж, спекулянтов, кризисов, застоев и потерь.

Разум и опыт распределяли на год вперед труд, время, энергию, материалы, продукты.

Теперь всего было столько, сколько нужно. Работали без узких мест и просчетов. Бедности и неувязки остались позади.

Огромное богатство, накопленное за предыдущие пятилетки, принадлежало всему народу.

Богатство жило разумной жизнью, и каждый новый год давал невиданный прирост.

Сто миллионов тонн металлов, вырванных у земли, превращались в рельсы, рычаги, колеса, которые тянули за собой все отрасли производств огромного планового хозяйства. Один год давал для электроснабжения страны десяток Днепростроев, увеличивал железнодорожную сеть на двадцать, тридцать Турксибов.

Каждый день приносил новые доказательства невиданной силы социализма, которую, может быть, не могли представить себе сами создатели этой идеи.

* *

*

Ян, как настоящий зевака, долго шатался по улицам, наслаждаясь видом незнакомого города.

Его поражала немногочисленность магазинов, витрин и вывесок, заполнявших столицу его родины.

Здесь же в зеркальных окнах, вместо желтых перчаток и мраморных галстуков, вместо духов, цветов

и колбас, были выставлены только списки товаров и номера стандартов. Лишь иногда в окне на конвейере проходили брюки, рубашки, башмаки. Но они были выставлены не только своими выигрышными сторонами, а и изнанками, и все время вертелись, выворачивались, испытывались на крепость автоматическими аппаратами. Это давало возможность покупателю ознакомиться с товаром, прежде чем зайти в магазин.

Не было на улицах и электрических реклам, зазывных криков радио, лампочек, мигающих даже днем. Ян не знал, конечно, что советская торговля сэкономила на отсутствии рекламы миллионы, которые шли на улучшение качества продукции.

Побродивши около часа по городу, Ян почувствовал голод и усталость. Надо было скорее устраиваться. Закусывать газетами и подбирать окурки в Москве Ян не собирался. Он решил спросить какого-нибудь пешехода, где находится бюро труда.

В одном направлении с ним по правому тротуару шло много народа. Но все шли быстро, молча и видимо по важным делам.

После некоторого колебания Ян выбрал человека с добрым лицом и тронул его за рукав.

— Не будете ли добры сказать, как пройти в бюро труда?

— Вам зачем? — спросил человек, не останавливаясь.

— Я безработный.

— Что?

Человек остановился, и его доброе лицо вытянулось вперед, изображая изумление.

— Алло! — сказал он и захохотал.

— В чем дело? — спросил проходивший юноша, заранее улыбаясь.

— Кто хочет видеть безработного? — закричал человек на всю улицу.

Как это ни странно, серьезность мигом сбежала с лиц пешеходов, и вокруг Яна собралась группа людей. До его ушей долетели слова:

— Вора поймали, что ль?

— Да вроде того.

— Что спер?

— Время. Безработный.

Ян не успел даже сообразить, в чем дело, как раздался свисток, и откуда-то появился маленький автомобильчик с надписью «Борьба с потерями». Десятки рук посадили Яна в машину, и шофер дал ход. Люди на тротуаре махали шляпами Яну и не переставали смеяться.

Все это было бы очень хорошо, но Ян не смеялся. Ему нечем было заплатить за автомобиль.

«Как бы улизнуть?» — подумал он. Но улизнуть на полном ходу Яну не удалось, и через несколько минут он оказался перед домом, на котором была вывеска:

БЮРО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Автомобиль остановился. Ян, не слезая с подушки, печально сказал шоферу:

— Платить нечем. Безработный. Сам понимаешь.

Но шофера это нисколько не смутило.

Он вынул из-под сиденья книжку и попросил Яна расписаться под листком. В листке значилось, что место в авто было занято в течение шести минут.

У Яна гора свалилась с плеч, и он с наслаждением расписался.

После этого, не задерживаясь на улице, вошел в бюро труда.

16. ЯН ПОЛУЧАЕТ РАБОТУ

В длинном коридоре бюро Ян отыскал дверь с надписью: «Текстильщики». Ян открыл дверь и вошел в небольшой кабинет, где сидел только один служащий. Ян объяснил, что ему надо. Служащий обрадовался, предложил Яну сесть и в кратких словах сообщил ему о положении с рабочей силой в СССР.

— Иностранную рабочую силу у нас теперь распределяют в Киеве, — сказал он и вытащил из стола какую-то сводку. — Но я вас туда, конечно, не пошлю. У меня имеются сведения о недостатке рабочих на вчерашнее число по всему Союзу. Сейчас у нас не хватает текстилей, прежде всего, на Камчатке. Там заканчивается постройкой грандиознейшая фабрика по выработке постельного белья из камчатской крапивы. Езды туда десять дней: сначала по Сибирской железной дороге, а потом по Камчатской. Места очень интересные, но я бы не советовал вам забираться в такую даль. Тем более, что мы делаем попытки законтрактовать несколько тысяч ткачей в Японии. Затем могу вам предложить Тифлис, три дня пути. Там шелковые фабрики специальных тканей. Город хороший, но жарковато. Третье место — это текстильный городок нового типа «Л-125».

— Л-125? — спросил Ян. — Почему название такое?

— Все новые города у нас называются литерами и номерами. Так их без труда можно отыскать на карте, да и названий придумывать не надо. Вы не беспокойтесь, город хороший, хотя и небольшой. Получает энергию от Волжской гидростанции. Фабрика по производству тканей смешанного типа на двадцать четыре тысячи станков. Это на восток от Москвы, езды все-

го двадцать часов. Там не хватает сейчас двух рабочих. Вот если хотите...

— Хочу, — сказал Ян. — Это близко к Уралу?

— Близко. Раздевайтесь.

Ян не понял, в чем дело, но служащий объяснил ему, что он доктор, и прежде, чем послать Яна на работу, должен его освидетельствовать. Он выслушал Яна, взвесил, измерил. Составил карточку.

Потом сказал:

— Ну, поздравляю вас, вы здоровы. Только вот подпитаться вам необходимо.

Ян решил зацепиться за эту фразу и рассказать доктору о своем тяжелом положении.

— Какой там подпитаться! — сказал он угрюмо. — У меня нет даже денег на билет. Вот если бы господин доктор...

— Я вам дам билет, по которому вы сможете и поесть в дороге.

И доктор занялся составлением билета.

— Я бы хотел получить немного денег, — сказал Ян мягко.

— Зачем?

— На родину письмо послать.

— Открытку или закрытое?

— Открытку.

— Получите.

Доктор передал Яну открытку с видом Москвы и наклеенной маркой.

— Я бы хотел купить еще папирос.

Доктор написал на билете: «курящий».

— Папиросы вам будут выданы на вокзале.

— Я бы хотел приобрести кое-что из одежды.

— На месте вы получите все, что вам надо.

— Но как мне проехать в трамвае без денег?

— По этому билету вас провезут бесплатно и в трамвае.

Ян задумался: ему хотелось попросить еще чего-нибудь, но что доктор не мог бы ответить отказом. Но ничего такого придумать он не мог. Доктор уже написал путевку.

— У нас рукопожатия отменены безвозвратно, — сказал он, подавая путевку Яну. — Но для вас, как иностранца, я сделаю исключение. Счастливого вам пути! Поезд идет через час, и вы сумеете добраться до вокзала вовремя.

Доктор пожал Яну руку и ушел в какой-то шкаф, где загудел подъемник. Яну оставалось только выйти на улицу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЕВРОПА И МЫ

1. ФЕЛИКС НАХОДИТ РАБОТУ

Конечно, мы имеем полное право завидовать людям будущего. Жизнь их, надо думать, будет сплошным удовольствием. Они будут весело работать, много летать, читать и писать интересные книги, хорошо питаться и спать. Экскурсии в Италию и Испанию сделаются, конечно, таким же обычным явлением, как теперь поездки в Крым или на Урал. Кругосветное путешествие войдет в курс высшего образования.

И несмотря на все это, есть одна категория людей в далеком будущем, завидовать которым не приходится. Это преподаватели обществоведения в социалистической школе.

Школьники мировой коммуны с детства будут знать, что разум и план лежит в основе современного им общества. Им будет казаться, и не без основания, что так и должно быть на земле, среди разумных существ. Для них это будет законом природы. И вот потрудитесь им объяснить, скажем, смысл мировой бойни 1914 — 1918 годов.

Четыре года люди дерутся в индустриальных районах Европы, разрушают заводы, города, пути сообщения. Миллионы тонн металла, добытого с таким трудом из-под земли, снова возвращаются в землю. Люди дичают, звереют. Миллионы жертв, десятки миллионов калек. Наконец мир и новые несправедливости. От имени всего класса ученик спросит учителя:

— Мы не понимаем, из-за чего, собственно, они дрались тогда?

Учитель начнет пространно объяснять, что это был результат соперничества Англии и Германии.

— Но ведь выиграла Америка! — бойко крикнет кто-нибудь сзади.

— Это было неожиданно.

— Но как же могут быть в таком деле неожиданности? Весь класс не понимает, как люди давали убивать себя неизвестно для чего.

— Массы были одурачены.

— Как можно обмануть миллионы взрослых людей? Одного, двух еще, пожалуй, можно. Но миллионы?

Ученики забросают учителя и другими вопросами, и на все надо будет ответить. Вряд ли, однако, школьники поймут загадку войны. В натурах людей нет ничего такого, что заставляло бы нации враждовать друг с другом. Наоборот, существует определенный интерес к гражданам другой страны и национальности.

Да, положение обществоведа в будущем обществе незавидно!

К сожалению, в то время, к которому относится наш рассказ, люди еще не были похожи на школьников мировой коммуны. Нации вооружались, обрекая молодых, здоровых мужчин на невидимую безработицу. Именно так правильнее всего было назвать маршировку и другие военные упражнения, которые, поглощая много сил, ничего не давали взамен народному хозяйству. Параллельно с этим миллиарды народных денег расходовались на постройку машин, производящих только один товар — разрушение.

С точки зрения мировой экономики это было прямым абсурдом. Но ученые люди и политики как бы не замечали этого. И только из лагеря коммунистов продолжали звучать два слова: война войне.

Коммунизм был злейшим врагом всех армий, и за этим врагом следили тщательнее, чем за другим, по ту сторону фронта. В расправе с коммунизмом генеральные штабы всего мира были беспощадны.

Все это прекрасно знал Феликс Ланц, коммунист, бывший рабочий фабрики Арта Кроля.

Однако он явился на призыв в армию по первому требованию власти. Серьезные усатые дяди, полагающие, что они делают дело мировой важности, обмерили, взвесили и осмотрели его. Перед этим Феликса опросили подробно, и даже в графе «вероисповедание» он позволил написать слово «католик».

Он прикинулся глуповатым, что особенно ценится в рекрутах. Это учитывают и практикуют призывники всего мира, и все-таки работа под бравого солдата Швейка продолжает нравиться приемным комиссиям.

— Вы переносите морскую болезнь, Ланц?
— спросил председатель, разглядывая голого Феликса через пенсне.

— Так точно, переносу.

— И вы часто бывали в море?

— Не бывал никогда.

— Во флот, — сказал председатель.

И, наклонившись к своему соседу, военному доктору, прибавил тихо:

— Там дураки требуются.

У Феликса было квадратное лицо, подходящее для моряка, и предложение председателя не встретило возражений.

Феликса заставили смотреть вдаль и различать цвета, что он и выполнил с успехом. Потом целый час он должен был провести на колеблющейся площадке, которая изображала палубу судна. Несколько парней были вынесены с площадки замертво и зачислены в пехоту. Но Феликс вышел с честью и из этого испытания.

Он получил документы, по которым должен был явиться в двухдневный срок на лучший линейный корабль страны «Христос-спаситель». И через два дня он был на корабле.

На «Христе» числилось шестьдесят человек офицеров, считая и механиков, и восемьсот человек команды. Двадцать два орудия и четыре минных аппарата. Это был как бы небольшой плавучий пункт для бесплатной раздачи гранат со стальными головками, весом от десяти килограммов и выше.

Все матросы были молоды, одинаково острижены, и море, отражаясь в их глазах, придавало лицам одинаковое выражение. У Феликса были тоже голубые глаза, и остригли его под тот же номер, что и остальных. Но он не пропал в толпе матросов.

Ночью к его койке подполз молодой парень. Он потянул Феликса за ухо и спросил едва звучащим шепотом.

- Ты из рабочих?
- Да, текстильщик. А ты?
- Металлист.
- А много здесь ребят из рабочих?
- Больше половины.

Так начался их разговор. Они говорили долго, не доверяя друг другу, говорили о пустяках, боясь перейти на более серьезные темы. После разговоров о корабле начались воспоминания о жизни на берегу.

Вдруг Феликс спросил:

— А кто здесь Беловонс на корабле?

— Высокий парень из второй башни. Завтра покажу.

— А кто Мотыль?

— Мотыль я. Откуда знаешь?

— На берегу сказали.

— А-а-а-а...

Оба замолчали. Потом Феликс приблизил губы к уху, Мотыля и прошептал:

— А много здесь наших?

— Девять человек. Ты десятый. И один офицер.

— Так. Значит, больше процента. Ничего.

2. ЕЩЕ ОДНА ВЕСТОЧКА ОТ СТАРОГО ТОВАРИЩА

Надо отдать справедливость Кролю: он не был расточителен в своей личной жизни. Он не покупал дорогих картин, дач и ваз, как это делали другие капиталисты. Не устраивал многолюдных приемов. Но у него была другая страсть, которая с годами становилась все сильнее и сильнее. Он любил золотую монету нежной любовью. Его несгораемый шкаф был уже набит до краев, но это не ограничило его любви. Он купил другой шкаф и продолжал свое дело, стыдясь своей слабости и скрывая ее от других. Это был действительно порок в капиталистическом мире: золото само по себе не приносит процентов и ни растет. Кроль знал все это, но, все-таки, продолжая копить. Он не истратил ни одной монеты даже во время кризиса с шелком. И теперь, налаживая дело с каучуком, он ни на минуту не забывал, что этот липкий продукт притянет к нему золото, которое интересовало его больше всего в мире.

У него были уже две фабрики, выделяющие автомобильные шины, рукава и соски. Он заключил договор с военным ведомством на поставку огромного количества метров прорезиненной ткани для воздушных шаров. Пока обе фабрики работали на ввозном английском сырье и давали мало дохода. Но поля с ластовнем уже зеленели, и с осени собственное сырье должно было обеспечить тройную прибыль. Ластовень радовал Кроля. Это неприхотливое растение лезло к небу с необычайным энтузиазмом, как будто желая доказать людям, что напрасно они так поздно принялись разводить его.

Кроль и Роммер вместе переживали весь азарт нового дела. Они часто ездили на поля и там по-

долгу простаивали над всходами растения, которое должно было их обогатить. Роммер имел еще и другие причины волноваться. Ведь в сущности говоря, все машины, изготавливаемые для переработки ластовня, были его конструкции. Он уже забыл про Калинкина и считал себя отцом всей заводской аппаратуры.

Ничто не предвещало грома, вернее не грома, а маленького красного мячика, с которым Роммер явился как-то рано утром к Кролю на дом.

Кроль в это время принимал ванну, но взволнованный Роммер потребовал, чтобы его пропустили к хозяину в такой неурочный час. В пальто и шляпе он влетел в ванную комнату. Кроль с беспокойством посмотрел на него. Он знал, что Роммер не такой человек, который без причины будет вламываться в ванные.

— В чем дело, Цезарь? Да ну, говорите же скорей!

Вместо ответа Роммер бросил в воду маленький красный мячик. Мячик запрыгал по мелкой волне и поплыл от Кроля.

— Что вы хотите этим сказать?

— Советский синтетический каучук, — сказал Роммер и безнадежно махнул рукой.

— Да!

Кроль поймал мячик. Это была обыкновенная грошовая игрушка, неспособная породить волнения ни в ком, кроме трехлетнего ребенка. Но Кроль выскочил из ванны как ошпаренный.

— Вы это знаете наверное?

— Да.

— Я этому не верно...

Кроль поверил в синтетический каучук только через неделю. Именно в тот самый момент, когда его

фирма получила небольшое письмо со штампом советского торгпредства. Письмо было следующего содержания:

Фирме Арт Кроль

Ввиду того, что Ваша фирма эксплуатирует два завода каучуковых изделий, и, по имеющимся сведениям, пользуется ввозным сырьем, Торгпредство предлагает вам впредь приобретать синтетический каучук советского производства, вырабатываемый по способу инженера С. Чайкина.

Ведомость испытаний нового продукта при сем прилагается.

По своим качествам синтетический каучук превосходит растительный (гевея, ластовень, гваюла), что в связи с его низкой ценой (пятьдесят процентов от рыночных цен на натуральный каучук) ставит его вне конкуренции.

Примите и проч.

3. БУДЕМ БОРОТЬСЯ

— Роммер, — сказал Кроль, прочитавши это вежливое письмо. — Я не говорю, что СССР ведет свои интриги против меня лично. Но меня возмущают две вещи. Во-первых, у них появились каким-то образом научные достижения. Ведь разрешить проблему синтетического каучука — это не то же самое, что завалить Европу елками. Это во-первых. А во-вторых, я знал этого Чайкина. У него была масса веснушек. Совсем недавно мне было сказано, что он скоро прославится на весь мир. Я не имею никаких возражений против этого, пусть себе прославляется. Но какого чёрта он сделал свое открытие именно теперь, когда ластовень растет на наших полях?

— В том-то и дело, — ответил Роммер. — Как нам быть с нашими плантациями? Не о синтетическом ли каучуке хотел нам сказать Калинин, помните? Он сказал: «Но надо вам заметить...» А?

— Несомненно, он хотел сказать именно о синтетическом каучуке. Вот вам неудобство уличных разговоров! Нам надо бороться, Роммер, за наши плантации...

— Но я не вижу путей для этого.

— Я их вижу. Синтетический советский каучук ни в коем случае не проникнет в нашу страну. За исключением, конечно, красного мячика, который вы мне бросили в ванну.

— Вы думаете, что нам удастся отпугнуть его пошлинами?

— Я в этом уверен. Мы не можем зависеть от СССР в таком важном сырье. Правительство должно поддержать национальную резину. Кроме того, у нас найдутся сильные союзники...

— Кого вы имеете в виду?

— Господи! Конечно, англичан!

* *

*

О, Кроль несколько не ошибался, когда утверждал, что англичане поддержат его в борьбе с советским каучуком! Налицо были все причины, чтобы дело сложилось именно так.

В старые времена каучуконосные деревья — гевеи — росли исключительно в Бразилии. Весь каучук добывался там. Бразильские плантаторы были монополистами каучука, и вывоз семян гевеи из Бразилии был строжайше запрещен законом.

Конечно, англичане не могли примириться с этим.

В середине семидесятых годов минувшего столетия некто мистер Уикхэм вывез, под видом корма для десяти попугаев, мешочек с семенами гевеи из района реки Амазонки.

Попугаи, конечно, здесь были не при чем. Они питались своей попугайной пищей. Но они помогли контрабанде благополучно миновать все осмотры.

В Лондоне семена гевеи, высеянные на грядах Королевского ботанического сада, дали около двух тысяч всходов. Уикхэм получил титул баронета, а саженцы были посланы в тропические области, принадлежащие Англии. Через несколько десятилетий девяносто процентов всех каучуковых плантаций мира находилось в руках англичан. Высокие деревья с белой корой, посаженные под номерами в шахматном порядке, сделались для англичан настоящими дойными корами. Бразилия со своими гевейными лесами не покрывала и пяти процентов спроса. Цены на каучук назначались англичанами.

Американцы, которым каучук был очень нужен для авто, объявили через газеты, что они дают миллион долларов премии за секрет производства искусственного каучука. Англичане пообещали два миллиона, лишь бы такой каучук открыт не был. Опирируя этой суммой, английский капитал проникал во все лаборатории мира, и способы изготовления искусственного каучука не выходили из стадии опытов или просто исчезали.

Так исчезли все рецепты изготовления каучука из смолы, каменного угля и извести, которые применяли немцы во время мировой войны. Так безвозвратно пропал и секрет англичанина Перкина, предложившего изготавливать каучук из картошки.

К счастью, английский капитал не пользовался никаким влиянием в СССР. Именно поэтому, может быть, работы советских химиков в области создания синтетического каучука были плодотворнее, чем работы европейских ученых. Хороших результатов удалось добиться уже в тридцатых годах текущего столетия. Но синтетический каучук тогда выходил довольно дорогим. Теперь же дело было иное: химик С. Чайкин, сотрудник Московского института прикладной химии, предложил весьма простой, а главное очень дешевый способ производства каучука из нефтяных остатков. Это открытие обещало СССР большие выгоды. Прежде всего, освобождались огромные площади земли, засеянные каучуконосами. Это первое.

Во-вторых, СССР получал возможность добыть значительные валютные средства вывозом синтетического каучука.

И наконец, дешевый каучук открывал для всего мира новую эпоху в строительстве, технике, организации домашнего быта.

Эластичная масса каучука способна заглушить все шумы современной жизни. А разве не указывают эти шумы на бесполезную растрату энергии? Тишина, есть символ величайшей экономии.

Казалось бы, что можно было возразить против этого открытия? Но возражения нашлись. И, конечно, прежде всего со стороны англичан.

Англия уже много лет изображала из себя прекрасный увядающий цветок. Цветок этот, однако, увядая, распространял ядовитое благоухание и ни в коем случае не хотел умирать тихо. У Англии были свои претензии. Весь мир стремился вперед, но англичане продолжали чтить смехотворную старину в память о тех счастливых временах, когда они занимали первое место на земле. Председатель палаты, спикер, продолжал ходить в длинноволосом завитом парике, все судьи королевства — тоже. Множество других пережитков свято сохранялось в общественной, торговой, промышленной жизни Англии. Многие англичане принципиально не пользовались ламаншским тоннелем.

Поэтому вполне понятно, что именно англичане стали на ту точку зрения, что натуральный каучук еще достаточно хорош для мира. Правда, он значительно дороже синтетического, но ведь разница поступает в карманы англичан.

Объединение каучуковых королей «Роббер-синдикат» занимало в Сити три этажа четырехэтажного дома. В зале для совещаний, увешанной снимками с образцовых плантаций Цейлона, на другой же день как весть о новом продукте советского вывоза распространилась по Европе, собрались потолковать о положении вещей сорок крупнейших членов объединения.

Председатель собрания лорд Лондондерри, член

палаты, поставил на разрешение, собравшихся следующие вопросы:

— Как сохранить прекрасные каучуконосные деревья, выращенные с таким трудом? Неужели рубить их на дрова, взрывать пни динамитом, а на их местах разводить какао и кофе?

Лорду Лондондерри отвечали криками, похожими на рев зверей в зоологическом саду.

— Я вас понимаю, — сказал Лондондерри. — Вы хотите сказать, что гевеи не годятся на дрова. Они распространяют при сжигании неприятный запах. Это совершенно верно. Поэтому не будем пока говорить об истреблении наших плантаций. Пожалуй, будет лучше, если мы заставим европейские страны отказаться от синтетического каучука.

Снова дикий хор нечленораздельных звуков.

— На этот раз я вас, не совсем понимаю, — сказал Лондондерри.

— Кто же нас слушает в таком деле? — закричал какой-то старик голосом попугая.

— О-о-о, — ответил Лондондерри, — целый ряд стран. Прежде всего, наиболее слабые, мы их заставим. Потом наши союзники, их мы попросим. А остальных мы уговорим. Ведь нельзя же до бесконечности усиливать Советский Союз, снабжая его валютой...

Надо было видеть этих каучуковых королей с бритыми морщинистыми лицами и щеками, как бы натертыми свеклой. Англичане прославились на весь мир своим спокойствием. И они действительно спокойны, пока дело не касается денег. Но стоит им наступить на хвост в этом отношении, и они делаются крикливее Петрушки. Каучуковые короли не представляли исключения.

Они готовы были кричать день, месяц, год, лишь бы только никто не трогал их гевей и не мешал этим симпатичным деревьям плакать своими каучуковыми слезами.

* *

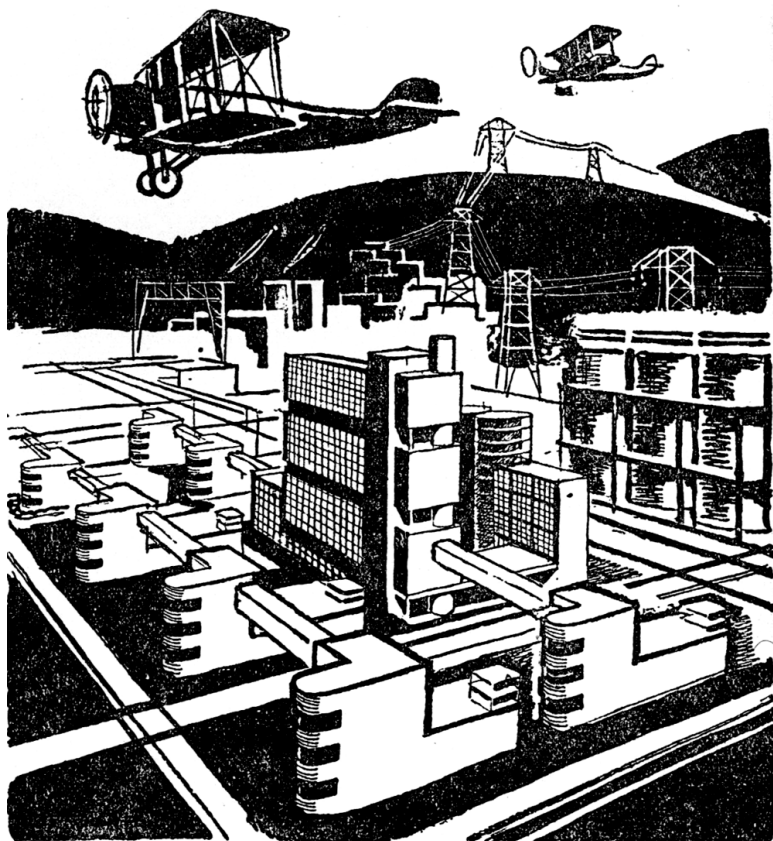
*

Конечно, именно на почве этих и подобных рассуждений и при благосклонном участии английских посланников целый ряд европейских стран спешно ввел запретительные пошлины на синтетический каучук. Страна, в которой жил Арт Кроль, сделала это одна из первых.

— Мы выиграли, Роммер — сказал Кроль, вернувшись от знакомого депутата парламента. — Сегодня в комиссии прошел закон о введении утроенных пошлин на синтетический каучук.

— Вот и прекрасно. Нам бы только снять хоть один урожай ластовня. А там будет видно.

— Мы снимем несколько урожаев. Пошлины останутся навсегда.

4. ЯН ПРИБЫВАЕТ К МЕСТУ РАБОТЫ

Город Л-125, в который приехал Ян на работу, состоял, строго говоря, всего из пяти домов. В одном из них помещалась фабрика, а в остальных жили рабочие и дети.

Фабрика была построена в виде квадрата. Она работала на электричестве и не отравляла воздуха. На расстоянии двухсот метров от нее во все четыре сторо-

ны стояли жилые дома. Они были построены с таким расчетом, что рабочие тратили не больше пяти минут на продвижение из дома к месту работы. Между домами и фабрикой был разбит сад с фонтанами, розами, сиренью и яркими зелеными газонами. Газон пересекали дорожки, представляющие из себя кратчайшие расстояния между подъездами домов и воротами фабрики. Жилые дома были скомбинированы из отдельных зданий и казались настоящими дворцами. Различались они между собой по цвету фасадов. Южный дом был голубой, северный — белый, западный — серый, а восточный — оранжевый.

Ян прекрасно знал, что в какой бы стране света дело ни происходило, на фабрике должна быть контора. Он пошел вдоль фасада фабрики и, завернув за угол, увидел длинную очередь рабочих. Вдоль очереди шел человек с картузом. Рабочие опускали в картуз руки и вытягивали билетки. Очевидно, происходил какой-то розыгрыш и кое-кто выигрывал. Во всяком случае, Ян заметил нескольких человек, которые определенно выражали свою радость. Ян прошел вдоль очереди и в конце ее увидел дверь с надписью «контора». Он вошел в контору. Там было немного служащих, не больше десяти человек. Ян нашел дверь с надписью «личный состав» и постучался. Из двери выскочил старичок и закричал:

— Вы — Ян Коржек из Москвы?

— Совершенно верно.

— Добро пожаловать. Мне телефоновали о вашем приезде, и я уже приготовил вам расчетную книжку. У нас сейчас огромный недостаток в рабочих. Сами понимаете — весна, пахота и сев. Вы очередь у конторы видели? Чистая комедия... Все хотят стать хоть на неделю мужиками.

И старичок тут же разъяснил Яну, что рабочие сами заготавливают себе важнейшие продукты на зиму. К фабрике прикреплено около трех тысяч гектаров земли. На этих землях ведется образцовое хозяйство, выращиваются хлеб и овощи. Кроме того, заготавливается корм коровам, которых на ферме около тысячи голов.

Яну была непонятна такая постановка снабжения. По его мнению, текстильщики должны были заниматься своим текстильным делом, а не пахать поля. Но старик разъяснил ему, что фабрика впитала в себя всех окрестных крестьян, которые теперь живут в общежитиях. Полевые работы производятся машинами и занимают в общей сложности не больше тридцати дней в году. Поэтому специальных рабочих на этом деле нем держат, а текстильщики сами с превеликим удовольствием каждый год направляются в поля и там производят все работы. Выезд в поля считается лучшим видом отдыха, так что приходится прибегать к жребью, чтобы никого не обидеть.

Ян удивился вкусам советских рабочих и начал расспрашивать старичка, как вообще работает фабрика, и куда сбывают мануфактуру.

— Мы работаем по нарядам Центротекстиля, — ответил тот. — От него получаем сырье и ему передаем всю продукцию. Каждый кусок готовой ткани засчитывается в заработок всей фабрике. Наш комитет снабжения за счет выработки заготавливает все, что надо рабочим: продовольствие, одежду, прихоти... У нас пять магазинов. Впрочем, вы сами увидите.

Старичок передал Яну книжку и сказал на прощанье:

— На работу вы выйдете послезавтра; вам надо отдохнуть и осмотреться. Свою расчетную книжку

предъявите коменданту голубого общежития, и он ответит вам комнату. По талонам обедайте и забирайте все что нужно в магазинах. Остаток талонов к концу месяца можете обменять на валюту и переслать на родину.

Всего хорошего.

5. ЯН УСТРАИВАЕТСЯ НА НОВОМ МЕСТЕ

Город Л-125 не представлял из себя последнего достижения советского правительства: он был выстроен несколько лет назад. Но все-таки это был удобный город.

Из четырех его жилых домов один был отведен под школы и детские сады. В остальных жили рабочие. Нижние этажи всех зданий были заняты под помещения общего пользования: столовые, читальни, клубы. В верхних этажах находились комнаты для рабочих, расположенные по коридорной системе.

Коридор был широк и имел движущийся пол, который не останавливался даже ночью. Отдельные полосы пола двигались с разной быстротой. Стены комнат, выходящих в коридор, были сделаны из стеклянных кирпичиков и светились.

Ян, попавши в этот коридор, не сразу сообразил, как надо пользоваться движущимся полом. Он остановился на неподвижном бортике и стал смотреть, как люди быстро переходят с одной полосы на другую и добираются до средней, которая двигалась с наибольшей быстротой. Ян тоже побежал к средней полоске и понесся к концу коридора. Здесь он без труда перескочил на неподвижный бортик. Путешествие по коридору показалось ему развлечением, за которое надо платить деньги. Стоя у двери коменданта, он долго глядел на длинейший коридор, сияющий всеми цветами радуги. Как на катке, люди быстро скользили в обе стороны. Не хватало только музыки.

Комендантом дома оказалась тоненькая девушка, лет двадцати. Узнав, что Ян — иностранный рабочий, она засыпала его вопросами о рабочих организациях его родины, о подпольной работе коммунистов, о

близости революции. Ян не мог ответить ни на один вопрос и со стыдом почувствовал, что девушка знает гораздо больше его.

— У меня на родине остался приятель, Феликс, — сказал Ян. — Он бы вам все рассказал. А меня уж вы извините...

И он смущенно развел руками.

Девушка прекратила расспросы и посмотрела на Яна с сожалением. Затем она дала ему номерок от комнаты и объяснила, что комната помещается в том же коридоре.

— У нас в комнатах нет ванн, — предупредила она. — Только души. Но вы можете помыться внизу. Там вам дадут и чистое белье и все что нужно.

Ян отправился посмотреть свою комнату. Теперь он уже умел пользоваться полом и легко соскочил на неподвижный борт там, где нужно. Он вошел в комнату и удивился. Прямо против двери было большие окно, на нем деревянная штора из планочек. Перед окном стоял стол и удобный мягкий стул. Больше никаких вещей в комнате не было.

«Так! Спать сидя придется», — подумал Ян и шагнул через порог. Но тут он заметил, что каждая из глухих стен по обе стороны имеет по три двери. Он открыл одну из них и увидел умывальник. Открыл вторую, и из ниши медленно опустилась кровать и стала на пол. За третьей дверкой оказался душ с холодной и горячей водой. Пол под душем был в виде раковины, с дырочкой посередине, и, заткнув дырку, можно было получить большой таз.

Три двери с противоположной стороны комнаты скрывали за собой шкафы для одежды, белья и книг.

Яну комната определенно не понравилась. Она

казалась ему слишком суровой, похожей на тюремную камеру или больницу. Но он тут же понял, что жить в такой комнате удобно. Например, ее не нужно было подметать: вдоль всех стен по полу шла широкая трубка пылесоса, и достаточно было повернуть выключатель, чтобы пыль с пола разбежалась в разные стороны и исчезла в отверстиях трубки. Кроме пылесоса, Ян нашел в стене небольшой вентилятор. У окна была электрическая плитка для согревания воды. Рядом с окном была еще одна дверка, назначение которой Ян выяснить не мог.

Ян еще раз осмотрел комнату, попробовал, хороша ли кровать, поглядел в окно, из которого открывался вид на поля. Потом положил свой противогаз в шкаф для белья и отправился вниз.

В бане за один талончик ему дали простынку и мыло. Тут же был целый магазин белья, и Ян выбрал себе рубашку и все остальное по вкусу. Потом он хорошо помылся, сдал простыню и через другую дверь вышел в большую комнату, где на удобных низких креслах сидели люди и читали книги. А дальше за этой комнатой стучали ножи и ложки. Значит, там была столовая.

Столовая оказалась длинной комнатой с великолепной стеклянной стеной. На две равные части столовую делил стол, за которым сидели обедающие. При входе у Яна оторвали талончик от расчетной книжки и сказали, что он может есть все что захочет. Ян уселся за стол. Ему очень хотелось есть, но он некоторое время не приступал к обеду. Надо было сначала разглядеть, как обедают другие.

Вдоль всего стола, посредине, медленно двигались в разные стороны два широких ремня.

На ремнях стояли тарелки с закусками, мисочки с супом, жаркое, вазочки с компотами и киселем. На каждой тарелке лежали ложки, вилки, ножи, — одним словом, все, что нужно. Ян заметил, что каждый брал с ремня, что хотел, а съевши, ставил обратно на ремень пустую посуду. Ян посмотрел вдоль конвейера. Оба конца его уходили в отверстия в стенах. Очевидно, там были особые помещения, где убирали грязную посуду с конвейера и ставили новые блюда.

Насмотревшись вдоволь, Ян начал есть. Он ел закуски, хлебал суп, потом снова брался за закуски. Никакого порядка в блюдах он не соблюдал, когда съел компот, заметил селедку, которая проплывала мимо него, прикрывшись пурпуровой мантией из маринованной свеклы. Ян съел и эту селедку и тут почувствовал, что больше есть не может.

Ничто в Советском Союзе не произвело на него такого сильного впечатления, как этот закусочный конвейер. Даже в своих лучших снах он никогда не видел ничего подобного. Когда он ел компот и заметил селедку, слезы подступили к его глазам, и он сквозь слезы смотрел, как блюда все плыли и плыли, и стоило только протянуть руку, чтобы начать обед сначала.

Обсосав селедочную голову, Ян вытер руки бумажной салфеточкой и отправился осматривать другие помещения голубого дома.

6. ЧЕМ ЗАНИМАЛИСЬ ТЕКСТИЛЬЩИКИ В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Ян прошел несколько комнат и не увидел в них ничего особенного. Люди сидели за столами, пили чай, читали книги и разговаривали. Ян потолкался среди незнакомых людей, которые не обращали на него никакого внимания, и ему сделалось скучно. Он вышел в коридор, пол в котором не двигался, и медленно пошел вперед, не зная, что же ему теперь делать. В это время где-то впереди вдруг заиграла музыка.

Ян с детских лет никогда не упускал случая послушать музыку, конечно, если это можно было сделать бесплатно. Он двинулся в сторону звуков, открыл какую-то дверь и попал в небольшой зал, где на сцене играл струнный оркестр, Ян вошел в зал шумно, и на него зашикали. Тогда он тихо сел на крайнее место и начал слушать.

Оркестр играл какую-то сложную вещь, незнакомую Яну. Но сидеть и слушать музыку было очень приятно. Яну даже стало немного стыдно, что вот он тут сидит на концерте, а Броня там по-прежнему дышит эфиром и худеет. Он подумал:

«Как пройдет месяц, получу деньги, обязательно выпишу Броню».

Когда музыка прекратилась, Ян спросил своего соседа, какие это музыканты играют и часто ли бывают концерты в голубом доме.

Сосед повернул лицо к Яну. Это было молодое лицо, обросшее бородкой и усами, лицо настоящего рабочего. Глаза удивленно смотрели на Яна.

— Вы что, с неба свалились, что ли?

— Да. Только что сегодня из-за границы приехал.

— А-а-а... Вот в чем дело! Эти музыканты — наши текстильщики. Члены музыкального кружка. Играют здесь один раз в неделю.

— А чьи это инструменты?

— Наши инструменты.

— Значит, здесь можно бесплатно получить скрипку на время?

— Конечно, можно. Даже виолончель или контрабас, если хотите. А вы что, играете?

— Да нет, так, пиликаю немножко.

— Вы здесь в кружке можете серьезно заняться музыкой. У нас хорошие учителя.

Ян никогда в жизни не предполагал, что ему можно будет учиться музыке. В мечтах ему иногда мерещились всякие небылицы, например, своя собственная скрипка. Но об учении он и не мечтал.

— А что нужно, чтобы записаться на уроки? — спросил он с дрожью в голосе.

— Работать на нашей фабрике, больше ничего.

«Обязательно запишусь в кружок, — подумал Ян, — и как приедет Броня, сыграю ей что-нибудь веселенькое». Он не дослушал концерта до конца: ему хотелось обязательно обойти все нижние помещения в этот вечер. Он вышел из зала и попал в стеклянный коридор. По коридору добрался до зимнего сада.

Тут было очень душно, и по обе стороны дорожки стеной стояли тропические растения с большими холодными листьями. В зеленых ящиках рос бамбук, и его лакированные узловатые стволы были похожи на тросточки. Тут же примостились кадочки с лимонными деревьями, которые уже цвели своими жирными, как из масла цветами. Корзиночки с орхидеями свешивались откуда-то сверху, и из них разевали рты

пестрые; причудливые цветы, от которых пахло ванилью, как от пирожных.

Ян не знал названия ни этих цветов, ни растений. Все ему казалось здесь удивительным, и уходить из сада не хотелось. На столбике возле выхода он прочел:

ЗАПИСЬ В КРУЖОК БОТАНИКОВ
ежедневно, после шести часов.

«Обязательно запишусь в ботаники, — подумал Ян. — Приедет Броня, я ей цветок поднесу».

Он хотел еще раз пройти по саду, как, вдруг услышал музыку, на этот раз веселую, танцевальную.

«Успею еще пройти по оранжерее, — подумал Ян. — Цветы никуда не уйдут, а музыка может прекратиться».

На этот раз он попал не на концерт, а в танцевальную залу. Молодежь под оркестр танцевала какой-то новый танец. Танец был мудреный, но танцевали его хорошо. Тут же висело объявление о записи в кружок танцев.

Яну было всего двадцать четыре года, и он сам был не прочь подрыгать ногами. Но он не стал танцевать, а только посмотрел, как танцуют другие.

Он вспомнил, что Броня была страстная танцорка, но танцевать ей приходилось редко.

«Займу деньги в конторе, — подумал Ян. — Выпишу Броню на той неделе, и вместе с ней запишемся в кружок танцев.

Когда танец кончился, Ян пошел дальше, он не мог теперь уже остановить своего любопытства. Нижний этаж голубого дома казался ему каким-то заколдованным замком. Каждая новая комната открывала перед ним какую-нибудь приятную неожиданность.

Он заглянул в физкультурный кружок, где фехтовали на рапирах, и почувствовал желание заняться фехтованием. Сунул нос в шахматную комнату. Посмотрел выставку картин кружка изобразительных искусств и решил учиться живописи.

Из одной комнаты несся веселый смех. Ян пошел к двери, но войти не решался. У двери оказалась маленькая вывеска:

ЗАПИСЬ В КРУЖОК

*по изучению остроумия всех стран и народов
у руководителя кружка тов. ГЛЮКФЕСТ*

Ян раньше мало интересовался остроумием. Но тут ему пришло в голову, что изучить остроумие всех народов, в том числе китайцев, вещь стоящая и что, пожалуй, не вредно было бы записаться и в этот кружок. Он прошел еще мимо целого ряда дверей и везде читал объявления. Тут были кружки фотографические, говорящего кино, литературный, газетный. Ян перестал читать объявления и просто брел по коридору, опустив голову. Ему сделалось грустно. Он понял, что жить здесь, в Л-125, очень хорошо, но что сам он не заслужил всего этого. Он попал сюда случайно, все это не его рук дело. А главное — он здесь совершенно один, все его товарищи остались в прежних тяжелых условиях. И Броня — тоже.

Грустные мысли Яна прервало отдаленное пение. Само по себе пение его не разволновало бы, конечно. Что ж особенного, если в числе других кружков есть и хоровой? Но тут он вдруг заволновался. Дело в том, что пели знакомую песню и на его родном языке.

Ян не мог допустить мысли, что это радиопередача. Хор звучал мощно и чисто, а главное — он оста-

навливался несколько раз, и пение начиналось снова. Видимо — шла репетиция.

Ян побежал по коридору и распахнул дверь, за которой пели. Большой хор разместился на эстраде. Хором управлял старик со скрипкой в руках.

Ян вскрикнул от удивления, пение прекратилось, и все посмотрели на него. И тут он увидел своих земляков, а в числе их, по крайней мере, десять человек рабочих с фабрики Кроля. Тут были и Некрош, и Войнич, и даже Роман Спицер, который когда-то категорически отказался ехать в СССР. Ян бросился к ребятам с радостным криком, и все обступили его. Шумные приветствия продолжались минут десять.

Ребята сообщили Яну, что прибыли сюда через Киев и работают здесь уже недели две. Когда всё стало понятно, Ян отвел в сторону Романа и спросил его:

— А как же ты-то решился приехать? Ведь ты не хотел?

Роман махнул рукой.

— Меня доконала эта история с Куколем.

— Какая история?

— А разве ты не знаешь? Ведь его повесили за поджог фабрики Кроля. После этого я не мог больше оставаться там. Вот и приехал...

Ян мало знал Куколя, но все-таки это известие отравило ему удовольствие встречи с земляками.

— А про Феликса ты ничего не слышал?

— Ушел служить во флот... на корабль «Христос-спаситель».

Потолковавши немного с ребятами, Ян решил, что он завтра же напишет письмо Броне и попросит ее срочно выехать в СССР.

Как выяснилось, она могла получить работу в Л-125 в любое время.

7. СТРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИРМЫ ГУТТА

Советский синтетический каучук так и не нашел доступа в Европу. И вот тут начались странные события, которые долгое время оставались необъяснимыми.

Австрийское акционерное общество Гутта занималось производством синтетического каучука уже несколько лет. Всем было известно, что дела фирмы идут неважно: продукция Гутты была дорога и могла конкурировать с натуральным каучуком только в годы подъема мировых цен. После же того как государства Европы отгородились от синтетического каучука высокими пошлинами, все предсказывали фирме крах.

Но дело сложилось несколько иначе.

Летом того года, когда Кроль заложил свои плантации ластовня, Гутта вдруг начала покупать земельные участки в разных странах и с поразительной быстротой возводила на них заводские сооружения.

Но этого мало.

В газетах писали, что сооружаемые Гуттой заводы поражают своим благоустройством. Здания были велики, прекрасно освещены, оборудованы вентиляцией, душами и комнатами для отдыха. При заводах строились рабочие поселки, которые удивляли еще больше, чем сами заводы. Рабочим отводились просторные комнаты, снабжение всем необходимым, при общежитиях были клубы, ясли, детские дома и больницы. Снимки с новых рабочих дворцов начали появляться в иллюстрированных журналах.

В промышленных кругах выражали недоумение по поводу такого расцвета фирмы Гутта. Высказывались самые разнообразные соображения. Говорили,

например, что фирма купила патент на производство синтетического каучука у советского изобретателя. Это было более всего вероятно, но не объясняло, почему Гутта так рьяно взялась за обслуживание рабочих.

Недоумение в широких европейских кругах продолжалось до того момента, когда консерватор Лондондерри, владелец каучуковых плантаций в Индии, обратился в парламенте с запросом к министру торговли:

— Известно ли господину министру, что за вывеской австрийской фирмы Гутта скрывается хозяйственный орган СССР, именуемый ВСНХ? И если известно, то какие меры думает принять правительство против этой своеобразной интервенции советского капитала?

Министр торговли ответил:

— Нет, сэр. По этому поводу мне ничего не известно.

Член рабочей партии Давид Смит спросил:

— А если бы оказалось, что СССР уступил патент инженера Чайкина фирме Гутта и теперь работает с ней сообща, то разве по законам нашей страны такая коммерческая операция была бы недопустима?

Министр торговли ответил:

— Я ничего не имею прибавить к ответу, данному члену палаты Лондондерри.

Снова поднялся Лондондерри.

— А не найдет ли возможным достойный джентльмен приравнять указанную деятельность СССР к пропаганде, запрещенной по договору?

Вопрос остался без ответа.

И хотя министр торговли Англии ничего не знал о фирме Гутта, запрос Лондондерри как бы развязал языки в Европе.

Жирные заголовки над полосами газет сгустились в грозовые тучи. Из этих туч гремел гром:

ДОЛОЙ ИНТЕРВЕНЦИЮ СОВЕТСКОГО КАПИТАЛА!
СССР ВЫСТУПАЕТ КАК КОНЦЕССИОНЕР!
ПРОГОНИМ ОБРАТНО КАПИТАЛЫ
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ!

Но собственность и распоряжение ею в капиталистических странах ограждаются законами. Да, строго говоря, во всей Европе только одни англичане были заинтересованы в пресечении деятельности Гутты. Вот почему, несмотря на громовые статьи в газетах, заводы Гутты продолжали расти, и рекламы, обещающие дешёвый каучук, продолжали рассылаться в огромных количествах.

Одна из таких рекламок попала и к Кролю.

— Нас опять объехали, Роммер, — сказал он усталым голосом. — Синтетический каучук перебрался через ограды пошлин. Теперь я понимаю, почему Спасибин писал о фирме Гутта, когда я был у него. Они заранее предвидели наше наступление. Да, чёрт подери... Большевики выучились торговать не хуже Америки. Честное слово, теперь резина перестала интересоваться меня окончательно. И я занялся бы любым другим делом, лишь бы оно было повеселее...

— Я уже придумал кое-что, — сказал неистощимый Роммер. — Ластовень тоже мне разонравился.

— Что же именно вы предлагаете вырабатывать на этот раз?

— О, замечательный товар, которого всегда всем не хватает.

— Это интересно. Может быть, вы хотите, чтобы я подделывал деньги?

— Почти что так. Я предлагаю вам совершенно серьезно построить завод для добычи золота.

— Из ртути?

— Нет, зачем же. Мы будем добывать золото из морской воды. Оно обойдется нам значительно дешевле рудничного.

— Вы говорите это серьезно?

— Совершенно серьезно.

Кроль встал. Ведь он очень любил золото. Но на этот раз беспокойство появилось в его глазах.

— А вы ручаетесь, что мировые цены на золото не упадут, если мы начнем добывать его из воды?

— Если действовать умно, то цены упасть не должны.

— А вы ручаетесь, что в СССР опять какой-нибудь Сережка Чайкин не придумает нового металла, который заменит золото?

— Ручаюсь. Именно только золото не допускает никакой замены.

Кроль прошелся по комнате.

— Роммер, — сказал он, — не скрою, что этот ваш проект мне нравится больше всех остальных. За такое дело не жалко отдать жизнь. Но вы знаете место, где мы могли бы украсть секрет добычи золота из воды?

— Конечно, знаю. Все мои предложения всегда реальны. Иначе я и не затевал бы разговора.

— Ну, говорите: куда нам надо ехать на этот раз?

— Очень близко. Всего только в Германию.

8. ЯН ОКОНЧАТЕЛЬНО УСТРАИВАЕТСЯ

Двадцать четыре ткацких станка не колебали пола при работе и не стучали, как на фабрике Кроля. Воздуха в помещении было достаточно.

Между этими станками похаживал Ян Коржек: он должен был обслужить сразу все. На фабрике Кроля рабочие обслуживали одновременно не больше восьми станков. Но здесь машины были хорошо отрегулированы, и вмешательство мастера требовалось редко. Когда станок начинал шалить, вспыхивала красная лампочка. Ян быстро исправлял неполадку и пускал машину в ход.

Одновременно с работой Ян прислушивался к негромкому голосу радио, который с утра сообщал новые сведения по политике. Сведения передавались в легкой форме, в виде диалогов в английском парламенте, митингов, споров, инсценировок. Затем, во второй половине дня, невидимый лектор читал целые курсы по общеобразовательным предметам. Лекции были очень интересны. Временами в радио играла музыка, артисты читали стихи, пели песни.

Сначала Яну было очень трудно слушать и одновременно работать. Он был убежден даже, что это невозможное дело вообще. Первые дни станки поглощали все его внимание. Но с течением времени он уже начал улавливать отдельные фразы, не переставая следить за станками. А потом выучился делать все три дела сразу: слушать, следить за лампочками и налаживать работу станков.

Шестичасовой день протекал незаметно, труд здесь нисколько не был похож на изнурительную работу в аппретурном цехе. Работа кончалась, а затем наступал час обеда, отдых и все с ним связанное. Ко-

нечно, Ян не записался во все кружки, как хотел в первый день своего прибытия в Л-125. Но на скрипке он играть учился, учился и фехтованию и стрелял из винтовки. Кроме того, играл в шахматы.

Жизнь в Л-125 казалась ему очень интересной, и этот интерес все увеличивался по мере того, как Ян обзаводился знакомыми, приобретал новые сведения в разных областях, обнаруживал в себе новые способности. Ему только все время было стыдно, что он пользуется всеми удобствами, а несчастная Броня продолжает окуна́ть стеклянные шарики в жемчужный пат. Он уже написал ей два письма и в одном даже послал удостоверение, что ей будет предоставлено место в Л-125. Но Броня на письмо не отвечала и не ехала. Ян не знал, что и подумать, и начал опасаться, что с его невестой стряслось какое-нибудь несчастье.

Однажды утром, когда он стоял под душем и мылся перед отправлением на работу, в ящике под окном что-то звякнуло, и дверка открылась. Ян давно уже знал, что за дверкой помещается труба, по которой в комнаты передаются различные легкие предметы. Значит, ему что-то прислали.

Весь мокрый, не успев обтереться, Ян бросился к окошку и нашел в трубе небольшой цилиндрик, в котором лежала открытка от Брони. На открытке было нарисовано море и кипарисы. А на обратной стороне Броня писала:

Милый Ян!

Представь себе, меня подвергли освидетельствованию в Киеве и, прежде чем отправлять на работу, послали на аэроплане в Алупку на две недели. Ведь ты знаешь, Ян, я отроду не видала моря и теперь схожу с ума от радости. Может быть, это даже к луч-

шему, что здесь, в СССР, такие строгие порядки, ведь я отказывалась лететь на аэроплане, да еще в неизвестное место. Но меня заставил докатор полететь. И теперь я не жалею. Последнее время чувствовала я себя плохо. А здесь, конечно, поправлюсь и приеду к тебе здоровой.

Твоя Броня.

Пока Ян читал и перечитывал открытку, вода на его теле высохла. Он даже был рад этому: обтираться не пришлось. Он быстро оделся и спустился вниз. За завтраком рассказал всем соседям по столу, что он только что получил письмо от невесты.

— Можете себе представить, что с ней проделали, — говорил он самым что ни на есть довольным тоном, — по воздуху ее отправили прямо в Крым, и теперь она купается в море...

Он рассказывал об этом всем несколько дней подряд, а землякам показывал открытку, чтобы они сами прочли ее и убедились, что он не врет. Он высчитывал дни по пальцам и в свободное время особенно старательно играл на скрипке.

Утром того дня, когда Броня должна была приехать, Ян пошел к коменданту и спросил, как же ему быть теперь с комнатой. Комендант послал мастера в комнату Яна, и тот вывинтил у него из стены книжный шкаф. Другой такой же шкаф он вывинтил из соседней комнаты, и таким образом между комнатами получилась дверь. Иными словами, Ян, не стукнув пальцем о палец, получил квартиру из двух комнат. Товарищ, который раньше жил в соседней комнате, был переведен в другую.

Ян тщательно побрился перед тем как идти на вокзал встречать Броню. Когда за обедом он заявил, что сегодня с семичасовым поездом к нему приезжает невеста, все его земляки выразили желание идти вместе с ним на вокзал. Когда об этом узнали русские рабочие, то и они захотели прогуляться на станцию. Таким образом получилась целая манифестация.

Яна все это страшно смутило. Он боялся, что Броня никому не понравится. Она любила носить яркие шляпки, жемчуг собственного изготовления и, что греха таить, пудрила нос и красила губы. Здесь же, в Л-125, все женщины и мужчины, одевались очень скромно, а о подкраске лица никто и не помышлял. Ян, во главе процессии человек в шестьдесят, шел и все думал, как бы Броня не оскандалилась. Но ему не пришлось краснеть за Броню.

Она приехала в белом платье и в крымской шляпе, которые получила в доме отдыха. Краски на лице заметно не было. Вернее, краска была, но на этот раз Броню подкрасило солнце Крыма: она сильно загорела и поправилась. От нее не пахло больше эфиром, и ногти ее от купания в море перестали быть перламутровыми, а сделались розовыми.

На вокзале ребята много чудили. Роман Спицер, даже сказал целую приветственную речь. Ян начал знакомить Броню с товарищами, но у нее не хватило сил всем пожать руку, так что дело кончилось общим поклоном. Потом все направились в голубой дом.

По дороге Ян сказал:

— Знаешь, Броня, поздравь меня: я уже не неудачник больше. С тех пор, как я в СССР, я ни разу никуда не опоздал...

— Это невозможно, Ян, — сказала Броня. — Я этому никогда не поверю.

— А вот представь себе. Скажу больше, я играю на скрипке... Меня учит учитель, и здесь все дают бесплатно, даже канифоль...

— Пресвятая Дева... — воскликнула Броня...

— Тс-с-с... — сказал Ян. — Поменьше про деву. Здесь это не в моде.

— Но ты действительно играешь на скрипке?

— Через десять минут ты в этом убедишься.

С вокзала пошли прямо в ЗАГС, который помещался в том же голубом доме. И там Ян и Броня, в присутствии всех товарищей, зарегистрировали свой брак. А после этого пошли гулять по полям в сторону молочной фермы.

Теперь рассказывала главным образом Броня. Она сообщила Яну все новости про общих знакомых. Только про Феликса она ничего не знала. Зато знала про Кроля. После пожара фабрики он стал знаменитым богачом.

— Между прочим, я тоже кое-что узнал про Кроля, — сказал Ян, — и я бы очень хотел с ним встретиться.

— Что же ты узнал?

— Собственно, я узнал не про него лично, а вообще про капиталистов. Но ты, Броня, не поймешь этого. Тебе придется еще поучиться разным наукам. А пока ты лучше помалкивай. Здесь такие образованные ребята, что сесть перед ними в калошу ничего не стоит.

9. ХИМИЯ СПАСЕТ ГЕРМАНИЮ

Не трудно догадаться, почему Роммер решил направить свои стопы в Германию и именно там украсть секрет добычи золота из морской воды. В другом месте он не получил бы сведений по этому вопросу.

Но и в Германии вряд ли бы его приняли ласково и открыли перед ним все карты. Дела немцев были вовсе не так блестящи, чтобы они могли добровольно отдавать чужестранцам производственные секреты.

Да, годы шли, но дела Германии не поправлялись.

Правда, долг Антанте уменьшался, но полного погашения его не ждали раньше 2000 года. До этого времени каждые шесть месяцев более или менее солидные суммы продолжали переводиться со счета Германии на счет держав-победительниц.

Немецкая промышленность делала чудеса, чтобы оплатить долги. Она искала и находила все новые и новые предметы вывоза и заваливала весь мир роскошными безделушками типа фотоаппаратов, величиной в коробочку спичек, биноклей, видящих сквозь стены, и многого другого. Заборы, крыши, усы, ботинки, материи и автомобили всего мира красились красками Германии. Немцы всюду торговали своей алмазной *сталью-видиа* и своими фибровыми чемоданами. Но всего этого не хватало на погашение долгов. «Ответчиком» за поражение в мировой войне продолжал оставаться рабочий класс. Массы нищали. Деторождение в Германии приблизилось к французскому, и французы этим очень гордились. Смертность с каждым годом понемногу увеличивалась.

Положение вещей могло поправить только чудо или революция.

Чудо случилось раньше. Именно профессор Граблер заявил на секретной аудиенции у президента республики, что он открыл способ погасить долг Антанте не в шестьдесят лет, как предполагалось, а значительно скорее.

Имя профессора Граблера было известно каждому немцу и очень многим французам. Именно он в эпоху империалистической войны, когда наступление на Париж сорвалось, и война затянулась, выдвинул лозунг: «Химия спасет Германию»...

Под этим лозунгом он подразумевал главным образом употребление в качестве оружия тяжелых газов, затрудняющих дыхание, вернее, отравляющих людей. Первое применение хлора на фронте подействовало на французов ошеломляюще. Позиции были покинуты, и немцы заняли окопы. Но союзники быстро справились с новым военным средством, ввели противогаз и со своей стороны начали угощать немцев фосгеном и ипритом. Результаты войны известны: профессор Граблер ошибся, химия не спасла Германию на этот раз. Скорее наоборот, она осложнила положение. Союзники в Версале никак не могли простить немцам употребление боевых газов, и отчасти этим можно было объяснить их неумеренные денежные требования.

Время текло, но профессор Граблер не успокоился. Через много лет после заключения мира, представляясь президенту, он произнес речь, в которой остановился на бедствиях Германии.

— Германия гибнет, — сказал он, строго смотря на президента поверх очков, — но это можно ис-

править. Я продолжаю стоять на прежней точке зрения.

— На какой именно точке зрения? — спросил президент кротко.

— Химия спасет Германию.

Президент вздохнул. Он прекрасно знал, что в свое время старик уже пытался осуществить эту мысль на практике, и попытка привела к самым тяжелым последствиям для Германии. Президент спросил:

— Нельзя ли конкретнее, господин профессор? Что вы имеете в виду?

— Ничего особенного, господин президент. Но мне кажется, что за последнее время немецкая наука поднялась на такую высоту, что мы могли бы уже использовать малые концентрации драгоценных металлов, рассеянных повсюду в природе.

— Какие именно металлы вы имеете в виду?

— Ну, конечно, золото, которое растворено в воде морей и океанов.

— Вы думаете, мы могли бы заплатить этим золотом свой долг французам? — с интересом спросил президент.

— Да, и англичанам также. На это нужно только время.

— Сколько?

— Шесть лет.

Президент и профессор задумались. Каждому из них было по девяносто лет, и каждый из них принимал посильное участие в мировой войне. Оба они еще не забыли унижений Версальского мира. И выход из тяжелого положения при помощи исключительной техники Германии казался им почетным и желанным.

— Это золото, надеюсь, будет желтого цвета? — осторожно спросил президент.

— Конечно, не голубого, — ответил профессор раздраженно. — Оно будет отличаться от настоящего только тем, что обойдется нам раз в десять дешевле.

— В таком случае надо вести дело в абсолютном секрете, — сказал президент, разыгрывая из себя знатока. — Иначе мировые цены на золото могут упасть. Его величество покойный император наверное поддерживал бы этот проект. Он очень любил золото, особенно в больших количествах. Сегодня же я поговорю с министром финансов и сделаю все возможное, чтобы осуществить ваш проект.

Президент молчал несколько минут и вдруг засмеялся.

— А ведь это замечательно, — сказал он шепотом. — Наш завод будет здесь работать, а запасы золота в английском и американском банках обесценятся.

В то время немцы уже не были связаны опекой международного контроля по рукам и по ногам. Они могли строить любые предприятия без разрешения своих мучителей. И вот огромный таинственный завод «ФОГ» вырос недалеко от Киля.

Официально он добывал соль, соду и прочие малоценные вещи из воды.

Фактически — товар значительно более дорогой.

Огромные массы воды, поступая по сосущим трубам в фильтры, потом разделялись на отдельные струи. Воду мучили, чтобы она отдала свое золото. Из гигантских центрифуг распыленная в мелкие брызги жидкость растекалась по ртутным поверхностям. Затем возвращалась обратно в океан. Но она оставляла в широких ящиках микроскопические крупинки золота. В день его накапливалось несколько килограммов. Этого было достаточно, чтобы оправдать расчеты Граблера.

Конечно, это золото не поступало на рынок. Его употребление знала только верхушка германского казначейства.

* *

*

Именно это производство имел в виду Роммер, когда безапелляционно заявил Кролю, что из Германии пахнет хорошими деньгами. Кроль видел только одно возражение против нового начинания, и он высказал его тут же, полушутя, полусерьезно.

— Но ведь в Германии нет Калинкиных, Роммер. А сами немцы вряд ли выдадут нам свой секрет.

Очевидно, Роммер предвидел это возражение. Он ответил своему хозяину совершенно уверенно:

— Да, но в этом деле у нас найдутся союзники.

— Кто же такие? Опять англичане?

— Нет, на этот раз коммунисты.

10. ДРУГОЙ СПОСОБ ПОГАСИТЬ ДОЛГИ АНТАНТЕ

Помимо проекта профессора Граблера — погасить долги Антанте в шесть лет морским золотом — в Германии существовал другой проект погашения тех же долгов, и притом в гораздо более короткий срок: в один день. Это был проект коммунистической партии Германии, которая с момента своего возникновения стояла на той точке зрения, что оплачивать все издержки мировой войны за счет эксплуатации трех поколений немецких пролетариев — нерационально. В противовес буржуазным проектам компартия выдвинула свой: оплатить задолженность Антанте по способу России. Разговоры об этом способе оплаты зарубежных долгов велись все чаще и чаще в рабочей среде, и коммунистическое движение Германии все больше и больше беспокоило международный совет кредиторов. Естественно, что немецкая буржуазия тоже высказывалась против такого способа расплаты, потому что целью революции являлось не только издание декрета об аннулировании внешних долгов, но и экспроприация всей немецкой промышленности в пользу государства. Вот почему вожди буржуазии всеми своими силами поддерживали проект Граблера и тайно субсидировали его. При этом буржуазии казалось, что операция с золотом, облегчив положение страны, будет восторженно встречена всей Германией, в том числе, и пролетариатом.

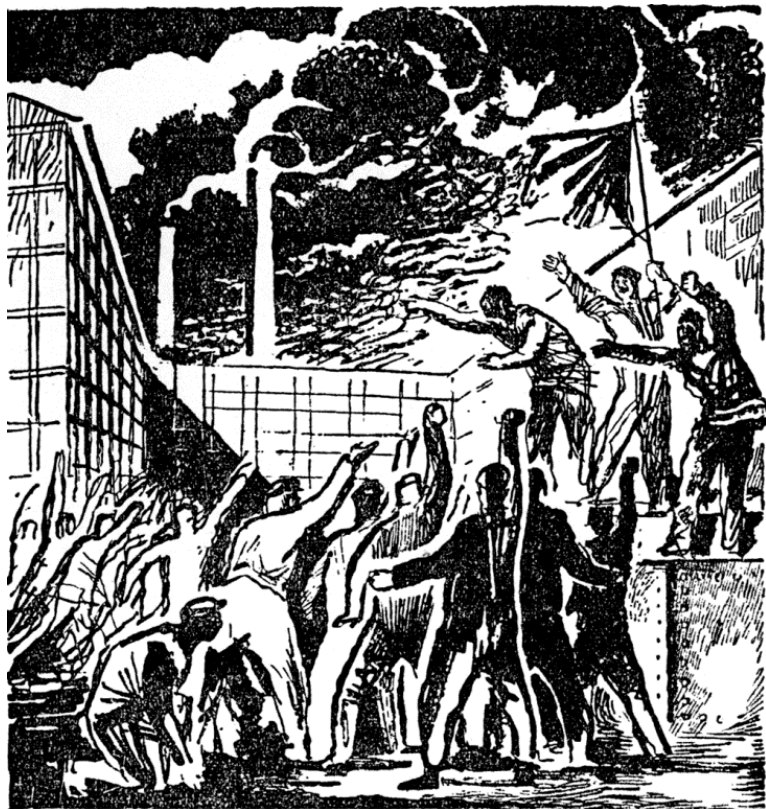
Правительство создало целую систему сокрытия подлинного назначения завода ФОГ. Завод был построен как крепость, с двором внутри. Производство было объявлено опасным и секретным, а потому у во-

рот непрерывно дежурила вооруженная стража. Рабочие принимались с особым отбором. Слежка и шпионаж были поставлены образцово, фашистская группа была на заводе очень сильна, и ФОГ с момента открытия функционировал день и ночь без единого перерыва.

Рабочим все время внушалось, что они трудятся для спасения Германии и потому должны забыть свои личные выгоды. Однако уж такой народ рабочие: с течением времени они революционизируются, особенно если их толкают на это новые обстоятельства. А такие обстоятельства появились в лице завода Гутты, который возник в одном километре от ФОГа. Положение рабочих на заводе Гутты было примерно в четыре раза лучше, чем на ФОГе, и из этого трудно было не сделать выводов. Компартия со своей стороны, разъясняла рабочим ФОГа, что исключительность производства завода обеспечивает государству огромные барыши, которых, конечно, не мог дать Гутте искусственный каучук. Были сформулированы очень скромные требования о повышении зарплаты. И вот нелегально организованный фабричный комитет взялся провести эти требования в жизнь.

В начале ноября месяца три представителя рабочих вошли в кабинет директора и попросили их выслушать. Директор дал согласие, и сейчас же на его столе появилась резолюция фабкома о необходимости повысить зарплату на тридцать процентов.

Директор очень долго рассматривал резолюцию, и за это время в его голове созрел план: за один прием очистить завод от нежелательных элементов. Он сделал вид, что готов пойти на уступки рабочим, и предложил устроить совместное заседание администрации с представителями всех отделов завода.

На это заседание явилось пятнадцать человек рабочих и столько же инженеров. Директор запер дверь на ключ и, не открывая заседания, просто объявил рабочим, что они все уволены. Им было предложено получить расчет по заранее составленной ведомости и, не заходя на предприятие, выйти в заднюю калитку завода, чтобы никогда уже больше не возвращаться.

Возмущенные обманом рабочие отказались принять расчет. Они выбили раму в кабинете директо-

ра и выпрыгнули на двор. Здесь один из них, Энгель, самый молодой и громкоголосый, закричал в пространство:

— Ребята, весь фабком и делегатов уволили!

На поддержку уволенным товарищам на двор вышло около сорока человек рабочих. Запели «Интернационал».

Дирекция завода распорядилась навинтить на магистральную трубу рукава, и рабочих во дворе начали поливать водой под необычайно высоким давлением. Напор воды был так велик, что струя разбивала лица в кровь и валила с ног.

Работа на заводе прекратилась. Чтобы удержать рабочих у машин, директор приказал разнести по заводу граммофоны, тамбурины, юмористические журналы и карамель. Кроме того, рабочим, оставшимся при машинах, была обещана двойная зарплата за весь день.

Запертые на дворе рабочие оказались в тяжелом положении. Помощи ждать было неоткуда, а струи воды были упруги, как стальные палки. Спасаясь от воды, рабочие сбили дверь в подвальное помещение. Из подвала, сломав еще две двери, восставшие проникли в камеру Зет, «святое святых» завода. Именно здесь, в широких ящиках отстаивалось золото. Процесс этот происходил без участия рабочих, и потому в камере никого не было.

Восставшие забаррикадировали входы в камеру. Двое наиболее расторопных собрали себе в картузы золотого песка и около пяти килограммов золота высыпали в окно, на двор.

Когда рабочие, оставшиеся в помещении, узнали, что золотая пыль носится в воздухе и оседает на асфальт, они побросали журналы и тамбурины и

выскочили на двор, чтобы увидеть это неповторимое зрелище. Многие начали собирать тряпками с асфальта драгоценную пыль. Заводские помещения опустели.

Директор завода понял, что беспорядки разрастаются, так как золото в воздухе довело до помешательства даже служащих конторы. Срочно по телефону из Киля была вызвана рота мотоциклетчиков с баллонами слезоточивого газа. Одновременно с этим о беспорядках на заводе стало известно в местной прессе.

Не прошло и часа, как лживый «Кильский радиодень» сообщил на волне в пятьсот метров, что на заводе ФОГ коммунисты захватили власть, образовали всегерманское правительство и аннулировали внешние долги.

11. ЯН И БРОНЯ ЗНАКОМЯТСЯ С ОКРЕСТНОСТЯМИ

К осени Ян и Броня, сделались решительными сторонниками порядка, который был налажен в Советской стране.

Это было не так-то легко для них, так как советский строй предъявлял к рабочим большие требования. Начать с того, что здесь все дела фабрики касались рабочих не меньше, чем администрации. Раньше, у себя на родине, Ян и Броня совершенно не интересовались вопросами, откуда поступает сырье, куда идет товар и нельзя ли как-нибудь усовершенствовать производство. Здесь в СССР все было наоборот.

Вопросы производства постоянно обсуждались на совещаниях рабочих. Многочисленные кружки по заданию фабрики и своей инициативе разрабатывали способы улучшения дела. Заводская газета пестрела вызовами на всевозможные соревнования, цех шел на цех, и не проходило дня, чтобы новое предложение или изобретение не обсуждалось среди рабочих.

Для того, чтобы принять участие во всем этом, Яну пришлось прежде всего познакомиться с текстильным производством в целом. Чтобы не прослыть круглым дураком среди товарищей, Ян принужден был заниматься усиленным темпом, и по возможности, потихоньку. В два-три месяца он осилил всю эту науку и даже сделал одно предложение по аппаратурному цеху, и предложение его было принято. Яна вызвали потолковать к директору, и тут он увидел, что не все директора на свете такие же, как Оберталлер. Его встретил рабочий, который сам шесть лет стоял за станком. Он заговорил с Яном по-товарищески, на «ты», и долго его расспрашивал, как было поставлено

дело на фабрике Кроля. Сидя в кресле в кабинете директора, Ян чувствовал себя так же свободно, как в беседе с Романом Спицером. Они дружественно простились, и после этого на другой день директор зашел к нему в цех и задал еще несколько вопросов. И потом Ян часто встречался с ним в столовой и запросто разговаривал.

В свободные дни Броня и Ян ходили гулять по окрестностям города.

Они посетили молочную ферму, где коровы стояли в таком чистом коровнике, что там можно было обедать. Кругом коровника, как древний рыцарский замок, возвышались восемь силосных башен, наполненных кормом. Тут же при ферме работала сыроварня и небольшая фабрика мороженого.

Недалеко от молочной фермы находилось птицеводство. И здесь побывать было очень интересно. Куры, гуси и утки все были белого цвета. Дворики для их прогулок, усеянные толчеными раковинами, занимали несколько гектаров. В отдельном помещении были установлены инкубаторы, и тут же под железными зонтиками грелись цыплята, пушистые, как цветки верб.

Яну особенно понравились пруды, в которых выводили карпов. Огромные жирные рыбы, похожие на окорока, плавали медленно и изредка, всплывая на поверхность, щелкали ртами. Прудов было несколько. В каждом из них паслись рыбы разных возрастов. Пруды поочередно спускались, а рыбу выбирали.

При фабрике были заложены и большие фруктовые сады и ягодные плантации. Да что сады... Ян и Броня как-то случайно забрели на конский завод, который недавно только открылся. Здесь хозяйничал кружок верховой езды. Пока лошадей было мало, но по

программе через два года предполагалось держать более сотни. Яну так понравились лошади, что он решил записаться в кружок.

Все это — и конюшни, и пруды, и коровники — было разбросано среди бесконечных полей, которые окружали фабрику. Разноцветные дома общежитий возвышались над волнующейся пшеницей, как мираж или утопическая фаланстера. Но это был не мираж и ни утопия. Л-125 был обычным советским городком фабричного типа.

Само собой разумеется, что кроме прогулок по окрестностям, Яну и Броне пришлось принимать участие во всех общественных затеях. Так, еще за два месяца до октября рабочие фабрики начали готовиться к празднованию годовщины революции.

Каждый год этот день отмечался как-нибудь по особому, и подготовка к этому празднику, собственно, начиналась сейчас же после Первого мая. По заведенному обычаю, фабрика командировала своих делегатов в Москву и некоторые другие города, а представители различных организаций приезжали на этот день в Л-125. Само празднество справлялось объединенно с большим металлургическим заводом, который находился в двадцати километрах от Л-125.

Оркестры и кружки пения заранее готовили свои выступления. В драмкружке специально сочинили пьесу. Кружок остроумия изоощрялся в придумывании лозунгов.

Накануне годовщины революции фабрика не работала. На запасных путях изокружок декорировал три поезда, на которых текстильщики собирались ехать к металлистам. Первый поезд был покрыт декоративной броней, и на нем ехала военизированная мо-

лодежь. Два других поезда были «разделаны» под восток и под запад.

Утром 7 ноября несколько тысяч текстильщиков заняли в поездах места. С собой везли маскарадные костюмы, маски, фейерверки и много подарков детям металлистов: лент, платков и одежды. Ехали с волнением, так как прекрасно знали, что металлисты устроят какой-нибудь забавный сюрприз.

Действительно, на станции, где все приготовились слезать, поезд был встречен тремя металлистами, которые попросили текстильщиков не вылезать из вагонов.

— В этом году, — заявили они, — путь для дорогих гостей несколько продлен, и рельсы уложены до самого клуба.

Текстильщики снова залезли в вагоны. Металлисты стали у моторов и сами повели поезда. Всех поразила страшная скорость, которую поезда взяли с места.

Оказалось, что металлисты уложили путь в виде кольца. Они ввели поезда на это кольцо и закрыли стрелку. Сначала текстильщики не могли понять, в чем дело. Но потом, когда они увидели, что поезда описывают круг на одном месте и скорость увеличивается, они поняли, что это шутка. Поднялся хохот. Электрическая карусель все ускоряла свое движение, а оркестр металлистов в это время ехидно играл польку.

К счастью, на бронепоезде была пушка, стреляющая гранатами из ваты. Ребята с бронепоезда начали обстреливать оркестр, и он разбежался. Поезда пошли тише, и остановились действительно против клуба, мимо которого пришлось перед этим проехать раз сорок. В клубе был приготовлен парадный обед.

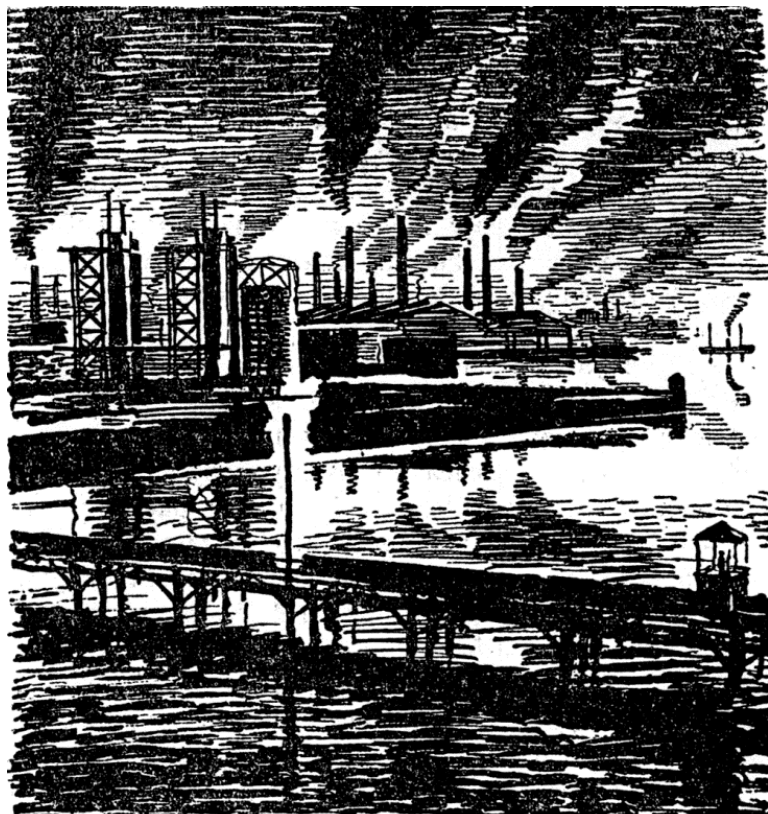
После обеда составились экскурсии по производству, металлисты показывали свои достижения и поднесли гостям подарки: зеркала из нержавеющей стали.

Вечером должно было быть общее собрание, а потом смешанный концерт и спектакль. После спектакля танцы. А на другой день военная игра: бой между текстильщиками и металлистами.

Общее собрание в большом зале клуба открыл смешанный президиум. По радио из Москвы было передано приветствие правительства. Затем последовал краткий обмен докладами о производстве, составленный в стихах.

Одетые в красные шелковые костюмы певцы выскочили было на сцену, чтобы исполнить куплеты собственного сочинения, как вдруг рупор громкоговорителя закричал:

— Алло, алло, внимание! Говорит Москва. Всем трудящимся СССР. Слушайте. В Германии, на заводе ФОГ, рабочие, руководимые коммунистами, выгнали администрацию и забаррикадировали ворота. Началась правильная осада завода полицией и войсками. Слушайте подробности, слушайте подробности...

12. РОММЕР ИСПОЛЬЗУЕТ ПОЛОЖЕНИЕ

Через два часа после того, как новость о заводе ФОГ распространилась за границей, инженер Роммер прилетел в Киль на аэроплане. В это время к заводу ФОГ из Килия уже тянулись войска и революционно настроенные рабочие. Роммер присоединился к одной из групп, и вместе с рабочими прибыл к заводу. Туда он попал в самый разгар событий. Несколько слезоточивых бомб, брошенных с полицейского аэроплана на двор завода, превратили всех рабочих в едино-

мышленников. Администрация была частью выгнана, частью арестована, заводские ворота заперты, и прибывшие мотоциклетчики не имели возможности проникнуть внутрь. Рабочие собрались на дворе и выбрали революционный комитет. Комитет постановил не сдаваться и выйти с завода только в том случае, если условия рабочих будут приняты.

Солдаты сплошным кольцом окружили завод, чтобы подвергнуть его правильной осаде и не дать никому проникнуть внутрь. Обстреливать завод не решались, так как в машинах ФОГа заключались все надежды Германии. Голод должен заставить бунтовщиков сдаться.

Солдаты подвели ток к походным кухням и начали жарить мясо, чтобы возбудить запахом в осажденных голод. За лагерем большими группами расположились рабочие из Киля.

Они понимали, что надо передать осажденным провизию, иначе они сдадутся. Но солдаты не подпускали никого к стенам завода.

Вечером из города начали прибывать жены рабочих со свертками провизии, но разумеется, к заводским воротам не допустили и их. Все окна завода были освещены, очевидно, там происходили непрерывные собрания. Военный лагерь выставил часовых, и солдатам позволено было подремать. Около одиннадцати часов вечера на заводе началась какая-то работа. Было слышно, что молотки стучат по металлу и громяют железные листы. Никто не мог понять, в чем дело.

В час ночи из ворот завода показалась вода. Она бежала сплошным потоком по шоссе, разливалась по всей площади, затопляла низкие места. Воды было очень много. Очевидно, рабочие сделали отвод от магистральной трубы. В лагере протрубили тревогу. Его

начало заливать. Кольцо солдат было прорвано, и они отступили в беспорядке.

Этим воспользовались рабочие, стоящие за лагерем. Частью вплавь, частью вброд, они проникли к воротам завода с провизией в руках. В числе этих рабочих был и Роммер с огромным белым хлебом, привязанным к голове. Несколько десятков мокрых рабочих были впущены в ворота. Они передали провизию в распоряжение революционного комитета и смешались с осажденными. Роммер тоже отдал свой хлеб и не мешкая пошел знакомиться с устройством машин.

В заводских помещениях, прямо на полу, у фильтров и труб, спали социал-демократы и христианские социалисты. Они были недовольны осадой и голодом. Перед тем, как заснуть, они несколько раз требовали, чтобы их выпустили за ворота, но им в этом было отказано. Роммер тихо бродил мимо уснувших рабочих, зарисовывал схемы, прохождения воды, брал составы из фильтров, скоблил напильником ртутные поверхности. В его работе ему никто не препятствовал. Только один раз его остановил коммунист, член фабзавкома. Увидевши, что

Роммер интересуется машинами, он спросил:

— Француз, что ли?

Роммер ответил что-то неопределенное.

Члену фабзавкома некогда было оберегать тайны производства. Он пошел по своему делу.

В восемь часов утра по заводу распространились слухи, что солдаты отводят воду. Действительно, вызванные из Любека саперы быстро наладили работу плугов, употребляемых для рытья траншей. К морю копалась канава.

В девять часов утра социал-демократы категорически потребовали сдачи завода. Они обиделись, что

им выдали мало провизии из доставленной ночью. На заводе начались ссоры. Наконец в полдень комитет вынес решение — предложить солдатам отступить от завода. Вслед за этим осажденные очищают ФОГ. Никто не должен был быть уволен, кроме директора, который заменялся другим.

Переговоры окончились только вечером. Рабочим было разрешено покинуть завод, причем давались гарантии, что увольнений не будет. Вечером ворота открылись, и восставшие вышли в поле. Завод был занят солдатами, и администрация приступила к выяснению убытков.

Золота в камере Зет не оказалось. Взамен его в ящике была оставлена записка: «Центнер золота перечисляется со счета уплаты долгов союзникам на счет развития революционного движения в Германии».

Вечером того же дня Роммер со своими зарисовками и пробами на специально нанятом аэроплане направился домой.

Перед этим он дал Кролю телеграмму:

ДЕЛО В ШЛЯПЕ. ЦЕЗАРЬ

А в городе начались аресты.

13. КРОЛЬ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Арт Кроль сумел довольно легко выпутаться из убытков, которые ему причинил синтетический каучук. В этом деле ему помог не рынок, а военное ведомство.

Правда, фирма Кроль уже не имела возможности изготавливать из своего дорогого каучука прорезиненные пальто и соски. Их бы никто не покупал. Но субсидия правительства сделала рентабельными шины для аэропланов и грузовиков. Ластовень был признан очень полезным растением, особенно на случай войны, и Кролю было дано знать, что деятельность его одобряется и будет поддержана.

Но Кроля теперь нисколько не интересовало это дело. Все его помыслы и надежды были направлены в сторону добывания золота из морской воды. Ему казалось, что впервые в его жизни он нашел себе товар по вкусу, товар, из-за которого действительно стоит работать, товар, имеющий всегда достаточный рынок для сбыта. Родина Кроля не имела золотых приисков, и именно это ставило Кроля в положение монополиста по золоту. Но... но у Кроля были и возражения против нового дела. У него не хватало денег на оборудование завода в том виде, как это наметил Роммер, используя опыт немцев.

Кроль не хотел делиться с капиталистами своей прибылью. И вот, после длительных обсуждений с Роммером вопроса о кредите, он решил обратиться за помощью к правительству, которое все равно рано или поздно предъявило бы свои права на морское золото.

Через своих друзей, связанных с высшими сферами, Кроль добился аудиенции у военного министра,

влияние которого на дела страны было чрезвычайным. Прежде Кроль никогда не встречался с этим человеком, но министр знал о Кроле в связи с вопросом о резине.

В условленный час Кроль, в черном сюртуке и с цилиндром в руках, предстал перед дежурным генералом во дворце диктатора. Генерал провел Кроля по длинному коридору в большой, низкий кабинет, где, кутаясь в сигарный дым, сидел нечистоплотный, желчный старик в расстегнутом мундире. На шее у него, вместо воротничка был надет солдатский галстук. Ноги помещались в огромных сапогах. Седые усы министра были окрашены никотином, так же, как и пальцы.

— В чем дело? — проскрипел он, когда генерал доложил о приходе Кроля.

Кроль приблизился к столу.

— Садитесь. Ну?

У Кроля забегали жилки на скулах, он сел и немного помолчал, собираясь с мыслями. Затем сухо и кратко доложил о своем проекте построить у моря большой химический завод, который, поглощая морскую воду, задерживал бы в своих фильтрах все ценные вещества, которые содержатся в воде в незначительных количествах.

— Так! — сказал министр. — Но я не понимаю, чего ради вы вздумали явиться ко мне со своей затеей? Стройте свою фабрику и не мешайте мне работать.

— Я хотел бы получить субсидию от правительства на эту постройку.

Министр с любопытством посмотрел на Кроля.

— Субсидию на постройку? В порядке подаяния?

— Нет. Дело в том, что в морской воде имеются следы золота.

— Ага, — сказал министр, — тогда другое дело. Если вы напали на следы золота в воде, можно уже кое о чем говорить. Вы, что же, раздобыли секрет профессора Граблера?

— Так точно.

— Завтра же приступайте к постройке. Но, конечно, в полной тайне. Я давно уже имею сведения о заводе ФОГ и все время завидовал немцам. Ведь если мы отстанем в этом деле, нам не избежать убытков... Во сколько времени вы беретесь приготовить миллиард золотых франков?

— В три года.

— А какую субсидию просите?

— Восемь миллионов. Столько же я обязуюсь вложить из собственных средств.

— Что же, это пройдет. Это все-таки выгоднее, чем кланчить деньги у американцев. Я вам сейчас же выложил бы деньги на стол, если бы не эти негодяи...

— Кого вы имеете в виду?

— Ну, этих прохвостов, которые сидят в парламенте. Они придираются к каждому грошу. Но это не важно. Стройте завод. Я завтра арестую четырех депутатов и проведу кредит. Только, разумеется, все золото вы передаете со скидкой в распоряжение казначейства. Со скидкой с мировых цен.

Кроль наклонил голову. Военный министр вынул из стола хорошенький блокнот из черепахи и посмотрел в него.

— Странно, что в этом списке я не вижу вашей фамилии...

Кроль понял, что министр имеет в виду список своих собственных сторонников.

— Я буду считать честью значиться в этом списке, — сказал он.

Министр улыбнулся и записал фамилию Кроля в блокнотик.

— Стройте завод, — сказал он еще раз. — В случае какой-нибудь заминки напишите мне открытку или, еще лучше, позвоните по телефону. Условно мы назовем ваше строительство «приморской веткой». Приступайте к постройке как можно скорей. А насчет кредита я дам распоряжения.

И он протянул Кролю свою тяжелую, как у мертвеца, руку.

В тот же вечер Кроль и Роммер выехали к морю. Там на пологом побережье они гуляли много часов подряд, зачерпывая песок своими туфлями. Наконец Роммер указал место, подходящее для постройки. С разрешения властей были организованы промеры моря. Результаты оказались подходящими.

Через неделю от ближайшей линии железной дороги к морю прокладывалась ветка.

* *
*

В том году Кроль был признан промышленниками своей страны гениальным дельцом, не имеющим себе равного. Всех удивляла ловкость, с которой он ухитрился получить казенную субсидию, и практичность, с которой он эту субсидию использовал.

Получив деньги на руки, Кроль немедленно вошел в правление одного крупного банка, купив пакет акций. Фундаменты его завода не были еще заложены, а он уже успел несколько раз обернуть казенные деньги. Он купил машиностроительный завод, который должен был изготовлять оборудование для его «приморской ветки». Заложив завод в банке, он приобрел два рудника, цементный и кирпичный заводы. Один

из рудников он очень скоро перепродал с большой выгодой и эти деньги пустил в биржевую спекуляцию.

Все эти операции принесли ему настолько значительную прибыль, что можно было, собственно говоря, обойтись и без морского золота. Но Кроль любил золото и не хотел подводить военного министра. Он отдавал очень много своего времени новой постройке.

Главное здание завода строилось на высокой дамбе над морем. В трех километрах от завода Кроль заложил дворец для себя. Теперь он уже мог позволить себе эту роскошь. Весь участок берега от завода до дворца Кроль арендовал на девяносто девять лет. Он считал себя владетельным герцогом этого участка, который он иронически называл «Золотой берег».

Завод еще не был закончен, когда на морском берегу выросла вилла Кроля. Она была выстроена как крепость по рисункам немецкого архитектора, и крыша ее из нержавеющей стали сияла, как замерзшее озеро. Ни для кого не было тайной, что Кроль особенно тщательно занялся отделкой виллы по двум причинам: он ждал на открытие завода высокопоставленных гостей из столицы — это первое, и второе — он решил наконец жениться.

Само собой разумеется, что Кроль выбрал себе невесту не сразу. Он смотрел на женитьбу, как на коммерческую операцию, и придавал ей значение не меньшее, чем субсидии правительства. После долгих колебаний его выбор остановился на Гортензии Кустарк, слабосильном и капризном существе с полупрозрачными пальцами. Ее батюшка владел всего-навсего аэропланным заводом, на котором, однако, вырабатывались и безопасные бритвы, и столовые ножи, и множество других предметов, не имеющих никакого отношения к воздуху. Но все эти вещи доставляли вла-

дельцу завода порядочный доход, который Кроль, прежде чем сделать предложение Гортензии, сумел учесть до последнего гроша. Это произвело на отца невесты такое впечатление, что он сейчас же изъявил свое согласие, как только Кроль заикнулся о браке.

Кроль связывал свою женитьбу и карьеру с первым килограммом золота, полученным из воды. Пуск завода был назначен на май месяц. Теперь Кроль хотел одного: чтобы май скорее пришел.

А пока он увлекался отделкой своего будущего жилища. Но он не истратил на это ни одной монеты из своего запаса. Наоборот, его золотой фонд успел порядочно вырасти за последнее время. Во всяком случае, в новой вилле Кроль сооружал не несгораемый шкаф, а целую несгораемую комнату. Он решил, что после пяти лет работы завода комната будет наполнена золотом до потолка.

Зачем нужно это золото — Кроль не знал. Оно просто нравилось ему, и он верил в то, что оно пригодится.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

1. ПРИЗРАК ВОЙНЫ

Ранней весной того года, когда должен был заработать новый завод Кроля, в Европе заговорили о войне. Теперь впервые за всю историю война для капиталистического мира была не только средством наживы, но и борьбой за право существования на земле.

Необычайный подъем производительных сил СССР давил на Европу. Вновь открытые в пределах Советского Союза богатейшие запасы руд, нефти, угля, фосфоритов и других ископаемых делали нерентабельной европейскую добывающую промышленность в целом ряде случаев за исключением, конечно, добычи азота из воздуха и золота из морской воды. Сельское хозяйство Европы влачило самое жалкое существование, тяжелая индустрия не развивалась.

Конечно, советские товары находили свободный доступ не во все страны. Заградительные пошлины не пускали лес в Норвегию, текстиль в Англию, спички в Швецию. Но конкуренция продолжала существовать между государствами Европы. И покровительственные пошлины не всегда могли помочь национальной промышленности.

Например, Англия, кормившая своих рабочих дешевым советским хлебом, имела возможность производить товары дешевле, чем Польша, которая отгородилась пошлинами от СССР. Дешевые советские марганец и чугун, которые потребляла Германия, позволяли ей производить машины дешевле, чем Англии, которая везла марганец из Индии. Таких примеров

можно было привести много. И на этой почве противоречия между национальными капиталами росли и не давали возможности создать единый фронт против СССР хотя бы в области таможенных мероприятий. Но все же каждая страна находила свои возражения против СССР. И одно мнение было общим: так дальше продолжаться не может.

И для Советского Союза было ясно, что социализм сумел уже создать производительность труда, немыслимую при капитализме, и что одновременное существование на земле столь противоположных систем становится затруднительным.

Вопрос этот был уже достаточно проребатирован в прессе и на мировом рынке. Предстояло голосование: война.

Подготовка к войне в Европе началась еще с зимы.

Аэропланы с политиками, финансистами, премьерами, как мотыльки, носились над Европой, ссаживаясь в Париже, Лондоне, Варшаве. Поезда с воинским снаряжением тихо, вне расписаний, проходили к границам, портам, базам. Пароходы везли глубоко в своих трюмах тяжелые части машин, разобранные танки, снаряды. Национальные арсеналы разгружались. Границы превратились в пороховую нить. Под различными предложениями подлежащие увольнению унтер-офицеры задерживались в армиях. Заводы снарядов и газов переводились на две и на три смены.

На заседаниях Лиги наций, разумеется, обо всем этом не говорилось ни слова.

Пока еще никто не думал о прямом поводе к войне, да это было и неважно. Как говорил опыт прошлого, найти повод к войне легче всего. Труднее под-

готовиться к молниеносному удару с воздуха, с воды и по поверхности земли.

Никто не хотел следовать примеру Германии, у которой когда-то не хватило сил разгромить одним ударом французов.

2. ФЕЛИКС НАХОДИТ СЕБЕ ДЕЛО ПО ВКУСУ

Конечно, военные приготовления коснулись и флота. На линейном корабле «Христос-спаситель» погрузка происходила особенно спешно в течение двух ночей. Электрические краны кланялись и вертелись без остановки, укладывая на палубу компактные ящики огромной тяжести. Ящики вскрывались, и снаряды ставились на полки в пороховых погребах, как бутылки в офицерской кают-компании.

На третью ночь корабль отвели от стенки в порту. Он стал на рейде. И здесь его догружали ужа с лихтеров продовольствием и разными мелочами.

Команды работали по четыре часа. Ни один из матросов не имел представления, что именно замышляется и для чего нужны эти тысячи снарядов. Людей на берег не пускали уже неделю.

Феликс работал в первой смене так же старательно, как остальные матросы. Похоже было на то, что он нашел наконец себе дело по душе. Но всякий раз, как отходил офицер, он бросал несколько словечек своему соседу.

— Значит, на днях в поход, Мотыль?

— В какую сторону, думаешь?

— Думаю, что на восток.

За год своей службы на корабле Феликс успел зарекомендовать себя всезнайкой. Он объяснял товарищам, откуда взялись люди на земле, что за народ капиталисты и многое другое. Все знали, что он против войны и изо всех морских пословиц признает только одну: уж если драться, так со своими офицерами. В середине смены матросам выдали водку, так как было холодно. Ребята оживились. Огромный просто-

душный матрос Барщ, проходя мимо Феликса, спросил:

— Говорят, ты знаешь, против кого война, Ланц?

— Думаю, что против Советов.

— Я не пойду. Вот тебе слово, не пойду.

— Нам и идти нечего, мы не пехота. Нас на корабле повезут.

Разговоры на эту же тему продолжались всю ночь и на другой день с раннего утра. Было воскресенье, но на берег никого не пустили. Ночью лихтер с картошкой и консервами опять подошел к кораблю. А под утро на «Христе-спасителе» вспыхнул бунт.

Два матроса грохнули тяжелый ящик с консервами у самых ног эконома, наблюдающего за погрузкой. Ящик углом придавил эконому ногу. Эконом хватил кулаком матроса, и тот упал замертво. Другого матроса эконом успел ударить ногой в живот. Все дело, может быть, на этом и кончилось бы, если б возмущенный матрос не схватил эконома за ногу. Эконом упал на пол и больше не поднялся. Его прикончили каблуками. С этого и началось.

Бунт на корабле имеет свои удобства: корабль изолирован, и до поры до времени восстание протекает в домашней обстановке, без вмешательства посторонних. Кроме того территория хорошо изучена, противник точно известен. На корабле нельзя остановиться на полпути, и раз начатое дело надо продолжать.

Эконом был убит в трюме, и после этого невозможно было продолжать погрузку. Матросы поднялись по подъемнику на палубу, еще точно не зная, что делать. Но лица у них были безумны, и жажда дальнейшей деятельности неукротима.

Оказавшийся на палубе первым, Барщ заревел:

— Ребята, сейчас внизу прикончили эконома. Вот... — И ударом кулака сбил с ног вахтенного офицера.

Конечно, никакого сговора заранее не было. Но тут и без слов каждый понял, что делать дальше.

Матросы группами разбежались по офицерским каютам, выламывали двери, расправлялись со своими врагами. Феликс с двумя товарищами бросился занимать радиостанцию.

Выстрелы, приглушенные перегородками, крики и ругань продолжались не больше десяти минут. Из всего офицерского состава в живых оставили только помощника механика и молоденького лейтенанта

Клайнца. Клайнц находился в радиобудке вместе с Феликсом. Барщ ворвался туда со столовым ножом в руках и хотел было ударить лейтенанта, но Феликс остановил его:

— Отставить, Барщ. Он наш.

Барщ сел на лавку и заплакал от радости.

А затем стало страшно тихо на корабле. И нечего было делать, разве только жечь в топках тела офицеров.

По вопросу о том, что делать дальше, было назначено общее собрание в офицерской каюте, самом большом помещении на корабле. Выбрали судовой комитет из девяти человек. Феликс прошел председателем.

Комитет предложил назначить Клайнца командиром. Тот согласился. Только спросил:

— Куда идти?

— Да все туда же, — ответил Феликс, — на Кронштадт.

Было шесть часов утра.

Клайнц отдал распоряжение поднимать пары. Форсунки загудели. В трубы были опущены сетки, уничтожающие дым. Город, порт и крепость еще спали, когда «Христос», снявшись с якоря, медленно двинулся к морю.

В это время радиотелеграфист передал по телефону в капитанскую будку, что с берега запрашивают, почему уходит корабль.

— Ответь, что по распоряжению английского адмиралтейства, — сказал Феликс, — это их запутает.

Через несколько минут с берега пришел приказ: передать распоряжение английского адмиралтейства.

Корабль ничего не ответил.

«Христос-спаситель» шел уже на всех парах, когда с крайнего форта бухнул выстрел.

— На Кронштадт не пройдем, — сказал Клайнц, осмотревши море в бинокль.

— Почему?

— Подводные лодки вышли.

И он передал бинокль Феликсу.

База подводных лодок помещалась восточнее порта.

На своих аккумуляторах лодки могли сняться с места в несколько минут. Феликс увидел, как три сумбарины, погружаясь в воду, шли наперерез «Христу-спасителю».

— Обстрелять?

— Не стоит. Это откроет карты.

— Тогда надо плыть к немцам в Киль. У Германии подводных лодок нет. В крайнем случае, сдадим им корабль, а сами высадимся.

— Надо пустить дым.

— Дымовую завесу! — крикнул Феликс в трубку телефона.

На бортах корабля показался дымок. Он пух, лез к небу, затем заворачивал и укладывался по воде. Огромная дымовая подушка растянулась по морю на несколько миль. Похоже было на то, что горят целый флот нефтянок. Перископы подводных лодок затянуло сизым туманом.

Под защитой этого дыма «Христос-спаситель» на полных парах двинулся на запад.

В Киль.

3. ЯН ПЕРЕСТАЕТ СЧИТАТЬ СЕБЯ НЕУЧЕМ

Той весной исполнился год с тех пор, как Ян эмигрировал в СССР. Год, уже целый год, Ян жил в Советской России!

Для Яна этот год прошел и быстро и медленно.

Времени не замечалось, а когда Ян начинал вспоминать иногда, что произошло за год, то казалось, что дел он переделал за этот короткий год значительно больше, чем за всю прежнюю жизнь. Раньше же на родине все было наоборот: дни тянулись медленно, а годы быстро мелькали.

Впечатление большого года создавалось главным образом потому, что Ян многое узнал за этот год. Он уже не довольствовался теперь слушанием лекций, а почитывал и книги. Смотрел говорящие кинокартины, которые во всем заменяли профессоров с их опытами. Но, самое главное, он нашел дорогу в белый дом, в «Дом смены», где помещались детские сады и школы. В этих школах молодежь оставалась до восемнадцатилетнего возраста.

Ян забрел в белый дом случайно, просто он заинтересовался какими-то непонятными установками в саду и зашел в школу спросить, в чем дело. Но, попав в школу, он увидел там так много интересного, что не ушел, пока не познакомился со всем.

Заместитель заведующего Домом смены товарищ Глюкфест встретил Яна очень любезно и охотно показал ему классы, мастерские и библиотеки, в которых занимались ребята. Ян внимательно слушал всё объяснения Глюкфеста, и у него создалось впечатление, что главная наука, которая преподавалась детям, была наукой об электричестве.

При школе было несколько своих электрических станций, на которых работали сами школьники. Одна из станций приводилась в движение ветряным двигателем, другая солнцем, третья дизелем. Была даже установка, улавливающая атмосферное электричество. Молнию, как бабочку, ловили на длинную стальную булавку и потом прятали в подземных аккумуляторах.

На этих станциях ребята всесторонне изучали способы добычи электричества. А затем знакомились с его применением.

В особой зале множество аппаратов вращалось, двигалось, пело, дуло и нагревалось при помощи электрической энергии. Вслед за электричеством школьники проникали в тайны производств и знакомились с главнейшими материалами и процессами промышленности.

Электричество выводило школьников и в поля. Там, помимо изучения работы машин, приводимых в движение электричеством, ребята получали возможность заниматься опытами по согреванию почвы током, производством искусственного дождя, применением электрокультиваторов, невероятно повышающих урожайность растений.

Букеты острых мачт, сосущих электричество из воздуха, торчали над деревьями опытного сада. Сами деревья были опутаны целыми сетями медных проводов. Все это помогало улавливать чудодейственную энергию атмосферы. Раньше эту энергию земледелец получал только после грозных дождей, заставляющих цветы распускаться до срока и грибы вылезать в один час из-под земли. Теперь, получая непрерывную электрическую поливку, деревья росли, как в сказках, и приносили утроенные урожаи. За четыре года своего существования сад уже успел состариться.

Между машинами в зале и деревьями в саду сновали школьники, защищенные резиновой одеждой от ударов электричества. Всех учащихся было около тысячи. И каждый старался придумать что-нибудь свое. Ребята не только учились, но и изобретали.

Ян спросил у товарища Глюкфеста, так ли необходимо для будущих текстильщиков исчерпывающее знание электричества.

— Мы здесь готовим не только текстильщиков, — ответил Глюкфест. — Ребята должны получить всестороннее развитие. Электричество — основа нашей современной жизни, и знать о нем необходимо все. Нам оно помогает заинтересовать ребят в технике. За каждым учеником в течение его пребывания в школе ведется наблюдение, точно определяются его склонности и способности. Конечно, очень многие остаются работать здесь на фабрике, но есть и такие, которые хотят сделаться докторами и строителями. Они уезжают отсюда учиться дальше.

— А текстильное дело у вас проходится?

— Конечно. Школьники принимают самое близкое участие в производстве. У нас при школе есть своя текстильная фабричка. Старшие учащиеся отрабатывают производственную практику в цехах, и мы их выпускаем из школы квалифицированными текстильщиками.

Они вернулись обратно из сада в школу и прошли через большой зал, в котором школьники занимались физкультурой.

Ян обратил внимание, что они не приседали и не прыгали, как в старых школах, а упражнялись в движениях, которые имели производственный характер. Это были движения у конвейера, движения четкие и уверенные, поглощающие ровно столько сил, сколь-

ко нужно. Гимнастика протекала ритмично, в такт движению конвейера, который нес на себе модель какой-то машины. Модель обрастала деталями.

— Эта гимнастика дает возможность школьникам поступить на любой сборочный завод, — объяснил Глюкфест.

— А науками-то ваши ребята занимаются?— спросил Ян.

— И еще как! Они проходят и литературу, и обществоведение. У нас при школе есть свой поезд. В этом поезде ребята катаются группами по СССР, знакомятся с местным населением, географией, природоведением...

— Ну, а свободное время у них остается?

— Почти что нет. Но занятия чередуются так, что ученики не утомляются. Ведь у нас очень развит спорт. Живут и питаются ребята здесь, в школе. Хорошо живут — заходите к нам почаще, сами увидите...

Ян ушел из школы взволнованный. Он вспомнил сельскую школу, в которой когда-то учился и не доучился. Да и чему там можно было выучиться?.. А здесь школа была какой-то интереснейшей страной, жителями которой были дети, окруженные не книгами только, а машинами, приборами, живой природой.

С этого дня Ян сделался школьником. Каждый свободный час он старался провести с ребятами, так как от них многому можно было научиться. Вместе с ним ходили в школу и другие рабочие.

Броня тоже старалась не отставать от мужа. Она слушала лекции и читала книги. И теперь часто, оставшись вдвоем, они говорили не о пустяках, как прежде, а о разных мудреных вещах: о судьбе своей родины, о революции в Европе, а иногда добирались даже до Америки. Собственно, об Америке начинал го-

ворить Ян, и Броня в восторге кричала:

— А оказывается, ты умный парень, Янек! А ведь мне казалось, что полюбила я круглого дурака и всю жизнь с ним буду маяться. Вот так штука!

Ян и сам чувствовал, что он поумнел. Он давно уже понял, что поумнеть, вообще говоря, можно, особенно если есть свободное время и книги. Все это здесь было налицо, и Ян уже ясно понимал теперь, почему он был неудачником у себя на родине. И ему стыдно было вспоминать о том времени, когда он объяснял все это невезением.

Броня работала не на фабрике, а в прачечной при голубом доме. Работа в прачечной здесь не выматывала всех сил, белье стиралось машинами, а гладились механическими утюгами. Свободного времени у Брони оставалось много. За зиму она очень поправилась. Больше всего ее удивляло, что здесь, в СССР, ей никогда не приходилось ссориться с Яном. Раньше они ссорились постоянно, хоть и жили далеко друг от друга. А теперь жили рядом, но даже маленьких ссор между ними не было. Один раз Броня решила даже выяснить, в чем же дело. Толковать пришлось недолго. Оба пришли к решению, что собственно ссориться не из-за чего в голубом доме. Все делается само собой, да и время жалко тратить на ссоры: лучше, посмотреть кино или послушать музыку.

В марте месяце у Брони родился ребенок, сын. Это доставило много радости и отцу и матери, а жизни несколько не осложнило.

При голубом доме были ясли, и Броня поместила туда маленького Феликса. Она заходила в ясли кормить ребенка и сидела там ровно столько, сколько хотела. И Ян часто спускался вниз посмотреть своего сына.

За детьми очень хорошо и умело ухаживали. Все было устроено так, чтобы вовремя покормить, помыть и переодеть ребенка. Дети тихо лежали в своих кроватках и слушали музыку, которая звучала откуда-то с потолка. Это была специальная музыка, воспроизводимая при помощи граммофонных лент. Под эту музыку дети начинали впервые улыбаться.

Несмотря на новое удовольствие — проводить время с сыном — Ян решил весной непременно попасть на полевые работы. Броня против этого не возражала, и Ян заявил в конторе о своем желании.

Но поработать в поле в этом году ему не пришлось.

В апреле месяце Ян сновал у своих станков, как обычно, слушая невидимого лектора. Вдруг радиоголос прервал лекцию и выкрикнул фразу, заставившую Яна быстро окончить работу.

Радио прокричало:

— Иностранные рабочие, на собрание в нижний зал!

Ян остановил станки и побежал в большой зал фабрики. Туда же следом за ним бежали его земляки и другие иностранные рабочие. Никто не знал, зачем зовут, и что случилось. Но догадываться пришлось недолго. На эстраду поднялся директор, фабрики и, сильно волнуясь, начал говорить:

— Товарищи, сегодня утром из-за границы получено радио, что на линейном корабле «Христос-спаситель», — вы, конечно, знаете, что это за судно, — матросы захватили власть в свои руки и ушли в Германию, в Киль. В связи с этим Германии предъявлен ультиматум о немедленной выдаче корабля, и в целом ряде стран объявлены мобилизации. Советское правительство, контрактируя рабочую силу за границей,

обязалось не чинить препятствий к возвращению рабочих на родину в случае войны. Поэтому вам предоставляется самим решить, как действовать дальше. Со стороны администрации фабрики препятствий к немедленному уходу рабочих не будет.

Последние слова директор произнес уже спокойно и уверенно. Но волнение возрастало среди рабочих. Из рядов неслись неопределенные возгласы, а когда директор кончил говорить, один из сидевших в первом ряду поднялся и выкрикнул:

— За себя и за всех остальных, здесь присутствующих! Лучше умереть, защищая СССР, чем ехать драться за капиталистов! Верно, товарищи?

— Верно, верно! — закричали все.

Но собрание на этом не кончилось, оно продолжалось еще целый час. Неизвестно, о чем там говорили. Но только Ян прибежал в ясли к Броня и сказал ей шёпотом, как всегда говорил в яслях:

— Я уезжаю сегодня, Броня.

— Как, уже сегодня? Но ведь земля еще не оттаяла...

— Я уезжаю не в поле, Броня, а домой, на родину. У нас взбунтовался крейсер, объявлена всеобщая мобилизация, и я хочу явиться на призыв как солдат. Говорят, что наши собираются драться с немцами, а может и не с немцами...

— Ян! — сказала Броня грозно, и в глазах ее первый раз в СССР блеснуло желание вцепиться мужу в лицо. — Как я ошибалась, Ян! Ты остался таким же дураком, каким был всегда... Ведь мы же недавно только говорили с тобой, что войны ведутся для выгоды буржуазии, а рабочим достаются только газы да голод. Зачем тебе лезть туда, раз ты прекрасно можешь остаться здесь?

— Да, — сказал Ян и нахмурил лоб. — Политграмота мудреная вещь, Броня, и тебе придется еще поучиться. Войны ведутся действительно в интересах буржуазии... Но неужели ты думаешь, что такой выдержанный парень, как я, буду там хлопать глазами и подставлять себя под пули? Нет, теперь я найду дело поинтереснее. Ведь не даром же я учился целый год. У меня найдется, что сказать Арту Кролю, моему бывшему хозяину, и всем капиталистам вообще. А потом — на взбунтовавшемся крейсере служит Феликс. Надо помочь товарищу.

— Но тебя расстреляют, как только ты откроешь рот.

— Не беспокойся. Попытаемся на этот раз обойтись без дураков.

— Но тебя не пустят через границу.

— Мы найдем лазейку. Ведь я иду не один. Одним словом, все предусмотрено.

В тот же вечер Ян и несколько его земляков погрузились в поезд, который должен был доставить их к границе.

Советская власть не приняла никаких мер к задержанию иностранных рабочих, направляющихся в полки на родину.

4. «ХРИСТОС-СПАСИТЕЛЬ» В КИЛЕ

Линкор «Христос-спаситель» пришел в Киль и стал на рейде с таким видом, как будто явился в гости во время учебного плавания. Но командир его не сделал немедленного визита портовому начальству, и салюта из пушек не было. «Христос» тихо стал на взморье, и в городе никто не обратил внимания на приход военного корабля, который казался с берега небольшим серым мазком на блеклом балтийском небе.

Но через четыре часа после прихода «Христа» командир порта получил копию ультиматума о выдаче взбунтовавшегося корабля со всей командой в двухдневный срок. Одновременно с этим в городе был развешан приказ о мобилизации.

Командир порта приказал подать катер и вышел на рейд. Оказавшись у борта линкора, он крикнул в рупор:

- Эй, на «Христе»! Спустите трап!
- Кто просит?
- Командир порта.

Трап мягко опустился. Командир порта, изображая из себя старого морского волка, поднялся на палубу с сердитым видом.

Вся команда «Христа» стояла тут же, но не в строю, а просто группой. Навстречу командиру порта вышли три матроса и один офицер. Они назвали себя представителями судового комитета и спросили, что угодно командиру порта на судне.

— Этот вопрос должен задавать я! — ответил командир зловеще. — Что угодно «Христу-спасителю», здесь, у меня в порту?

— Мы ищем защиты от преследования, — ответил Клайнц, — и по старым морским обычаям, должны ее получить.

— Такие обычаи мне не известны.

— Что вы говорите? Похожий случай был в Черном море...

— С броненосцем «Потемкиным»... Знаю. Но тогда «Потемкин» был выдан русскому правительству. Команда была спущена на берег. Теперь же ваше правительство требует, чтобы корабль был выдан вместе с командой.

— Знаем. Радио у нас в исправности.

— Тем лучше. Так вот имейте в виду, что я прошу вас немедленно же покинуть наш порт. Я не настаиваю, чтобы вы шли к себе на родину. Просто уходите отсюда, куда хотите.

— Мы не уйдем.

— Уйдете. Мы вас заставим уйти. Не воевать же нам, в самом деле, из-за вашего каприза.

Клайнц вздохнул.

— Вы ставите тяжелые условия. Поэтому нам придется, прежде чем уйти, расстрелять по городу весь запас снарядов. Количество наших орудий и их калибр вы можете узнать в любом морском справочнике.

Командир порта сделал вид, что задумался. На самом же деле он подсчитывал в уме, сколько выстрелов успеет сделать «Христос», прежде чем его потопят.

— Чего же вы хотите? — спросил он наконец, решивши, что лучше обойтись без боя.

— Мы хотим немногого. Чтобы до поры до времени нас оставили в покое.

— Это невозможно. Понимаете, невозможно. Чего ради мы будем ввязываться в войну только потому, что ваша посудина явилась сюда нежданно-негаданно?

— Такова жизнь, — ответил Клайнц и вздохнул.

Командир порта пробыл на корабле еще не больше минуты. Он заявил, что принужден довести до сведения своего правительства о переговорах с судовым комитетом. Предложил дальнейшую связь поддерживать по радио.

Направляясь к трапу, он спросил Клайнца довольно добродушно:

— А провиант-то у вас есть?

— На два месяца хватит, — ответил Клайнц, прикладывая руку к фуражке.

Командир порта уселся в свой катер и отбыл на берег. А на борту «Христа» началось общее собрание.

Вопрос о том, что делать дальше, мучил всех, и никто не мог придумать выхода. Ни одно предложение не собирало большинства голосов.

Вечером командир порта вызвал к радиоаппарату судовой комитет. Он предложил всей команде «Христа» съехать на берег и остаться в Германии. Корабль передавался в руки портового начальства.

Общее собрание затянулось за полночь. Огромная масса матросов стояла теперь за высадку на берег. Феликс, который выступал несколько раз, предупреждал товарищей, что на берегу все они будут немедленно арестованы. Он выдвинул предложение воздержаться от сдачи судна и вступить в контакт с кильскими рабочими. Но на рассвете выяснилось, что это совершенно невозможно. Полицейские катера образовали кольцо вокруг «Христа».

Как только об этом узнали на корабле, группа, стоявшая за немедленную высадку, начала побеждать. Пошли разговоры, что немцы могут в любую минуту потопить корабль миной или с гидроплана.

Утром командиру порта была дана радиотеле-
грамма:

*СОГЛАСНЫ НА ВЫСАДКУ.
ПРИЕЗЖАЙТЕ СОСТАВЛЯТЬ УСЛОВИЯ.*

5. ПОВОД ДЛЯ ВОЙНЫ

Командир порта приехал на корабль с военным юристом и пишущей машинкой.

Переговоры продолжались несколько часов. Они были очень затруднены тем, что из судового комитета один Клайнц знал немецкий язык. Наконец условия были выработаны и подписаны. Главный спор шел из-за винтовок. Судовой комитет настаивал на том, чтобы матросы сошли на берег вооруженными. Командир порта на это не соглашался. В окончательных условиях сохранить винтовки было разрешено ста человекам. По прошествии двух дней и это оружие сдавалось в местный арсенал. Высадка на берег должна была произойти в полночь. Этим командир порта хотел предотвратить выступление кильских рабочих.

Когда условия были подписаны и командир порта съехал на берег, уныние охватило экипаж корабля. Высадка страшила всех. Чтобы поднять бодрость, судовой комитет заставил играть на палубе музыку. Но из этого ничего ни вышло. Музыканты играли вяло, молодые матросы потихоньку плакали.

Вечером судовой комитет заявил, что пересмотрит решение, и вновь собрался на заседание. Обсуждали вопрос, не потопить ли корабль взрывом после того, как все съедут на берег. Минеры брались соорудить адскую машину. Но предложение это не прошло. Взрыв корабля мог значительно ухудшить положение команды на берегу.

В десять часов вечера к кораблю подплыл человек на спасательном поясе и начал свистеть. Его подняли на борт. Человек оказался кильским рабочим Энгелем, коммунистом. Его провели в судовой комитет, и там он сообщил, что всю команду корабля предполо-

жено арестовать при выходе на берег. На пристани устанавливаются броневики и пулеметы.

— Новое дело! — сказал Феликс — Было бы великопечно, если б они нас арестовали. Они просто расстреляют нас. Надо пересмотреть вопрос о высадке.

— Вариантов я не вижу, — сказал Клайнц, впавший в отчаяние.

— Есть один вариант: немедленно уйти отсюда. Теперь матросы на это согласятся. А немцы нас держать не будут.

— Куда уйти?

— Все туда же. В Кронштадт. Нефти хватит?

— Хватит.

— Тогда рискнем.

Судовой комитет единогласно высказался за новый план. Общего собрания больше не созывали. Матросов по очереди приглашали в каюту капитана и с каждым говорили в отдельности. Когда выяснилось, что большинство стоит за Кронштадт, Клайнц приказал поднимать пары. Около одиннадцати часов линкор с притушенными огнями вышел из Киля и взял курс на восток.

«Христос-спаситель» был быстроходнейшим судном Балтийского моря. Переход из Киля в

Кронштадт он сделал в тридцать шесть часов.

Он появился на взморье перед Кронштадтом в полдень и дал салют из семнадцати выстрелов.

По радио с берега запросили:

— Что за судно?

С корабля ответили:

— Линкор «Мировая революция», бывший «Христос-спаситель».

* *

*

Примерно в это же самое время Ян и его товарищи толкались на призывных участках с документами о прежней службе на руках.

Ян получил назначение в пехотный полк, расположенный в приморском городе.

* *

*

Ультиматум о выдаче линейного корабля «Христос-спаситель» СССР оставил без ответа.

6. НАКАНУНЕ

Слово «война» на всех языках мира произносилось в те дни.

Конечно, все понимали, что война эта имеет шансы перейти в мировую. Среди рабочих было убеждение, что это будет действительно последняя война. В буржуазных кругах говорили, что может быть война будет и не последней, но что она не затянется и окончится победой капитала.

Но, несмотря на разговоры о победе, ценности на бирже вдруг упали, и очень значительно. Золото поднялось в цене в три раза. Очевидно, уроки мировой войны не были забыты.

Газеты выходили через каждые полчаса — так быстро они устаревали. Воззвания компартий, наоборот, были заготовлены заранее. Трудно было ошибиться в группировке сил на случай войны. Компартии использовали это обстоятельство и оказались предусмотрительнее других партий. Кроме того они знали, что сказать, и говорили, не прибегая к обманам.

В полках, батареях, эскадронах, ротах специального назначения воззвания распространялись всевозможными способами. Они оказывались в сумках солдат, в противогазах, в коробках с папиросами.

Воззвания были просты и понятны:

Товарищи солдаты!

Враг ближе, чем говорят вам командиры.

Они сами и есть ваши враги.

Всем было ясно, что война начнется без объявления. Каждый выигранный час увеличивал шансы на

победу. Конечно, СССР, верный своей политике мира, не начинал наступления. Но почему-то медлили и враги.

Войска двигались к границам. На платформах подвозились танки, накрытые брезентами, гигантские самоходные плуги для рытья окопов, тяжелая артиллерия. У границ солдаты ходили уже в противогазах. Противогазы были надеты и на лошадей. Животные слюной заливали резиновые маски. Множество броневых машин выстроилось вдоль дорог, поджидая сигнала к наступлению. Но война все еще не начиналась. Может быть потому, что не было ветра в сторону СССР.

* *

*

Эти дни у Арта Кроля тоже были наполнены деятельностью и волнением. Постройка его завода окончилась, и пуск завода был намечен на днях. Конечно, вследствие приготовлений к войне Кроль не предполагал устраивать пышного торжества в доме под стальной крышей. Но это не слишком огорчало его. Золото теперь было нужнее, чем когда бы то ни было. Пробный процесс добычи золота, произведенный Роммером в небольших масштабах, дал положительные результаты. Под стеклянным колпачком в кабинете Кроля лежала щепотка бледно-желтого порошка. Это был первый грамм золота, который вода отдала Кролю.

— Нам недешево обошелся этот грамм, — говорил Кроль Роммеру, не отрывая глаз от золота. — Больше десяти миллионов.

Роммер захохотал.

— Нам повезло на этот раз! Вы слышали, что делается на рынке с золотом? Вы будете самым богатым-человеком в Европе через год. Ведь каждый месяц нам даст тонну золота...

— Первый килограмм мы пошлем военному министру в его личное распоряжение.

— Этот килограмм у нас будет через три дня.

Пуск завода на полную нагрузку был назначен в ночь на послезавтра.

7. ЧТО ЗНАЧИТ ПЕРЕГНАТЬ

Всю эту неделю товарищ Петин, начальник консервированного водочного завода № 88 переживал необыкновенное волнение. Завод стоял слишком близко от границы.

Петин был предупрежден по телефону, что готовятся военные действия, да и из газет он знал, что на этот раз дело затевается нешуточное. Правда, сверху все строения завода были прикрыты толстым слоем земли, и бомбы с аэропланов не могли их разрушить. Даже артиллерийский обстрел не был опасен заводу. Петин не слишком боялся и внезапной атаки: граница охранялась войсками, которые сидели в закрытых блиндажах и окопах. Но Петин опасался, что неприятель использует какой-нибудь иной способ разрушения, и погребет под землей весь немногочисленный персонал завода.

Все меры предосторожности были приняты заранее. Метеорологическая станция автоматически передавала вниз сведения о направлении ветра. Противогазы были розданы. Но все-таки Петин спал не раздеваясь в ту ночь.

Около двух часов утра он проснулся от тоненького звонка над самым ухом. Петин выключил звонок и прислушался. В тишине он услышал звук падающей капли. Затем глухой рокот как бы идущего над головой поезда. Петин надел очки, перебежал коридор и вошел в контрольную комнату. Там из медной трубки над баком капля за каплей падала прозрачная жидкость. Петин подставил горсть под капли и, когда влаги накопилось достаточно, лизнул ладонь.

— Спирт...

Он подбежал к телефону и нажал кнопку. В ответ трубка запела. Петин спросил:

— Дежурный, что у вас?

— Машины пущены.

— Водород и кислород?

— Включены.

— Ладно. В контрольной спирт уже пошел. Какой ветер?

— Два балла. На восток.

— Я сейчас приду.

Но он не поднялся сейчас же в помещение завода. Снял трубку с другого телефонного аппарата.

— Совхоз Приграничный? Носова. Носов, ты?

— Я.

— Ну, брат, дождались, поздравляю. Спирт пошел. Заводите машины.

— Есть такое дело.

За несколько километров от водочного завода автомобили совхоза тронулись по шоссе. Впереди шли мотоциклеты и пассажирские автомобили. Сзади двигались медленные тракторы-тяжеловозы, таща за собой вагонетки с инвентарем. К утру передвижной совхоз был уже в расстоянии ста километров от границы.

Водочный завод действовал автоматически, почти без вмешательства рабочих. Огромная стеклянная труба извергала целые потоки спирта. Спирт направлялся в подземную цистерну, откуда шел трубопровод на восток.

Смотрев машины, Петин надел противогаз и по винтовой лестнице поднялся на поверхность земли. Завод был оборудован, как настоящее газоубежище. Петин прошел три двери, прежде чем оказался на вершине небольшого холма, заросшего кустарником.

Полная луна стояла на небе. Она была окрашена по краям слабым неестественно зеленым цветом, как бы тронута медянкой. Ровный ветер дул с запада.

Все поле перед заводом было прикрыто зеленоватым туманом. Туман переливался под лучами луны, он находился в движении. Но сзади Петина воздух был чист, и роса блестела на молодой траве.

Петин пошел к газовому облаку и остановился, не доходя до него метров десяти. Между ним и облаком лежала глубокая цементированная канава. Газ, как ленивый водопад, нехотя валился в эту канаву и пропадал в темной глубине. Его засасывали мощные вентиляторы водочного завода.

Внизу под землей на самом заводе газ подвергался сжатию, охлаждению, переработке. Прекрасное заграничное сырье, полученное бесплатно, утилизировалось в полной мере. Помимо спирта, завод давал СССР аммиак, серу и голубую, как небо, краску.

Всего за одну ночь все заводы вдоль границы выработали этих продуктов на сумму до трех миллионов долларов.

Впоследствии по государственной смете доход этот был поставлен в рубрику «случайных поступлений», как пожертвование иностранцев на дело строительства.

8. ЯН УЖ БОЛЬШЕ НЕ ОПАЗДЫВАЕТ НА ОДИН ДЕНЬ

Да, конечно, Европа сделала огромную ошибку, начавши войну против СССР! Правда, официально воевали не все государства Европы, а только те, что расположены цепочкой вдоль западной границы Союза. Но каждый понимал, что эти страны – руки мировой буржуазии, которые должны задушить Союз. Этим странам было щедро заплачено, конечно. Мировая буржуазия снабдила их всем с избытком. Сами же они по тайному соглашению вносили свой пай солдатской кровью. И вот здесь-то как раз и заключались трудности.

В тот день, когда ветер подул на восток, и волны этого ветра понесли яд и смерть, – мир размежевался на две части по горизонтали. На верх и низ. Верх опирался на хитрость, обман, золото. Низ – только на здравый смысл. За время, прошедшее после первой мировой войны рабочие успели поумнеть, организоваться, составить свое мнение на вещи. Компартии объединяли сотни тысяч активнейших людей. Война не застала их врасплох. Были предусмотрены даже мелочи. В одной из военных инструкций было сказано:

**Восстание в полках начинать,
когда противогазы надеты.**

Буржуазия рассчитывала на силу первого удара, на преданность офицерского состава, на сыщиков и, главное, на дураков. Но дураков на этот раз оказалось значительно меньше, чем надо.

В сто десятом полку, куда был зачислен Ян Коржек, офицеров перебили не по инструкции. Солда-

ты не были в противогазах. Восстание началось в тот момент, когда полк был выстроен для отправки на фронт.

Полковой ксендз уже совершил краткое молебствие о даровании победы, полковой командир нарисовал картину этой победы. Оставалось только дойти походным порядком до вокзала и погрузиться в товарные вагоны. Вот этой-то последней мелочи полк и не выполнил.

Ян Коржек уже давно перестал верить, что человеку может везти или не везти. Он понимал теперь, что удача — дело рук человеческих. И опаздывать на один день он больше не собирался. Как это ни странно, он даже не вспомнил слов военного комиссара, что СССР рассчитывает на помощь его, Яна Коржека. Просто какая-то сила вынесла его из рядов и заставила закричать:

— На фронт ехать не стоит, ребята! Фронт здесь!

Ему хотелось сказать еще что-то, но он не договорил.

Невозможно установить, кто именно стрелял в полковника и других офицеров и куда спрятался ксендз. Но через пять минут начальства в полку не было. Однако солдаты не разбежались. В строю с музыкой волк двинулся по соседним казармам и заводам.

Кто-то откуда-то звонил по телефону на эти заводы и в казармы. Инженеры и офицеры разбежались и прятались на чердаки, совсем как в феврале 1917 года в России. Рабочие присоединялись к восставшим и шли вперед, распевая песни.

Революция протекала весело и уверенно. Веселее всех революций, вызванных мировой войной 1914 — 1918 гг.

Нетрудно было объяснить, почему это было так.

Тогда в каждой стране, восставшей против своего правительства, стоял неприятель, готовый сожрать революцию, наложить миллиардные поборы, вновь мобилизовать население. И это повергало в уныние, вселяло робость, питало патриотизм.

Теперь никто не боялся неприятеля, кроме буржуазии. Разве Советский Союз стал бы взыскивать контрибуцию, отнимать земли? Советский Союз, который десятилетия только и жил мечтой о мировом, братстве трудящихся и который готов был отдать все, лишь бы наконец эксплуатация человека человеком окончилась на земле.

«Земли — крестьянам, фабрики — рабочим» — таков был лозунг неприятеля в этой войне. Такими словами начинались миллионы листовок, сброшенных аэропланами страны Советов. Зенитные батареи не стреляли по этим аэропланам. А неприятельские самолеты, те, что полетели на восток душить газами население СССР, не вернулись обратно.

Может быть, они были снижены тем же способом, что и аэроплан контрабандиста, на котором Ян прилетел в Советский Союз.

9. ЭТО БУДЕТ...

Что же, в конечном счете, неудачник Ян победил Счастливица-Кроля и всех Кролей вообще? Восстание перепархивало из страны в страну, как будто границ между государствами совсем не было.

Немецкая революция и аннулирование всех долгов повергло Англию и Францию в отчаяние. Надо было как-то выпутываться из этой неприятности, давить на Германию, натравливать французских рабочих на немецких.

Но французские рабочие на этот раз не захотели бить своих товарищей. Они предпочли заняться своей собственной буржуазией. Богачи посыпались в разные стороны на автомобилях, аэропланах и яхтах, захватывая с собой бриллианты, золото и акции.

Гораздо труднее раскататься было лондонскому пролетариату. Здесь дело началось со всеобщей забастовки. Стачечный комитет только на третий день приказал погасить электричество в городе и остановил воду в трубах. Бои на улицах продолжались всю ночь, и в эту ночь английские безработные наконец нашли себе работу. Утром ревком Англии известил доминионы, что в метрополии власть захвачена рабочими, и посоветовал проделать то же самое на местах. Таким образом, революция вышла из пределов Европы и пошла гулять по всему свету.

Канадский ревком объявил все фабричные предприятия национальной собственностью и предложил фабрикам взять производство в свои руки. Но большинство фабрик здесь принадлежало американцам, и американцы решили немедленно ввести войска в Канаду, чтобы защитить свое имущество. Одновре-

менно предстояло воевать и с Европой: там добра пропало еще больше.

Но этот номер Америке не удался.

Американский солдатик отказался воевать сразу с Канадой и Европой из-за чужих фабрик и рудников. Генеральный штаб войск объявил по полкам, что в Канаде и Европе есть водка. Но и это не подействовало. Миллионы безработных, коммунистов, негров и китайцев сделали свое дело.

Страшная гроза разразилась и в азиатских странах. Там до самого последнего времени с огнем непрекращающихся восстаний капитал боролся огнем же дредноутов и бомбовозов. И побеждал. Теперь надежда на освобождение сплотила миллионы трудящихся, и сила их удара способна была зажечь мир, если бы он уже не пылал.

Совершенно неизвестно, куда деваются в такие дни умеренные элементы, фашистские отряды, полиция. Впрочем, грозную полицию, снабженную всем необходимым для подавления восстаний, в минуты народной ярости часто отыскивают на чердаках. В Америке дело осложнилось тем, что на небоскребах чердаков нет. Но это не помешало революции вычеркнуть из мирового словаря навсегда слово «полиция».

Часто умеренные и враждебные элементы притихают в момент взрыва, а затем много позже объединяются на окраинах восставших стран с оружием в руках.

Этот исторический обычай в тот раз осуществился только наполовину.

Враждебные элементы сконцентрировались на окраине мира, но без оружия. Местом их концентрации была назначена Гренландия, мировые Соловки. Туда, на пароходах различных национальностей, были

отвезены политические и церковные деятели, крупнейшие финансисты, промышленные тузы и знаменитые генералы. Им были предоставлены разборные дома, провизия, инструменты и обширные комплекты марксистской литературы. Теперь на досуге все эти люди, очень занятые в прошлом, могли почитать и разобраться, какие именно ошибки они допустили в своей деятельности.

Молодежь из буржуазного лагеря была двинута на засыпку Берингова пролива. Проект этой грандиозной постройки, разработанный советскими инженерами, давно лежал без движения из-за упрямства американцев. Теперь все возражения отпали. По плану семидесятикилометровая дамба должна была запереть Ледовитый океан, установить беспересадочное железнодорожное сообщение между Европой, Азией и Америкой, и изменить климат Камчатки и Аляски.

Впрочем, все это было на несколько месяцев позже.

В те дни шла борьба за овладение властью, борьба, подобная той, которая развернулась в СССР в конце 1917 года. В помощь национальным компартиям из СССР были посланы организованные группы молодежи, владеющей иностранными языками.

10. РЕБЯТА ПРИЕХАЛИ

Когда рабочие ушли с завода на демонстрацию, Арт Кроль решил, что все это совсем несерьезно и отчаиваться нечего. Ему казалось, что забастовка во время войны невозможна, и будет подавлена силой оружия. Кроля бесило только одно: центрифуги перестали работать. Но он понимал, что в случае осложнений всегда можно набрать новый комплект рабочих в ближайшие дни. И, предоставив действовать военным властям, Кроль удалился в свою виллу под стальной крышей.

Он тихо сидел у себя в кабинете и пристально смотрел на блюдечко, слабо мерцавшее золотым песком. Он думал о том времени, когда золото на его заводе будет добываться целыми тоннами, запаиваться в жестяные ящики и на аэропланах отправляться в столицу. Тогда он, Арт Кроль, будет первым богачом в Европе.

Кроль не знал, конечно, что власть в стране уже захвачена рабочими. Его не известили об этом: все телефоны были выключены. А ближайший его помощник Роммер удрал в Норвегию, захвативши с собой немного золотой пыли.

Рабочие на завод Кроля были наняты всего три дня назад и не успели еще возненавидеть своего хозяина. Им и в голову, не пришло отыскивать Кроля в доме под стальной крышей. Кроль несколько раз пытался соединиться по телефону с заводом и со столицей, но ничего не выходило. О бегстве он и не помышлял: комната с золотыми монетами держала его в доме, как магнит невероятной мощности.

Кроль начал волноваться только вечером когда выяснилось, что прислуга исчезла из дома. Он звонил

горничной, лакею, шоферу, но никто не являлся на его звонки. Он спустился по задней лестнице на двор и тут убедился, что исчезли не только люди, но и автомобиль.

Кроль быстро поднялся к себе, в кабинет и подошел к окну, откуда открывался вид на море. На рейде стоял военный корабль, освещенный по бортам и башням электрическими лампочками. Кроль взял бинокль и начал рассматривать судно. Руки дрожали, и корабль прыгал в стеклах. Но Кроль узнал его. Это был восставший линкор «Христос-спаситель», теперь вернувшийся в родные воды. Кроль опустил бинокль.

Сразу он понял, что стряслось что-то серьезное и надо немедленно действовать. Он вошел в несоразмерную комнату, где хранилась золотая монета. Комната была наполнена не до потолка, но золота в ней было достаточно. Монеты разных стран стопками, как золотые огарки, стояли на полках. Это было хранилище не финансиста, а коллекционера.

Кроль начал пересыпать монету, полными пригоршнями в самый большой чемодан. В полной тишине дома мягкий звон золота был похож на писк мышей. Чемодан, как верша, доверху набитая карасями, сделался очень тяжелым, и Кроль не мог поднять его. Тогда он сел на маленький стул, который стоял тут же, и задумался. Он решительно не знал, что делать дальше. И тут он вспомнил Москву, Мелкострой, ребят.

Елкин, Гнедин, Абрикосов...

В десять часов вечера перед виллой Кроля появился пехотинец в полной походной форме с винтовкой в руках. Он прошел по дорожке, усыпанной гравии-

ем, и осмотрел окна дома со всех четырех сторон. В трех окнах горел свет. Но пехотинец не стал входить в дом. Он принялся маршировать у подъезда, как часовой на посту.

В одиннадцать часов вечера с дорожки от моря послышались голоса, и перед домом показались еще три фигуры в морской форме. Они направились прямо к подъезду, но пехотинец преградил им путь.

— Кто идет? — спросил он по-военному, как будто его действительно поставили здесь на часах.

— С моря. С линкора «Мировая революция»...

— Что нужно?

— Это дом Кроля-Счастливица?

— Он самый.

— Мы хотим видеть Кроля.

— Зачем?

Но тут моряк вдруг сделал шаг вперед и закричал:

— Эге... Никак Ян Коржек из аппаратурного цеха?

— Феликс Ланц?

— Есть такое дело! Здорово, Ян, дружище! Тут со мной два товарища из СССР. Они моряки, и хотели бы повидать хозяина.

Феликс и Ян не стали долго разговаривать. Особенно торопился Феликс. Он подошел к двери виллы и нажал кнопку звонка, представляющую собой жемчужину в серебряной раковине.

Все четверо стояли у двери молча, прислушиваясь к тому, что происходит в доме. За дверью раздались шаги, и голос Кроля спросил:

— Роммер... Вы?

Один из моряков шепнул товарищам:

— Дайте я отвечу.

И громко закричал в дверь:

— Открывай, Артюшка. Это мы приехали.

— Кто вы?

— Ребята из технического лагеря. С тобой говорит Елкин, а рядом тут Гнедин. Ну, открывай, одним словом. Ведь ты же звал нас в гости. Пять тысяч дней-то ведь на исходе...

Дверь открылась. Арт Кроль стоял на пороге с чемоданом в руках. Елкин шагнул вперед. На нем была морская фуражка с золотым советским гербом, револьвер у пояса.

Кроль увидел, что сзади Елкина стоят еще люди. И он понял, что спекся. Чемодан выпал из его рук, и бесчисленные монеты, звеня, покатались по холодному каменному полу. Когда, наконец, они успокоились и легли плашмя, весь пол оказался покрытым золотым горошком.

— Здесь на мотор хватит, — сказал Гнедин и засмеялся.

Кроль поднял руки вверх.

— Не стреляйте, ребята. Ваша взяла. Сдаюсь.

И сел на ступеньку лестницы.

11. КОНЕЦ ЗОЛОТА

Выдержка из газеты «Вечерняя Москва» от 23 мая 1943 года:

НОВОЕ УКРАШЕНИЕ МОСКВЫ

Как известно, на заседании Московского совета член коллегии Наркомфина товарищ Аккуратов сделал предложение — поставить на Свердловской площади мусорный ящик из чистого золота.

Свое предложение товарищ Аккуратов мотивировал тем, что победивший в мировом масштабе пролетариат должен отметить разгром капитализма каким-либо особым образом.

При этом товарищ Аккуратов напомнил, что крупнейшие мыслители мира, от Платона до Ленина, указывали, что общественный строй, основанный на разуме, проявит свое отношение к золоту — как символу капитала — в самой неуважительной форме.

Предложение товарища Аккуратова было принято единогласно.

20 мая золотой опрокидывающийся ящик был установлен в розарии на Свердловской площади. Делали ящик в ударном порядке рабочие завода «Серп и молот».

Немедленно же после установки ящика к нему началось паломничество москвичей. В первый день, по приблизительному подсчету, в розарии перепробывало до ста тысяч человек. В золотом ящике видят как бы конкретное доказательство того, что золото утратило цену на земле и капитализм погиб.

Не обошлось и без курьезов. Ночью некто гр. Калинин пытался перочинным ножом наскоблить себе немного золота. Калинин отправили в сумасшедший дом, а к ящику приставили сторожа.

Золотой ящик простоял в розарии пять лет. К 1948 году на него перестали обращать внимание, и он был сдан в утиль на технические нужды.

Май, 1930 г.

ДЖЕК
ВОСЬМЕРКИН
АМЕРИКАНЕЦ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Николай Григорьевич Смирнов
ДЖЕК ВОСЬМЁРКИН — АМЕРИКАНЕЦ
Повесть, 1930 год.
Государственное издательство, 1930 г.

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Н. Г. СМИРНОВ

ДЖЕК ВОСЬМЕРКИН
АМЕРИКАНЕЦ

ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ

*

РИСУНКИ
И. МРОЧКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

В оформлении использованы рисунки художницы
Т. Мавриной из 3-го издания 1934 г.

ДЖЕК ВОСЬМЕРКИН АМЕРИКАНЕЦ

повесть в двух частях
Н. Г. СМЕРНОВА

иллюстрации
Т. МАВРИНОЙ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ОГИЗ • ДЕТГИЗ • 1934

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НЕ СПЕША ВОКРУГ СВЕТА

Глава первая
РЕДАКТОР ИЗМЕНЯЕТ СВОЕМУ ОБЫКНОВЕНИЮ

— ПРОСТИТЕ, товарищ, трактор Ойль-Пуль — все это прекрасно. Но ведь трактор работает вовсе не на каменном угле. А затем, у меня нет времени...

Этими словами закончил редактор свой разговор с развязным поэтом, который пытался продать в газету стихотворение о тракторе Ойль-Пуль. Поэт вскочил с кресла и исчез в дверях. Редактор посмотрел ему вслед без малейших угрызений совести: он считал, что каждый деловой человек должен говорить кратко.

Теперь, наконец, он мог заняться собственным делом. Для этого он прежде всего придвинул поближе тарелку остывших щей и начал есть. Ел он без всякого аппетита, часто даже пронося щи мимо рта: ложка была в его левой руке, а правой он правил лежавшую перед ним статью.

В это время дверь открылась, и в кабинет опять кто-то вошел.

— Короче! — сказал редактор грозно, продолжая читать и есть.

Молчание. Только перо скрипнуло по бумаге.

— Коротко трудно, — наконец сказал вошедший. — Коротко — совершенно невозможно.

— А все-таки. В двух словах.

— В двух? Хорошо. Хочу есть.

Редактор оторвал глаза от рукописи.

Перед ним стоял приятный паренек, в серой бархатной куртке с желтым бараньим воротником,

остриженным по-заграничному под машинку. На голове — тяжелая кепка с загнутыми на затылок наушниками. На ногах — коричневые башмаки с толстыми подошвами. Паренек держал в руках небольшой брезентовый мешок. В общем, вид его был франтоватый, а лицо веселое. Вдобавок он улыбался, и золотые зубы дружным рядом сияли в его верхней челюсти. Никак нельзя было подумать, что парень нуждается.

Редактору стало совершенно ясно, что следует как можно скорее выпроводить его из кабинета.

— Вы, вероятно, умеете читать, товарищ? — сказал он наставительно. — Здесь не столовка, а редакция сельскохозяйственной газеты...

— Я знаю. Но все-таки хочу есть.

— Фамилия? — отрывисто спросил редактор, прекрасно понимая, что вопрос этот грозит осложнениями.

Но что делать? Паренек чем-то сумел подкупить его. Может быть своей улыбкой, которую он все время пускал в ход. Он и теперь, прежде чем ответить, широко улыбнулся.

— Меня зовут Джек Восьмеркин.

— Откуда?

— Из Петербурга. Я там в больнице лежал семь недель.

— Из Ленинграда, — поправил редактор.

Золотые зубы Восьмеркина сверкнули, как будто во рту вспыхнул огонь.

— Нет, из Петербурга.

— Такого города нет.

— Есть. Это в штате Вирджиния. На линии Ричмонд — Чарльстон.

— Ага, — сказал редактор и позвонил.

Теперь он уже знал, что делать дальше, и принялся читать статью. Явилась курьерша.

— Дайте товарищу два обеда, — произнес редактор. — И позовите Пичулина.

Пичулин, спец по англо-саксонским странам, в круглых очках и длинной кожаной жилетке, явился как из-под земли. Джек Восьмеркин в это время только что принялся за щи.

— Ну-с, — сказал редактор, когда Пичулин вопросительно стал у его кресла, — так вы, товарищ, из Америки, из штата Вирджиния. Это уже лучше. Нельзя

ли, Пичулин, его использовать? Ты когда приехал-то? — спросил он Восьмеркина, дружески переходя на «ты».

— Две недели назад.

— Через Владивосток?

— Нет, через Мурманск.

Пичулин тихо подошел к Джеку. Вынул блокнот, что-то сообразил.

— Можете ли вы к послезавтра написать мне статью строк на двести: «Безработица среди батраков в Соединенных штатах».

Джек густо покраснел и с каким-то бульканьем проглотил щи.

— Я плохо пишу по-русски. Прочитать статью сумею... Но писать не возьмусь.

— Но вы русский?

— Да, конечно. Но я долго пробыл в Америке.

— Это уже хуже, — сказал редактор и задумался.

Теперь он понял, почему так не твердо выговаривает некоторые слова Джек.

— Писать ты не умеешь, — сказал он немного погодя. — Русский язык знаешь плохо. Такие люди нам не нужны.

Свет электрической лампочки отразился в золотых зубах Джека.

— Такие люди вам не нужны? — переспросил он тихо. — А я думал, что нужны. Писать статей я действительно не умею. Но я могу делать кое-что другое.

— Что же именно?

— Я могу шесть часов под ряд пахать на тракторе, а если он остановится, я починю его. Знаю куроводство и хорошо отбираю яйца в инкубатор. Могу подоить десять коров, а если их сорок, то налажу дойку электричеством. Два года я ухаживал за табаком в Вирджинии и ладонями могу вертеть сигары, по тысяче штук в день, конечно, если начинка подготовлена. Я говорю о сигарах Вирджиниях, по пять центов штука. Потом мне приходилось выращивать клубнику величиной в кулак...

— Довольно, довольно! — закричал редактор.

— Нет, я правду говорю. Ведь я не бродяга, а настоящий уборочный рабочий. Шесть лет я таскался по фермам, только вот теперь приехал сюда кочегаром. Мы вам хлопок привезли. Я удрал с корабля потихоньку и сел в поезд. Все деньги истратил на билет, зайцем не поехал. И вот теперь голодаю. Здесь я уже десять дней, и все мне говорят, что никому не нужно мое умение. А по-моему нужно.

И он опять сверкнул золотыми зубами.

Редактор спросил:

— А зубы почему золотые?

— Упал с Титана в Дакоте. Ведь вы знаете, эти Титаны высотой почти с паровоз. Стукнулся зубами о колесо. Четырех как не бывало. Вставил за восемьдесят долларов. Ведь они литые, чистого золота. Хотел уже выпилить их и проесть. Но прежде сюда пришел...

— Занятная штука, — сказал редактор задумчиво. — Что же нам с тобой делать, Восьмеркин? Ты зачем приехал-то в СССР?

— По делам, — ответил Джек и густо покраснел.

— Так. А где ты живешь?

— Нигде не живу. Ночевал в ночлежке. Да плохо там. Смеялись над моей курткой.

— А вещи у вас есть? — спросил Пичулин совсем не деловым тоном.

— Ничего нет. Я сюда без вещей приехал. Нельзя было с парохода вынести. Вот только мешок.

— А что в мешке?

— Пшеница. Отборные зерна. Манитоба, Маркиз, Дакота. Я их четыре года на фермах собирал. Теперь от голода съел тысячу двести штук. Самых мелких, конечно.

— Поешь лучше каши, Восьмеркин, — сказал редактор мягко, пододвигая тарелку. — Твое дело надо обдумать. С удовольствием бы покалякал с тобой, да вот некогда...

Пичулин с удивлением посмотрел на редактора.

Этот человек, сухой и точный, никогда раньше не говорил таким задушевым тоном. Что-то с ним сделалось. Он глядел на Восьмеркина и улыбался.

— Да, — повторил редактор задумчиво. — С удовольствием бы с тобой покалякал...

Он вынул записную книжку и там что-то зачеркнул.

— Хочешь, так сделаем: приходи сегодня ко мне на квартиру ровно четверть двенадцатого. Расскажешь свою историю. Может быть что и придумаем. Согласен?

— Угу.

— И ночевать у меня будешь.

— Спасибо.

— Вот тебе мой адрес. Найдешь?

Джек усмехнулся.

— Ну, пока...

Ночью Джек Восьмеркин рассказал редактору свою историю.

Примус безостановочно шумел на окне. Чаю выпили много. Разговор продолжался три или четыре часа.

Рассказ Джека был длинен и бессвязен. Чтобы понять его как следует, редактору пришлось задать множество вопросов. К трем часам утра картина приключений Джека выяснилась во всех подробностях.

Вот как было дело.

Глава вторая МАЛЬЧИК С КОРОВОЙ

ВЕСНОЙ 1918 года в Петрограде начался голод.

Продовольственные склады совершенно опустели, а подвоза продуктов не было. Перед булочными вытянулись тысячные очереди. Целыми часами люди простаивали для того, чтобы получить кубик черного хлеба, величиной в пачку спичек. На базарах торговали главным образом не съедобным: посудой, треуголками, тряпьем, мебелью. В кафе у Адмиралтейства за бешеные деньги подавались тонкие ржаные лепешки, жареные на льняном масле. Все столовые и рестораны закрылись. Исчезло даже молоко, которого всегда было много в это время года.

В городе началась паника. Уже поздно было делать запасы. Оставалось только надеяться, что голод не может продолжаться вечно. Говорили, что с новым урожаем появятся продукты. Война кончилась. Крестьяне возвращаются в деревни. Надо только подождать до осени.

И вот, чтобы полегче прошло это голодное лето, большая группа петроградских интеллигентов решила отправить своих детей за Волгу, туда, где много белого хлеба и молока и откуда шли письма, что голода там нет и в помине. С огромным трудом

получили специальный санитарный поезд. Поезд был очень длинный и состоял из белых теплушек и вагонов. В вагонах разместились девочки, в теплушках — мальчики, всего около пятисот человек. Вместе с ними ехали учителя, воспитатели, гимназические сторожа. После долгого, полного приключений пути белый поезд пересек Россию и высадил детей за Волгой, в обетованной стране.

Петроградским детям пришлось провести в этой стране гораздо больше одного лета.

Восстание чехо-словаков вызвало военные действия в полосе железной дороги. Затем поднялся Колчак. Линия железной дороги оборвалась сразу во многих местах. Началась настоящая война. Между родителями и детьми протянулся фронт, пересечь который не было никакой возможности.

На детей уже никто не обращал внимания, кроме их руководителей, которые были бессильны что-либо сделать. Огромная колония принуждена была разбиться на группы. Дети с руководителями разбрелись по деревням, станицам, поселкам. Не было средств к жизни, теплой одежды, обуви. Даже надежд на будущее не было. Дети болели, голодали, приходили в отчаяние.

Все это Джек знал только по рассказам. Сам он не был в колонии. Он познакомился с петроградскими ребятами случайно, осенью 1918 года.

Вагон третьего класса, наполненный детьми, стоял на одной из станций недалеко от Волги. Красные наступали, и у ребят появилась надежда, что советские войска займут станцию, прежде чем белые успеют увезти вагон. А это давало возможность в ближайшие же дни вернуться в Петроград, к родителям.

Но обстоятельства сложились иначе. Внезапно к станции прискакала группа всадников. Казаки с пиками рассеялись по путям, охотясь за пустыми вагонами. Высокий офицер, осмотревши вагон, в котором находились дети, предложил немедленно очистить его. Вагон был нужен для штаба корпуса. Бывший при детях воспитатель, вспыльчивый человек, закричал, что дети не уйдут из вагона. Офицер арестовал воспитателя, и его увели куда-то. А детям было предложено выходить из вагона, и как можно скорей.

Казаки выбросили из окон подушки, корзины, книги, и на полотне образовался целый ворох самых разнообразных вещей. Дети в панике столпились тут же, не зная, что им делать.

Девочки заливались слезами, мальчики пытались успокоить их. Они тихо шептали, что скоро придут красные и все будет хорошо. Вдруг где-то вдали бухнул выстрел.

За первым выстрелом последовал другой, третий, четвертый. Высоко в небе развернулись красивые облачка дыма, и град пуль ударил по железной крыше станции. Красные действительно пришли. Но впереди себя они пустили артиллерию.

Четырнадцатилетний Валерьян, у которого был бинокль и который считался самым умным в вагоне, закричал, что надо спасаться, бежать опроретью, но, конечно, всем в одну сторону. Он схватил свою подушку и первый бросился через широкое поле, которое тянулось тут же за станцией. Его примеру последовали все остальные. Длинная ниточка детей протянулась по полю. Сзади самые маленькие, впереди Валерьян, закрывший подушкой голову от шрапнели. По временам он останавливался и кричал:

— Скорей!.. Черти, скорей!

Маленькие, наиболее слабые дети начали уставать. Они падали и кричали, что не могут двигаться дальше. На минуту все остановились и стали совещаться. Кто-то сказал, что стрельба затихает. Но это было затишье перед бурей. Со стороны белых подошел броневой поезд. Пушки загрохотали совсем близко. Дети заплакали, завизжали.

Старшие подхватили младших под руки и снова побежали вперед. Поле уже кончалось. В стороне желтели кусты, за ними был овраг. Дети спустились в овраг. Сюда выстрелы доносились слабее. Некоторое время шли по дну оврага. Потом остановились, сосчитали друг друга. Налицо оказались все сорок человек. Валерьян, который принял на себя обязанности командира, сказал, что можно посидеть: шрапнель сюда не залетит. Дети отдохнули немного, съели захваченную с собой провизию, напились воды из ручья. А затем пошли снова. Выстрелы все еще гремели вдалеке, и всем хотелось быть подальше от поля сражения.

На глубине оврага октябрьский день рано догорел и сменился холодным вечером. Дети наломали прутьев, сложили рядом вещи, захваченные в момент бегства. Нашлось несколько подушек. Легли все рядком, чтобы согреть друг друга. Хотя у Валерьяна были с собой спички, огня из осторожности решили не разводить. Боялись, что по костру начнется стрельба из орудий.

Ночью Валерьян и два других мальчика вылезли из оврага. Небо было розовое с одного края, но не там, где находилась станция. По этому зареву мальчики догадались, что горит какая-то деревня. Они тихо спустились в овраг и уговорились по очереди дежурить с камнями в руках. Но сон оказался сильнее их. Первый же дежурный заснул, а тот, кто должен был его сменить, не проснулся. Впрочем,

ночь прошла без приключений.

Утром старшие устроили совещание, что делать дальше, куда идти. Совещались долго. Пока старшие спорили, младшие плакали от страха и голода. Провизии не осталось ни крошки.

Наконец было решено подождать в овраге до полудня. А затем, если перестрелка не возобновится, идти на станцию и отыскивать там руководителя. Но в это время со стороны станции опять донеслись выстрелы. В отчаянии дети уселись в кружок и принялись плакать.

Вдруг в кустах раздался какой-то треск и перед плачущими детьми появился деревенский мальчишка, босой и без шапки. Он стоял на четвереньках и внимательно смотрел на детей.

Плач сейчас же прекратился. Ребята с интересом принялись разглядывать мальчишку. Тот продолжал стоять, как и прежде, на четвереньках и при этом сопел.

— Ты здешний? — наконец спросил Валерьян негромко.

— Здешний, — ответил мальчуган и вскочил на ноги. — Из деревни Починки.

— Можешь ты отвести нас к себе в деревню и покормить?

— А сколько вас есть?

— Сорок человек.

— Не, не могу.

— Почему не можешь?

— Нет наших Починок. Сгорели они ночью. Белые из пушек сожгли. А мужиков всех перебили, и отец мой попался. А мать и сестра живьем в избе сгорели. Я один спасся. А вы, ребята, откуда?

Дети наперебой начали рассказывать — кто они такие. Когда картина достаточно выяснилась, мальчишка, немного подумавши, сказал:

— Примите меня, ребята, к себе.

— Куда же мы тебя примем? — спросил Валерьян. — У нас у самих ничего нет.

— Все равно, примите, ребята. Без меня ведь вы пропадете, как один человек. Я тут все места знаю и вам пригожусь. Хотите, сейчас молочка принесу?

— Откуда у тебя молоко?

— А у меня тут с собой корова, Пеструшка. Мне мать спасти ее велела. Я ее погнал, а тут и наша изба занялась. Мать начала сундуки выносить, ну, и сгорела вместе с Катькой. Одна Пеструшка осталась теперича у меня. Я всю ночь не хуже вас плакал. А вот теперь перестал.

Молоко, корова — это в представлении ребят означало почти спасенье от голода. Мальчишку окружили со всех сторон.

Валерьян спросил деловито:

— Может быть корову можно убить ножом, а потом зажарить? Спички и ножик у меня есть.

Мальчишка возмущенно махнул рукой.

— Сказал тоже... Ведь она теперь у меня одна осталась. Молоко пейте. А жарить не дам.

— А ты умеешь доить?

— Ну, да подою, если будет во что. У меня с собой посуды нет. А корова молочная. Я ее сегодня утром от голода прямо ртом сосал.

Посуда у детей нашлась — маленькое ведро, из которого они пили воду. Валерьян, четверо ребят и мальчишка отправились через кусты, и в глубине оврага действительно нашли пеструю корову, которая была привязана к кустам. Мальчишка подоил ее в ведро, и молоко сейчас же было распределено по два глотка на человека. Ведро было небольшое, и четыре раза пришлось возвращаться к корове и доить ее. Когда все молоко было выпито, ребята открыли совещание с участием нового товарища. Обсуждали все тот же вопрос: что делать дальше?

На этот раз глаза всех были устремлены на мальчишку. Спасения ждали от него.

— Вот что, ребята, — сказал он, напустивши на себя важность: — поведу я вас сейчас в деревню. Может быть и накормят вас мужики. А там и подводы в город, дадут.

— Да ведь сгорела ваша деревня, говоришь? — перебил его Валерьян.

— Подожди. Я в нашу не поведу, в другую поведу, в Чижи. Чижи, может, и не сгорели. Село большу-

щее. Только вы меня, ребята, примите к себе.

— Ладно, принимаем! — закричал Валерьян.

И все поддержали:

— Принимаем, принимаем!

— Тогда идемте, — сказал мальчишка.

— Встать! — скомандовал Валерьян. — Готовься в дорогу!

И обращаясь к мальчишке, спросил:

— А как тебя зовут?

— Яшкой зовут.

— Хорошо, Яшка. Веди нас в Чижи.

Дети вылезли из оврага и двинулись следом за Яшкой, который уверенно шагал через поле. Коровы решено было с собой не брать, а прийти за ней вечером, когда выяснится, что в Чижах спокойно.

Яшка шел рядом с Валерьяном и покрикивал на отстающих. Все прониклись к нему уважением. В простоте сердечной дети считали уже, что положение их поправилось. До Чижей близко, Яшка приведет их туда, им дадут молока, покормят. В крестьянских избах можно будет переждать денька два. Потом придут красные и помогут добраться до Петрограда.

Дети шли бодро, даже весело. Спасение было близко, и путь к нему под предводительством Яшки казался ясным и простым.

Джек Восьмеркин и был этим самым белоголовым мальчуганом, который вызвался спасти от голода сорок ребят.

* *

*

Веселое путешествие детей продолжалось недолго. Яшка вдруг стал оборачиваться назад и приглядываться к чему-то. Потом крикнул:

— Ложись, ребята! — и ползком начал пробираться к придорожным кустам.

Остальные тоже ползком последовали за ним, хотя и не понимали, в чем дело. В кустах Валерьян спросил:

— Чего ты испугался?

— Как чего? — зашептал Яшка. — Посмотри в стекла, если глазами не видишь. Ищут меня, хотят смерти предать.

— Кто тебя ищет?

— Известно кто, казаки. Вон они там по дороге едут. Двое с ружьями и пиками. Меня они ищут. Я ведь один изо всей деревни уцелел.

Валерьян приложил бинокль к глазам и увидел, что вдали по дороге действительно ехали два казака, приглядываясь по сторонам.

— Вы уже меня спасите, ребята, — зашептал Яшка жалобно, — а я вам потом помогу.

— Как же мы тебя можем спасти? — спросил Валерьян.

— Дайте какое-нибудь пальтишко прикрыться. Не узнают они меня в городском, за вас примут.

Ребята сейчас же сообразили, что городская одежда действительно может защитить деревенского парнишку. Валерьян снял с себя пальто, нашлась и кепка. Одна девочка отдала Яшке запасные сандалии. Все видели в нем единственного спасителя, и важно было его отстоять.

Яшка, надевши чужую одежду, сразу почувствовал себя бодрее. Стал на ноги и долго следил за казаками.

— К станции проехали, — сказал он наконец. — Идем дальше, ребята. Может и не за мной они.

Дети снова вытянулись по дороге. Яшка и Валерьян шли теперь сзади. Они все время оглядывались, а Валерьян почти не отрывал от глаз бинокля. Вдруг он закричал:

— Казаки! К нам скачут казаки!..

На этот раз всадники определенно направлялись к группе детей. Бежать и прятаться было бесполезно. Их заметили.

Однако Валерьян скомандовал:

— Бегом!

И все побежали.

— Стой, братцы! — закричал Яшка. — От коней все равно не уйдем. Может, они нас не тронут.

Дети остановились. Молодой казак с пикой, не доехав до них шага, осадил лошадь.

— Со станции? — закричал он на все поле.

— Со станции, — ответил Валерьян, выходя вперед. — Что вам угодно?

— Мы за вами посланы. Поворачивайте назад. Велено вас всех обратно доставить.

— А там нет пальбы? — спросил кто-то.

— Нет пальбы. Отошел красный. Ну, двигайтесь.

Все надежды детей мигом пропали. Теперь нечего было мечтать о скором возвращении в Петроград. Правда, за ними послали, значит, их будут кормить.

Может быть, отыщется руководитель. Но ведь радости от этого мало. Самое лучшее, на что они могли рассчитывать теперь, — это очутиться в прежнем положении.

Но казаки не стали церемониться с детьми, спрашивать, хотят или не хотят они идти на станцию. Чтобы сдвинуть ребят с места, они въехали в самую гущу толпы, и детям волей-неволей пришлось тронуться. Впрочем, казаки не слишком торопили их в

пути, только изредка покрикивали на отстающих. Они видели, что дети устали и голодны.

Часа через два ходьбы перед ребятами показалась знакомая станция. Их вагона уже не было на путях, не было и имущества. Казаки привели детей к коменданту, низенькому бородатому офицеру.

Комендант строго посмотрел на ребят и спросил:

— Все вы здесь?

— Все, — ответил Валерьян.

А Яшка в это время присел, так как испугался, что комендант узнает его и казнит.

— Я о вас запрашивал штаб, — сказал комендант. — Вас велено в тыл направить. Идите за мной.

Ребята пошли за комендантом. Он подвел их к товарному вагону и скомандовал:

— Забирайтесь, живо.

— Мы сегодня не обедали, — заявил Валерьян.

— Молчать!

Ребята влезли в вагон все, за исключением Яшки, который все время смотрел в сторону, как бы желая удрать. Комендант прикрикнул на него, и Яшка тоже оказался в вагоне. Тут комендант закрыл дверь. В вагоне сделалось совершенно темно.

Ребята, толкая друг друга, кое-как разместились на полу и на верхних полках. Немного погодя, дверь открылась. Двое солдат принесли хлеб, ведро воды и чугунок каши. Все бросились на пищу с жадностью. Съели весь хлеб, до последней крошки, и всю кашу, до последней крупинки. Даже воды не осталось в ведре. Солдаты забрали пустую посуду и снова закрыли дверь. Когда шаги солдат замолкли вдали, Яшка попытается открыть дверь. Но это ему не удалось: дверь была заперта снаружи на задвижку.

Через двадцать или тридцать минут вагон сильно толкнуло; ребята догадались, что их прицепили к поезду. А еще немного погодя, поезд без звонков и гудков отошел от станции. В этот момент в вагоне раздался громкий плач. Это Яшка заплакал, в первый раз за все время знакомства с ребятами.

— Чего ты? — спросил Валерьян. — Ведь ты сам навязался в нашу компанию. Мы тебя не тянули.

— Знаю, — прохрипел Яшка. — Я не о себе, я по Пеструшке убиваюсь. Пропадет она теперь в овраге с голоду. Ведь я ее крепко-накрепко к кустам привязал...

Глава третья

РЕДАКТОР ДАЕТ ИСТОРИЧЕСКУЮ СПРАВКУ

КОГДА Джек Восьмеркин довел свой рассказ до этого момента, редактор прервал его.

— Стой, Восьмеркин, отдохни, — сказал он шутливо. — Дальше я сам тебе расскажу.

Джек посмотрел на редактора удивленно: уж не смеется ли он над ним? Но тот подошел к книжному шкафу и вынул оттуда большую связку старых газет. Разложил газеты на столе и начал просматривать их. Джек заметил, что многие статьи были отмечены красным карандашом.

— Вот, — наконец сказал редактор и начал читать:

АМЕРИКА ЗАЩИЩАЕТ ДЕТЕЙ

Мною за подписью руководителя поезда Ленина тов. Рузер и представителя Наркомпроса в этом поезде тов. Венгрова получена любопытная телеграмма, которая не только должна быть опубликована в советской прессе, но и по возможности доведена до сведения всех порядочных людей мира.

Вот она:

«Выясняется судьба бывшей петроградской колонии детей, вывезенной из Петрограда Союзом городов в 1918 году в Уйскую станицу требуется немедленное вмешательство центральных властей.

Колония была передана колчаковским министерством внутренних дел 28 января 1919 года в полное, бесконтрольное ведение Американского Красного креста, в лице доктора Скандера, гражданина Уэл Чекамиса и московского американца Свина, с правом перемещать детей, куда вздумается американцам, уволь-

нять русский штат и вмешиваться в воспитательную часть по их благоусмотрению.

По показаниям священника села Ягуровки и местных жителей, дети были свезены туда весной 1919 года.

Дети жили в отвратительных условиях, как материальных, так и моральных. Они просили милостыню и напрашивались на работу у соседей для пропитания. Американцы занимались своими торговыми делами, причем часть детей помогала американцам в качестве приказчиков в их лавках.

В конце мая, перед приходом красных, американцы увезли детей неизвестно куда. Эвакуация происходила ночью с приказом собраться в два часа, столь наспех, что склады колонии в большей своей части были брошены на произвол судьбы.

По слухам дети увезены на какой-то остров Русский, близ Японии, причем на станции Курган дети от пятнадцати лет были мобилизованы.

На запрос по радио представителя Совдепа о судьбе детей и возвращении их родителям получена 15 октября радиотелеграмма генерала-лейтенанта Захарова, что дети будут отданы только после уничтожения большевиков и установления единой России.

Материалы и документы высылаем с представителем Наркомвнудела, членом ВЦИК Островской».

Заметьте, что дети, вывезенные Союзом городов, сплошь не пролетарские. Это дети интеллигенции и даже петроградской полубуржуазии.

Наркомпрос, конечно, заботился о судьбе этих детей. Сами родители неоднократно просили нас об установлении разного рода связей с детьми. Но у меня составилось впечатление, что эти родители из промежуточного класса склонны чуть ли не больше дове-

ряться, если не Колчаку, то американскому Красному кресту, чем нам.

Жестокое поведение американцев должно послужить уроком не только родителям несчастных, пленных детей, но и всем колеблющимся в России. Дети пролетарских колоний, вывезенные в Уфимскую губернию, были отвоеваны Красной армией и возвращены в Москву и Петроград.

Я знаю, что родители отвезенных куда-то в Японию детей действительно тосковали по ним и страстно стремились к ним. Если бы не вмешательство американцев, эти дети были бы уже в объятиях своих матерей. Теперь малюток погнали неведомо зачем, неведомо куда, при отвратительных условиях.

Совет защиты детей имеет телеграфное сообщение, что при знаменитой эвакуации, о которой говорится в вышеприведенной телеграмме, одна девочка утонула, другие тяжело заболели. Еще возмутительнее то, что детей от пятнадцати лет насильственно забрали в колчаковскую армию.

Все это до того кошмарно, все до того нелепо, что только настоящим взрывом бешенства против нас и наших побед можно объяснить такой шаг американцев. Культурное же объяснение этого заключается в том, что американцы спасают детей от развращения их большевиками. Пусть старшие погибнут в рядах колчаковской армии, пусть младшие потонут и умрут с голода, пусть они будут отданы в рабство, но только не оказались бы они социалистами.

*Народный комиссар по просвещению
Луначарский.*

— Угу, — сказал Джек Восьмеркин, когда редактор дочитал статью до конца. — К весне мы как раз оказались в селе Ягуровке. А потом нас повезли дальше.

Он взял статью и еще раз прочел ее про себя, шевеля губами. Потом подумав, как бы вспомнив что-то, тихо сказал:

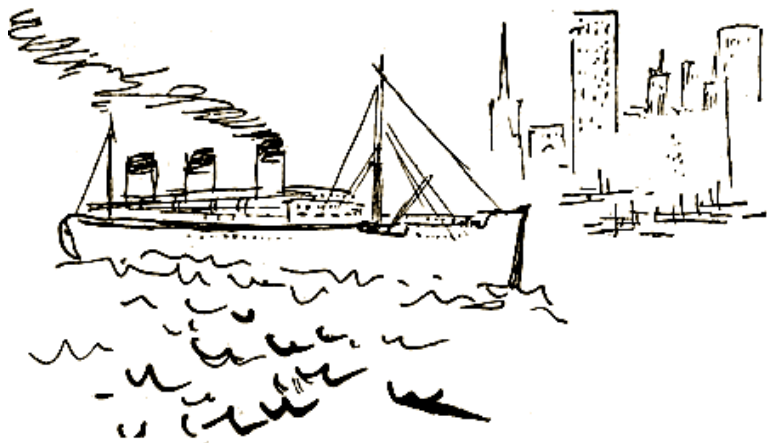
— Теперь я понимаю, почему нас не оставили в Сибири. Все время это было загадкой для меня. Ведь кроме петроградских ребят с нами были и сибирские. Всего собралось почти восемьсот человек. Когда Колчак был разбит, мы съехались все из разных мест в город Тургоянск. Здесь нас погрузили в поезд и повезли во Владивосток. Всем распоряжались американцы. Они одели нас в американские шинели, которые были до того длинны, что их приходилось подрезать снизу ножницами. Старших задержали для военной службы, и Валерьян попал в их число. Но осталось много моих сверстников, тринадцатилетних. Нам пришлось голодать и холодать зимой, и мы были рады, что нас везут куда-то. Мы часто разговаривали по ночам в вагоне о нашей дальнейшей судьбе. Было много разных предположений, но никто серьезно не думал, что нас действительно повезут в Америку. Нужды в этом никакой не было.

— Однако так и случилось? — спросил редактор.

— Так и случилось.

— Ладно. Тогда говори все дальше по порядку.

И Джек Восьмеркин начал рассказывать дальше.

Глава четвертая В САН-ФРАНЦИСКО

КОГДА ребятам стало известно, что всю колонию решено вывезти в Америку, начались волнения. Всем гораздо больше хотелось ехать в противоположном направлении: домой. Но американский Красный крест был другого мнения на этот счет. Осенью 1919 года всю колонию погрузили на огромный японский пароход «Иомей Мару». Пароход вполне благополучно пересек Тихий океан, и через двадцать четыре дня русские дети высадились на берег в Сан-Франциско.

Здесь обнаружилось, что сами американцы не твердо знали, что дальше делать с ребятами. Даже неизвестно было, кто они для Америки: пленные, заложники, друзья, враги?

Их высадили на берег и разместили во временном военном поселке за городом: Когда-то здесь были солдатские казармы, построенные на скорую руку. Теперь длинные бараки, крытые толем, пустовали. Детей водворили в эти бараки; каждому была дана низкая

кровать на сетке и табуретка. Ребятам поднимали рано, они мылись до пояса, а затем под руководством американских инструкторов делали гимнастику. Их никуда не выпускали за ограду, окружавшую поселок, и за малейшееслушание строго наказывали.

Всем было ясно, что такой порядок не может продолжаться без конца. Сами американцы с каждым днем все больше убеждались, что они напрасно поторопились с перевозкой детей через океан. На содержание колонии требовались большие средства. А кроме того, оставшиеся руководители и старшие ребята каждый день заявляли протесты против заключения в лагере и требовали отправки на родину.

Яшка не принадлежал к числу протестантов. За год жизни в среде городских детей он успел сильно развиться, а долгое путешествие в поезде и пароходе вызвало в нем любопытство к той стране, в которую он чудом попал. Ничто не тянуло его назад в Россию. Он считал, что все родные его погибли, деревня сгорела, и даже корова Пеструшка давно издохла в овраге. Однако лагерная дисциплина его тяготила. Ему казалось неестественным, что их, ребят, без всякой цели держат в поселке за оградой. Хотелось выйти на волю, погулять по Америке.

Америку Яшка представлял себе большой деревней и думал, что русский язык здесь имеет то же распространение, что и в России. Обладая от природы живостью и предприимчивостью, он уже строил фантастические планы побега. Но он не находил себе товарищей. Оказавшись в Сан-Франциско, русские мальчики жили мыслью поскорее вернуться в Россию. Вероятно, их в ужас приводили воспоминания о том, что когда-то в Петрограде они мечтали попасть в увлекательную страну Америку, наполненную автомобилями,

индейцами и небоскребами. Яшка никогда раньше не мечтал об Америке. Но теперь, живя в лагере, он начал серьезно подумывать о том, что хорошо бы было как-нибудь после обеда перемахнуть через забор и посмотреть, как тут растет рожь и много ли молока дают коровы. Случай помог ему осуществить это желание.

Сан-Франциско — большой город, и там случается каждый день множество происшествий. Но во семьсот человек русских ребят никогда еще не приезжали туда на пароходе. Поэтому в газетах стали появляться статьи о жизни и истории детской русской колонии. А вслед за этим к ограде, окружавшей поселок, началось паломничество любопытных американцев.

Среди этих зевак было несколько ребят-подростков, которые целыми днями простаивали у забора в надежде разглядеть, что подельывают русские дети. По временам их любопытные лица появлялись даже над забором. Сторожа колонии, американцы, отгоняли их криками. Но ребята мало боялись этого. В ответ они выкрикивали короткие словечки и громко хохотали. Как-то даже эти ребята соорудили из палки прашу и начали бросать через забор грецкие орехи. Этим, конечно, американцы хотели подчеркнуть, что они не враги русским, а друзья.

Первый же орех, упавший внутри ограды, поверг русских ребят в волнение: на скорлупе его было оттиснуто какое-то клеймо. Что значило это клеймо, никто решить не мог, но, несомненно, оно о чем-то говорило. Ребята ломали себе голову над этой задачей до тех пор, пока в лагерь не упал второй орех. На нем оказалась та же метка. Каждый из следующих орехов был также с таинственной печатью. А затем выяснилось, что буквы на скорлупе — это только марка фирмы, торгующей орехами.

Но эти орехи с клеймами подали мысль затеять переписку через забор. Общими усилиями была составлена записка на английском языке:

«Кто вы и что вам угодно?»

Записка была привязана к камню и переброшена через забор. Обратно прилетел большой апельсин, на котором было написано химическим карандашом:

«Мы — ваши друзья, приходите погулять с нами», — и нарисовано колесо с крыльями.

Вечером того же дня, после ужина, Александр Михайлов, шальной парень и забияка, обошел всех взрослых ребят в лагере и тихо опросил их, не желают ли они осмотреть Сан-Франциско. При этом он требовал клятвы, что желающие бежать будут подчиняться всем его распоряжениям.

Сначала нашлось много желающих. Но потом, когда выяснилось, что бежать придется на следующий день, а американских денег ни у кого нет, почти все отказались. Только Яшка и еще два мальчика объявили, что готовы на все, так как жизнь в лагере им опротивела. Александр Михайлов устроил небольшое совещание.

Решено было тайно от всех остальных перебросить через забор записку. В записке сообщить о дне и часе побега и просить американцев оказать помощь. Затем погулять с ними недели две по Сан-Франциско и вернуться в лагерь после того, как город будет изучен вдоль и поперек.

Из четырех заговорщиков ни один не умел писать по-английски. Поэтому записка к американцам была составлена аллегорически. Именно: был нарисован план поселка и летящая стрела, на которой стояли четыре фигурки. Рядом часы, показывающие девять. Записка была привязана к камню и переброшена через

забор в тот момент, когда американские ребята появились на своем обычном посту.

Ответ опять прилетел на апельсине. Там было написано только одно слово «yes», значение которого было понятно. Приготовления к побегу начались.

Прежде всего, Александр Михайлов со слов знающих английский язык написал на бумажке русскими буквами фразы, необходимые для прогулки по Америке: «мы хотим осмотреть Сан-Франциско», «хорошо бы поесть», «пора возвращаться в лагерь» и так далее. Под рубашки заговорщики спрятали несколько слезных писем, написанных остающимися в лагере приятелями. Эти письма надо было опустить в почтовый ящик Сан-Франциско, чтобы довести до сведения петроградских родителей о тяжелом положении, в котором оказались их дети. Кроме всего этого, Александр Михайлов велел сделать из консервных коробок четыре лопаточки, чтобы вырыть ими лазейки под забором.

Вечером, после ужина, когда по звуку гонга все должны были расходиться по спальням, Михайлов и Яшка остались на дворе. Тут выяснилось, что нет двух остальных. Михайлов пошел за ними, но вернулся один, и сообщил Яшке, что ребята струсили и уже легли в постели. После короткого совещания было решено бежать вдвоем.

Вдоль всего забора стояли яркие электрические фонари, и надо было пробраться под ними незаметно. Это удалось сделать с большим трудом, часто припадая к земле и продвигаясь вперед на четвереньках. Наконец ребята оказались у забора и принялись рыть лазейки в условленных местах. Яшка уже слышал, что за забором ходят американцы и о чем-то тихо между собой разговаривают. Он постучал в забор, и американцы начали копать со своей стороны.

Две узкие ямы были уже вырыты насквозь, и оставалось только расширить их. Но в это время на дворе раздался длинный свисток, затем другой, третий. Два сторожа опрометью бросились к забору. Яшка, который успел нарыть больше Михайлова, нырнул в свою яму и был вытащен американцами за руки. Михайлов же пролезть не успел. Его вытащили за ноги сторожа, к Яшка услышал только отчаянные крики своего неудачливого товарища.

В обществе шести незнакомых ребят Яшка бросился опрометью бежать от забора через темное поле.

Глава пятая В ГОСТЯХ У АМЕРИКАНЦЕВ

ТОЛЬКО в широкой бетонированной трубе под полотном железной дороги Яшка перевел дух.

По-видимому, труба эта была временной квартирой американских ребят. Там нашлись свечка, спички и какая-то очень соленая рыба. Ребята отдали рыбу Яшке, а сами о чем-то стали разговаривать на непонятном языке.

Как впоследствии выяснилось, все шесть ребят оказались американскими беспризорниками, или, как их зовут в Америке, «котятками». Яшка очень скоро понял, что помогали они его побегу без всякой определенной цели, просто из озорства. Никакого плана, что делать дальше, у них не было. А записка с нужными фразами, как на грех, осталась в кармане у Михайлова, и Яшка ни слова не мог сказать американцам.

Однако, сидя в бетонированной трубе, над которой с громким лязгом проносились поезда, Яшка совсем не чувствовал себя несчастным. Все пока складывалось как нельзя лучше, за исключением только неудачи с Михайловым.

После недолгого совещания американцы вместе с Яшкой прошли трубу насквозь и оказались по другую сторону полотна. Где-то далеко возвышалось множество строений, сиявших тысячами огней. По направлению к этим огням компания и двинулась. Но только краешком глаза Яшка увидел в тот раз американский город.

Дальше путь ребят лежал по каким-то пустырям и пересекал десятки железнодорожных путей и дворов, заваленных ящиками и старым железом.

Наконец они вошли в тихий лесок с прямыми дорожками. Лесок подходил вплотную к шоссе. На этом шоссе вся компания остановилась. Скоро подошел трамвай, и американцы ввалились в него шумной толпой. Но как только трамвай тронулся, они соскочили с него на ходу, за исключением одного, который остался с Яшкой и расплатился за билет. Остальные криками провожали вагон.

Яшка и его спутник ехали в трамвае долго. Огни мелькали все реже и реже за окном, и наконец все вокруг стало темно, и трамвай остановился. Американец подал Яшке знак, что надо слезать, и они пошли в темноте по какому-то пригорку, среди камней и колючих кустов. Впереди что-то шумело, и Яшка догадался, что это океан.

Они долго шли, по сыпучему песку, а затем начали подниматься на гору. У большого камня американец стал на четвереньки и пополз. Яшка последовал его примеру. Они оказались в небольшой пещере, где можно было и лежать и сидеть, но никак не стоять. На полу пещеры были набросаны сухие водоросли, и Яшка понял, что здесь им придется провести ночь. Поговорить хоть немного с американцем он и не пытался: еще в пути ему удалось убедиться, что тот не понимает ни одного русского слова.

Яшка улегся на водоросли, которые пахли аптекой и солью и странно гремели от малейшего движения. Приятно было отдохнуть после волнений и длинного пути. Сон пришел незаметно.

Утром, когда Яшка проснулся, в пещере оказались все шесть американцев. Они сидели вокруг него на корточках, жевали резину и о чем-то разговаривали. Яшка приподнялся. Американцы пожали ему руку и знаками предложили выкупаться.

Был октябрь месяц, но солнце светило ярко, и вода в океане была теплая. После купанья ели апельсины и каких-то студенистых слизней, которые в большом количестве водились на берегу. Курили трубки и жевали резину.

Первое время американцы здорово хохотали над тем, что можно ругать Яшку в глаза, а он ничего не понимает. Можно было обманывать его, называть ему вещи неправильно, а он повторяет названия и старается их запомнить. Однако Яшку смех этот не радовал, и он в первый же день пришел к заключению, что должен как можно скорее выучиться говорить по-английски. Ребята тоже пришли к этой истине, но позже. Вначале им казалось, что будет значительно интереснее, если все они с помощью Яшки выучатся говорить по-русски и введут этот язык в употребление между собой. Для этого они заставляли Яшку произносить русские слова и повторяли их хором, коверкая невозможнейшим образом. Но скоро они поняли, что все это не так уж весело, и что, пожалуй, правильнее выучить Яшку болтать хоть немного по-английски.

Жить на берегу океана было хорошо, гораздо лучше, чем в лагере. Один из американцев, Чарли Ифкин, оказался особенно хорошим парнем. Он подарил Яшке новый картуз и старые подтяжки, и, кроме ракушек и слизняков, угощал его карамелью. Сидя на песке, компания любовалась проплывающими мимо яхтами и пароходами. По вечерам много гуляли вдоль берега, а иногда и по апельсиновым садам, где под покровом темноты можно было поживиться фруктами. У ребят были карты, и Яшка выучился играть с американцами гораздо раньше, чем разговаривать. Играли на орехи, на ракушки, на щелчки. Иногда ребята уходили в город на неизвестный Яшке промысел. Но с

Яшкой всегда оставался один по жребью, не в качестве сторожа, а так, на всякий случай.

Все было бы хорошо, если бы не начались дожди. Американцы поднимались сумрачные по утрам и долго спорили, кому идти в город за продовольствием. Дело иногда доходило до драк. На Яшку обращали все меньше и меньше внимания, и однажды вечером он понял, что надоел ребятам. К этому времени он успел уже спеть им все русские песни, которые знал, и показать все штуки. Незнание языка лишило его возможности принимать участие в общих разговорах, и его начали просто не замечать. Американцы теперь часто уходили гулять без него, а один раз вовсе не явились ночевать. Они не пришли и на следующий день, и сидевший с Яшкой в пещере Боби Снуке начал как-то тревожно поглядывать на небо и на Яшку. Прошел еще один день, и вот Боби обратился к Яшке с длинной речью, из которой тот ровно ничего не понял.

Тогда Боби начал переводить свою речь на язык звуков и знаков, понятных людям всего мира. Он показывал пальцами идущие ноги, гудел, как паровоз, прыгал и стонал. Убедившись, что Яшка ничего не понимает и теперь, он нарисовал на камне план лагеря и одинокую фигурку, идущую к воротам. Яшка догадался, что Боби намекает на необходимость возвращения его в лагерь. Яшка сделал вид, что не понимает рисунка на камне, так как привольная жизнь в пещере его совершенно удовлетворяла.

На четвертый день

утром Боби решительно взял Яшку за руку, напялил на него новый картуз и повел по дорожке от океана, по направлению к шоссе. Яшка догадался, что Боби ведет его в лагерь. Но он не стал сопротивляться американцу, так как весь день накануне они ничего не ели, кроме слизняков. Конечно, Яшка представлял себе те наказания, которым он подвергнется за самовольную отлучку, но голод сделал его покорным.

У Боби не было ни гроша в кармане, и тот путь, который они в свое время проделали в полчаса на трамвае, теперь им пришлось мерить шагами по крайней мере три часа. Дорога была хорошая и веселая; по обе стороны ее тянулись сады, ограды и красивые каменные дома. Бесшумно проносились автомобили. Но Яшку все это теперь не занимало.

Они вышли на поле перед лагерем в тот час, когда ребята обыкновенно делали гимнастику и бегали по двору. Яшка уже рассчитывал услышать знакомые голоса за забором, и это его развеселило. Наказание наказанием, а приятно все-таки поговорить по — русски со своими после долгого, вынужденного молчания. Рассказать товарищам о том, как жилось в пещере, какого вкуса слизняки, и угостить Михайлова резиновой жвачкой, которая осталась в кармане.

Но все было тихо за оградой. Яшка решил, что ошибся во времени и что сейчас обедают. Это тоже было не плохо, голод за время ходьбы сильно увеличился. Боби и Яшка подошли к воротам, которые были почему-то открыты. Они вошли внутрь, на двор, и здесь увидели, что рабочие разбирают бараки и складывают доски в грузовики. Никаких ребят на дворе не было. Очевидно, протесты их возымели свое действие, и американцы отпустили колонию на родину. Поселок же просто уничтожился, как ни на что не нужный.

Боби Снукe прежде Яшки сообразил, в чем дело. Он тихо свистнул и не спеша вышел со двора. А когда Яшка повернулся и посмотрел в ворота, то увидел, что Боби со всех ног бежит по полю, в сторону полотна.

Этим, конечно, он хотел сказать без слов, что содружество их прекращается и что Яшка может проводить время в Америке по своему усмотрению.

Глава шестая В ПОГОНЕ ЗА ПОМОЩЬЮ

ДА, русская колония уехала из Сан-Франциско неизвестно куда, и Яшка остался один в Америке!

Эта мысль промелькнула в Яшкиной голове и подсказала ему, что теперь единственное его спасение заключается в Боби Снуксе. Он понял, что отстать от американца — значит, погибнуть. И он бросился вдогонку за Боби так, что воздух засвистел у него в ушах.

Яшка бежал долго, напрягая все свои силы, и Боби скоро понял, что избавиться от русского мальчишки при помощи одних только ног совершенно невозможно. Он остановился и скрестил на груди руки. Яшка обрадовался, полагая, что американец пожалел его. Но Боби просто решил отколотить Яшку, чтобы отбить у него всякую охоту играть в догонялки, когда его не просят.

Драка не была слишком долгой. Боби имел преимущества: он знал бокс. Яшка же дрался как обыкновенный крестьянский мальчишка, без толку махая кулаками и неистово крича. Вдобавок, он и не хотел причинить американцу боли. Только разгорячившись, в конце драки, он пошел «на бычка» и получил сильный удар по шее. Тут Яшка решил схитрить: он упал, будто от страшного удара, и закрыл глаза. Боби повернул его на спину и бросился бежать. А Яшка быстро поднялся и пустился вслед за ним.

Яшка гнался за Боби десять дней. Впоследствии ему казалось, что за это время он и выучился говорить по-английски. Стараясь разжалобить Боби, он припоминал все известные ему слова, составлял из них фразы и выкрикивал их вслед убегающему мальчишке. Иногда тот останавливался на минуту, отвечал что-то,

а потом опять пускался наутек. Желая избавиться от преследования, Боби прятался на пустырях и в покинутых постройках, но Яшка находил его и там. Выбившись из сил, американец усаживался на земле и сидел час или два без движения. Яшка опускался на землю рядом.

В общем силы их были равны, и Боби уставал одновременно с Яшкой. Денег у Боби не было, и это лишало его особых преимуществ. Он принужден был выискивать себе пропитание самыми простыми способами: собирал объедки и кукурузные зерна, попрошайничал на кухнях. И всякий раз кое-что перепадало Яшке.

К концу третьего дня ребята оказались на товарной станции, недалеко от города. Там Боби залез под вагон и довольно сносно устроился у передней оси. Яшка примостился у задней, перенимая все приемы американца. Первый раз в жизни Яшка оказался под катящимся вагоном и испытал ужас, ни с чем не сравнимый. Но он не упал на рельсы, главным образом потому, что боялся отстать от Боби.

Под утро Боби выскочил из-под вагона на какой-то станции и пошел спать в лесок. Яшка последовал за ним и растянулся на земле тут же. Он заснул настолько крепко, что, конечно, Боби мог бы уйти от него. Но они проснулись одновременно, и совместное путешествие их возобновилось.

Боби примирился с преследованием на пятый день к вечеру. Неожиданно он помог Яшке взобраться в темноте на вагонную площадку. Очевидно, к этому времени он окончательно убедился в том, что отделаться от Яшки все равно нельзя, как нельзя убежать от своей тени в солнечный день. Теперь он готов был уже видеть в Яшке равноправного путешественника,

который обладает всеми нужными в пути качествами и только одним недостатком: с ним нельзя понастоящему разговаривать. Впрочем, кое-что Яшка уже понимал и иногда даже отвечал Боби.

Так они ехали в поездах по ночам, а днем спали в оврагах и под мостами. Было очень жарко, леса кончились, и вдоль путей потянулись хлопковые поля, в большей части уже убранные. В воздухе летали тонкие кусочки ваты, и песок забивал глаза, нос и рот. Все чаще и чаще на станциях встречались негры и коричневые люди, которых Яшка принимал сначала за цыган, потом за индейцев и которые на самом деле оказались мексиканцами. Оба парня совсем не умывались в пути. Они побурели от пыли и вагонной смазки и сами стали похожи на негров. Последние два дня путешествия они ничего не ели.

На десятый день, ночью. Яшка и Боби сползли с крыши вагона на какой-то неведомой станции. Боби не стал искать места, где можно было бы заснуть. Он пошел к водокачке и, дождавшись рассвета, долго рассматривал буквы, написанные углем на стенке. Затем уверенным шагом пошел вдоль путей, свернул на дорожку между плантациями и, нарвав каких-то ягод на невысоком кустарнике, немного закусил. Яшка тоже поел ягод, вкусом похожих на сладкую рябину. Он ждал, что Боби ляжет спать под кусты, но американец двинулся дальше. Скоро Яшка увидел море вдалеке, и это его обрадовало. Он знал, что в здешних морях водятся съедобные слизняки и ракушки.

Когда море было совсем близко, Боби ускорил шаги, а потом вдруг бросился бежать. Яшка удивился, что он опять принялся за старые штуки, и припустился за ним следом. Но на этот раз Боби вовсе не хотел отделиться от Яшки. Дело заключалось в ином. У моря на

песке Яшка увидел всю компанию сан-францисских ребят. Они лежали у самой воды, покуривая трубочки.

Яшка закричал что-то радостное по-английски и бросился вперед, как будто возвращался к родной семье. Ребята поднялись с песка и приветствовали его ответными криками. Прибывшие выкупались в море и поели. После этого Боби в течение часа рассказывал длинную историю их путешествия. К своему изумлению, Яшка понял почти все. Потом ребята поздравляли Яшку с геройством, жали ему руки и катались вместе с ним по песку. Начиная с этого момента, Яшка ни разу не замечал желаний ребят отделаться от него каким бы то ни было образом.

Впоследствии Яшка узнал, что он, сам того не ведая, пересек Америку поперек, от Калифорнии до Техаса, на Мексиканском заливе. Такое путешествие ребят к теплому морю носило сезонный характер, как перелет птиц. На их языке это называлось «податься на юг».

Они проводили холодные месяцы в том местечке Соединенных штатов, где не бывает заморозков зимой, именно в южной равнине Техаса, рядом с Мексикой.

Глава седьмая СКИТАНИЯ ПО АМЕРИКЕ

В ЧИСЛЕ американских ребят был один — Чарли Ифкин, который больше других нравился Яшке. Именно Чарли еще в Калифорнии подарил ему новый картуз.

Это был черноглазый высокий паренек лет пятнадцати. Несомненно, он пристал к компании бродяг по какому-то недоразумению. Он любил больше работать, чем воровать и бездельничать. Каждый заработанный честным трудом цент казался ему привлекательнее дюжины украденных яиц. Кроме того Чарли любил в свободное время читать газеты, а в карты всегда проигрывал, так как не умел плутовать.

С первых же дней знакомства Яшка почувствовал к Чарли симпатию и в Техасе сделал все возможное, чтобы подружиться с ним. В декабре они были уже приятелями, и Чарли занялся с Яшкой обстоятельным изучением английского языка. Для этого, он, палкой писал буквы, слова и пословицы на мокром песке и заставлял Яшку все это выучивать на память. В январе они уже понимали друг друга, и это доставило Яшке огромное удовольствие. Наконец-то из бессловесного животного он превратился в человека! Правда, он не мог еще высказывать своих душевных мыслей, но простые его желания Чарли понимал.

Как-то Чарли растолковал Яшке, что цель его жизни сделаться работником на ферме. Яшка согласился с тем, что это дело стоящее. Потихоньку они стоворились весной отколоться от ребят и двинуться на север, в хлебные места. Там, конечно, нет моря и апельсинов, но зато нет и духоты; там хорошая пища,

и люди рассудительные и спокойные. Чарли не имел еще опыта по части работы на фермах, но кое-что знал. Так он сообщил Яшке, что для того, чтобы сделаться настоящим рабочим, необходимо купить одеяло. Хотя не шерстяное, а хлопковое, доллара за три-четыре.

Ребята начали копить деньги на одеяла. В ту пору жили они в окрестностях города Хьюстона и занимались упаковкой лука в ящики. Дело это было не трудное и давало заработок. Яшке оно нравилось еще потому, что не требовало знания английского языка.

Ближе к весне оба парнишка получили другую работу. Переселившийся с севера фермер решил за зиму заготовить кирпичи для постройки. Он купил старый пресс и принялся за работу. Но один справиться с делом он не мог. Надо было поднимать глину из глубокой ямы и смешивать ее с песком. Фермер рассчитал, что без посторонней помощи он не сумеет сделать нужных сорока тысяч кирпичей, и тут ему подвернулись ребята. Он им платил обоим как одному взрослому, а работать заставлял много. Но в общем зима для ребят прошла легко: морозов не было, солнце прекрасно подсушивало кирпичи, и заработок позволял прилично питаться.

В начале марта Чарли заявил, что пора сниматься с места. К этому времени ребята уже обзавелись одеялами, так что остановки ни за чем не было. Чарли и Яшка взяли расчет у фермера, простились с товарищами и двинулись на север.

Яшка уже умел ездить без билета по железным дорогам, да и Чарли относился к нему в пути лучше, чем Боби в свое время. Правда, одеяла мешали устраиваться под вагонами, но с этим надо было примириться: ведь они заменяли паспорт. По этим одеялам люди догадывались, что ребята не простые бродяги, а чест-

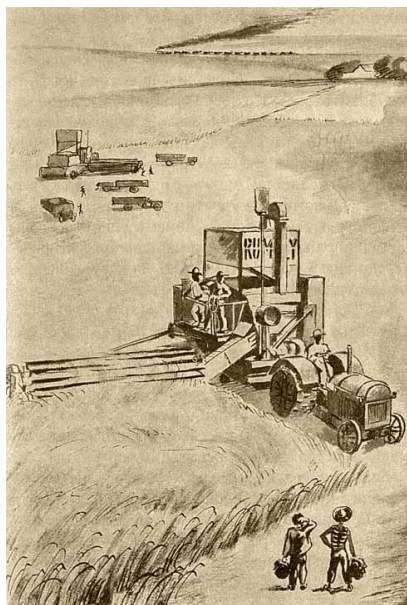
ные рабочие, которые пробираются поближе к пшеничным районам.

Без особых приключений Чарли и Яшка добрались до штата Канзаса и тут на одной из станций увидели замечательную машину комбайн, которая одновременно жнет хлеб, молотит и ссыпает зерно в мешки. Чарли объяснил Яшке, что работать на таких машинах такое удовольствие, и Яшка согласился с этим. Ребята долго рассматривали это, похожее на дом, чудовище, о существовании которого Яшка прежде и не подозревал.

Впрочем, ребятам в это лето не пришлось поработать на комбайне. Осенью им довелось только увидеть эту машину в работе. Теперь же никто не хотел им доверить даже трактора, да и сами они на этом не слишком настаивали. После долгих странствований пешком по фермам ребятам удалось устроиться только на скотный двор. Они нанялись на место умершего рабочего, причем опять согласились получать вдвоем столько же, сколько он получал один. Это было выгодно фермеру, так как, в общем, ребята могли сделать больше, чем один взрослый.

Работа оказалась невеселой. Чарли разносил корм сорока серым коровам, которые двумя рядами стояли в хлеву, хвостами к проходу. Яшка должен был подбирать навоз, грузить его в подвесную вагонетку и вывозить на двор.

Дойка коров производилась электричеством, при помощи особых трубок, по которым молоко текло прямо в подойники. Украсть хоть стаканчик молока было невозможно, так как хозяин во время дойки из хлева не отлучался, а коровы не позволяли доить себя руками. Ели коровы невероятно много и дышали ровно, как машины. В хлеву стояла тишина и очень кисло

пахло кукурузным силосом, которым Чарли наполнял кормушки.

Сначала коровы развлекали Яшку. Они напоминали ему Пеструшку, которую он когда-то погубил в овраге. Но потом он пришел к заключению, что американские коровы не похожи на русских. Они были больше, степеннее, все одного цвета, и мычали редко. Кроме того, уборки за ними было слишком много. Яшка начал

скупать в хлеву. Захотелось удрать с фермы. Чарли был готов поддержать Яшку, но оба они были уже настолько опытны, что не решались бросить работы, пока не могли рассчитывать на новую. Только осенью однажды утром Чарли сказал:

— Теперь, Джек, можно двигаться дальше. Сейчас на севере самая ягодная пора.

И Яшка ответил:

— Ол райт...

Что значит — ладно.

К этому времени Яшка довольно сносно понимал английский язык и даже выучился петь несколько американских песен.

Был уже сентябрь, и ребята, чтобы не терять времени, купили себе билеты и отправились в штат Вашингтон. Там в течение месяца они занимались уборкой разных ягод, а потом, когда ягодный сезон

кончился, стали работать по сбору яблок. Чтобы не поцарапать ногтями кожицу плодов, идущих на продажу в столицу, ребята работали в перчатках. В ноябре все яблоки были сорваны с деревьев и упакованы в ящики. Работы в штате Вашингтон больше не было, и Чарли предложил не спеша двинуться на юг, отдохнуть. На этот раз ехали без билетов, чтобы сберечь заработанные доллары на зиму.

В южном уголке Техаса Яшка и Чарли опять нашли старых знакомых, которые по-прежнему лежали на песке и жевали жвачку. Ребята встретили прибывших радостно, и очень удивлялись, что Яшка выучился говорить по-английски. Но безделье теперь уже тяготило Яшку и Чарли. Повалявшись с неделю на песке, они нанялись на работу к негру, который закладывал новую хлопковую плантацию, а ранней весной уехали на север, в земледельческие районы.

Второе лето прошло веселее и плодотворнее. Ребята возмужали, и им пришлось уже пахать, правда, на лошадях. Осенью они убрали кукурузу в штате Арканзас, а зимой вместо того, чтобы ехать к теплому морю, двинулись на север. На эту мысль их натолкнул рабочий, Том Боер, их новый знакомый. Каждую зиму он отправлялся на север, на лесные разработки. Он много рассказывал ребятам о работе в лесу и даже пообещал помочь в приискании заработка.

Север и юг, особенно зимой, совершенно не похожи друг на друга. Но ребята не слишком долго обдумывали предложение Боера. Им хотелось познакомиться с новым делом, да и заработки на севере были высокие. По приезде на место, в штат Миннесоту, Яшка увидел хороший снег, которого не видывал несколько лет. Он даже обрадовался ему, хотя этот прекрасный, блестящий снег потребовал теплой одежды. Почти все

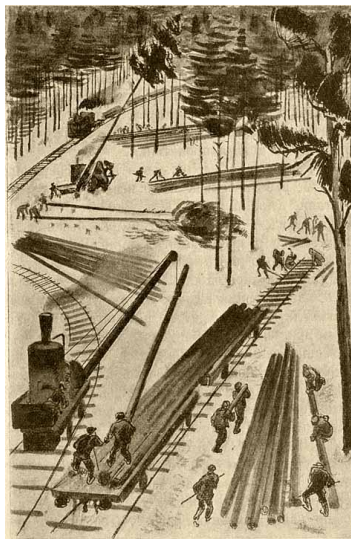

сбережения по-шли на покупку шерстяных чулок, свитеров и курток. В результате в карманы новой одежды нечего было положить: все деньги вышли.

В лесу рабочие жили в домах, построенных на вагонных колесах. Таким образом, не приходилось далеко

ходить на работу. По мере того как лес уничтожался, прокладывались рельсовые пути, и дома с рабочими катились вперед, все глубже и глубже заполняя в лесные дебри. Валились деревья при помощи особых переносных автоматических пил, которые резали деревья как масло. Маленький мотор фыркал и отплевывался, и сосны ложились на бок тихо и послушно. Затем лебедка железными цепями подтаскивала поваленный ствол к полотну, а кран укладывал бревно на платформу. Паровоз отвозил бревна на лесопилку, а потом возвращался за новыми.

Каждый день падали тысячи деревьев, и лес исчезал с совершенно непостижимой быстротой. Железнодорожный путь разветвлялся в разные стороны и был похож на огромную железную лапу, запущенную в волосы земли. К концу зимы лесная площадь совершенно облысела.

Ребята получали по два с половиной доллара в день за свою работу и отлично питались: фирма снабжала рабочих хорошими продуктами по нормальным ценам. Делалось это для того, чтобы рабочие не разбегались с голодухи, и не теряли времени на поиски пропитания.

К весне фирма свернула свои лесные операции, так как рубить больше было нечего. Ребят рассчитали:

Они простились с Томом Боером и отправились в небольшой городок, бывший по соседству с разработками. Там подновили свои костюмы, ходили в кино и отдохнули. А затем решили двинуться на юг. За зиму они познакомились с двигателями разных систем и теперь рассчитывали, что им удастся получить работу на ферме при машинах.

Яшка очень вырос и окреп за последний год, а когда надел новое пальто и шляпу, то стал похож на настоящего американца. Впервые этой весной он почувствовал, что крепко стал на землю Америки.

Так Яшка и Чарли сделали профессиональными уборочными рабочими. С течением времени у них завязались знакомства среди фермеров, и они уже знали, где в какую пору можно найти хорошую работу. Теперь они не хватались за первый попавшийся заработок, а торговались и запрашивали лишнего. С годами увеличивались их сила, сообразительность, ловкость и уменье. В этом отношении Яшка даже опере-

дил Чарли. Он выучился править десятком крупных лошадей сразу и умел пустить в ход любую машину. На-глаз он точно определял, сколько апельсинов в ящичке и сколько быков в загоне. Огромные элеваторы, бесконечные линейки шоссе, квадратные поля с гигантской кукурузой, машины, во всем заменяющие людей, — стали для него привычным зрелищем.

Русский деревенский мальчишка превратился в американца, смекалистого и расчетливого. Яшка Восьмеркин из деревни Починки сделался Джеком Осмеркинг. Он сам выбрал себе это имя и эту фамилию. Имя Джек, по его мнению, больше других американских имен было похоже на «Яков». Так он значился и в документе, который ему удалось выправить.

Два последних лета ребята работали на табачных плантациях в штате Вирджиния. Там они ухаживали за сигарным табаком, а осенью помогали фермеру сушить и вялить широкие пахучие листья. Там же они выучились крутить ладонями длинные почти черные сигары, которые славятся на всю Америку.

Но сами они этих сигар не курили. И этому была особая причина.

Глава восьмая ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

ДА, ЯШКА сделался настоящим американцем! Но он все еще немного помнил свою корову Пеструшку, из-за которой заливался слезами когда-то. Помнил и огород с укропом и репой, где можно было есть все, что захочется. Помнил свою телегу, пахнущую дегтем, и жеребенка, с которым он любил бороться.

Конечно, все шло у него хорошо с работой в Америке, но он никак не мог примириться с мыслью, что на всю жизнь останется батраком, уборочным рабочим. Первая же бумажка в десять долларов, отложенная на черный день, заставила его призадуматься. Тогда он скрыл свои думы от Чарли, но, отложив двадцать долларов, он не удержался и высказал приятелю свою задушевную мысль:

— А хорошо бы, Чарли, нам завести свою собственную ферму. Хоть самую маленькую, ну, скажем, в сорок акров.

— Но непременно с водой, — поддержал его Чарли. — Мы так и сделаем, Джек. Будем копить деньги. А когда соберется четыре тысячи долларов, арендуем ферму и заживем на славу.

Так определилась цель их жизни, обычная цель бродячего сельскохозяйственного рабочего, который, проводя десятки лет в скитаниях, не имеет возможности даже обзавестись семьей.

Чарли и Джек оба любили землю за то, что она производит массы ценных и вкусных вещей: сахар, сигары, персики, цветную капусту и пшеницу. На земле стоят дома и пасутся коровы. Земля без устали поглощала всю их молодую силу и щедро расплачивалась за это. Но скучно из года в год разбрасывать свой труд по

всем штатам и ничего не иметь, кроме стойких мозолей на руках и ногах. Бродяга скоро устает от постоянных переездов, ему хочется трудиться на одном месте и видеть, как дело его растет.

Ребята тут же подсчитали, когда именно они имеют возможность сделаться настоящими фермерами. По известным им примерам на это требовалась целая жизнь, вернее, две жизни. Только к пятидесяти годам, при самой строгой экономии, батрак мог рассчитывать сделаться арендатором. Умирая, он оставлял сыну клочок арендованной земли, и уже сын, трудясь всю жизнь, должен был выкупить ферму и сделаться собственником.

Все это было известно ребятам, но не пугало их.

Во-первых, потому, что их было двое, и таким образом сроки сокращались.

Во-вторых, они, как ребята, по молодости лет рассчитывали если не на чудо, то на удачу. Но и при этих условиях раньше десяти лет им нечего было и думать осесть на землю. Десять лет и были приняты Яшкой и Чарли как необходимый срок.

В десять лет из рабочих они должны были сделаться арендаторами. Чарли тут же составил план будущей фермы, где был и пруд, и огород, и фруктовый сад с яблонями и абрикосами. Во время своих скитаний они присматривались к фермерским домам и выбрали себе коттедж по вкусу: весь увитый виноградом, с красной крышей и большой террасой. В конюшне должны были стоять для начала две лошади, большие, светло-желтые, с белыми ногами. В сарае, кроме всех нужных машин, будет крытый автомобиль, прекрасный быстროход, на котором можно ездить в гости за сто километров. Вместе с фермой они приобретали ранние утра, росу на траве, жаркие дни, золотые до-

жди, и весь свод небесный, на которой так приятно смотреть после работы и улыбаться.

Ребята поклялись друг другу, что никогда не отступятся от своей мечты, и принялись копить деньги.

С этого момента жизнь стала серой и безрадостной. Приходилось отказывать себе во всем: в кино, в новых башмаках, в лакомствах. Оба решили ни в коем случае не курить, чтобы не создавать себе лишней потребности, хотя на плантациях можно было получать табак бесплатно. Была создана целая система экономии, учитывался каждый цент, и даже потеря пуговицы считалась несчастьем.

Все это, понятно, обесцвечивало жизнь. Но зато появились темы для постоянных разговоров и мечтаний. Детали фермы все яснее и яснее вырисовывались из глубины будущего времени. Даже сорта яблонь в саду были известны: Президент, Бербенк и Санта Роза. Придумывались клички собакам. Чарли составил ведомость постепенной покупки вещей, после того как земля и дом будут получены. В ведомость были записаны посуда, мебель, собаки, голуби, ружья и, наконец, автомобиль для прогулок. Часто Джек просыпался утром и говорил:

— Знаешь, Чарли, я во сне опять видел нашу ферму.

— Представь себе, я тоже.

И они обменивались рассказами, которые были похожи, как два яйца одной курицы.

Тогда же ребята завели особый мешок, в который отряхивали колосья пшеницы с самыми крупными зернами. В мешке было три отделения: для Манитобы, Дакоты и Маркиза, лучших сортов во всей Америке. Ребята решили, что когда-нибудь они высеют эти зерна на своей земле и получат отборную пшеницу,

которая будет гордостью их фермы. Часто в свободное время они проветривали зерна на одеяле, любовно пересыпали их из ладони в ладонь и отбрасывали мелкие. Мешок из года в год увеличивался в объеме, и качество зерен повышалось.

Гораздо хуже дело обстояло с денежными сбережениями.

Ребятам везло с работой, и оставаться безработными на целый сезон им не приходилось никогда. Но каждый год какой-нибудь непредвиденный случай поглощал значительную долю их сбережений.

Один раз Чарли загнал фермерскую лошадь, и хозяин через суд взыскал с него сто двадцать долларов. Пришлось заплатить, хотя эта сумма была сбережением чуть ли не целого года. В другой раз Джек упал с трактора и выбил себе зубы. Чарли не возражал против того, чтобы на вставку золотых зубов истратить восемьдесят долларов. Ведь невозможно же человеку жить без зубов!

Каждый раз после таких огромных, непредвиденных расходов ребята приходили в отчаяние. В один миг собственная ферма отодвигалась вдаль на лишний год или полгода. Джек не спал несколько ночей после этого, а если и засыпал, то ферма уже не снилась ему. Чарли же начинал придумывать разные способы более быстрого обогащения. Он предлагал, например, отправиться за золотом на Аляску или заняться торговлей в Чикаго. Но всякий раз Джек останавливал его. Ему казалось невозможным рисковать имеющимися у них долларами. И в конце концов Чарли соглашался с этим.

Но все же мысль американца все время работала в одном направлении: как бы ускорить накопление четырех тысяч долларов. Однажды он заявил Джеку,

что дело надо начинать с конца, то есть, прежде всего, купить автомобиль. Он тут же попытался доказать, что автомобиль даст возможность быстрее передвигаться и легче отыскивать работу в небольшом районе. Таким образом, они сэкономят на разъездах.

— Ты просто обалдел, Чарли! — закричал возмущенно Джек. — Ведь автомобиль стареет, а деньги, наоборот, приносят проценты. Рано или поздно придется выбросить машину, и у нас ничего не останется.

— Мы продадим ее, пока она еще будет ползать. Убыток потерпим небольшой. Кроме того, мы устроим жильё в каретке и будем там ночевать.

— Лучше и не заговаривай об этом. Я не позволю снять с текущего счета ни одного цента.

Расходы с текущего счета производились только по общему согласию, и Чарли принужден был покориться. Но спор об автомобиле возникал множество раз.

Однако Джек был непоколебим. Может быть, в нем говорил русский крестьянин, не привыкший верить машинам. Тем более, что в этот период на их текущем счету лежало всего двести пятьдесят долларов, хотя уже четыре года прошло с тех пор, как они начали копить.

— Нам придется работать еще не меньше пятнадцати лет, — говорил Джек, подсчитывая проценты. — Мы должны откладывать каждый год по триста долларов, а пока за четыре года накопили двести пятьдесят. Кроме того, мы не учитывали при составлении плана, что земля дорожает.

— Дальше пойдет быстрее, — успокаивал его Чарли. — Не забудь о сложных процентах. Ручаюсь тебе, что ферма у нас будет через восемь лет.

— Хорошо. Подождем восемь лет.

Теперь они экономили на всем, на жилье и на еде. Поэтому во время путешествий на север им приходилось ночевать под открытым небом. Их поливал дождь, а иногда, просыпаясь, они оказывались под простыню снега. Они грели друг друга, и утром Чарли шептал Джеку на ухо:

— Ничего, что холодно, Джек. У нас на ферме будет высокий камин из дикого камня. И прекрасные шерстяные одеяла. Тогда мы будем спать, как следует.

— Я это знаю лучше тебя, — отвечал Джек. — Но сегодня ночью мне снилось, что я улегся спать в леднике. Сколько, однако, у нас там стояло кувшинов с молоком!..

И продолжая разговор в том же духе, они забывали о холоде. Ведь каждый из них знал, что эта ночь под снегом превратилась в один доллар. Иными словами, момент приобретения фермы приблизился больше, чем на сутки.

* *

*

Джек заболел scarlatinной осенью, на плантации в Вирджинии, недалеко от города Петербурга. Он лежал в машинном сарае. Туда перевели его с чердака, где он жил до этого вместе с другими рабочими.

Чарли ухаживал за ним до тех пор, пока болезнь не приняла угрожающих форм. У Джека началась рвота, потом бред и страшная лихорадка. Был вызван доктор, который потребовал, чтобы больного немедленно перевезли в больницу. Иначе он не ручался за исход болезни.

Когда Джека положили в телегу, он соскочил с нее и хотел убежать. Но его поймали и силой уложили на солому. Чарли поехал вместе с ним. В пути Джек открыл глаза и начал слезно просить товарища повер-

нуть лошадь обратно. Он клялся, что выздоровеет через три дня и будет продолжать работу на плантации. Смешно снимать деньги с текущего счета, на такие пу-
стыки, как болезнь. Но Чарли невозмутимо погонял лошадь. Разволновавшийся Джек скоро потерял созна-
ние.

Когда Джек пришел в себя, он увидел, что нахо-
дится в чистой белой комнате, на прекрасной постели.
Рядом с ним на табуретке сидела женщина в белой
одежде.

— Сколько стоит эта комната в день? — спросил
Джек прежде всего.

— Четыре доллара, мистер Осмеркинг.

— Ох...

Джек страшно застонал и закрыл глаза. Он от-
крыл их только для того, чтобы взглядом подозвать
женщину.

— Сколько времени будет продолжаться моя бо-
лезнь?

— Недель шесть.

— А сколько дней в шести неделях?

— Сорок два.

Джек закрыл глаза и до вечера не сказал боль-
ше ни слова. Он пытался перемножить в уме доллары
на дни, и чудовищные цифры мелькали у него в голо-
ве. Эта были сотни, тысячи, миллионы долларов. Мил-
лионы множились и превращались в сплошной туман.
За этим туманом скрывались ферма, желтые лошади,
автомобиль и голуби.

Ночью он открыл глаза и с огромным усилием
воли произнес:

— Будьте добры перемножить четыре на сорок
два. Я не могу.

— Сто шестьдесят восемь.

«Сто шестьдесят восемь» прозвучало для Джека как смертный приговор.

Всю ночь он бредил этим числом и только под утро заснул.

* *

*

Чарли, положив Джека в больницу, решил остаться в городе, так как очень беспокоился за своего друга. Его не пускали в палату, и он целыми днями сидел в приемной, стараясь поймать хоть кого-нибудь, и разузнать последние новости о больном. Как-то утром сиделка сказала Джеку, что Чарли шлет ему привет. Джек разволновался. Ему казалось чистейшим безумием сидеть без дела в приемной, когда надо работать на плантации. Он упросил сиделку спуститься вниз и передать Чарли, чтобы тот отправлялся на ферму. Чарли послушался и уехал. Но работа на плантации скоро окончилась, и он, получив расчет, снова вернулся в город. Тогда Джек прислал ему приказание — немедленно ехать на север. Нечего сидеть сложа руки, когда проклятая скарлатина должна съесть чуть ли не все их сбережения.

Чарли уехал на север, а Джек начал поправляться. От спокойной и сытой жизни в больнице силы его быстро восстанавливались. Мало того, он почувствовал, что полнеет. Эта полнота прямо удручала Джека. Он понимал, что это их будущая ферма откладывается в его теле в виде жира, и страшно нервничал. Вместо того, чтобы спокойно сидеть в кресле, он ходил по комнате и стонал. Ведь каждый день в больнице снимал с их счета четыре доллара, целых четыре доллара!

Джека выпустили из больницы к тому времени, когда Чарли уже успел устроиться на севере. Он прислал подробное письмо с извещением, что местечко

найдется и для Джека. Перед отъездом Чарли оставил Джеку в больнице пятьдесят долларов и теперь просил, приятеля непременно ехать с билетом, чтобы не подвергать себя лишней опасности.

Но Джек и не подумал брать билета. Он решил, что в ближайшие полгода должен возместить всю сумму, потраченную на больницу. Именно с билета он и начал экономить.

Но все-таки он потерял много сил за время болезни. Только с большим трудом ему удалось пристроиться под вагоном и проехать один перегон. На остановке кондуктора погнались за ним, он побежал и упал. Его схватили и передали в руки полицейского.

Несмотря на просьбы и объяснения Джека, полицейский загнул ему руку на спину и повел в участок. В этом участке Джеку пришлось провести ночь, первый раз за время пребывания в Америке.

Утром судья выслушал полицейского и, узнав, что Джек русский, нашел в его преступлении признаки сопротивления полиции. Он приговорил Джека к штрафу в сто долларов, с заменой штрафа, в случае несостоятельности, арестом на месяц. Случай несостоятельности был налицо, и Джека отправили для отбывания наказания обратно в город Петербург, где он за день перед тем лежал в больнице.

Джек ехал в вагоне с полицейским и думал только об одном, как бы удрать. Но в пути это ему не удалось. В городе же думать о бегстве было уже невозможно: полицейский шагал рядом с ним, держа в кармане заряженный револьвер.

Этот путь в тюрьму был одним из горчайших моментов жизни Джека в Америке. Тюрьма казалась ему более страшной, чем больница. Правда, платить за нее не надо. Но он, окончательно выздоровевший, должен провести в ней тридцать суток под замком, вместе того чтобы работать! Иными словами, зимний сезон для него потерян.

Впервые по пути в петербургскую тюрьму Джек пришел к мысли, что собственной фермы у него никогда не будет. Жизнь устроена так, что даже самые законные мечтания встречают на своем пути непреодолимые препятствия. Джеку показалось даже, что он открыл новый экономический закон: цены на землю в Америке стояли такие, что уборочные рабочие не могут делаться хозяевами. А раз так, то гнаться за фермой — просто значит обманывать себя.

— Все кончено! — сказал Джек громко, когда ворота тюрьмы щелкнули за его спиной своими железными зубами.

И внутри его какой-то голос повторил:

— Да, конечно, Джек. Все кончено!

Глава девятая

ЧЕМУ МОЖНО НАУЧИТЬСЯ В ТЮРЬМЕ

ПО АМЕРИКАНСКИМ тюремным обычаям, Джеку остригли голову под три нуля, заставили его принять горячую ванну, и голышом, в одних башмаках, отправили в цейхгауз. Там ему была выдана полосатая арестантская одежда.

Во время всех этих процедур Джек держал бывшие у него пятьдесят долларов под языком. Он боялся, что у него отберут эти деньги. Но все прошло благополучно. Вслед за надзирателем Джек направился по коридору, к назначенной ему камере. Запирая за ним дверь, надзиратель сказал, что на сегодня он освобождается от работы. Но с завтрашнего дня он будет назначаться в наряд, вместе с остальными арестантами.

Камера, предоставленная Джеку, была не велика, с одним квадратным окошком на порядочной высоте. За время своих скитаний по Америке Джеку приходилось видеть помещения и похуже, поэтому он не испугался камеры. Вдобавок, там уже оказался один заключенный, так что и одиночества не предвиделось.

Когда Джек вошел, товарищ его по камере лежал на полу и разговаривал сам с собой. Они сейчас же познакомились. Арестант назвался Томасом Кроппером, безработным слесарем.

Кропперу было сорок лет, но на вид ему можно было дать и все пятьдесят. Его вымотала работа «рационализированных» заводах. Он кратко познакомил Джека с тюремными порядками, а потом деликатно поинтересовался, за какую провинность попал Джек в петербургскую тюрьму. Джек с полной искренностью

рассказал свою историю. В отплату за это Кроппер рассказал свою. Он был осужден на два месяца заключения за ночевку под открытым небом в черте города и попытку бежать от полиции.

После обмена биографическими справками заключенные заговорили на общие темы. И тут Джек увидел, что на свете бывают люди поумнее, чем он с Чарли. Тяжелая работа в полях и в лесу оставляла ребятам мало времени для чтения. Если им и приходилось читать, то только дешевые книги о сыщиках и золотоискателях. Кроппер был другого поля ягода. Он знал не только то, что печатается в газетах, но и то, чего там не печатается. Когда вечером, в первый день заключения, Джек рассказал ему о своем плане скопить деньги на ферму, Кроппер захохотал. Он смеялся долго, размахивая руками, а потом заявил, что в Америке честным путем этого сделать нельзя.

Джек начал с жаром доказывать, что можно, но Кроппер заткнул ему рот вопросом:

— Ну, скажите, сколько денег накопили вы оба за пять лет?

— Сейчас у нас пятьдесят долларов. Но иногда доходило до трехсот.

— Хорошо. Сейчас у вас пятьдесят долларов. А вам нужно четыре тысячи. Значит, вам придется еще попотеть четырехста лет.

Джек возразил на это, что им не везло все время, но в будущем непременно повезет. В ответ Кроппер насмешливо засвистел. Джек пригорюнился, так как, в сущности говоря, Кроппер повторил его собственные мысли. Ведь он сам, шагая по Петербургу с полицейским, пришел к заключению, что фермы у него не будет никогда.

Вдруг Кроппер опять громко засмеялся.

— Стойте, стойте, Джек! — заговорил он. — Ведь вы мне сказали в начале нашей беседы, что вы русский?

— Я и теперь от этого не отказываюсь.

— А ну, скажите мне что-нибудь по-русски.

— Дом, — сказал Джек. — Земля, вода, дождь, яблоки...

— Довольно, Джек. Я извиняюсь перед вами. Я совершенно упустил из виду ваше происхождение. Теперь я готов поверить вам, что ферма у вас будет гораздо раньше четырехсот лет.

— Почему вы теперь так думаете?

— Он еще спрашивает! Хорош русский, нечего сказать. Да разве вы не знаете, что в России была революция?

— Прекрасно знаю. Но что из этого следует?

— Очень многое, дружище. За каким чортом вам выбиваться из сил в Америке! Ведь вы же имеете возможность получить землю бесплатно, когда угодно...

— Землю? Бесплатно? Сорок акров с водой?

— Ну, конечно, что-нибудь в этом роде.

Джек никогда ничего не слышал о бесплатных фермах. Поэтому он близко подошел к Кропперу и испуганно спросил:

— Каким же образом можно получить бесплатную ферму?

— Да очень просто: после революции в России раздают землю задаром.

Джек недоверчиво покачал головой:

— Наверное какие-нибудь солончаки или пески?

— Да ничего подобного, жирнейший чернозем! Прямо как черная икра, которую в Нью-Йорк привозят с Волги и продают по двадцати долларов за жестянку. Намазывай на хлеб и ешь за обе щеки. В России почвы,

лучшие в мире. И пахотной земли там в десять раз больше, чем во всех наших штатах. Большевики передали все поля, все леса, все луга трудящемуся народу. Купить земли там нельзя, а кто хочет работать, просто подними руку. Ему сейчас же отведут участок, и пожалуйте в поле. Хо-хо... Вы думаете революция это шутка? Ошибаетесь. Ведь ее и устраивают только для того, чтобы жизнь стала легче нашему брату...

Эти слова Кроппера потрясли Джека. Он прервал разговор и лег. Час или два он пролежал с открытыми глазами, напряженно думая. Потом вдруг вскочил с койки и прошелся по камере. К этому времени Кроппер уже спал.

— Кроппер! — сказал Джек. — Кроппер, проснитесь.

— А? Что?

— Кроппер, сколько стоит проезд до России?

— Я думаю, что больше ста долларов. Но теперь из Нового Орлеана и Бостона везут тракторы и хлопок в русские порты. Если пристроиться на пароход, то на проезде можно даже кое-что заработать...

Джек сел на койку и начал что-то считать по пальцам. Немного погодя, окончательное решение созрело в нем: он должен немедленно ехать в Россию, получить там кусок земли, а потом выписать Чарли и начать такую работу, что небу станет жарко.

Кажется, в первый раз за все время пребывания в Америке Джек порадовался тому, что он русский. Он начал тихо шептать русские слова; оказалось, что он помнил почти все. И фразы у него составлялись. Да, конечно, он сумеет объяснить по-русски, что ему нужна земля, и сумеет доказать, что он русский и имеет право на землю. Больше думать было не о чем. Он едет в Россию, это решено!

* *

*

Месяц в тюрьме прошел для Джека, как самая страшная пытка. Дело не в том, что его заставляли работать в тюремных мастерских, вертеть в прачечной стиральную машину и мыть полы холодной водой. Все это он проделывал без особого отвращения. Пытка заключалась в том, что драгоценное время текло непроизводительно. Узнав, что в России можно бесплатно получить ферму, Джек лишился покоя. Ему все казалось, что он из-за месячной проволоочки может опоздать. А вдруг закон о земле будет отменен? Или введут какие-нибудь ограничения? И Джек сгорал от муки в тюрьме, бегал по камере, а когда засыпал, то стонал и плакал во сне.

Его уже теперь не удовлетворяли разговоры с Кроппером. У слесаря были только самые общие представления о русской революции. Он знал, что русские рабочие выгнали своих капиталистов вон из страны и образовали рабочее государство. Потом началась война со всем миром, русские победили, долго голодали, а теперь поправляются.

Джек напрягал память, желая увязать то, что он видел в России, с рассказами Кроппера. Он помнил, что война действительно была. На его глазах сгорела деревня Починки, и в огне погибла его семья. Он помнил, что во время проезда по Сибири на станциях стояли войска разных национальностей, и люди говорили о наступающих большевиках. Тогда он плохо разбирался во всем этом. Но теперь каждый клочок воспоминаний, подтверждавший слова Кроппера, вызывал в нем радость. Да, конечно, в России все именно так, как рассказывает слесарь!

Сибирь выплывала в его памяти, как огромная лесистая страна, где земли бесконечно много, а людей совсем мало. Вероятно, большевики и раздают сибирские земли. Надо ехать в Россию, и как можно скорей. Нельзя терять времени... Нельзя...

Но дни в тюрьме тянулись очень медленно, как серые коровы, выходящие из хлева на ферме в Канзасе. Не было сил, чтобы поторопить их. И Джек по вечерам прислонялся головой к стене и тихо выл от тоски, как волк, попавший в капкан.

Глава десятая

ДЖЕК КОНЧАЕТ РАБОТУ В АМЕРИКЕ

НО ВОТ месяц кончился.

Джек простился с Кроппером, которому оставалось отсидеть еще неделю. Слесарь дал ему свой адрес на отделение профессионального союза и просил непременно писать из России. Джек обещал.

В тот же вечер Джек отправился на север.

Он даже купил себе билет, так как рисковать ему теперь не хотелось. Был уже декабрь месяц, и Джек понимал, что именно зимой надо приехать в Россию, чтобы подготовиться к пахоте. Вот почему он ехал не только с билетом, но даже в скором поезде.

Чарли в это время переживал тяжелые дни. Он думал, что Джека нет больше в живых. Он телеграфировал в больницу, желая узнать, скоро ли выпишется его приятель. Из больницы ему ответили, что Джек давно выздоровел и уехал. Чарли и в голову не приходило, что Джек мог попасть в тюрьму. И он жил в тоске, отгоняя от себя мысль о смерти Джека. Но эта проклятая мысль по ночам лезла в голову и не давала Чарли спать.

Невеселый был этот месяц.

* *

*

Джек приехал на место работ Чарли днем, когда тот уже ушел в лес. Узнав, где именно работает Чарли, Джек отправился к нему прямо по лесу, по снегу. Пока он искал приятеля, время подошло к обеду. Но это не смущало Джека. Он рассчитал, что это даст возможность Чарли получить заработок за полдня.

Чарли обмерял бревна у рельсового пути, когда Джек его заметил.

— Эй, Чарли! — закричал он. — Кончай работу на сегодня.

— Джек, дружище... Значит, ты жив? Какого же ты чорта не написал ни словечка?

По серьезному и даже торжественному лицу Джека Чарли понял, что сейчас ему будет сообщена удивительная новость. Но такой новости он все-таки не ожидал. Еще бы! Ведь Джек подошел близко к нему и твердо сказал:

— Ну... Через месяц у нас будет своя ферма, бро-
дьяга!

При этом ударил его рукой в грудь.

Чарли присел от удара, от удивления, от востор-
га.

— Сорок акров с водой?

— Именно.

Чарли побледнел.

— Ты, конечно, шутишь, Джек?

— Нет.

— Что же ты делал этот месяц в таком случае? Говори. Ты нашел деньги? Да ну, говори же скорей, где ты был!

— Только в тюрьме, Чарли. Именно там я нашел то, что нам надо.

Вечером приятели решили, что Джек не будет заниматься на работу в лесу. Он употребит оставшиеся доллары на проезд до Бостона и оттуда с первым же пароходом отправится в Россию. Там получит землю, по возможности ближе к городу и шоссе. По получении земли сейчас же телеграфирует Чарли.

До присылки этой телеграммы Чарли продолжает работать в лесу и копить деньги. Затем он закупает все, что нужно для хозяйства в России, семена, мелкие инструменты, руководства и выезжает, не мед-

ля ни минуты. Если все произойдет именно так, можно будет поля засеять уже этой весной, а к осени снять урожай. Иными словами, собственная ферма у ребят будет через несколько недель.

Чарли был почти на год старше Джека, но он в многом ему подчинялся. Джек всегда рассуждал и действовал обстоятельнее, может быть потому, что провел свое раннее детство не в скитаниях, а среди расчетливых крестьян. Против нового проекта Джека Чарли не нашел никаких возражений. Он даже не обмолвился словечком о том, что их будущая ферма переносилась в другое полушарие, за тридевять земель. Чарли не обратил никакого внимания на эту мелочь. Ведь он прекрасно знал, что земля везде одна, и везде одинаковы яблоки, молоко и пшеница. Везде надо засучивать рукава повыше и работать до седьмого пота, чтобы снять урожай. А раз так, тоне все ли равно, в каком полушарии будет ферма!

Только перед самым прощанием Чарли спросил Джека:

— А ты не подведешь меня, дружище? Не забудешь обо мне, когда сделаешься самостоятельным фермером?

— Ты с ума сошел, Чарли, — ответил Джек. — Мало мы с тобой поработали вместе в Америке, что ли? Когда я забывал тебя?

— Но ведь Россия очень далеко, Джек. А ты не написал мне письма даже из Петербурга. Знай, если ты меня забудешь, я перестану верить в дружбу навсегда.

— О дружбе мы поговорим с тобой в России, старик, на собственной ферме, у камина. А пока пиши мне письма как можно чаще о своей работе. В тот же день, как я обоснуюсь, ты получишь адрес телеграфом.

Глава одиннадцатая НА РОДИНУ, ЗА ЗЕМЛЕЙ

ДЖЕК ПРИЕХАЛ в Бостон с одним намерением, — как можно скорей устроиться на пароход, идущий в Европу. Конечно, ему больше хотелось бы ехать без пересадок до какого-нибудь советского порта. Но он знал, что пароходы в СССР ходят не часто, а потому был готов помириться и на всяком другом суденышке, которое перетащило бы его через океан.

Джек потолкался в порту два дня и совершенно случайно узнал у шкипера, что в Нью-Йорке грузится хлопком пароход «Мэллоу» прямого рейса до Мурманска. Само собой разумеется, что в тот же день вечером Джек оказался в Нью-Йорке.

Отыскать нужный пароход Джек сумел легко. Гораздо сложнее было на него устроиться. До этого Джек ездил зайцем только на поездах, а потому име-

ющийся у него опыт здесь пригодиться не мог. Джек придумывал разные хитрости, чтобы попасть в трюм, но ничего не получалось. Только накануне отплытия он познакомился в кафе с тремя кочегарами с «Мэллоу» и тут же решил, что искренний рассказ о всей его жизни поможет ему. Он заказал кофе на четыре персоны и долго рассказывал кочегарам свою историю.

Расчет оказался правильным, — ребята заинтересовались Джеком. Особенно им понравилось в его рассказе то, что Джек русский и теперь пробирается на родину за землей. Посоветовавшись немного, они спросили, какими средствами он располагает. Узнав, что двадцатью долларами, они сообщили ему, что его дело в шляпе. Оказалось, что у кочегаров было несколько способов перевозки безбилетных пассажиров через океан.

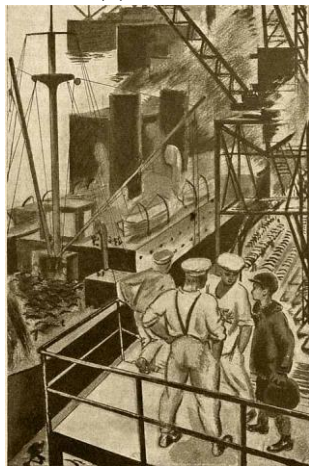
На этот раз было условлено, что к моменту отплытия парохода не явится Джон Клуб, кочегар с наростом на лице. Товарищи в последнюю минуту подсунут на его место Джека, как достойного заместителя. За это Джек должен передать Клубу двадцать долларов. Эти деньги кочегар употребит на удаление нароста с лица в хирургической лечебнице. При этом Клуб рассчитывал, что хирург выдаст ему удостоверение о сильной потере крови, и это поможет ему впоследствии оправдать свое неприбытие на пароход. Помимо этих двадцати долларов, Джек должен был передать Клубу через товарищей весь его заработок за время рейса. Таким образом Джеку предоставлялся за двадцать долларов проезд в одну сторону и питание.

С первых же дней работы в кочегарке парохода «Мэллоу» Джек понял, что Клуб, оставшийся на один рейс в Нью-Йорке, сделал хорошее дело. Кочегары работали в густой угольной пыли и в такой жаре, что во-

ду приходилось пить целыми ведрами. Вся эта вода сейчас же выходила в виде пота через поры кожи, и тело покрывалось липкой черной грязью. Работа продолжалась непрерывно четыре часа. Затем кочегары мылись под душем, закусывали и четыре часа отдыхали. Затем снова выходили на работу. После второй порции работы полагался отдых: двенадцать часов для сна.

Труд был настолько тяжел, что ни у кого не было охоты выходить на палубу. Таким образом за все время перехода Джек ни разу не видел океана. У него было впечатление, что он провалился в ад и там подвергается пыткам. К счастью, мучение в кочегарке не могло быть вечным. Но рейс все-таки затянулся гораздо дольше, чем следовало. «Мэллоу» был пароход старый и не очень спешил. Лишь на двадцатый день показались северные берега Европы. Температура на палубе сильно упала, но в кочегарке была прежняя жара. «Мэллоу» вошел в Кольскую губу в сумерки, которые, впрочем, зимой заменяют здесь день.

Джек без особого волнения увидел берега России. Его занимал только один вопрос: о земле. Волнение его несколько усилилось в тот момент, когда он спустился с парохода на деревянную пристань. Теперь, как он думал, половина дела была сделана.

Городок Мурманск поразил американцев своей бедностью, малолюдностью, разбросанностью построек. Но и на это Джек не обратил никакого внимания. Он ждал окон-

чания разгрузки парохода, чтобы дезертировать в последний момент, как это было принято.

За полчаса до отхода «Мэллоу» Джек спустился на пристань со своим мешком в руках и удалился в горы. Сидя на камне, над бухтой, он имел возможность слышать последние призывные гудки парохода, которые отчасти относились и к нему. Затем Джек видел, как пароход, сияя своими разноцветными огнями, тихо двинулся по заливу в сторону океана. Огни делались все туманнее и туманнее и наконец исчезли вдали.

А через два часа Джек уже сидел в поезде и ехал на юг.

Он ехал на этот раз с билетом, потому что порядки на советских железных дорогах и устройство нижних частей здешних вагонов были ему неизвестны. Да и мороз стоял порядочный. Ехал Джек прямо в Москву. Именно там, по его мнению, должны были находиться учреждения, бесплатно раздающие фермы.

С землей Джеку в Москве не повезло. Везде, куда он обращался, ему говорили, что он должен отправиться в свою деревню и добиваться земли там. Но он не хотел ехать за Волгу, денег на проезд не было. Да и считал, что деревня его давно сгорела.

Кроме того, Джек вообще начал сомневаться, что в России можно получить бесплатно ферму с водой.

Глава двенадцатая РЕДАКТОР НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

ДЖЕК КОНЧИЛ свою повесть и тяжело вздохнул.

Электрическая лампочка на столе теперь горела гораздо ярче, чем вечером, когда он начинал свой рассказ. Город спал, и накал лампы увеличился. В ярком свете лицо редактора казалось бледным и очень серьезным.

Вдруг где-то в конце коридора водопроводная труба загудела низко, как пароход «Мэллоу» в Кольском заливе.

— Так гудел американский пароход, — сказал Джек.

Редактор улыбнулся. Эта улыбка подбодрила Джека. Он спросил:

— Что вы думаете о моем деле?

— Что я думаю? Ты хорошо сделал, что возвратился домой. Ребята из петроградской колонии вернулись гораздо раньше тебя, вероятно, ничему не научившись. А ты не потратил даром времени в Америке. Такие люди нам действительно нужны. Кроппер не обманул тебя. Ты получишь кусок земли бесплатно и выпишешь своего Чарли.

— Да?

— Я несколько не сомневаюсь в этом. Но тебе придется, конечно, поехать за Волгу, в Починки.

— Но ведь сгорели они.

— Вряд ли. А если и сгорели, то их давно отстроили. Ты не помнишь, какой они были волости?

— Чижовской.

— Завтра наведем справку. А пока ложись спать. Ведь устал, небось?

— Угу.

— Ложись на диване. Можешь спать, сколько влезет. Я тебя будить не стану. Встанешь, вскипяти себе чаю. А пока давай спать.

— Угу.

Джеку вдруг показалось, что дело его немного поправилось. Длинный рассказ облегчил его.

Он улегся на диван и сейчас же заснул, как человек, сделавший свое дело.

Утром его разбудил звонок телефона.

Джек схватил трубку и услышал голос редактора:

— Алло! Джек, у меня есть новости для тебя. Я звонил в студенческое бюро, и мне обещали сегодня вечером прислать вузовца, который из одних мест с тобой. Понял? Так что в девять часов будь дома. А теперь можешь погулять по Москве. Там у меня на столе лежит рубль. Возьми его себе на обед. Ну, пока...

Джек повесил трубку и как-то испуганно улыбнулся. Нашелся человек из одних мест с ним! Не из Вирджинии и Канзаса, а из Починок, о которых он давно перестал думать. Кто же это такой?

Джек пил чай и все время старался решить, что принесет ему эта встреча. После чая он пошел бродить по городу. Он заходил в семенные магазины и там рассматривал семена люцерны, клевера, мака. Потом оказался на Мясницкой. Там переходил от витрины к витрине, смотрел жнейки и триеры и в некоторых магазинах даже брал каталоги.

Земли у него еще не было, но он не мог оставаться без дела.

Когда в девять часов вечера редактор вернулся домой, Джек сидел за столом. Перед ним на газете были насыпаны зерна отборной американской пшеницы.

Он внимательно рассматривал их и раскладывал кучками. Должно быть, это была окончательная сортировка семян перед посевом.

Джек не успел окончить этой операции, когда в передней раздались два звонка и редактор сам пошел отпирать. Через секунду дверь открылась, и на пороге появился длинный рябой парень, в полушубке и клетчатой кепке. Некоторое время он молча смотрел на Джека. Потом вдруг лицо его озарилось улыбкой, и он закричал гораздо громче, чем это полагается в комнате:

— Здорово, Яшка!

Джек не знал, что ему ответить на приветствие, и только поднялся с места, пристально глядя на парня.

И тут в чертах незнакомого лица ему почудилось вдруг что-то, похожее на забытый деревенский сон. Он не мог припомнить ни имени парня, ни избы, где тот жил в деревне Починки. Но язык его сам собой произнес слово, которое, вероятно, часто произносил в детстве:

— Миииш!

— В том-то ж и дело...

Ребята обнялись. Но Джек все еще не знал, кого именно он обнимает. Ему ясно было только одно, что это его деревенский товарищ, вытянувшийся, по крайней мере, вдвое.

— Миш, — сказал Джек, волнуясь и бледнея. — Что же наши Починки-то стоят?

— Ну да, стоят. Я там летом был.

— А как же пожар?

— Эво что вспомнил? О пожаре уж все позабыли. После него голод был. Давно все отстроились. И ваши отстроились.

— Наши? Кто наши?

— Кто? А мать-то твоя, Пелагея. Что ж ты без матери, что ли, родился?

— А разве она жива?

— Ну да, жива. И Катька, сестра, жива. Отца в бою убили, а они живы, здоровы. Только бедно живут, скажу я тебе.

Джек густо покраснел. Он даже не знал, о чем дальше спрашивать. Все его убеждения, все воспоминания противоречили сообщению Мишки. Так, значит, он ошибся тогда, во время пожара!.. И все эти года напрасно считал себя сиротой... Его мать жива... И сестра... Вот так штука!

От смущения Джек полез в карман и достал оттуда кусочек жевательной резины. Протянул Мишке. Но тот понюхал резинку и положил ее на стол.

— Мы этого не употребляем, — сказал он с усмешкой.

Затем начался длинный разговор, из которого выяснилось, что Мишкина фамилия Громов, и жил он прежде через пять домов от Восьмеркиных. Скоро после ухода белых он кончил школу в Чижках, а потом еще учился в городе. Там вошел в комсомол и за хорошие способности был командирован в Москву, в Тимирязевский институт. Сейчас учится на втором курсе. Летом ездил в Починки помогать отцу по хозяйству. Деревенские дела поправляются, но туго. Скотина слабая, наделы небольшие и нет машин. Мать Яшки без мужика бьется, едва сводит концы с концами.

— Меня-то она вспоминает? — спросил Джек.

— Нет, что ты! Думает, что ты давно помер. Да и мы все так думали.

Джек глубоко вздохнул, поднялся и ссыпал в мешок свою заветную пшеницу.

— Ну, прощай, Миш, — сказал он тихо. — Спасибо тебе за вести. А я пойду.

— Куда пойдешь?

— На вокзал. Сегодня домой поеду, в деревню.

— А деньги-то у тебя на билет есть?

— Нет денег. Да я и так проеду. Не такие концы без билетов делал.

Тут в разговор вмешался редактор. Он все время сидел молча за столом, лишь временами прислушиваясь к разговору.

— Это не дело, Джек, — сказал он. — У нас, в СССР, без билетов не путешествуют. Я дам тебе денег на проезд, но при одном условии.

— Ну?

— Как приедешь в деревню, сходи к учителю и грамоту вспомни хорошенько. Писать выучишься, осмотришь и пришли мне статейку. Выскажи свое соображение, как деревенские дела в кратчайший срок поправить можно. Понял? Селькором нашим будешь. Это тебе в дальнейшем пригодится. И газету я буду тебе бесплатно высылать. Идет?

— Да, идет.

— Вот держи два червонца. Можешь сегодня ехать, в двенадцать ночи. Только не забудь, статью непременно пришли.

* *

*

Мишка Громов проводил Джека на вокзал. Разъяснил ему, как идти со станции до Починок. Перечислил всех, кому кланяться.

— Эх, валенок-то у тебя нет! — сказал он сокрушенно. — Пропадешь ты в своих башмаках.

— Не пропаду, Миша. Я в таких башмаках всю Америку исходил, с юга на север. Неужели теперь в родных местах погибну?

Поезд пошел, и Джек улегся на верхней полке. Он думал, что быстро заснет, но со сном ничего не вышло. Что-то двигалось у него в груди, и лицо пылало.

Нельзя сказать, что весть о семье сильно его обрадовала. За время своей бродячей жизни он свыкся с мыслью, что остался один-одинешенек на земле. Он даже слабо представлял себе внешность матери. Еще меньше он помнил свою сестренку, которую оставил совсем маленькой. Известие о том, что они живы, даже несколько расстраивало его планы о самостоятельной ферме. Но, с другой стороны, он теперь понимал, что скитаниям его конец. Он знал, куда ему надо ехать и где работать.

Джек заснул только под утро, и, должно быть, от мыслей о деревне ему приснился пожар, выстрелы, крики. Мать тащила сундук из горящей избы. Корова Пеструшка жалобно мычала в глубине оврага.

Этот сон снился Джеку в Америке только в первые годы пребывания его там.

* *
*

Джек приехал на свою станцию поздно вечером. Именно с этой станции восемь лет назад он уехал в товарном вагоне с петроградскими ребятами.

Джек припомнил, что тогда поезд увез его в сторону Урала. Теперь он вернулся с противоположной стороны. Значит, за восемь лет он объехал вокруг земли. Да нельзя сказать все-таки, чтобы он очень спешил... Зато теперь он больше не будет медлить!

Поезд еще не остановился, когда Джек выпрыгнул на заснеженную платформу. Только один зеленоватый фонарь горел на высоком столбе. Не спрашивая никого о пути, Джек спустился по скользкой, обледенелой лестнице к дороге и пошел в темное поле.

Из объяснений Мишки и по своим собственным воспоминаниям он знал, что идти ему до Починок около семи километров, через село Чижи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ХОЗЯЙСТВО ПО-АМЕРИКАНСКИ

Глава первая
В РОДНОМ ДОМЕ

КТО-ТО ТИХО постучал в окно, раз, другой третий...

Пелагея Восьмеркина слезла с печки, зажгла спичку и подошла к окну. Но через маленькие стекла, запушенные снегом, ничего нельзя было разобрать. Пелагея решила, что стук ей послышался спросонок, и хотела уже лезть на печку. Но в это время постучали в дверь.

— Кать! — закричала Пелагея испуганно. — Кать! Да проснись ты, господи! Не слышишь разве? Ломятся. Дай сюда топор, наказание мое.

Катька соскочила с печки и схватила топор. Она не испугалась, решив, что это ребята балуются.

— Пустите! — донеслось со двора.

Пелагея перекрестилась.

— Кому бы это быть? Кто там?

— Отоприте!

— Свои все здесь. Уходи.

Тишина.

— Пустите, — снова раздалось со двора. — Холодно. Это я, сын ваш, Яков.

Пелагея вскрикнула и села на лавку. Зашептала тихо:

— Аминь, аминь, рассыпья.

Катька тоже испугалась и заревела. Быстро зажгла лампочку, все время всхлипывая и тяжело дыша. Со двора к стеклу прижалось лицо.

— Пустите, что ль?

— Яша, Яша... — зашептала Катька.

— Ведь покойничек ты, — сказала мать серьезно и тоскливо. — Как тебя пустить?

В окно сильно стукнули.

— Не покойник я! — донеслось со двора. — Я из Америки приехал на поезде. Пустите, все расскажу.

— Открыть, что ли, мать? — спросила Катька смелее.

— Не открывай, Катя, — ответила Пелагея умоляюще.

Но Катька уже вышла в сени и подняла щеколду. Послышались мужские шаги, и Джек Восьмеркин вошел в избу.

Он нисколько не был похож на покойника в своем картузе и бархатной куртке. Но и на Яшку он не был похож. Яшка ушел тогда босиком, без картуза, а теперь на пороге стоял человек в невиданной одежде, высокий и крепкий, в коричневых башмаках на толстой подошве. В руках у него был небольшой мешок из брезента. Он положил мешок на стол, снял с руки замшевую варежку о трех пальцах и сказал:

— Здравствуйте.

Подошел к Пеллагее и протянул руку.

Мать, все еще дрожа от страха, вытерла свою руку о юбку и сухо поздоровалась с сыном. Затем Джек поздоровался с Катькой и сел на лавку.

Пелагея, высокая и худая, с плоской грудью и выпуклым животом, стояла, прислонившись к печке. Она сложила на груди свои длинные руки, и смотрела на Яшку с недоверием и даже враждой.

— Не узнали? — спросил Джек и смущенно улыбнулся.

Золотые зубы сверкнули на мгновение.

— Нет, нет, нет! — вдруг закричала Пелагея. — Это не Яшка, не Яшка. У нашего золотых зубов не было, белые были. Уходи, уходи...

Катька поддавалась страху матери и прижалась к старухе, как маленькая девочка. Джек сидел на лавке, оглядывая избу и стараясь вызвать в себе какое-нибудь воспоминание детства, чтобы найти путь к сердцу женщин. Но перед ним мелькали только американские фермы, инкубаторы, ящики с апельсинами. Он совершенно позабыл родную деревню.

— Уходи, уходи, враг... — тихо повторяла мать.

И Катька шептала:

— Уходи, уходи...

— Уходи! — вдруг закричала Пелагея со страшной силой. — Уходи! Чего расселся, как барин? Сказано, уходи.

Джек поднялся, взял мешок.

— Завтра утром приду, — сказал он тихо. — Завтра примете. У соседей переночую.

— Так-то лучше будет! — закричала Пелагея облегченно. — Ступай к Капраловым. Там мужики есть.

Яшка пошел к двери. Но прежде чем выйти на улицу, он остановился на пороге и задал один вопрос, который смущал его все время в Америке:

— Пеструшка-то осталась жива? Ведь я ее тогда крепко-накрепко к кусту привязал.

— Яшенька! — закричала Пелагея не своим голосом и бросилась к сыну. — Пришла Пеструшка, на третий день пришла. Вырвала куст и пришла...

Вопрос о корове было первое, что напомнило старухе белобрысого мальчугана, который пропал во время пожара восемь лет назад. Теперь она уже несколько не сомневалась, что перед ней Яшка.

Она усадила Джека на лавку, сняла с него тяжелый картуз, посмотрела волосы, которые были еще белокуры и курчавы, заглянула в его глаза, которые оставались по-прежнему голубыми. Она гладила его по рукам и по лицу и в то же время обильно поливала его бархатную куртку, слезами.

— Катька! — сказала она, наплакавшись вдоволь. — Сходи к Капраловым, добейся, чтобы впустили. Займи у них сахару три куска и чаю щепотку. Скажи, что осенью отдадим, как бог свят. Только чтоб не приходили пока.

Катька ушла, а мать начала быстро ставить тусклый, помятый самоварчик. Джек в это время рассказывал ей свои приключения. Она ничего не понимала в его рассказах, но слушала и охала сокрушенно, по-матерински. Видимо, старуху занимала только одна мысль, и она высказала ее в тот момент, как Джек замолчал.

— Что ж ты к нам на-вовсе вернулся, или опять в Америку уплывешь?

— Не уеду, — ответил Джек. — Здесь работать буду.

— Денег-то привез с собой, хоть чуть-чуть?

И Пелагея уставилась на мешок, в котором по ее представлению могли быть только деньги.

— Нет, денег не привез.

— А в мешке что?

— Вот.

Джек развязал мешок и высыпал на стол немного пшеницы. Огромные зерна, круглые, как горох, потекли по столу. При свете лампочки они казались золотыми.

— Кукуруза, что ль?

— Нет, американская пшеница. Эта вот Дакота, это — Маркиз. А это, мать, Манитоба, лучший канадский сорт.

Пелагея опять глянула на мешок и сказала тихо:

— Сколько же ее здесь? От силы полпуда будет.

И опять заплакала у самовара, сокрушенно и тихо, так как стыдилась этих слез.

Джек в это время принялся осматривать избу. Он заглянул в каждый уголок, потрогал ногой мешки под лавкой. В избе пахло кисло, и бесчисленные тараканы шуршали за иконами и грязными картинками.

Все это очень не понравилось Джеку, но он смолчал, не желая огорчать мать.

Вернулась Катька, и на столе появились чай, хлеб, молоко и масло. Джек ел с аппетитом, лишь изредка задавая вопросы матери о том, сколько у нее земли и как она ведет хозяйство. Насчет земли Пелагея не могла ничего ответить. Она знала, сколько у нее кусков в поле, но размеров их не знала. Зато она с гордостью сообщила Джеку, что у нее есть корова, дочь Пеструшки, и еще годовалая телка; есть лошадь и шесть кур. Хлеба и картошки хватит и на посев, и на еду, если, конечно, ничего не случится. Обращаясь к Джеку на «вы», Пелагея спросила, занимался ли он сельским хозяйством в Америке. Джек, который уже рассказал ей об этом, принужден был повторить, в каком штате, что и когда он делал. Но Пелагея снова ничего не поняла: ее сбивали с толку трудные названия штатов.

Джеку постелили постель посреди избы на двух лавках, которые связали по ножкам вожжами. Мать отдала ему свою подушку и одеяло, сшитое из кусочков ситца. Сейчас же после чая Пелагея предложила Джеку лечь: ей казалось, что путь из Америки долг и очень утомителен. И Джек улегся на скрипучие лавки, хотя спать ему вовсе не хотелось.

Ему нужно было собраться с мыслями и наметить план дальнейшей деятельности. Ведь он, наконец, добрался до своей собственной фермы. Но как отличалась действительность от его надежд и мечтаний!

Рядом в хлеву петух вдруг захлопал крыльями и запел. Джек повернулся на другой бок и, решивши, что обо всем подумает завтра, заснул.

Глава вторая ЧЕТЫРНАДЦАТЬ АКРОВ

ДЖЕК ПРОСНУЛСЯ на другой день рано, но Пелагея встала еще раньше. К тому времени, когда Джек умылся и оделся, самовар уже стоял на столе, и корова была подоена. Джек напился чая с ситником и попросил сварить себе кашу. Пелагея сейчас же развела *таган* и принялась за стряпню. Джек сказал, что он может обойтись без чая по утрам, но хотел бы получать горячее молоко и кашу. Пелагея пообещала, хотя это ей не понравилось.

За столом все трое сидели молча. Джеку нечего было больше рассказывать, матери не о чем спрашивать. Поевши, Джек надел свою бархатную куртку и сказал:

— Теперь, мать, покажи мне твои поля и скотину.

Пелагея накинула полушубок, повязала голову платком и прежде всего повела сына в хлев, где стояли вместе лошадь, корова и телка. Джек как-то злобно засмеялся, увидевши лошадь, слабосильное существо, меньше всего похожее на помощника. Он велел вывести всю скотину на двор и начал внимательно ее осматривать. Немного побегал с лошадей, посмотрел ей в зубы, провел рукой по спине.

— Таких лошадей я не видал в Америке, — сказал он Катьке. — Скверная лошадь. Надо ее почистить.

Корова больше понравилась Джеку, но он нашел, что она дает слишком мало молока. Пелагея умоляющими глазами смотрела на Джека, а потом не выдержала и начала заступаться за скотину. Джек ничего не ответил и предложил матери идти осматри-

вать землю. Катька хотела увязаться с ними. Но Джек сказал строго:

— Можешь в поле не ходить. Лучше лошадь почисти.

Оказалось, что нет скребницы. Джек велел занять скребницу в деревне и показал Катьке, как надо с ней обращаться. После этого пошли смотреть землю.

Мать показала Джеку огород, который был расположен тут же, за избой. С одной стороны к огороду примыкало картофельное поле, около трети гектара. С другой — фруктовый сад, состоящий из десятка яблонь и нескольких ягодных кустов. Джек осмотрел каждую яблоню по отдельности, кустов смотреть не стал.

Потом мать и сын по степной дороге вышли за деревню в поле. Там Пелагея, сбиваясь и путаясь, объяснила Джеку, какую землю она считает своей. Джек мерил полосы шагами, — прямо по снегу. Результаты обмера записывал у себя на ладони химическим карандашом. Над каждой полоской он возился долго, разрывал снег и вытаскивал замерзлую землю. Мял комочки в пальцах и потом дул на них. Некоторые клал в карман. Наконец все земли в поле были осмотрены. Мать объяснила, что еще остается покос, но он находится далеко и идти туда не стоит. Но Джек попросил мать сходить с ним вместе и на покос.

На обратном пути Джек мерил шагами дорогу и не хотел разговаривать с матерью, чтобы не сбиться. Он молчал все время даже тогда, когда они шли по деревне. Пелагея говорила всем встречным, что сын к ней вернулся из Америки, и боязливо показывала на Джека пальцем. Люди лезли к Яшке здороваться. Но он только кивал головой и продолжал считать шаги.

В избу Восьмеркиных, когда вернулся Джек, уже собралось несколько парней, старых его приятелей. Все

они вспомнили Яшку и пришли засвидетельствовать ему свое почтение. Джек весело поздоровался с ребятами, и... пошла потеха. Парни не хотели называть себя по имени и требовали, чтобы Джек сам назвал их. Джек путался и выкрикивал имена невпопад. Это вызывало дикий хохот и веселье.

Изо всей компании только одного Джек назвал без ошибки: Ваську Капралова, соседа. Васька был старше Джека года на четыре, отслужил уже в Красной армии, в танковом дивизионе, и был женат; в избу он явился с ребенком на руках. Других ребят: Маршева, братьев Чурасовых Джек узнать не мог, несмотря на то, что они впереводку напоминали ему совместные похождения прежних лет и кричали обидчиво:

— Да будет тебе, Яшка, дурака ломать! Неужели у тебя в Америке память отшибло? В ночном-то в мешок еще вон его завязывали...

Тот, которого завязывали в мешок, был Сережкой Маршевым. Он тоже успел забыть, как его завязывали в мешок, но Яшку отлично помнил. Посмеявшись вдоволь, ребята открыли свои имена и фамилии и принялись рассказывать Джеку новости последних лет.

Из этих рассказов выяснилось, что Николка Чурасов одно лето работал в Нижнем на стройке, но работа в городе ему не понравилась, и теперь он закалялся ездить на отхожие промысла. Из города он привез с собой одноствольное ружье и в свободное время занимается охотой. Хозяйство ведет вместе с своим старшим братом Дмитрием.

Дмитрий Чурасов сидел тут же и, ласково улыбаясь, глядел на Джека. Ему не верилось, что, пока он с Николкой в Починках занимались своими делами, Яшка переплыл два раза океан и побывал в Америке.

Хуже всего дела шли у Сережки Маршева. На его руках осталась после смерти отца вся семья — восемь человек. Лошади у Маршева не было, и он считался первейшим бедняком в деревне.

Когда ребята рассказали Джеку о себе решительно все, Дмитрий Чурасов закричал:

— Довольно болтать, ребята. Теперь пусть Яков рассказывает. Ты американский-то язык понимаешь?

— Понимаю.

— А ну, скажи, как тебя в Америке звали? Нашему Яшка, а по-ихнему как будет?

— Джек.

— Ну вот, Жек, теперь ты рассказывай. Объясни нам прежде всего, хороши ли в Америке кони.

Джек обещал рассказать вечером все подробно, а пока сам стал спрашивать ребят, — велики ли доходы от земли, каковы цены на пшеницу и сколько кто сеет.

Капралов, увидя, что Яшка интересуется хозяйством, передал своего ребенка Катьке, подошел к Джеку и сказал весело:

— Вижу, Яш, что нам тебя только и не хватало. У нас тут идея есть блестящая, коммуны, конечно, организовать. Сейчас условия подходящие, можно и землю лишнюю получить и ссуду. Только вот народа необходимого нет. По уставу надо хоть пять человек собрать, а у нас всего четыре желающих: Чурасовы, я да Маршев. А потом, главное, коновода надо знаменитого, чтобы он как лев был или хоть как чорт. Как ты на это дело посмотришь? А?

Капралов думал, что Яшка сейчас же ухватится за предложение, но тот только усмехнулся:

— Ничего я в этом не понимаю, ребята. Дайте оглядеться, тогда поговорим. Нигде я в Америке ком-

мун не видал, — ни на севере, ни на юге.

— Ну, конечно, осмотришь, — сказал Капралов добродушно и опять взял ребенка на руки.

— Рассказывай, Жек! — закричал неистово Николка Чурасов.

И Джек начал рассказывать.

Он говорил о том, как сеют хлеб в Америке и как собирают жатву, какие высокие там дома, какие крупные лошади и как долго носятся башмаки на резиновой подошве. Он не забыл рассказать и про петербургскую тюрьму, и про кочегарку парохода «Мэллоу», на котором он приехал в СССР. Ребята спросили, какую пищу он ел в Америке, и он подробно описал пищу.

Во время Яшкиного рассказа в избу потихоньку начали собираться крестьяне со всей деревни. Сначала они усаживались на лавках, а потом прямо на полу. У некоторых из них были свои вопросы об Америке. Когда Джек умолк, хитрый мужик Бутылкин спросил:

— А правда, Яша, сказывают, что в Америке крестьянство все поголовно вверх ногами ходит?

— Этого не замечал.

— Как же ты самого главного не заметил? Столько лет прожил, а на ноги внимания не обратил.

Поднялся смех. Тут в избу начали лезть девки, Катькины подружки. Джеку пришлось показать свою куртку, башмаки, картуз. Его спрашивали, как будет по-американски «изба», «луна», «сахар». Просили петь американские песни, и Джек пел, пока не охрип.

Пелагея слушала внимательно все, что рассказывал Джек, и слезы текли по ее лицу. Ближе к ночи она стала делать знаки сыну, что пора выпроваживать народ. Джек понял сигналы и вдруг заявил, что привык в Америке рано ложиться спать и больше расска-

зывать не может. Составил лавки и велел Пелагее стелить постель. Но когда народ разошелся, он не лег, а сел за стол и принялся считать что-то на бумаге.

Он вычислил площади всех полосок земли и быстро сложил их. Еще раньше он предвидел, что результаты окажутся не блестящими. Но действительность превзошла все ожидания. Получилось четырнадцать акров земли, разбросанных на площади в четыре километра. Это вместо сорока акров в одном клине, как он мечтал с Чарли в Америке!

Пелагея и Катька уже давно спали на печке, а Джек все сидел за столом и думал: как вести хозяйство на таком ничтожном клочке земли, и что будет делать Чарли, если приедет? Положение казалось ему совершенно безвыходным.

Однако, должно быть, он все-таки придумал что-то. Утром, когда Пелагея проснулась доить корову, Джека в избе не было. Он ушел чуть свет, захватив с собой большой ломоть хлеба.

Поэтому Пелагея догадалась, что к обеду он не вернется.

Глава третья ИЗУЧЕНИЕ МЕСТНЫХ УСЛОВИЙ

ДЖЕК НЕ ПРИШЕЛ к обеду ни в этот день, ни на следующий. Пелагея не знала, что и подумать. Несколько раз она высылала Катьку посмотреть, не видно ли где Яшки. Но Яшки нигде не было, и по деревне пошли слухи, что он обратно махнул в Америку.

В действительности же дело обстояло гораздо проще.

Джек решил — познакомиться с крестьянами окрестных деревень и за один день ухитрился побывать и в Угрюмове, и в Степынине. Везде он заходил в избы и заводил длинные разговоры. Он спрашивал об утренниках, которые бывают в мае месяце, и об осенних заморозках. Интересовался даже тем, когда прилетают грачи и когда цветут яблони. Крестьяне отвечали ему толково, но разно. Ни один из них не мог дать Джеку сведений о температуре в градусах, а именно это было ему нужно в первую очередь. И он продолжал ходить из избы в избы, везде спрашивая одно и то же.

Из последней избы он вышел поздним вечером, так и не получивши сведений о температуре. Продолжать хождение дальше было нельзя: крестьяне укладывались спать. Джек и сам мечтал поскорее оказаться дома, но для этого надо было пройти восемь километров. А тут вдруг пошел снежок.

В поле Джек заметил, что снег усиливается. Ити стало трудно. Вдобавок, подул ветер, снег полетел косо, закружился, стал забиваться за воротник. Джек опустил наушники картуза и засунул поглубже руки в косые карманы. Он решил не сдаваться, не поворачивать назад. И скоро пожалел об этом.

Он шел уже около часа и по его расчетам должен был миновать село Чижи, но никакого жилья навстречу не попадалось. Снег не переставал. Уже трудно было нащупать дорогу. Джек остановился, потопал ногами и начал приглядываться во все стороны. Ему показалось, что он заблудился.

Было холодно, особенно ногам, и Джек вспомнил слова Мишки Громова: «пропадешь ты без валенок»... Да, конечно, нетрудно замерзнуть в поле, в такую пору. Надо скорее идти. Но куда?

Вдруг впереди за снегом послышалось конское ржанье. Джек побежал и скоро увидел, что совсем недалеко от него стояла лошадь, запряженная в сани. В сани намело целый сугроб снега, но легко было догадаться, что под этим сугробом лежит человек.

— Эй! — закричал Джек. — Вставай, замерзнешь...

И он принялся разбрасывать снег и толкать человека. Но тот вдруг закричал сердито:

— Не трожь, не трожь, разбойник! Отойди.

— Замерзнешь, — повторил Джек. — Ведь мороз, а ты спишь.

Человек сел в санях и начал протирать глаза.

— А ведь верно, мороз, — сказал он наконец добродушно. — Я думал, конь меня так довезет, а он стал. Охо-хо... Может ты меня от смерти даже спас. Ты откуда будешь-то?

— Из Починок.

— Ну, что ж, садись, подвезу.

Джек прыгнул в сани, человек закричал на лошадь. Лошадь пошла медленно, хоть была здоровая, не похожая на крестьянскую клячу. От человека сильно пахло спиртом. Он близко наклонился к Джеку и спросил по-приятельски:

— Ты что, не узнал меня, что ль?

— Не узнал.

— Скороходов я, Пал Палыч, из Чижей.

— И теперь не узнаю, — сказал Джек, растирая щеки. — Я только два дня как приехал.

— Да ведь меня и в других местах знают... Говорят, Пал Палыч, — умнейший человек! Ты откуда приехал-то?

— Из Америки, из Соединенных штатов.

— Ну, в штатах меня, конечно, не знают. Это нет. Я думал, ты здешний. Во, брат, жизнь-то какая у нас. Не американская. По ночам работать приходится, словно разбойнику. Торгую я помаленьку, понимаешь, а чтоб товарищи не заметили, все по ночам...

И Скороходов начал рассказывать, как он возил свинью на станцию и там продал ее городским за большие деньги.

— А хлеб-то у вас хорошо родится? — спросил Джек, желая повернуть разговор на интересующую его тему.

— Не, не! — закричал Скороходов. — Я хлеба и не сею. С ума еще не сошел. Это, брат, дело убыточное: урожаи маленькие, цены плохие. Сею, конечно, две полоски, чтоб в середняках числиться, а больше — ни-ни. Вот поживешь здесь, — увидишь, что на нашем хлебе не раскормишься.

Скороходов был пьян и болтал откровенно.

Джек решил расспросить его подробно обо всем, и задал еще несколько вопросов. Скороходов отвечал обстоятельно, но они не успели окончить беседы: въехали в Чижи. Скороходов остановил своего коня у избы, которая была не лучше остальных.

— Зайдем, что ль, чайку похлебать, — предложил он Джеку. — О делишках поговорим.

Джек согласился.

Они прошли холодные сени, такие же, как во всех крестьянских избах. Но комната, куда привел его Скороходов, была хорошо освещена и оклеена обоями. Сейчас же две молодых девки подали на стол самовар, баранки, мед.

За чаем Скороходов опять поднял разговор о том, что сеять хлеб убыточно. Джек высказал мысль, что прибыль должна быть, если применять машины.

— Во, сказал! — захохотал Скороходов. — Какие такие машины? Поди, достань их. Никаких у нас машин нет, окромя вот образов. Помолимся Николаю угоднику и на урожай рассчитываем.

И он показал в передний угол, где висело много икон.

Затем Скороходов по пальцам пересчитал свое семейство: у него был сын и две дочери. Сына он выделил в отдельное хозяйство, чтоб налогов меньше платить. Но дело они вели сообща, друг другу помогали и лошадьми и руками. Сын Скороходова, Петр, мужик лет тридцати, присутствовал при чаепитии и участвовал в разговоре. Джек заметил, что говорит он мало, но мудро, и каждую фразу начинает словами: «дело в следующем».

После чая Скороходов выставил бутылку водки, свинину, селедку и соленых грибков. За водкой языки развязались, и Джек решил, что пришла пора задать вопрос о средней температуре. Скороходов опять начал хохотать.

— Не, брат, чего не знаю, того не знаю. Но если действительно температурой интересуешься, я тебе совет дам. Сходи в деревню Пичеево, к учителю. У него записи есть, я слышал. Он тебе все расскажет.

Разговор длился час с лишком. Наконец Джек зевнул.

Скороходов охнул:

— О-о-о-о, золота-то у тебя во рту сколько. Словно солнце разгрыз. Пару лошадей купить можно. Иль это не золото?

— Золото, — ответил Джек. — За эти зубы восемьдесят долларов заплачено.

— Дело в следующем, — вставил свое словечко Петр. — Проба то на зубках есть законная?

— Пробы нету.

— А на что она проба? — закричал Скороходов. — Видно, что золотые. Медные бы заржавели. Хорошая штука. Ну-ка, покажи. — Скороходов долго смотрел в рот Джеку и, видимо, проникся к нему уважением. Когда Джек начал прощаться, он заявил, что оставляет

его у себя ночевать. Вышел из комнаты, принес мешок дензнаков.

— Во, брат, сколько накопил за военный коммунизм, — сказал он сердито. — И все пропало. Теперь хочу потолок деньгами оклеить. Не верю в бумажки, только в золото верю. Ты это ловко придумал во рту золото прятать. Ну-ка, покажи зубы.

Джек опять открыл рот. Скороходов с удовольствием потрогал зубы пальцами.

— Сберкасса хорошая, — сказал Петр. — Из рта уже ни один мазурик не украдет.

Джеку постелили постель на перине, на лавках. На прощанье Скороходов пожал ему руку и сказал:

— Ну, спокойной ночи. Будем с тобой компанию водить. Может, и помощь какую окажу. Завтра утром еще побеседуем.

Завертываясь в одеяло, Джек думал о том, что приобрел нужное знакомство. Польза была уже налицо: он узнал, где можно получить справку о температуре в градусах. А затем Скороходов утвердил в нем убеждение, что от хлеба здесь не разбогатеешь.

* *

*

Семья Скороходова еще спала, когда утром Джек поднялся и вышел. Бодрым шагом он двинулся за пять километров в село Пичеево. Там попал в школу как раз на уроки. Когда занятия кончились, он переговорил с учителем и действительно получил от него все нужные сведения. Температуру в школе записывали каждый день уже три года.

Джек, видимо, понравился учителю. Он пригласил его обедать и много рассказывал ему о здешнем

климате, почвах и осадках. После обеда вдруг произошло чудо: Джек взял у учителя махорки, свернул козью ножку и закурил. Но махорка ему, должно быть, не понравилась, он скоро потушил огонек. Учитель начал его спрашивать об Америке, и они проболтали до ночи. Джек попросил разрешения остаться переночевать в школе. Учитель позволил, и Джек лег на двух партах.

Утром, еще до прихода ребят, Джек простился с учителем, узнал кратчайшую дорогу до Починок и направился домой.

Он шел быстро по дороге, напевая американские песни, улыбался и махал руками. Видно было по всему, что изучение местных условий он считал уже законченным и план будущего хозяйства был ему ясен.

В Чижках Джек зашел на минуту к Скороходову, поблагодарил его за гостеприимство и попросил покурить. Получив щепотку махорки, он свернул папироску и затянулся два раза.

А когда вышел в поле, бросил папироску в снег.

Глава четвертая

ДЖЕК ПРИНИМАЕТСЯ ЗА РАБОТУ

ВЕРНУВШИСЬ домой, Джек не стал объяснять матери, где пропадал два дня. Просто поздоровался и попросил разогреть щи. А сам пошел на картофельное поле и начал копать ямки в снегу. Из ямок выбирал землю и складывал ее в варежку. Варежку завязал и положил на окно. Потом прошел в хлев, вывел телку и стал ей зачем-то крутить хвост.

Мать и Катька смотрели на это издали. Наконец Пелагея не выдержала и подошла к сыну.

— Ты зачем телку-то лечишь? Ведь здорова она.

— Телку продать надо, — ответил Джек сквозь зубы. — И как можно дороже.

Пелагея к этому времени уже боялась Джека. Но тут она позвала Катьку, и они, обнявши телку, начали причитать и уговаривать Джека отказаться от пустой затеи. Они кричали на весь двор, что выпоили телку молоком, не спускали с нее глаз, и что вторая корова выведет их из бедности.

Джек выслушал все это молча, а потом, глядя матери в глаза, сказал:

— А все-таки мы ее продадим. Покупатели есть?

Мать ответила, что на такую телку покупатели найдутся всегда, и что каждый даст за нее сорок рублей.

— Двадцать долларов, — сказал Джек и усмехнулся. — Мало. Ну, иди за покупателями.

— Да на что тебе деньги? — допытывалась Пелагея, все еще держась за телку. — Ведь сказала я тебе, что хлеба до осени хватит.

— Дело не в хлебе, — ответил Джек неохотно. — Мне деньги нужны, чтоб купить семян.

Впервые в голову Пелагеи забрела мысль, что Яшка вернулся из Америки сумасшедшим. Она поняла бы его, пожалуй, если бы он пропил телку или на вырученные от продажи деньги купил сапоги. Но продать телку, чтоб купить каких-то неизвестных семян, может только сумасшедший. Пелагея попыталась еще раз подействовать на сына плачем. Но Яшка не поддался и крикнул так, что Пелагея почувствовала в нем хозяина.

Через полчаса Катька побежала за Сундучковым, который еще осенью приценился к телке. А через час телка была продана за сорок пять рублей.

Когда ее уводили со двора, мать и Катька ревели, как по покойнику. Пелагея даже готовить обеда не стала, махнула рукой и пошла к соседям жаловаться на несчастье. А Джек поел вчерашних щей, отрезал себе ломоть хлеба и сказал:

— Ну, Катя, я ухожу.

— Куда?

— В город.

И пошел по улице.

Катька побежала к соседям и рассказала матери, что Яшка со всеми деньгами уходит в город. Джек уже дошел до околицы, когда его догнала Пелагея.

— Яша! — сказала она тихо, глотая слезы. — Яша! Неужели навсегда от нас уходишь? Ведь не простился даже.

Пелагея произнесла эти слова жалостно, как мать, навсегда теряющая своего ребенка. Она не сомневалась в том, что Джек и продал-то телку для того только, чтобы получить деньги на обратный проезд до Америки.

Джек призадумался. Ему пришла в голову мысль, что, пожалуй, нет никакого смысла скрывать от матери свои планы. Он сел на толстое бревно, которое лежало у околицы, и сказал строго:

— Не реви, мать. Я вернусь послезавтра к вечеру. Мне надо побывать в городе, чтобы там все разузнать. Кроме того, мне нужны удобрения. Вероятно, придется подправить наше картофельное поле.

— Да ведь и без удобрения картошка родится, Яша.

— Мы, мать, не будем сеять картошки в этом году.

— А что же есть-то осенью? Без картошки не обойтись.

— Картошка у нас будет.

— Да где же возьмем-то ее, раз не посеем?

— Не догадываешься?

— Нет.

— Мы ее купим, мать.

— На какие деньги?

Яшка низко наклонился к матери. Прошептал:

— У нас будут деньги...

Пелагея вся передернулась.

— Откуда, Яша? Скажи ж ты мне, что задумал...

— Клянись, что ни один человек не узнает.

— Клянусь, Яша. Чтоб мои глаза лопнули.

И Пелагея закрестилась.

— Мы будем сеять...

Джек остановился. Нет, опасно говорить даже матери! По глупости она может проговориться соседям, и тогда весь план сорвется.

— Мы будем сеять американскую коноплю, мать, — сказал он громко и поднялся.

Пелагея еще долго сидела на бревне. Она виде-

ла, как Яшка мерным шагом удалялся от нее, не останавливаясь и не оглядываясь. Наконец он исчез вдаль. «Ну, какая будет помощь от сына, — горестно думала Пелагея, — раз он продал телку весной, а осенью собирается покупать картошку? За что послано такое наказание, за что?»

Пелагея поднялась с бревна и тихо побрела домой, стараясь не попадаться на глаза крестьянам. Ведь она не могла ответить на их вопросы, зачем продана телка — ее радость и надежда.

* *
*

Джек пришел на станцию за три минуты до отхода поезда. Он выбрал себе место в самом набитом вагоне и за время пути ухитрился завернуть несколько папиросок из чужой махорки. Махорка отчаянно драла горло, и, кажется, это больше всего нравилось Джеку. После каждой новой затяжки он веселел. Покуривая табачок он внимательно слушал мужиков и только изредка задавал вопросы.

В город Джек приехал в три часа. Тут же на вокзале он узнал адрес сельскохозяйственной лаборатории. Чтобы поспеть туда до конца занятий, он нанял извозчика за рубль. В лаборатории он просил срочно произвести анализ земли, взятой с огорода.

Потом пошел, не спеша, по городу, зашел в магазин и купил две пары носков и перемену белья. Из магазина направился в баню, а из бани прямо в кино. Шла картина из американской жизни «Конь серебряный», и Джек два раза просмотрел картину. Ночевал он в доме крестьянина.

На другой день с раннего утра Джек начал ходить по учреждениям. Побывал он на метеорологиче-

ской станции, в земельном отделе, на складе удобрений и только к концу служебного дня попал в лабораторию. Получив анализ земли, он вдруг страшно обрадовался, запел, выскочил на улицу и спросил у милиционера, где телеграф. До телеграфа бежал бегом. Всунул голову в телеграфное окошко и громко закричал:

— Можно дать телеграмму в Маргетт?

Пожилая телеграфистка надела очки, посмотрела на Джека и удивленно спросила:

— Где это, Маргетт?

— В Висконсине.

— Где это Висконсин?

— В Американских соединенных штатах.

Телеграфистка справилась в книге и ответила, что, конечно, телеграммы в Америку принимаются, но что она лично за двадцать семь лет службы никогда не отправляла депеш на такое большое расстояние.

На Джека это не произвело никакого впечатления. Он потребовал бланк и написал несколько строчек по-английски. Телеграфистка сосчитала слова и заявила, что телеграмма обойдется в шестнадцать рублей пятьдесят копеек. Не говоря ни слова, Джек отсчитал деньги.

Телеграмма, которую он послал, была следующего содержания:

«Send quickly ten grams North Virginia B».

Дальше следовал адрес Джека на Вик, в Чижи. Адресована телеграмма была в Маргетт, на лесные разработки Коллинза, Чарльзу Ифкин.

Джек хотел приписать к этой коротенькой телеграмме еще четыре слова: «раньше осени не увидимся». Но пораздумав, он этих слов не приписал. Они стоили три рубля, а за три рубля можно было купить градусник.

Эта телеграмма была первой весточкой, которую Джек послал Чарли о себе после приезда в СССР. Впрочем, по ней Чарли мог уже судить, что Джек укрепился на земле.

Джек вернулся в деревню вечером. Кроме градусника, он принес с собой пачку старых газет и кило серы. Велел матери на другой день готовить обед у соседей, а сам с помощью Катьки заклеил в избе щели

газетами. Утром запалил серу во всех углах, запер двери и тоже заклеил их газетами.

Сера горела целый день, и дым тонкими синими струйками пробивался через соломенную крышу. Вся деревня собралась смотреть на это невиданное зрелище. Говорили, что возможен пожар. Но никакого пожара не случилось. А когда к вечеру сера потухла в избе, Джек велел матери и Катьке мыть пол и стены горячей водой и выносить мертвых тараканов.

Тараканов и клопов вынесли целый котел. В избе пахло серой неделю. За эту неделю Джек остругал рубанком избу изнутри и сделал петли на окне, чтоб оно открывалось.

Кроме того, он вывез из хлева весь навоз на картофельное поле и в хлеву прорубил окно.

Глава пятая

ПЕРВАЯ ВЕСНА НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

НАСТУПИЛ март месяц.

Лучи солнца заметно окрепли, стали ярче и прямее. Они давили на снег в поле и огороде, и снег с каждым днем опускался все ниже и ниже, и, как оспой, покрывался мелкими хрустальными ямочками. Вокруг яблонь появились проталины. Вороны, распушив хвосты, завозились на деревьях: ломали тонкие веточки и спешно ремонтировали гнезда. В овраге, за картофельным полем, синицы зазвенели бубенчиками.

Целых два дня Джек с Катькой расчищали на огороде площадку. На носилках они перетаскивали снег в погреб и там утрамбовывали его ногами. Пелагея ничего не имела против того, что Яшка набил ей погреб. Но она не могла понять, зачем нужна ему площадка. А сам Джек не говорил ей об этом ни слова.

Он вообще сделался очень молчаливым за последнее время. С матерью и ребятами почти не разговаривал. Зато каждый вечер ходил в Чижи, в Вик, и там справлялся у секретаря, нет ли на его имя писем из Америки. Писем не было, и над Джеком подтрунивали в Вике. Вместо письма ему давали газету, которую редактор высылал аккуратно. Джек забирал газету и шел к Скороходову, где читал вслух все статьи, от начала и до конца.

В газете много писалось о деревенских делах. Там были сведения о том, где составила коммуна, где крестьяне сообща купили сепаратор или перевели коров в теплый хлев. Попадались заметки и о том, что в таком-то селе кулаки стреляли в селькора картечью. Заметки эти были составлены в грозном тоне, но Ско-

роходов почему-то всегда подмигивал и хохотал, а потом тут же принимался ругать кулаков.

Джека все эти новости интересовали мало. Он искал в газете справок о мировых ценах на пшеницу, об урожае в южном полушарии. Скороходов смеялся над ним и кричал, что это никому не нужно. Но Джек разъяснял, что урожаи в Австралии и Аргентине влияют на цены во всем мире. О мировых ценах в советской газете не писали, и Джек, прочитав всю газету до конца, оставался неудовлетворенным. Его беспокоила мысль, не случился бы в этом году кризис с зерном в Америке. Ведь это могло отразиться на летнем заработке Чарли.

Вся деревня теперь уже знала со слов Пелагеи, что Джек ходит в Вик за письмом из Америки и не получает его. Над Джеком потешались и ребята, и девки. Они не могли простить ему его молчаливости и того, что он водил компанию с Павлом Павловичем Скороходовым. Когда Яшка шел по деревне, редкий парень упускал случай, чтобы не закричать ему вдогонку:

— Эй, Яша, постой-ка: дело есть.

— Ну?

— Скажи, пожалуйста, какие новости в Америке? Почему там керосин, не знаешь? Письма-то, говорят, оттуда год идут...

Джек ничего не отвечал, морщился и шел дальше темнее тучи. Отсутствие вестей от Чарли его волновало.

А тем временем солнце топило последние остатки снега, и крестьяне повезли навоз на поля. Пелагея мучилась, что им нечем в этом году удобрить землю: ведь весь навоз лежал на картофельном поле, и Яшка запретил к нему прикасаться. Однажды она вздумала намекнуть сыну, что без удобрения у них по-

ля не родят. Может быть, в Америке сеют и без удобрения, но здесь нельзя никак.

В ответ Джек помолчал немного, а потом выпалил:

— Мы, мать, не будем сеять в этом году.

Пелагея ахнула:

— А где же хлеб возьмем?

— Известно где.

— Да где же, Яша?

— Купим, мать.

И тут же заявил, что у него есть план поменяться на год землей с соседями: отдать им три полоски в поле, а у них попросить картофельный клин за огородом.

После продажи телки Пелагея до смерти боялась Джека и чувствовала, что спорить с ним бесполезно. Но тут она начала говорить о том, что такая мена совершенно безрассудна. В трех полевых полосках земли было вдвое больше, чем в картофельном участке Капраловых. Джек выслушал мать и ответил, что не гонится за количеством земли, — важно только, чтоб она была поближе к дому. Пелагея глазом не успела моргнуть, как Яшка вместе с Васькой Капраловым стали шагами мерить картофельное поле и ударили по рукам. Капралов согласился на мену с великим удовольствием: выгода была ясна. Он даже обещал дать в придачу Восьмеркиным два мешка овса.

Яшка вернулся домой радостный и сообщил матери об удаче. Та в ответ только шмыгнула носом. А ночью, когда Джек спал, она разбудила Катьку и вывела ее в сени. Там они долго плакали над своей горькой долей. Катька утешала мать и говорила шепотом:

— Скажем ему завтра: пусть убирается в Америку, кобель. Пухнуть-то с голода больно неохота. Долж-

но быть, ему не приходилось голодать, вот он и шебаршит. Пусть проваливает к свиньям, мы и без него вспашем.

Мать была против таких крайних мер. Она только горько плакала и билась головой о стенку. Положение казалось ей безвыходным. Так она и заснула в сених, привалившись к углу.

Утром Катька попробовала уговорить Джека отказать от обмена землей. Сказала и об Америке. В ответ Джек только захохотал:

— Да разве сейчас в Америку можно ехать? Там пахота кончается. Поезжай ты сама, если хочешь.

И пошел закладывать лошадь.

Пелагея обрадовалась. Ей показалась, что Яшка образумился и все-таки повезет навоз на оставшиеся полевые полосы. Но Джек уехал из деревни порожняком и через полчаса вернулся с возом песка. Пелагея всполошилась, начала допытываться, зачем ему песок. Джек объяснил, что земля на картофельном поле тяжела и надо ее подправить. Пелагея даже слов не нашла, чтобы возразить на это. Ей было стыдно перед деревней: люди навоз в поле везут, а Яшка последнюю землю песком удобряет.

Когда слух о песке прошел по Починкам, никто не хотел верить. Но ребята бегали по дворам и божись, что сами видели, как Яшка свалил песок на картофельнике. Понемногу крестьяне начали собираться к избе Восьмеркиных — смотреть на песок. Песок действительно был насыпан желтым конусом посредине поля. А Яшка уже вез второй воз. Тут мужики его обступили и начали гоготать. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы к избе Восьмеркиных не подскакал мальчишка, верхом на лошади, без седла. Ло-

шадь вся была забрызгана грязью, — должно быть, парень гнал ее по дороге в галоп.

— Эй! — закричал мальчишка нахально. — Разойдись, народ! Яков Восьмеркин требуется.

Джек вышел вперед.

— Чего тебе?

— В Вик иди немедленно.

— Зачем?

— Секретное дело. Секретарь требует, чтоб шел ты немедленно.

Джек сказал Катьке:

— Распряги лошадь.

А сам пошел в избу, помыл руки, надел куртку и вышел на двор. Молча влез на лошадь, потом вдруг закричал что-то по-английски, ударил мерина каблуками под живот и поскакал по деревне так, что только брызги в разные стороны полетели.

Мужики с завалинок кричали ему вслед:

— Что больно быстро скачешь, Яша? Письмо из Америки получилось, что ль? Да ответь, христа-ради, ведь надо нам знать-то.

И хохотали на всю деревню.

Но на этот раз они не ошибались: в Вик, на имя Якова Восьмеркина, пришло десять писем из Америки.

Глава шестая

ДЖЕК ДЕЛАЕТСЯ ОГОРОДНИКОМ

СЕКРЕТАРЬ Волисполкома ждал прибытия Джека, сидя за столом, на котором рядком были разложены десять писем в солидных желтых конвертах. Раньше в Вик письма из Америки не приходили никогда, и потому событие это показалось секретарю значительным, из ряда вон выходящим.

Когда Джек вошел, секретарь попросил его сесть и потом торжественно вручил ему письма. Он поинтересовался, что нового пишут Джеку из Америки. Но Джек не стал вскрывать конвертов. Он сказал только, что американских новостей в письмах нет, а лежат там просто семена мака, которые он выписал из города Маргетта. В доказательство он потряс письмом у своего уха и у уха секретаря. Было ясно слышно, как в конверте пересыпаются семена.

Больше никаких объяснений Джек давать не стал. Он вышел на двор, уселся на мерина и поехал домой.

Джек побоялся вскрыть конверты в Вике, по двум причинам.

Во-первых, он от всех скрывал свою затею — посеять на картофельных участках первосортный американский табак. Ему казалось, что он сможет удачно сбыть этот табак лишь в том случае, если у него одного будет высший сигарный сорт. Это, во-первых. А во-вторых, он боялся, что вытряхнет несколько семечек из конверта, а каждое потерянное семечко, по его расчетам, причинило бы ему убыток в гривенник. Вот почему он не стал вскрывать писем и дорогой, хотя очень хотел скорей узнать, как живет Чарли.

Дома Джек расстелил на столе газету и вскрыл конверты один за другим. В каждом был пакет с одним граммом табачных семян. Джек знал, что в грамме — десять тысяч семечек. Таким образом он получил сто тысяч семян — количество, вполне достаточное для засева обоих картофельных участков.

В одном из конвертов оказалась записка:

«Милый Джек, я получил твою телеграмму и спешу выполнить поручение. Теперь жду от тебя подробных известий.

Судя по присланному адресу, ты получил ферму в хорошем месте, широта подходящая, я смотрел карту, и кажется плодородный район. Немедленно же вышли мне план и размеры участка и построек. Почему ты ни слова не пишешь о моем приезде? Послезавтра буду уже работать на юге, в Канзасе, у старика Крука. Значит, адрес тот же.

Сейчас очень спешу, поэтому пишу мало. Ты не стесняйся, телеграфируй мне, если надо будет приехать к сбору Вирджинии. Я уже накопил семьдесят пять долларов. Как приятно работать, теперь, когда цель близка!

Прощай, милый Джек, не забывай, что с твоим отъездом я совсем одинок, и только мысли о том, что мы скоро встретимся, утешают меня. Если мой приезд нужен сейчас, телеграфируй. Я брошу все и прилечу, как на крыльях.

Как хорошо, что ты уже получил землю! Летом я думаю заниматься русским языком.

*Твой до гроба,
Чарли Ифкин».*

Прочтя записку, Джек горестно улыбнулся. Если бы Чарли увидел, сколько земли он получил и в каком доме живет...

Джек представил себе разочарование, удивление и гнев американца. Конечно, выписывать его сейчас совершенно невозможно. Материнский участок слишком мал, чтобы прокормить четверых. А убрать три акра табаку можно и без Чарли. И Джек печально вздохнул, чувствуя, что обманул своего друга.

Пелагея и Катька, которые присутствовали при вскрытии писем, все время ждали, что из конвертов выпадут деньги. Они были очень огорчены, увидев только горку мельчайших семян, с которыми Джек обращался осторожно, как с ядом.

Джек не дал своим домашним никаких объяснений по поводу полученных семян. Пелагея обиженно утерла рот рукой, вздохнула шумно и принялась разогревать на загнетке щи. Молча поужинали и рано легли спать. Утро принесло Пелагее новые огорчения.

Джек потребовал от амбара ключ, осмотрел все запасы хлеба и заявил, что предполагает продать два мешка пшеницы. Пелагея заикнулась было о том, что все-таки хотели бы посеять немного, но Джек наморщил брови и велел подать мешки. Он насыпал их до краев, заложил лошадь и повез хлеб в Чижи. Делал он все это молча, как бы со злобой. Он всегда работал так: никогда не ругался, как покойный муж Пелагеи, но иногда выкрикивал такие непонятные слова, что сердце обливалось кровью.

На этот раз, уезжая с хлебом, он приказал Катьке выбрать с площадки на огороде все щепки и сучки и разбросать по ней песок ровным слоем.

Пелагея была зла на сына, но побоялась послушаться его и вместе с дочерью принялась за работу. К

тому времени, когда Джек вернулся, площадка была засыпана песком. Джек распряг лошадь и попросил сделать яичницу из пяти яиц. У Пелагеи только что начали нестись куры, и она рассчитывала продать яйца на станции. Ей было жалко целого пятка, но яичницу она все-таки сделала. Джек закусил с аппетитом, запряг лошадь и начал пахать площадку.

Земля была еще сыра, и плуг шел тяжело. Желтый песок, смешиваясь с черноземом, придавал участку смешной, полосатый вид. Джек перепахал участок вдоль и поперек и приказал Катьке разбивать железными граблями комья земли. А сам прямо от работы ушел в город, просто, как будто к соседям на минутку.

Что и говорить, работник он был замечательный и не сидел без дела! Он всегда находил работу не только себе, но и Катьке, и матери. Только Пелагею не утешало все это. Она не была уверена, что их постоянный труд когда-либо вознаградится. В ее сердце теперь все время кипела злоба против Яшки. И вся деревня была на ее стороне.

Мужики сердились на Яшку за то, что он ни с кем не советовался, как будто всегда работал в здешних местах. Этого мало, он многое делал сознательно, наперекор установившимся обычаям. Променял поле, продал телку, песок считал удобрением. Ходил быстрым шагом, почти бегом, и свистел на всю деревню неизвестные песни. Когда его спрашивали, что он будет сеять на картофельных участках, он всегда отвечал разное: то бобы, то подсолнухи, то мак. Но все понимали, что ничего подобного он на самом деле сеять не будет.

И ребята, товарищи Яшки, Капралов, Маршев, Чурасовы, махнули на него рукой. Он теперь не разговаривал с ними, как в первый вечер. Тогда ребятам по-

казалось, что в их полку прибыло, что Яшка вернулся из Америки настоящим молодцом, общественником. Но это только показалось ребятам. Яшка вдруг замолчал, и не было никакой возможности расшевелить его. Он даже никому не рассказывал, что нового в городе, хотя ездил туда часто и, казалось, без нужды. Приезжал, снимал картуз и принимался за работу.

Так и в этот раз: Джек вернулся со станции и прямо зашел к соседу Капралову попросить у него пилу-ножовку. Капралов пилу дал, не спрашивая, на что она нужна. Яшка пришел к себе в избу, положил на окно пакет с гвоздями и еще какой-то большой мягкий сверток. Потом вышел на двор и начал разбирать жерди.

Мать развернула мягкий сверток и ахнула. Там оказалась белая мануфактура, тонкая, как паутина, ни на что ненужная. Пелагея решила, что Яшку обманули в городе, но она побоялась сказать ему об обмане, а только потихоньку прикинула на руку, — сколько же он этого добра принес. Мануфактуры оказалось много, можно было всю избу кругом обернуть два раза. Пелагея потихоньку завернула сверток и вышла на двор. Там Яшка вместе с Катькой делали какие-то большие рамы из жердей. Пелагея крикнула:

— Кать, на что вы рамы делаете?

— Не знаю, — ответила Катька злобно. — Разве он, идол, скажет.

К вечеру Джек успел сделать не только рамы, но и пропахал еще раз участок бороздками, как под картошку. Велел матери занять лопатку у соседей, и все они, втроем, принялись делать чудные гряды, наклоненные в южную сторону. Снизу гряды подбивали навозом. Работали до темноты и выбились из сил. К ночи Джек развел самовар, ссыпал из конвертов та-

бачные семена в тряпку и обдал их теплой водой. Тряпку положил в махотку, махотку поставил на печку, запретил к ней прикасаться и лег спать.

На другой день с раннего утра опять принялись за гряды. Солнце припекало уже сильно, и жарко было работать. Мужики со всей деревни поехали в поле пахать под яровые. Только со двора Восьмеркиных никто не поехал. Вечером мужики, возвращаясь с пахоты, увидели, что Пелагея, Яшка и Катька все еще возятся на огороде. Мужики, смеясь, кричали:

— Что рано за огород принялись? Или приказ такой из Америки вышел?

Пелагея от стыда ушла в избу. За ней убежала Катька. Только на одного Джека крики не произвели никакого впечатления. Он даже головы не поднял, будто русского языка не понимал. Доделал гряды и высеял на них все семена из махотки. Потом наколотил на рамы белую мануфактуру и прикрыл рамами гряды, как будто холсты для просушки разложил. Вошел в избу веселый, и громко закричал:

— Ну, мать, поздравляю! Раньше всех посеяли.

Попросил поставить самовар, но пить чай не стал, а долго мылся горячей водой в сенях, как к большому празднику.

Глава седьмая СТРАДНАЯ ПОРА

ЯШКА так и не выехал в поле этой весной. Две полоски, что остались под овес и просо, ездила пахать Пелагея. Пахала рано утром, до зари, чтоб люди не срамили, что она при мужике пашет. Но как-то остановили ее мужики у околицы и стали расспрашивать, как она думает обойтись без пшеницы и картошки. Пелагея ничего не могла ответить. Тогда старик Сундучков, тот, что телку купил, стал ей советовать подать на Яшку жалобу в Вик и потребовать, чтоб его силой отправили в город, в больницу. Пелагея ничего не ответила и пошла домой.

Дома она увидела, что и Яшка, наконец, принялся за яровые.

По краям картофельного участка он сделал узкие полоски, удобрил их хорошо и начал сажать семена, что привез в мешке из Америки. Каждое зернышко сажал отдельно одно от другого, на определенном расстоянии. Но семян было так мало, что Пелагея сочла этот посев за баловство. Она подошла поближе, посмотрела и сказала:

— Ну, что ж, мешок соберем. А что с мешком делать: на пироги только...

Махнула рукой и подозвала Катьку. Отвела ее за яблоню и тихо сказала:

— Добрые люди советуют Яшку в больницу отправить.

Катька ответила:

— Не пойдет он, идол, в больницу. Пойдем лучше мы с тобой, мать, побираться, как в голодный год. Сошьем мешки и пойдем на той неделе. Наберем сухарей на зиму. А то по морозу трудно будет ходить.

Пелагея обняла Катьку, они сели под яблоню и начали шептаться. Обоих точила злость и обида. У людей радость — ждут урожая, а у них и родиться нечему. И ведь какая весна пропадает!

Весна действительно была в том году ранняя, теплая. Яблони цвели небывало пышно, так что от цветов не было видно веток. Белыми лепестками засыпали они сад.

На покатые грядки, что засеял Джек табаком, целый день жарило солнце, так что он иногда даже оставлял рамы на день. Как-то Пелагея шла в амбар мимо грядки и увидела, что Яшка поднял одну раму и смотрит. Пелагея зашла ему за спину и тоже глянула. И тут увидела она, что на грядке взошли чудные зеленя, ярче озими после дождя. Пелагее стало легче на сердце. Она перекрестилась и пошла по своему делу. Ей надо было зерно отвезти на мельницу для помола. Пока она запрягала лошадь, Яшка на четвереньках стоял перед грядками, как будто их пропалывал. Пелагея уехала на мельницу, а когда вернулась, то увидела толпу мужиков у своего двора. Она сейчас же догадалась, что опять Яшка чудачит.

Действительно, за время отсутствия матери он из жердей сделал переносную лестницу, поставил ее к яблоне и теперь обрывал завязи. Делал он это тщательно и медленно, внимательно присматриваясь к каждой веточке, как будто что ворожил.

Яшка работал на лестнице, а мужики стояли поодаль и гоготали, что вот нашелся в Починках человек, который деревья полет. Пелагее сделалось очень обидно, и она, не помня себя, вдруг закричала тонким голосом:

— Добрые люди, вы же видите... Помогите мне его связать и в город, и в город...

Мужики перестали смеяться. Некоторые из них даже подошли к лестнице. Раздались голоса:

— Слазь, Яков. Будет тебе мать мучить.

Яшка повернулся на лестнице, но не слез, а стал пространно объяснять, что в Америке всегда обрывают плохие завязи. Так яблоки получаются крупнее, и общим весом с яблони больше. Мужики слушали Яшку внимательно. А потом Бутылкин сказал Пелагее:

— Слышала? Чего же ты орешь, как зарезанная? Может, оно и правда так. Вот посмотрим, что осенью выйдет, а тогда на будущий год все на деревья полезем.

Пелагея ничего не поняла из объяснений Яшки. Вернее, поняла только одно: сын сел ей на шею, и нет ей против него никакой поддержки, даже от крестьянства.

Впервые в голову Пелагеи пришла мысль, что лучше было бы, если б Яшка помер или остался в Америке навсегда.

Жизнь для нее теперь сделалась сплошным мучением.

* *

*

В середине мая растеньица на грядках сильно подросли, и им стало тесно. Джек хорошо вспахал картофельные участки, прошелся и бороной, а потом опять плугом, — наделал борозд. Утром заявил, что надо приступать к высадке табачков в поле. Объяснил, как это делать, и заставил женщин взяться за работу.

И вот началась страдная пора, по сравнению с которой жатва показалась Пелагее праздником.

Табачки были мелкие, с булавку, и очень хрупкие. Рассаживать их было трудно, тем более, что Яшка работал тут же. Он сразу замечал все промахи и застав-

лял их исправлять.

В первый день все трое высадили четыре тысячи табачков. Со всем полем провозились десять дней. Джек вставал рано, в три часа, и сейчас же будил женщин. Работать было до того трудно, что к вечеру ныло все тело. Пелагея и Катька часто вспоминали, до чего легко и хорошо жилось им в прошлый год, когда Яшки не было. Сейчас спины у них болели, как будто раскололись.

За десять дней в поле было высажено шестьдесят тысяч посадков. Пелагея была рада концу работы, думала, что пришел отдых. Но оказалось, что надо еще таскать воду из колодца, поливать табак.

Колодец был далеко, и воду таскали ведрами целые сутки. Джек даже по ночам носил воду, все боялся, что табачки не примутся. Но они прижились хорошо, окрепли, и поле зазеленело.

Теперь уже все в Починках знали, что Яшка разводит американскую махорку. Затею эту считали пустяковой и невыгодной. Некоторые крестьяне сажали немного махорки у себя на огородах, а посадки покупали в городе. Но занимать под табак целое поле никому в голову не приходило, тем более, что Яшка принужден был ради этого отказаться от картошки и пшеницы. Катьку допрашивали девки, как она из табаку будет хлеб печь осенью. Девчонка сначала отшучивалась и крепилась, но как-то расплакалась перед всей деревней.

Начала просить:

— Девоньки милые, не трожьте меня, Христа ради. Я уже себе мешок сшила. Как пройдет покос, пойду в город сухари под окнами собирать.

И после этого не выходила гулять к девкам, а все больше дома сидела.

Глава восьмая

ДЖЕК ПОЛУЧАЕТ КРЕДИТ

ЗА ХОРОШЕЙ весной пришло лето, раскаленное, как жар в печи.

Собаки весь день дышали учащенно, золотая пыль стояла в воздухе, и по вечерам трава не покрывалась росой. Крестьяне начали беспокойно поглядывать на небо. Засуха была частой гостьей в тех местах, и последствия ее были всем хорошо известны. Говорили, что дождь нужен непременно, иначе погорят всходы.

На плантации у Джека тоже не все было благополучно. Его ковшичков с водой явно не хватало, и табачки опустили свои нежные листья. Джек без отдыха таскал ведра, но полить всего поля из колодца не мог. Труд его изнурял. Он похудел и плохо спал. Ночью во сне бормотал что-то, а один раз под утро вдруг закрычал:

— Горит... Горит...

Пелагея разбудила сына и спросила:

— Яша, Яша, что с тобой?

Джек дико ворочал глазами и ответил отрывисто:

— Табак мой горит, мать! Горит табак!

И опять повалился на постель.

Пелагея понимала, отчего Яшка мучится, но помочь сыну ничем не могла. Вместе с ним и Катькой она поливала поле и ясно видела, что втроем здесь ничего сделать нельзя.

Наконец Джек окончательно выбился из сил.

Как-то днем он бросил ведра, лег под яблони и долго лежал без движения. Потом энергично поднялся и вошел в избу.

Пелагея двинулась за ним следом и увидела, что Яшка выводит что-то углем на большом листе бумаги. Сама Пелагея была неграмотной, но писание сына почему-то показалось ей подозрительным. Она вышла в сени, подозвала Катьку и шепотком просила ее прочесть, что такое пишет Яшка.

Катька вошла в избу, побыла там недолго, потом выскочила бледная к матери. Закрыла глаза и сказала:

— Мама...

Дальше говорить не могла, залилась слезами.

— Что? — закричала Пелагея, видя, что пришла настоящая беда. — Говори, что?

— Мама... Он лошадь продать хочет. Написал: «Продается мерин пяти лет в избе у Восьмеркиных»...

Этого Пелагея вынести уже не могла. Она явилась в избу с громким протяжным воем, схватила бумагу, разорвала ее и без слез закричала:

— Ты что же, нас совсем по миру пустить хочешь, сынок? Один твой табак проклятый жевать будем осенью. Да я на тебя в суд подам...

Катька поддержала мать и даже плюнула Джеку в спину.

Джек побледнел, но сейчас же совершенно спокойно начал объяснять, что при огородном хозяйстве, которое они ведут, лошадь держать невыгодно. Если за все лето подвода понадобится несколько раз, то всегда можно нанять. И заплатить за это есть чем, — овес йосле мерина останется.

— Вон! — закричала Пелагея, не желая ничего слушать. — Вон... Чтобы духа твоего не было. Все равно не позволю мерина продавать. Он нами нажит, сынок дорогой, пока ты по Америке шлялся. Не твоя лошадка.

Джек тяжело вздохнул.

— Надо продать мерина, мать, — сказал он твердо. — Деньги нужны.

— На что, на что? Скажи, злодей, на что?

— Мать! — сказал Джек почти шопотом. — Разве не видишь, что на дворе делается? Засуха пришла. Надо колодец рыть на дворе завтра с утра. Иначе табак пропадет.

— И пусть пропадет... Пусть пропадет, проклятый.

— Молчи, мать. Ты знаешь, какой табак у меня растет на огороде? Настоящая Вирджиния, из нее сигары делают лучшие в мире. Их сам президент курит. Поняла? Нет? Так молчи. Здесь у меня табаку на пять тысячч...

Пелагея, услышавши о такой баснословной сумме, не успокоилась, а разозлилась еще больше. Она решила, что Яшка хочет обмануть ее. Велела Катьке сейчас же увести лошадь к Сундучковым, а сама продолжала кричать и даже нарочно разбила ухватом старый горшок.

Катька проскакала мимо окна на мерине. Джек выскочил на крыльцо и закричал, чтоб она его подождала. Но Катька подхлестнула лошадь и исчезла в пыли. Первый раз за все пребывание в деревне Яшка рассердился по-настоящему. Он хлопнул дверью так, что вся изба задрожала. Без картуза выскочил на улицу и пошел куда-то.

* *

*

Джек пришел в Чижи к своему приятелю Скороходову и попросил у него в долг сто рублей.

— О-о! — сказал Скороходов испуганно, и даже не захохотал, как всегда. — Что больно много?

— Засуха на дворе, — ответил Джек. — Колодец рыть надо. И бревно нужно на насос.

— О-о! — произнес Скороходов задумчиво. — Уж больно ты, Яша, шустер. Может, дождь еще пройдет, а уж ты прямо колодец. У нас ни у кого на дворах колодцев нет.

— Вот теперь будет.

— Так. А когда деньги отдашь?

— Осенью отдам. Как табак соберу, так и отдам.

— А почему я знаю, что ты отдашь? Ведь продать-то у вас нечего... Вот разве что: под твои зубы золотые одолжить. Больно они мне нравятся. Открой-ка рот.

Джек открыл рот. Скороходов пересчитал зубы.

— Ладно, — сказал он, садясь за стол. — Дам тебе по дружбе сотнягу. Только чтоб осенью сто пятьдесят отдать.

Джек заявил, что процент слишком большой. Торговались долго. Скороходов уступил десять рублей. — Джек подписал вексель на сто сорок. Немного подумав, Скороходов написал еще собственноручно:

Обязательство

Если осенью, по сбору табака, не удастся Паше Пальму Скороходову сто сорок рублей, то ничего не имею, если он выдерет у меня из-за рта клещами в присутствии свидетелей принадлежащие мне золотые зубы.

Яша Восмеркин

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

«Если осенью, по сбору табаку, не уплачу Пал Палычу Скороходову сто сорок рублей, то ничего не имею, ежели он выдерет у меня изо рта клещами в присутствии свидетелей принадлежащие мне золотые зубы».

Джек был принужден подписаться и под этой — бумажкой.

* *

*

Вечером того же дня два нанятых Джеком колодезника принялись за работу. Они выбрали место пониже, недалеко от оврага, и начали рыть землю. Работали день и ночь, и Яшка им помогал.

Вода оказалась глубоко, на шестом метре, но все-таки оказалась. Сначала шла желтая, как краска. Но осадили сруб, наладили насос, и пошла прозрачная, хоть пей.

Деревня разделилась надвое.

Одни говорили, что Яшка слишком поторопился с колодцем. Может, дожди еще пойдут, а он сто рублей в землю закопал. А другие твердили: «Вот это хозяин, так хозяин»...

А Джек сделал желоб к табачкам, и целый день качал воду. За день выкачивал всю, которая за ночь набиралась. Табачки подправились, начали поднимать листья. Джек повеселел и даже опять свистеть начал.

А тут вдруг дождь прошел, славный, боевой. Всю ночь шумел и бил крупными каплями по листьям. Напитал землю так, что поливка надолго была не нужна. Опять смех в Починках над Яшкой поднялся.

Но Джек считал, что он маху не дал. Прошел дождь — хорошо, не будет дождя — ничего. Он себя от засухи обеспечил. Ведь колодец остался при нем.

Значит, у него была теперь маленькая ферма с водой.

Глава девятая ТАИНСТВЕННЫЙ «РОБИНЗОН»

КАК-ТО после обеда Джек вышел на свою плантацию и вдруг почувствовал, что она ему не мила. Он долго не мог понять, в чем дело, но в конце концов догадался: это от усталости. Да, он устал, устал от всего; от тяжелой работы, от вечных ссор с матерью и сестрой, от неладов с крестьянами. И он в первый раз за все время пошел гулять, без дела, куда глаза глядят.

Но все у него выходило по-особому. Он пошел напрямик от огорода, без дороги, по полям и так шел целый час. Наконец устал, остановился у незнакомой березовой рощицы и вдруг запел во все горло свою любимую американскую песню:

*Мы гобо — бродяги,
упрямы, как турки.
Курим сигары,
но чаще — окурки.
Твидентли, твидентли, гой!
На запад, на запад, мой бой!*

Джек пел эту веселую песню громко, и она подбодрила его. Сразу стало как-то легче, словно случилось что-то приятное. И тут вдруг Джек разгадал и причину своей тоски: он совершенно одинок в деревне, кругом нет ни одного человека, который бы понял его планы и надежды. Раньше, за работой, Джек никогда не думал об этом, а теперь подумал и тяжело вздохнул. Вдруг пожалел самого себя, решил лечь на траву у рощицы и полежать с закрытыми глазами.

Он начал выбирать себе местечко получше и тут заметил, что на траве валяется книга в красном пере-

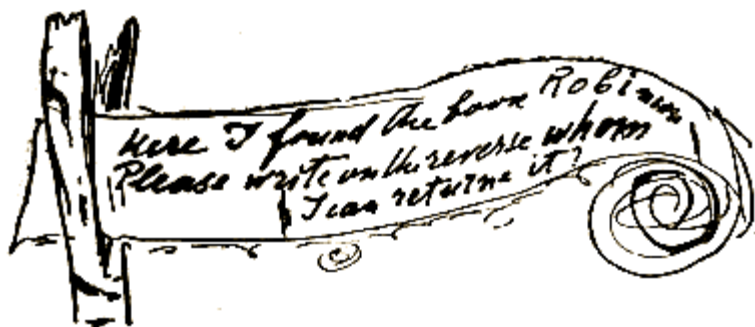
плете. Джек поднял ее и раскрыл на первой странице. Он даже вскрикнул от удивления, — книга была на английском языке: «Робинзон Крузо».

Джек сел на траву и начал проглядывать страницы. Ему очень приятно было читать по-английски, да еще такую интересную книгу. Раньше ему не приходилось читать «Робинзона». И он умилился при мысли, что судьба его, Джека Восьмеркина, несколько похожа на судьбу этого английского мореплавателя. Тот также строил свое хозяйство без посторонней помощи.

Джек читал с увлечением. Только через час он оторвался от книги и вспомнил, что интересно узнать, откуда «Робинзон» мог появиться в траве. Никакого ответа на этот вопрос нельзя было и придумать. Кругом безлюдье, где-то кукует кукушка, и жилья поблизости нет. Джек побродил вокруг места, где нашел книгу, но, кроме следов скота, ничего не заметил на траве. Тогда он вырезал из молодой березки кусочек бересты, полюбил его и написал химическим карандашом по-английски:

«Здесь я нашел книгу „Робинзон“. Сообщите на обороте, куда я могу вернуть ее».

Бересту Джек прикрепил к палочке, а палочку поставил на то место, где нашел книгу. Потом забрал «Робинзона» и бодро пошел домой.

Вечером после ужина он долго читал при свете лампы. Книга доставляла ему огромное удовольствие. Ему нравилось, как Робинзон вывел из одного зерна целое поле пшеницы, как приручал животных. Джеку сделалось даже весело. Ведь Робинзону приходилось тяжелее его, а он все-таки не унывал!

Джек дочитал книгу на другой день к вечеру, и у него появилось желание послать «Робинзона» Чарли. Наверное ему тоже понравится книга.

Он мысленно составил письмо к своему другу, которое начиналось так:

«Дорогой Чарли, я живу, как Робинзон, книгу о котором прилагаю».

Но тут Джек вспомнил, что Чарли ждет от него не описания жизни и не книги, а плана фермы. Стало стыдно, что он до сих пор ничего не написал американцу. Но что писать, что писать? Если послать ему план картофельных участков, то Чарли упадет духом. А если увеличить размеры участков в десять раз, то Чарли сейчас же приедет. Лучше уж он не будет посылать

Чарли ни письма, ни книги. Лучше остаться в печальном одиночестве. Или нет, найти хозяина «Робинзона» и с ним познакомиться! Наверное, это молодой, веселый парень, да еще знающий английский язык. Конечно, надо отыскать его и завести с ним компанию.

Но пока отыскивать хозяина книги не было времени. Надо было работать: табак подрос на плантации и требовал окучивания.

Джек ходил в Чижы, и там кузнец сделал ему из зуба бороны мотыгу. С этой мотыгой Джек целыми днями ползал по плантации, окучивая растения и делая длинную борозду. К этой работе он женщин не допускал. Один работал без-устали и только изредка поднимался, разминал спину, и, улыбаясь в небо, спрашивал сам себя по-английски:

— Чей же это «Робинзон»? Чей?

И он чувствовал, что мысль о каком-то неведомом хозяине «Робинзона» скрашивает его жизнь.

* *

*

Однажды под вечер на плантацию к Джеку пришли ребята, его старые товарищи. Они уселись в сторонке и долго смотрели, как работает Джек. Наконец Маршев закричал:

— Эй, Жек, поди сюда!.

— Некогда, — ответил Джек минут через пять после того, как его позвал Маршев.

— Поди, говорю. Ты нам нужен для обстоятельного разговора. Будем, что ль, коммуны образовывать? Сегодня утром инструктор приезжал в Чижы, говорил, что надо заявление о земле теперь же подавать.

Джек промолчал.

— Да ну, Яш, иди! — закричал Капралов. — Се-
меро одного не ждут.

Джек вдруг поднялся во весь рост.

— Чего вы ко мне, ребята, пристали? Сказал же
я вам, что некогда. Не знаю я никакой коммуны!

Ребята еще посидели немного на огороде, пого-
ворили вполголоса. Потом поднялись и пошли, ругая
Джека отборными словами. Только один, Николка Чу-
расов, ругаться не стал, а подошел поближе к Яшке и
сказал злобно:

— В кулаки хочешь выбиться, Яша? Ну, подо-
жди, мы тебе осенью покажем, что здесь не Америка.
Враг ты наш навсегда!

Этот Николка Чурасов был самый бедовый па-
рень во всей деревне. В летнее время ходил он без ру-
башки, только в одних трусиках, но всегда с ружьем.
Хозяйство вел вместе с братом, и у него оставалось
много свободного времени. Но он не знал, куда девать
это свободное время. Стрелял из ружья ястребов на
лету, а потом разносил их по дворам, чтобы бабы раз-
вешивали дохлых птиц на шестах. Любил говорить о
политике и на сходах ругал мужиков за темноту. Но
крестьяне его не уважали за то, что он ходит голый.
Думали, что это он от бедности жалеет рубашку, хотя
Николка часто объяснял, что он загорает для здоровья,
и советовал всем так ходить. Джек сначала пригляды-
вался к Николке, а потом решил, что проку от него ни-
какого не будет, и перестал обращать на него внима-
ние.

И сейчас он только усмехнулся и опять согнулся
над табаком. Так до темноты и провозился на огороде.

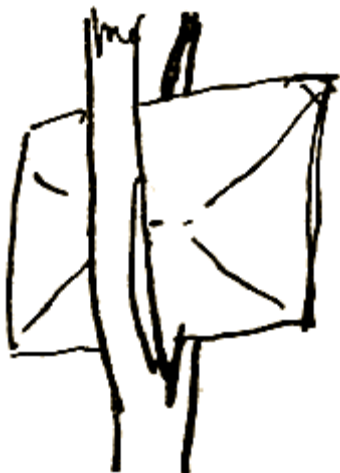
Только через неделю, когда все растения были
окучены, Джек решил, что теперь можно отдохнуть.
Под отдыхом он подразумевал прогулку к березовой

роще. Он надеялся, что, может быть, там уже есть ответ на его записку.

Сейчас же после обеда он попросил Катьку посмотреть за плантацией, а сам вышел за овраг и двинулся по прямой линии. Без особого труда он нашел местечко, где валялась книга, и издалека увидел свою палочку. В расщепе палочки, где раньше была береста, теперь торчало письмо в конверте. Письмецо, очевидно, было уже давно положено, роса его подмочила, бумага покоробилась, и чернила полиняли. Однако Джек сумел разобрать несколько строчек, написанных по-английски:

«Таинственный незнакомец! Если вы серьезно намереваетесь вернуть найденную вами книгу, идите на запад два километра. У большого дуба сверните направо. Входите в ворота и мимо теннисной площадки

пройдите к флигелю. Там вас встретят. Полевые библиотекари».

Джек с большим интересом прочел эту шуточную записку.

И хотя «Робинзона» у него с собой не было, он решил идти на запад и во что бы то ни стало отыскать сегодня же английскую полевую библиотеку.

Глава десятая НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

ДЖЕК ПРОШЕЛ ровно две тысячи шагов на запад и действительно оказался перед старым дубом. Он свернул направо и поднялся на горку, с которой началась дубовая аллея. Шагая по этой аллее, он уперся в открытые каменные ворота.

Джек вошел во двор и увидел перед собой развалины огромного дома. Должно быть, дом сгорел много лет назад. На его стенах выросли кусты бузины и крапивы, и зелень виднелась в квадратах его выбитых окон. Четыре каменных колонны без покрытия торчали как фабричные трубы. Налево от дома Джек увидел теннисную площадку, о которой говорилось в записке. На площадке два крестьянина, босиком, играли в теннис, причем, играя, они свободно перебрасывались принятыми в игре английскими терминами.

В стороне от площадки стоял довольно большой каменный флигель, за ним тянулись сараи. Перед флигелем какая-то тоненькая миловидная женщина с палкой кричала на мальчишку:

— Ты — негодяй, я не хочу с тобой разговаривать! Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не смел у Байрона волосы дергать. И ниток тебе давала... А ты все свое...

Увидевши Джека, женщина перестала кричать и запрыгала к нему на одной ножке. Обе ноги ее были забинтованы. Но, помогая себе палкой, она двигалась довольно быстро и была похожа на бабочку с подшибленным крылом.

Джек вежливо поклонился.

— Меня искушали осы, — сказала женщина смущенно. — Поэтому и ноги забинтованы. Но башмаки у

меня есть. Впрочем, может быть, вам это не интересно. Что вам угодно, собственно говоря?

Джек объяснил, что нашел в поле книгу, оставил об этом извещение на бересте и теперь получил пригласительную записку. Он даже протянул женщине письмецо. Она посмотрела на бумажку, засмеялась и сказала:

— Я не знаю английского. Это письмо написал мой брат Валентин, несколько дней тому назад. Он очень любит придумывать разные шутки, — скучает в деревне. А книгу потерял мой отец. Он гуляет в тех местах и вечно теряет что-нибудь. Заходите к нам.

И она запрыгала к флигелю, забралась на крыльцо и закричала в сторону тенниса:

— Толя, Валентин, чья сегодня очередь подавать самовар?

Но мужики на площадке продолжали играть с азартом. Женщина уселась на ступеньку террасы, и тут Джек разглядел, что волосы у нее разного цвета, — и белые, и желтые, и темные. Должно быть, выцвели на солнце.

Женщина подняла к Джеку лицо и заговорила:

— Вы, вероятно, никогда не

бывали в наших местах. Мы — прогоревшие помещики Кацауровы, и место это называется Кацауровка. Мой отец, вот что потерял книгу, — адмирал, он объехал на кораблях весь мир. Он очень умный, и у него есть печатные труды. Поэтому нас отсюда не выгнали, а оставили нам немного земли и этот флигель. А большой дом сгорел еще в семнадцатом году.

Затем женщина, все время смущаясь, начала рассказывать Джеку, как они ведут хозяйство. Оказалось, что старик-адмирал не просто гуляет у березовой рощи, а пасет там двух коров и телку. Братья работают в поле. Она, младшая в семье, Татьяна, ведет домашнее хозяйство, ухаживает за курами, выполняет множество различных дел.

— Вы обратите внимание, какие у меня руки жесткие, — сказала она и протянула руку.

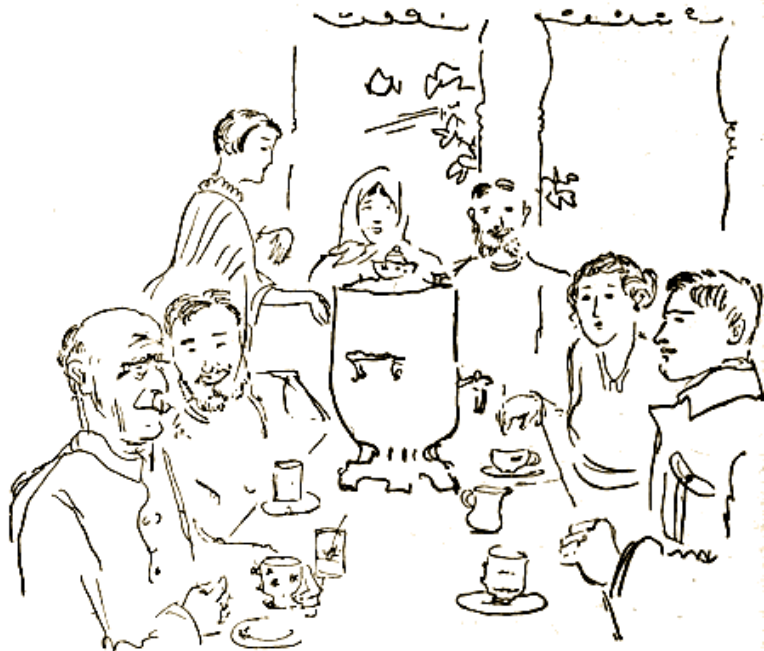
Рука действительно была как бы покрыта воском с ладони, а сверху шершавая.

Джек поинтересовался, как идет хозяйство. Татьяна ответила, что средне. Братья ненавидят землю, но ехать в город не решаются, боятся, что не найдут места. Да и отца бросить не хотят. Оба они образованные, учились еще до революции, а вот Татьяну революция застала девочкой, и она мало что знает. При пожаре до-

ма удалось спасти часть книг, но все они на иностранных языках. Братья и отец читают, а она ничего не понимает.

Татьяна вздохнула и тихо попросила:

— Принесите, голубчик, самовар из кухни. Сама я не могу, а они, вижу, заигрались.

Джек принес самовар на террасу. Татьяна заварил смородинный лист, вместо чая, и подала чашку Джеку. Чашка была с золотым дном, но без ручки. Татьяна придвинула молоко и вдруг спросила, — откуда собственно взялся Джек и почему знает он английский язык. При этом она посмотрела на него с любопытством, словно только что увидала.

Джек хотел уже рассказать ей свою историю, как за дверью раздалось пение:

Буденный наш братишка, с нами весь народ...

И на террасу вышел бритый старичок с красным лицом. Брови у него были пушистые и длинные, как усы. Одет он был во все белое. Джек понял, что это адмирал. Он поднялся со своего места, поклонился и сказал по-английски:

— Я нашел вашего «Робинзона» у березовой рощи и прочел с удовольствием. Только вот сейчас не захватил.

Адмирал посмотрел на него внимательно, засмеялся и ответил по-русски:

— Ничего, пусть у вас побудет. Совсем я постарел. Что ни возьму, то потеряю. Поверите ли, только один носовой платок остался. А насчет книг, если вы интересуетесь, мы можем вам еще дать. Откуда вы английский-то знаете?

Джек начал подробно рассказывать свои похождения. Во время его рассказа пришли бородатые и загорелые братья Кацауровы. Они молча поздоровались и уселись за стол. Потом еще пришли две женщины: одна — в капоте и с длинными ногтями, жена старшего брата Валентина, другая — деревенская баба, Дуня, жена младшего брата. Джек принял ее сначала за кухарку. Но она уселась за стол со всеми и больше других расспрашивала его о жизни в Америке.

Чай разливала Татьяна. Но сахар у каждого был свой, в отдельных стаканчиках. Джеку Татьяна клала из своего стаканчика. Когда разговоры об Америке кончились, братья Кацауровы, без всякого повода, начали подсмеиваться над Татьяной. Из их намеков Джек понял, что у Татьяны нет башмаков и она порезала себе ногу. Поэтому теперь и ходит в тряпках, а

осы здесь не при чем. Татьяна все время старалась перевести разговор на другую тему, к Джек думал, что вот-вот произойдет ссора.

После чая адмирал пошел показывать Джеку флигель, и Татьяна сзади прыгала со своей палочкой. Флигель был построен для гостей в старое время, с разными причудами. В первой комнате, столовой, был большой мраморный камин, теперь в нем лежали хомут и упряжь. У адмирала в кабинете был телефон наверх, в комнату Татьяны. Телефон был не электрический, а старинный, трубочный. С адмиралом иногда случались припадки удушья по ночам, и тогда он по телефону вызывал Татьяну. На стене у адмирала висела огромная карта всего мира с английскими надписями, на окне стоял большой глобус. На столе Джек заметил много исписанной бумаги, очевидно, старик что-то писал.

После кабинета посмотрели другие комнаты и даже поднялись наверх, в спальню Татьяны. Но братья в свои комнаты не пустили, сказали, что там у них беспорядок.

Потом пошли осматривать усадьбу.

Джек особенно интересовался коровником и конюшней. Коровник был светлый, каменный, на сорок коров, а помещались в нем теперь только две и телка. Конюшня была на двадцать лошадей, а стоял один мерин — «Байрон». В саду перед сгоревшим домом когда-то цвели розы и пионы. Но теперь все розы выродились в шиповник, а на пионах бутоны поели муравьи. Старый дом стоял, как развалины древнего храма, и Кацауровы боялись к нему подходить, говорили, что могут упасть колонны.

За старым домом начинался огромный фруктовый сад, но за деревьями никто, не ухаживал. Многие

из них раскололись пополам и лежали на земле. Все это не понравилось Джеку.

Потом смотрели круглый пруд. Адмирал называл пруд «океаном» и тут же рассказал Джеку, что копали океан еще при Александре I крепостными руками и на работу ушло пять лет. Посредине пруда был высокий остров, и на нем росли деревья. Раньше в этом пруду разводились золотые карпы, а теперь только лягушки кричали.

Джек ходил по Кацауровке, чмокал языком и все время думал о том, что хорошо бы привести имение в порядок и наладить в нем крупное молочное хозяйство. Но сказать этого адмиралу он не решился. Старик был убежден, что все идет хорошо и что они богатые люди. Когда стемнело, адмирал начал рассказывать, как раньше жилось в Кацауровке. Но до конца свой рассказ он не довел, махнул рукой и вдруг запел:

Буденный наш братишка с нами весь народ...

Татьяна закричала:

— Стоит ли старое вспоминать! Проживем и теперь, папочка.

Но Джек понял, что сказала это Татьяна для утешения отца и что живется сейчас в Кацауровке скверно.

Часов в десять вечера Джек, захватив с собой две английских книги, пошел домой. Прощаясь, помещики просили его заходить еще и сами обещали «нагрнуть» в Починки посмотреть плантацию.

Братья Кацауровы Джеку не понравились. Но адмирал и Татьяна были ему симпатичны. И он решил в ближайший же свободный день опять притти в Кацауровку, чтобы вернуть «Робинзона».

Глава одиннадцатая ДЖЕКОМ ЗАИНТЕРЕСОВЫВАЮТСЯ

НА ПЛАНТАЦИИ Джека табак бурно шел в рост: стояло жаркое лето, а поливка растениям была хорошая. В конце июля Джек обломал верхушки растений, и теперь листья быстро увеличивались и зрели. Они были уже широкие и длинные, с толстыми жилками, липкие, как бумага для мух.

Джек оставил порядочно кустиков и на семена; по его предположениям они должны были вызреть, цвели хорошо. Вокруг участка Джек построил забор из жердей и еще раз окучил растения, а Катька с Пелагеей выпололи сорную траву. Теперь плантация выглядит нарядно.

Хорошо шла и американская пшеница, особенно Манитоба. Каждое зерно дало целый кустик колосьев, и мужики приходили смотреть на нее чуть ли не каждый день. Похваливали, завидовали, говорили только, что мало.

Однажды перед избой Восьмеркиных остановилась телега, и из нее вышли три немца. Они сняли шляпы и попросили у Джека разрешения осмотреть плантацию: до них дошли слухи, что у него хорошо идет Вирджиния. Сами они сеяли легкие табаки, но других сортов, и каждым новым сортом интересовались.

Джек повел их на плантацию, и они внимательно оглядели каждый кустик, а потом долго говорили по-немецки. Наконец один из них подошел к Джеку и попросил у него семян Вирджинии на будущий год. Но Джек ответил, что продавать семян не будет, так как оставил только для себя.

Как-то под вечер в Починки пожаловал и сам Скороходов. Прежде всего он попросил Джека показать зубы, и когда увидел, что они в целости, повеселел. Обошел кругом плантацию, подивился пшенице. Потом осмотрел колодец, похлопал рукой по насосу и сказал:

— Моя водица.

Как бы между прочим, спросил, сколько табаку рассчитывает Джек снять с участка. Джек ответил, что около восьмисот кило. Скороходов наморщился, а потом ахнул:

— О-о! Что же кило-то стоит?

— Рублей семь, — ответил Джек. — Ведь табак будет высшего качества.

Скороходов задумался. Потом вдруг закричал:

— Что ж, это выходит, что ты слишком пять тысяч за лето заработал?

— Да ведь нас трое работало, — сказал Джек.

— Бабы не считаются, бабы не считаются! — закричал Скороходов и попросил поставить самоварчик.

Пока пили чай, Скороходов все похваливал Джека. Видно было, что у него есть какая-то затаенная мысль, но он высказать ее не решается. Так ничего и не сказал. Поблагодарил за чай, надел картуз и уехал.

Не успел Джек проводить Скороходова, как на плантацию явились Кацауровы.

Джек уже успел подружиться с ними и часто по вечерам ходил в Кацауровку. Там разговаривал по-английски — с адмиралом и рассказывал Татьяне, как американцы выводят цыплят в инкубаторах и как доят коров электричеством. Татьяна любила сельское хозяйство и всем этим интересовалась, может быть, потому, что ничего кроме кур и коров не знала. Но Джек видел, что дела в Кацауровке идут из рук вон плохо.

Работают только двое — Татьяна и Дуня, жена младшего брата. Адмирал был стар, а братья только и делали, что играли в теннис. Во время покоса вдруг вспомнили о шахматах, взяли с собой доску в поле и целый день играли под кустами. А Татьяна и Дуня ворошили и убирали сено. Все это Джеку очень не нравилось, но Татьяна никогда не жаловалась ему, наоборот, говорила, что все идет хорошо.

Посмотреть табак явилось все семейство Кацауровых. Даже адмирал, опираясь на палочку, кое-как доплелся. Татьяна пришла в веревочных туфлях и без чулок. Сказала, что ноги у нее еще болят и поэтому она башмаков не надела. Братья при этом притворно закашлили.

После осмотра плантации Джек предложил Кацауровым выпить молока. Но оказалось, что Пелагея и Катька убежали из дома со страха перед помещиками. Джек сам полез в погреб и достал две кринки. Помещики выпили обе кринки жадно, как будто никогда не пили. Татьяна объяснила это тем, что молоко очень вкусное.

После молока долго сидели в саду под яблонями. Адмирал рассказывал, как он осматривал табачные плантации в Гаванне и Маниле, все внимательно слушали. В это время у Капраловых в саду собрались крестьяне посмотреть, как Джек водит компанию с помещиками. Ребята даже запели тихо какую-то обидную песню, но Джек подошел к забору и попросил перестать. Пение прекратилось, а Сережка Маршев сказал:

— Яш, ты слышал, Мишка Громов из Москвы приехал на один день. Просил тебя зайти. Обязательно поговорить с тобой хочет.

Джек что-то буркнул в ответ и пошел к своим гостям.

Взошла луна, желтая и сплюснутая, как зерно кукурузы «Конский зуб». Адмирал замурлыкал свою песню и начал собираться домой. За ним поднялись остальные. Джек решил их проводить.

По пути Джек пошел с Татьяной вперед и стал говорить ей о том, что надо братьев прибрать к рукам и заставить работать. На это Татьяна смеялась и отвечала, что они и так целый день заняты: играют в теннис. Джек понимал, что шутит она из гордости, не хочет, чтобы он говорил об ее тяжелом положении.

Посмеялась Татьяна и над советом Джека — завести хоть пяток коров.

— Эх, вы, американец! — сказала она и остановилась. — Мы и с двумя коровами не знаем, как управиться, а вы пяток хотите...

Джеку было странно это слышать: шесть работников не могут с двумя коровами управиться! Но он понимал, что все дело здесь зависит опять от тех же братьев, которые готовы жить впроголодь, только бы поменьше работать и побольше развлекаться.

Джек проводил Кацауровых далеко, почти до самой березовой рощи. Домой возвращался уже поздней ночью, когда луна забралась высоко и выпала сильная роса. Он шел и думал, как бы помочь Татьяне в хозяйстве, чтобы она могла хоть башмаки себе купить. Он так задумался, что не заметил, как недалеко от деревни с травы поднялись какие-то две фигуры. Только у огорода он услышал, что сзади бегут, и остановился, чтобы приготовиться к драке. Но оказалось, что это ребята. Они и не думали нападать на него, а хотели поговорить о деле.

Начал Маршев.

— Что же, Яш, пойдешь ты к Громову? Ведь он завтра чуть свет уезжает.

— А где он? — спросил Джек.

— Тут, у изгороди сидит: тебя дожидается.

Джек обрадовался Мишке и быстро пошел вперед. От изгороди навстречу ему поднялась длинная фигура.

— Здравствуй, Яша, — сказал Мишка невесело. — Жаль, не удастся нам подробно поговорить. Только на денек я в Починки заехал, на практику спешу. Но, что нужно, скажу. Говорили мне ребята, что ты от них морду воротишь и не хочешь в коммуну идти. Как же это ты, братец, такого маху даешь?

— Некогда, Миша... — заговорил было Джек.

— Подожди, подожди, дай я скажу. Ведь паршиво, братец, поступаешь. Видел я твой табак, слов нету, хорош, научился ты добру в Америке. Только для себя одного ты это добро бережешь. Ты посмотри кругом-то сначала. Ведь мучится деревня, форменно мучится. Бедность страшная, со свиньями дети спят, мылом только по праздникам моются. Да что я говорю! Знаешь ты, что Сережка Маршев двух своих сестер нищенствовать в город послал. А ведь по двенадцати лет девочкам. Ты думаешь, коммуна только пустышки, шутка? Нет, брат, не шутка. Хочет деревня на ноги стать, жажда огромная, да уменья нет. Неужели не поможешь?

— Я тебе, Миша, все объясню, — ответил Джек дружески. — Я свой расчет на табаке строю. Весь огород потом полил. Думаю заработать. Сам посуди, какой мне смысл с ребятами соединяться? Так вот Робинзоном и живу.

— Теперь у нас Робинзонов не жалуют, — хитро сказал Мишка. — Индивидуальным налогом облагают.

— Ничего с меня не возьмут, — произнес Джек, подумавши. — Прежде чем дело начинать, я все в го-

роде подробно узнал. Участок у меня маленький, а культура новая. По закону обложению не подлежу.

Тут вышел вперед Николка Чурасов, который до этого молчал. Он снял с плеча свое одноствольное ружье, поднял его к луне и закричал:

— Охота вам, ребята, с кулаком разговаривать. Дело ясное, он со своим табаком по ту сторону баррикады перебрался. Вот перед всеми говорю: гореть будешь, Яшка, я тебе ведра не дам. Придешь ко мне за помощью голодный, я в тебя солью выпалю. Идем, ребята, а то я от раздражения сейчас стрелять начну.

— Подожди, Миша, — сказал Джек Громову. — Пусть они уходят, а ты подожди. Давай о Москве поговорим. Как твое ученье?

— Не о чем нам, Яша, разговаривать, — сказал Громов сокрушенно. — Не думал я, что такой ты человек. Ну, как знаешь...

И ребята ушли. А Джек прислонился к изгороди и глядел им вслед. Он понимал, что это последний разговор о коммуне и что с этого часа ребята ему действительно враги. Но это его не огорчало.

Он стоял у изгороди и думал о своем. Думал долго, может быть час. Потом вдруг встрепенулся и свистнул.

Ему показалось, что он нашел верный способ избавить Татьяну Кацаурову от тяжелой жизни.

Глава двенадцатая СИГАРЫ ВИРДЖИНИИ

ПШЕНИЦА Джека уродилась на славу, сам двадцать пять. О таких урожаях в деревне никогда не слыхали, и никто не хотел верить Пелагее, когда она топотом рассказывала, что Яшка с огорода три мешка ссыпал в амбар на семена.

Но в эту осень пшеница нисколько не интересовала Джека. Все его расчеты и ожидания строились на табаке. В течение августа он срезал три урожая листьев, в чем ему помогли Катька и мать. В сарае, под самой крышей, он устроил сушильню, нанизал листья на ниточки и повесил к жердям. В соломе наделал дырок, и ветер день и ночь обдувал листья. Они слегка двигались и были похожи на пойманных рыб.

Чтобы поскорее подготовить табак к употреблению, Джек, снял у Сундучковых баню. Баню эту он топил пять дней и сжег два воза дров. На полу в парильне он пачками положил свой табак, и табак в горячем воздухе начал бродить. Вода испарялась из листьев, и они понемногу принимали желтовато-коричневый, табачный цвет. Пять дней Джек почти не выходил из бани и даже ночевал там. По ночам он несколько раз вставал, засовывал руку в листья и пробовал, не слишком ли они согрелись. Он переключивал пачки табаку, чтобы брожение протекало равномерно, встряхивал листья, дул на них и вообще действовал, как фокусник. Деревенские ребяташки

целый день простаивали у окошка, следя за всеми его движениями. На шестой день Джек залил печь водой к открыл дверь бани. Он решил, что брожение окончено.

Весь табак был перенесен в избу, и здесь еще несколько дней провозились над разглаживанием листьев и перевязкой их в новые пачки. Наконец Джек с помощью ладоней свернул первую сигару и закурил. Красивый, синеватый дымок взвился над Вирджинией, и в избе вкусно запахло.

— Ол райт! — сказал Джек.

И улыбнулся широко, как давно не улыбался.

Еще два дня он употребил на то, чтобы сделать побольше сигар. Он sprysнул листья водой, и они сделались мягкими, как стиральная материя. Потом он показал Катьке, как надо заготавливать начинку, и велел ей готовить начинки без счета. Пелагея ножом резала пополам большие, хорошие листья, и Джек быстро заворачивал в них начинку. Кончик подклеивал клейстером. Получались длинные темные сигары. Они подсыхали на печке, на газетах.

Когда тысяча штук была готова, пальцы Джека сделались темными, как еловые шишки. Джек пересчитал сигары и сказал Катьке:

— Ступай по деревне. Скажи, что я сигары даю пробовать бесплатно.

Катька фыркнула:

— Да нешто кто пойдет их пробовать?

— Делай, что я тебе говорю.

Катька побежала по деревне, стучала в окна и кричала:

— Кто хочет, идите к нашей избе! Яшка задарма сигары пробовать дает!

Крестьяне начали собираться к избе Восьмеркиных дружно. Все давно интересовались, какого вкуса американская махорка. Приходили даже те, которые никогда не курили. Только один Николка Чурасов не пришел, хоть и курил. Джек давал всем по Вирджинии и объяснял, как надо обкусывать кончик.

Сразу закурило человек пятьдесят. Над толпой поднялся дым, тонкий и пахучий. Затягивались спеша, глотали слюну, снова затягивались. Сплевывать никто не решался. Старики кашляли. Курили до конца, пока огонь не подошел к самым пальцам. Докуривши, стали просить еще по штучке, говорили, что не распробовали.

Но Джек заявил, что больше давать бесплатно сигар не будет. Предложил покупать по пятаку за штуку. Сигары понравились всем без исключения, но цена показалась мужикам высокой, прямо невозмож-

ной. Не купил никто, и крестьяне, посмеиваясь, разошлись по домам. А Джек забрал сотню сигар и пошел в Чижи.

Там повторилась та же история. Бесплатно крестьяне курили охотно, от покупки же воздерживались. Один только Скороходов купил для почина три штуки, но заплатил за них гривенник.

— Хороши сигарки, что и говорить, — сказал он Джеку таинственно. — Но ты своего товара здешнему народу не продашь. Больно темен народ. Тебе с сигарами в город ехать надо. Да и там, пожалуй, не продашь: дорого просишь.

Предсказание Скороходова произвело на Джека удручающее впечатление.

Засевая Вирджинию, он исходил из расчета, что всегда сумеет распродать весь табак среди окрестных крестьян. Ведь все кругом курили махорку самого низкого качества. Он как-то упустил из виду, что махоркой крестьяне довольны, а лишние деньги есть не у всякого.

С сигарами Джек пришел к Кацауровым. Здесь ему повезло больше. Адмирал захотел купить тысячу сигар, но в кредит. За наличные же приобрел десяток. Джек насчет кредита промолчал: он прекрасно знал, что адмирал никогда не отдаст ему пятидесяти рублей.

Братья сигар не купили, но курили охотно. Даже Татьяна и та взяла сигару. Раньше она никогда не курила, но теперь захотела попробовать то, ради чего Джек бился все лето. Сигара ей понравилась своей ароматичностью, но она тоже высказала опасение, что этот тонкий товар здесь не пойдет.

Джек теперь и сам так думал. Покупщиков не находилось, хотя слух о его сигарах распространился

далеко. К его избе подъезжали мужики из самых дальних деревень и просили покурить. При этом божились, что еще не пробовали его сигар и, может быть, купят десяток. Джек давал им Вирджинии, но они, закурив, отъезжали от избы и больше не возвращались.

Когда Джек проходил по Починкам или Чижам, за ним следом бежали ребята и кричали:

— Яков Петрович, дай сигарку!

А Пелагея потихоньку брала сигары с печки, и относила их знакомым. Катька же сама начала тайком курить; мать ее поймала один раз с сигарой в зубах на задворках и отколотила.

Да, безусловно, сигары Вирджинии имели огромный успех, но дохода от этого Джек не получил никакого!

Наконец он пришел к убеждению, что надо ехать в город. Он взял с собой листового табаку и двести штук отборных сигар. Но и в городе ему не повезло. Джек ходил из кооператива в кооператив и везде угощал сигарами. Курили все, но купить его табак за пять тысяч рублей никто не соглашался. Говорили, что с накладными расходами сигары будут слишком дороги. Только в одном магазине заведующий взял полсотни сигар на комиссию и посоветовал Джеку ехать в Москву. Но тут же предупредил, что в СССР много своих сортов табаку, Вирджиния никому не из-

вестна, и вряд ли в Москве заинтересуются такой маленькой партией.

Смешно было ехать в Москву без уверенности, что дело там устроится! Джек вернулся в деревню совсем разбитый и, не говоря никому ни слова, заперся в амбаре со своим табаком. Теперь он уже ясно видел, что, разводя Вирджинию, сделал непоправимую, крупную ошибку. Рухнули все его расчеты и надежды.

Ведь у него был уже составлен целый план дальнейшей деятельности. Этой осенью он хотел выделить материнский надел в особый участок, потребовать землю и себе и таким образом получить кусок земли около двадцати акров. Зимой построить на участке новый дом в четыре комнаты, купить хорошую лошадь и корову. Ранней весной выписать Чарли и пустить под табак десять акров земли.

Он уже и лошадь себе присмотрел за триста рублей и план дома начертил, не каменного, конечно, а деревянного, но удобного и красивого. А вместо этого придется опять жить в прежней грязной избе, в бедности, слушать постоянные попреки матери, что он ее разорил. И действительно, есть зимой ведь им нечего...

Эти горестные мысли Джека были прерваны стуком тележки, которая въехала во двор. По голосам Джек догадался, что приехал Скороходов с кем-то еще и ищет его по двору. Джек вышел из амбара и увидел, что Скороходов мрачно ходит по двору с клещами в руках, а в тележке сидит сын его Петр.

Скороходов, не здороваясь с Джеком, сказал строго:

— Вот приехали, Яков, за долгом, срок-то ведь прошел. Деньгами отдашь, или зубы тянуть?

— Подождите недельку, Пал Палыч, — сказал Джек растерянно и тихо.

— Не, не могу. Налог платить надо. А то хозяйство опишут. Так как же? Отдашь или нет?

Джек промолчал. Скороходов заорал на весь двор:

— Открывай рот! Петр, держи его за руки.

Джек не успел отскочить, как Петр Скороходов схватил его сзади. Близко от лица Джека появились большие клещи, но он рта не открывал.

— Ты что же, мошенничать? — закричал Скороходов и брызнул в Джека слюной. — Имущество от долгов скрываешь?..

— Дело в следующем, — сказал Петр негромко: — вы ему стукните по губам, папаша, он зубы и покажет.

Джек понял, что если он не откроет рта, то кредит для него будет закрыт навсегда, а зубов он все-таки лишится. Волей-неволей приходилось уступать заработанные в Америке зубы. Конечно, он теперь никогда уже не вставит новых... Глаза Джека наполнились слезами от обиды и горя, и он медленно открыл рот.

Губы его уже чувствовали прикосновение огромных холодных клещей. Скороходов уцепился за зубы, но не тянул, а чего-то ждал. Потом вдруг руки его опустились, и он сказал мягко:

— Эх, жалко мне тебя, Яшка. Вот разве что: табаком долг взять.

Бросил клещи на землю и начал ходить по двору.

Джек облегченно вздохнул и предложил за долг тридцать кило. Но Скороходов замахал руками.

— Не, не, подожди. Ты сколько за весь-то про-
сишь?

— Пять тысяч.

— А без шуток? Покажи-ка табак.

Пошли в амбар, и Скороходов долго перебирал пахучие листья.

— Да, — сказал он, наконец, задумчиво. — Ежели его раскрошить да стаканчиками продавать, как махорку, дело-то, пожалуй, и выйдет. Ну, вот, хочешь за все пятьсот рублей, и вексель назад отдам.

Джек промолчал. Хоть он и находился в стесненных обстоятельствах, предложенная цена показалась ему настоящим издевательством. Ведь самая скверная махорка стоила дороже.

— Ну, говори крайнюю цену! — закричал Скороходов.

— Четыре тысячи.

— Держи его за руки, Петр, — сказал Скороходов деловито. — Выдерем зубки и поедем. А то на разговоры время терять жалко.

Но Джека теперь уже трудно было запугать. Он понял, что Скороходов не отступится от табака, и пугает его клещами, чтобы сбавить цену. Он решил сопротивляться, если Петр его опять схватит.

Скороходов поднял клещи к его лицу. Но Джек отбежал в сторону и закричал:

— Подожди ты со своими клещами. Давай поделовому говорить. Ну, три тысячи пятьсот, согласен?

Торговались долго, почти до вечера. Скороходов еще несколько раз лез с клещами, несколько раз садился в тележку. Наконец сговорились на тысяче рублях. Кроме того, Скороходов возвращал вексель. Джек оставлял у себя тридцать кило табаку. Пятьсот рублей

Скороходов платил сейчас, а на остальные должен был выдать вексель сроком платежа на новый год.

Ударили по рукам. Петр куда-то сбегал за водкой, и Скороходов велел всем выпить по стаканчику. Сам выпил четыре. Пил и все горевал, что прогадал с табаком.

Когда стемнело, Джек заложил лошадь. Табак погрузили в телегу и в тележку и повезли в Чижы. Скороходов шагал рядом с подводами, все боялся, что табак разворуют.

* *

*

Джек вернулся домой поздно, но в избе еще не спали. Пелагея и Катька сидели на лавке и молча ждали Яшку. Огня не зажигали, жалели керосин.

Джек вошел в избу злой и зажег лампу.

— Яша, — сказала мать дрожащим голосом, — сколько же он, ирод, тебе за табак заплатил?

Джек сел на лавку и тяжело вздохнул:

— Да что, мать! Прижал он меня. Надо бы нам было мерина в засуху продать... Эх!

— Сколько же, Яша, он заплатил?

— Тысячу рублей.

— Сто червяков?

— Да, пятьсот долларов.

— Яшенька!.. — Пелагея перекрестилась. — Покажи деньги. — Джек положил на стол довольно толстую пачку грязных кредиток.

— Вот... Не все еще получил...

— Яшенька! — закричала мать неистово. — Светик мой ясный! Ведь это же выходит — мы можем теперь и телку выкупить. Катька, кланяйся брату в ноги. Теперь замуж тебя отдадим по-человечески.

И Пелагея вместе с Катькой повалились перед Джеком на пол.

— Не реви, мать, — сказал Джек с досадой, — не реви! — и, махнув рукой, вышел из избы.

Тысяча рублей, конечно, его нисколько не устраивала.

Глава тринадцатая СЛИВЫ ПОСПЕЛИ В КАЛИФОРНИИ

ПЕЛАГЕЯ несколько дней не могла успокоиться от радости. Она считала продажу табака за тысячу рублей чудом из чудес и величайшим счастьем. Это счастье, как она думала, сошло к ней за ее страдания. Теперь она только и говорила о том, что на следующий год надо засадить табаком весь их надел, построить дом под железом, выдать Катьку за богатого жениха, а Яшку женить на младшей дочери Скороходова.

Но Джек не разделял восторгов матери. Он совсем растерялся теперь, когда его операция с табаком чуть было не прогорела. Ведь он едва-едва спас свои зубы от клещей Скороходова и действительно мог пустить семью по миру. Теперь он не знал даже, как дальше строить хозяйство, на что рассчитывать. Во всяком случае, сеять Вирджинию он больше не собирался. Жизнь утратила для него половину своего интереса, он опять перестал свистеть. Пятьсот рублей, которые были у него в кармане, казались ему мелочью. Стоило ли из-за таких денег проливать пот все лето. Он мечтал о тысячах, а получил какие-то несчастные сотни. И этими сотнями прежде всего надо было заткнуть домашние дыры.

Начать с того, что почти сто рублей пришлось истратить на покупку хлеба. Этот хлеб, полученный, как казалось Пеллагею, без всякого труда, удивил старуху не меньше денег. Когда его ссыпали в амбар, она все время ахала и дивилась, что вот не сеяли хлеба в этом году, а сделали такой большой запас. Чтоб спокойнее было, Пеллагея заперла амбар на новый замок и несколько раз в ночь выходила посмотреть, не крадет ли

кто хлеб. Ей казалось, что так легко полученная пшеница может легко и уплыть.

Пелагея считала чудесами и все остальное, что происходило у них на дворе. Джек купил на ярмарке в Чижах за сто двадцать рублей хорошую серую корову и подарил ее матери взамен проданной когда-то телки. Опять Пелагея глазам своим не верила несколько дней и по ночам выходила в хлев, чтобы потрогать корову. Она назвала ее «Красавицей», приписывала ей небывалые достоинства и благодарила бога, что телку в свое время продали. Молока в доме теперь было так много, что не хватало посуды. Пришлось пустить в ход даже ведро для воды. От счастья лицо Пелагеи все время светилось. Она во всем угождала Джеку, который теперь для нее и для Катьки стал умнейшим из людей.

Но чудеса на корове не кончились. Джек отправился в город и вернулся со станции на чужой подводе с целым ворохом покупок. Себе он купил новые башмаки, костюм и непромокаемое пальто; кроме того, железную кровать и одеяло. Матери и Катьке купил по новому платью, башмаки, чулки и перчатки. Отдельно матери — коричневый зонтик.

Все эти подарки Пелагея носила показывать по деревне, за исключением, впрочем, перчаток и зонтика, которые она спрятала в сундук. Катька же выходила теперь на улицу только в перчатках. Со стыдом она вспоминала о том времени, когда шила себе мешок, чтоб итти побираться. У нее была другая мысль теперь: до зимы овладеть коричневым зонтиком.

Джек вернулся из города заметно повеселевший. Очевидно, он уже начал забывать о своей неудаче, и какие-то новые мысли появились у него в голове. В ближайшее же воскресенье он оделся во все новое,

отобрал в корзину самых крупных яблок и отправился в Кацауровку... Шел он туда не спеша: ему надо было обдумать, как получше присвататься к Татьяне. В пути он составил длинную речь, с которой решил обратиться к адмиралу и братьям за обедом.

В Кацауровке Джек угостил мужчин сигарами, а Татьяне передал яблоки. Татьяна удивилась, что они такие крупные, и Джек важно объяснил, каким образом можно этого достигнуть. Затем он долго и подробно рассказывал адмиралу и братьям, как Скороходов обманул его с табаком. Адмирал высказал сожаление, но Джек гордо сказал, что все это мелочи, и в ближайšie годы он сумеет вернуть деньги. Говорил он все это необыкновенно торжественным тоном, и братья сейчас же догадались, что Джек готовит какой-то сюрприз.

Действительно, за столом, после того, как суп был съеден, Джек встал и начал говорить свою речь:

— Сливы сейчас спели в Калифорнии, и полевые работы закончены. Рабочие в Америке отливают на север, а фермеры подсчитывают барыши...

Таково было начало, а дальше пошло как по маслу. Джек коснулся того, что хозяйство в Кацауровке ведется плохо и что здесь нужен знающий человек, чтобы поправить дело. Вкратце он наметил и мероприятия, которые должны быть проведены в ближайшее же время. В заключение он просил адмирала оказать ему честь и отдать за него замуж Татьяну.

Братья кусали губы во время речи Джека, а в конце Валентин даже выскочил в соседнюю комнату. Татьяна страшно покраснела, но не сказала ни слова. Один только адмирал сохранил спокойствие и серьезность и по окончании речи любовно посмотрел на Татьяну. Затем, немного подумав, ответил, что благода-

рит Джека за честь, но согласиться на брак не может, так как дочь его еще слишком молода и не привыкла жить в деревенских условиях.

Джек начал возражать адмиралу. Прежде всего он заявил, что и не собирается везти Татьяну в Починки, наоборот, сам хочет переехать сюда. Он может вложить в Кацауровку несколько сот рублей и выпишет из Америки своего приятеля-американца, вместе с которым наладит хозяйство. Хороший доход он гарантирует.

— Но я вам сказал, что дочь моя еще молода! — закричал адмирал раздраженно и нахмурил свои пушистые брови.

Джек ответил, что готов подождать с браком, но в хозяйство войдет сейчас.

— А раз можете подождать, то отложим этот неприятный разговор, — заявил адмирал сердито.

Но сейчас же улыбнулся и более мягко прибавил:

— Не понимаю, зачем вам жениться? Вы лучше послушайте, я вам расскажу, как сватаются туземцы на Полинезийских островах. Там без свиньи дело не обходится...

И начал рассказывать.

За все это время Татьяна не произнесла ни одного слова, но и из комнаты не ушла. Джек понял, что приводить новые доводы в защиту брака неудобно, и стал слушать адмирала. После обеда братья хохотали в соседней комнате, и до Джека донеслось слово «мужик».

Джек никак не мог понять, что смешного они нашли в его предложении. Ведь он хотел вывести Кацауровых из тяжелого положения. Кроме того, младший брат Анатолий был женат на крестьянке, и ничего

плохого от этого не случилось. Но кому он мог сказать все это? Теперь, после отказа адмирала, он чувствовал себя лишним в Кацауровке, и как только старик пошел подремать, он простился и ушел... Когда он прощался с Кацауровыми, Татьяна исчезла из комнаты и не проводила его, как обычно. Это совсем доконало Джека.

Он шел домой с пустой корзиной и чувствовал, что теперь разбит окончательно. Да, нечего сказать, хороши его новые друзья! Скороходов ободрал его, как липку, а Кацауровы ясно показали, что считают его последним человеком. Все кончено, выхода нет!

Чтобы подбодрить себя немного, Джек запел свою песню:

Мы гобо — бродяги...

Но даже песня у него не вышла, и он замолчал.

Дома у себя на кровати Джек нашел письмо от Чарли.

Американец писал:

«Милый Джек! Здесь пшеницу убрали, и на той неделе я еду на север, опять к Коллинзу. Денег у меня уже сто семьдесят долларов, так что капитал растет. Но меня убивает факт, что ты до сих пор не прислал мне письма.

Джек, дружище, пшеница обмолочена, и в Калифорнии поспели сливы, а я все еще не знаю, как обстоят наши дела. Если ничего не выходит с землей, какого черта жить нам в разных странах! Приезжай сюда, будем работать, как прежде, и копить деньги. Хоть через двадцать лет, а получим клочок земли. Напиши скорей, в чем дело. Неужели Вирджиния не дала тебе никакого дохода?»

Джек, старик, неужели у нас не будет фермы никогда?»

— Да, — произнес Джек громко. — Надо сказать прямо: фермы у нас не будет никогда, ни в Америке, ни в Европе...

И он закрыл лицо руками и так сидел долго, не двигаясь. Потом достал бумагу и карандаш, и начал писать свое первое письмо к Чарли.

«Дружище! Нет, должно быть, клочка земли во всем свете, где бы мы могли с тобой работать сообща. Теперь осенью я подвел итоги своей летней работы, и должен признаться, что мне не удалось сделать того, на что я рассчитывал. Участок моей матери (представь себе, она жива!) слишком мал, чтобы на нем можно было поставить удовлетворительное хозяйство. Покупать же здесь землю нельзя. Ты скажешь, что можно разводить Вирджинию и на маленьком участке. Именно на Вирджинии я и нажегся. Сигары здесь не в ходу. Даже не хочется говорить об этом.

Теперь у меня только один выход. Вот он: из тех ста семидесяти долларов, что ты скопил, купи билет через океан, но не для себя, а для меня. Вышли его заказным письмом немедленно. На Новый год я закончу здесь одно небольшое дело и сейчас же выеду в Америку. Значит, самое позднее увидимся в феврале.

Будем таскаться, старик, по всем штатам Америки, без всякой надежды на будущее. Ты пишешь, что через двадцать лет у нас все-таки будет ферма. Я был бы рад, если бы хоть через тридцать мы получили какое-нибудь пристанище, откуда никто не мог бы прогнать нас. Скажу тебе по секрету, я разуверился в жизни, и только надежда встретить тебя меня раду-

ет. Не обижайся, что я долго не писал тебе. Хотел сначала на деле проверить свои расчеты. Было бы хуже, если бы я прислал письмо, которое тебя ввело бы в заблуждение.

Невеселая у нас будет встреча с тобой, бродяга. Океан съест все то, что ты накопил за год. Но ничего, нам не привыкать к горю. Значит, до свиданья. Жду билета.

Твой Дж. Осмеркин».

Джек запечатал письмо, вложил его в конверт и начал медленно заклеивать. Потом отыскал картуз. Он решил сейчас же отнести письмо на станцию. Рассчитывать больше не на что. В Америку, так в Америку...

Он потушил лампу и вышел на двор. Темная октябрьская ночь окропила его лицо мелким дождем. Он пошел довольно быстро, и грязь звякала под ногами, как будто на его башмаках были надеты шпоры.

Джек знал, что его путь на станцию — путь бегства из СССР. Испробована еще одна возможность, получено еще одно поражение, может быть, сильнейшее из всех. Оканчивается целый период его жизни. Он добровольно возвращается в кабалу, в неволю, к тягелому, безрадостному труду на чужих. Он отрывается от

семьи, от родины. Что же делать, значит, так надо.

Да, так надо! Он несет на станцию письмо, которое уже нельзя будет вернуть. Чарли купит билет, истратит деньги. Сто десять долларов будет стоить путь через океан. Бегство дорого обходится. За сто десять долларов можно купить хорошую лошадь...

Почему же, однако, все окончилось так печально? Почему он должен признать себя побежденным? Почему?

Джек задал себе этот вопрос мысленно, но начал отвечать на него вслух. Он заговорил сам с собой. Спрашивал и отвечал, спрашивали отвечал, и так мысль его двигалась вперед.

— Да, в чем же ошибка с Вирджинией? — произнес он негромко по-английски.

И по-русски ответил:

— Очень просто, на сигары нет спроса в СССР. Я плохо изучил рынок, не учел денежных средств населения. Так.

— Чего же требует советский рынок в неограниченном количестве?

— О, здесь не может быть никаких сомнений! Первое — хлеб, второе — масло, третье — яйца.

— Ведь, пожалуй, следовало бы как раз начинать с этого?

— Да, но для того, чтобы сеять пшеницу с выгодой, надо иметь много земли, машины, рабочие руки. Надо добиться урожайности в два, в три раза большей, нежели у крестьян. Только тогда пшеница даст прибыль. Нужен еще хороший скот...

— Но где же взять все это?

— Ха, смешно спрашивать! Рабочих рук сколько угодно в деревне. Чего другого, а этого хоть отбавляй. И земли много кругом. Сколько одних покосов, нико-

гда не паханных земель, сколько пустырей! Машины? Кое-что он видел в городе. Если получить кредит, не у Скороходова, конечно, а в настоящем банке, то, пожалуй, можно купить и трактор, и птицу, и скот.

Джек начал высчитывать, какой нужен кредит на первое время и сколько земли, чтобы организовать доходное хозяйство. Ему показалась смешной цифра в сорок акров, которую он раньше считал достаточной. Нет, конечно, если будет трактор, надо не меньше четырехсот акров.

Мысли Джека текли вперед без-удержу, и приводили его к какому-то определенному выводу, о котором он раньше и не думал. Он пробовал возражать себе, искать других возможностей, но все время возвращался к тому же. Начинал рассуждения снова — и снова сталкивался с прежним выводом. Чорт подери, каким же образом он действительно так промахнулся!

Он уже давно прошел Чижи, и теперь к нему приближались зеленые и красные огоньки станции. Но Джек не смотрел на них. Он разговаривал сам с собой, размахивал руками и шагал машинально. Только на платформе, перед почтовым ящиком, он понял, что пришел, куда надо. Он уже вынул письмо из кармана, как вдруг почувствовал, что, пожалуй, письмо может и подождать. Что-то вроде нового плана окончательно родилось в нем.

Очевидно, новый план требовал каких-то решительных действий. Джек быстро сунул письмо в карман и побежал обратно в поле. Можно было подумать, что он забыл что-то в Починках. Или он решил остаться в СССР?

Он бежал быстро, лишь изредка замедляя шаги, чтобы передохнуть. И чем быстрее он бежал, тем яснее чувствовал, что бежит он к какой-то новой цели, и

надежды в нем крепи. Вот, наконец, он миновал Чижи и начал спускаться к Починкам. Почти обессиленный, он прошел околицу и остановился у крайней избы, где жил его враг, Николка Чурасов.

Без всякого раздумья Джек начал барабанить, в темное окно.

— В чем дело? Кто? — спросил из избы злой и сонный голос Николки.

— Это я, отопри.

— Кто?

— Ну, Яков Восьмеркин, отопри, говорю.

— Я вот тебя сейчас дробью попотчую. С ума сошел, что ли?

— Нет, с ума не сходил. Отопри дверь, Николка. Пусти в избу. Предлагаю с завтрашнего дня коммуны организовывать.

— Коммуну? Сейчас.

В избе загорелся огонек.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«НОВАЯ АМЕРИКА»

Глава первая
ПОЛЬЗА ТАБАКА

ОСТРЫЙ сигарный дым стоял в избе голубым облаком, как в каком-нибудь американском баре. Но курильщики собрались сюда не для того, чтобы выпить содовой и поговорить о мелочах. Обсуждался план работ коммуны «Новая Америка», устав которой был только что принят единогласно.

Впрочем, на обсуждение устава много времени не потратили. Был принят обычный, типовый устав. Долгое время лежал он у Капралова на печке в тряпке. Теперь Василий торжественно принес эту маленькую розовую книжку в избу Восьмеркиных.

— Дождалась-таки своего времени, — сказал он и положил книжку на стол.

Устав прочли и приняли, то есть в пустые места его, там, где стояли точки, вписали название коммуны, адрес и число членов.

Количество членов оказалось значительно больше, чем ребята вначале думали.

Когда в Починках узнали, что Яшка Восьмеркин неизвестно почему взбесился и пошел в коммунары, деревня дрогнула. Среди мужиков не было ни одного человека, который считал бы, что Яшка прогадал с табаком. Все знали, что на сигарах он заработал тысячу, и эта сумма казалась крестьянам невероятно большой, прямо геройской.

О величине этой суммы крестьяне судили хотя бы потому, что в хлеву у Восьмеркиных появилась хорошая серая корова, каких в деревне раньше не бывало. Сам Яшка ходил в непромокаемом пальто и спал на кровати с сеткой. А сестра его Катька однажды в небольшой дождь прошла через всю деревню под коричневым зонтиком. Разве все это не говорило за то, что табачок себя оправдал, а Яшка — умница, заработал большие деньги на пустяках и при этом в кулаки не попал: заплатил налог, как все, и не имел неприятностей!

Вот почему в первый же день, как по деревне прошел слух о коммуне, пожелало записаться двадцать три двора. Правда, часть тут же отсеялась, когда коммунары заявили, что надо вносить паи лошадьми и коровами. Но четырнадцать мужиков, больше из молодых, все-таки остались, с работницами — двадцать пять членов, а если считать с ребятами и стариками, то сорок человек. При них десять лошадей и пятнадцать коров; кур до сотни. Земли, вместе с огородами,

восемьдесят гектаров, с покосами вдвое. Таких результатов не ожидали коммунары. Вот почему теперь они курили яшкины сигары и пускали дым, как настоящие победители.

Но председатель коммуны Яков Восьмеркин молчал и очень недовольно подсчитывал что-то на бу-мажке.

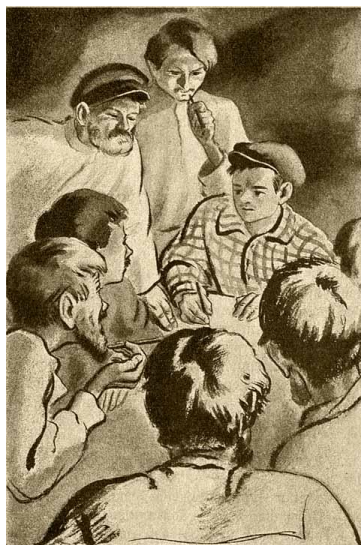
— Мало земли, товарищи, — наконец произнес он, — не с чем начинать.

— Как так мало?! — закричал Капралов. — Ты с картофельного поля сколько табаку снял? А у нас земли в сто раз больше.

Но Джек разъяснил всем, что теперь расчет идет не на табак, а на пшеницу. Вирджинию будут сеять в последнюю очередь. Ведь если много табаку развести, совсем зарезаться можно. Надо засеять зерновых не меньше шестидесяти гектаров. Потом коровам хороший корм нужен, а для этого тоже земля требуется. Да и работников много; чтоб всех занять, придется

какую-нибудь огородную культуру развести. Одним словом, как ни вертись, пятидесяти гектаров не хватает. Без этой же добавки коммуна крестьянских дел не поправит, и бедность останется прежняя.

— Да где же землю взять? — закричал Бутылкин. — Легко сказать — пятьдесят гектарчиков. Ведь их прежде найти надо. А где найдешь?

— Надо что-нибудь придумать, — сказал Джек. — Вот я здесь все рассчитал. Смотрите, если не верите.

Николка Чурасов взял лист, просмотрел его бегло и заявил:

— Ясное дело, без прирезки не обойдемся. Придется землю требовать.

— Где?

— Известно где: в городе. Раз мы теперь коммуна, нам отказа не будет.

И обращаясь к Капралову, который был выбран секретарем, сказал:

— Пиши прошение.

Капралов под диктовку Николки и Джека написал от имени коммуны прошение в земельное управление о добавочной прирезке земли. Все грамотные коммунары подписались на бумаге. Потом составили список членов коммуны и прошение о регистрации. Все эти бумаги Джек аккуратно завернул в газету и спрятал в карман. А затем надел непромокаемое пальто и, картуз.

— Куда ты? — спросил Капралов. — Нешто заседание кончилось?

— Кончилось. Больше говорить не о чем. Надо в город за землей идти. И тебе со мной придется.

Николка Чурасов Джека поддержал:

— Довольно языком болтали два года. Шагайте в город, ребятишки. Я вам еще записочку напишу одному знакомому парню, товарищу Бабушкину. Он в комсомоле работает и, может быть, вам помощь окажет.

И Николка тут же на куске бумаги написал записку, довольно нескладную, но разъясняющую суть дела: коммуне нужна земля, помощи.

— А что же нам-то теперь делать? — спросил Се-режка Маршев, видимо недовольный, что роль общего собрания так быстро кончилась.

— До Чижей нас проводите, — ответил Капра-лов. — Подписи под уставом в Вике заверить надо.

Все высыпали на улицу. Но Джек вдруг заду-мался, вернулся в избу и забрал с собой сигар и табач-ных листьев. Рассовал все это по карманам и присо-единился к коммунарам.

Коммунары шли тесной группой, молча. Каж-дый понимал, что минута важная: провожают в город первых депутатов. Николка закричал, когда вышли в поле:

— Ну, двинулась деревня-матушка! Теперь уж назад не повернем.

И все заговорили о том, что Починки действи-тельно тронулись с места, и начинается новая жизнь.

В Чижах, в волостном комитете, засвидетель-ствовали подписи. Пока секретарь дышал на печать и прикладывал ее к бумагам, откуда-то появился Павел Павлович Скороходов со связкой баранок на шее. Он начал расспрашивать, в чем дело, а когда узнал о ком-муне, отозвал Джека в сторону и стал приглашать к себе в гости.

— Выпьем на радостях по маленькой, — шептал он Джеку на ухо, чтоб коммунары не услышали.

Но Джек от приглашения отказался. Его теперь занимало другое дело. Да и не забыл он еще скорохо-довских клещей.

* *

*

От Чижей коммунары домой не пошли, а прово-дили делегатов на станцию и даже посадили в поезд.

В городе Джек и Капралов без особого труда зарегистрировали устав коммуны. Все документы у них были налицо и, как нужно, оформлены. Гораздо труднее оказалось добиться высылки в Починки землемера для сведения отдельных участков в общий клин. И еще труднее — получить добавочную землю из запасного фонда.

Принимавший заявление об отводе земли секретарь-выдвиженец посмеялся над ребятами, когда узнал, что коммуна только на днях образовалась, а уж требует земли. Он разъяснил, что землю им прирезать могут, но не раньше будущего года, когда «Новая Америка» докажет свою жизнеспособность. До этого надеяться нечего.

Джек начал доказывать, что без прирезки земли коммуна пропадет в первый же год, а если и уцелеет, то не сведет концы с концами. Секретарь ответил, что ничего не может сделать: последнее время часто образуются фиктивные коммуны специально для получения лишней земли. И что нужно сначала людей проверить на работе, а потом уж ми землю давать.

Капралов тяжело вздохнул и посмотрел на Джека. А тот вытащил из кармана большую сигару, откусил кончик, закурил и задумчиво пустил дым в сторону секретаря. Секретарь понюхал воздух и усмехнулся:

— Ого! Еще земли не получил, а уж сигары раскуриваешь.

— Да нет... — ответил Джек конфузливо. — Это так, Вирджиния, наша деревенская. Вот попробуй, если хочешь.

И положил перед секретарем длинную сигару, чуть ли не в четверть. Тот оглядел сигару со всех сторон внимательно, но вернул ее обратно.

— Это уже вроде взятки выйдет, — сказал он с сожалением.

Джек засмеялся.

— Какая такая взятка? Говорю же, что с моего огорода сигара.

Секретарь недоверчиво улыбнулся и закурил. Затянулся раз пять.

— Хорошая штука, — сказал он, рассматривая дымок. — Ты удостоверить-то можешь, что сам табак вырастил?

— Ну да, могу. Вот и листья при мне.

И Джек положил на стол пачку листьев.

— Я вот что тебе посоветую, — вдруг рассмеялся и подмигнул глазом секретарь: — приложи ты к своему прошению пяточек сигар, в виде, так сказать, удостоверения о трудоспособности. Я не шучу! Ведь американский сигарный табак у нас — культура новая. Может, комиссия это во внимание примет.

— Так и сделаем, — подхватил Капралов. — Должна во внимание принять!

И написал на листе бумаги:

«Сигары Вирджиния, из табаку, выращенного на огороде Якова Восьмеркина, председателя коммуны „Новая Америка“. Приложение к прошению об отводе земли. Секретарь совета коммуны В. Капралов».

В эту бумагу завернули несколько сигар. Сверток был пришит ниткой к прошению и занумерован.

После этого ребята ходили еще с письмом Николки Чурасова к товарищу Бабушкину на квартиру.

Бабушкин был низенький молодой человек, очень бойкий и видимо занятой. Однако узнавши, что речь идет об организации коммуны, он обещал оказать содействие и позвонить по телефону в земельное

управление. Сам он только что бросил курить, поэтому сигар пробовать не стал.

Но заинтересовался новой культурой и взял у Джека пяток сигарок, чтобы показать ребятам в комсомоле.

* *

*

Когда через несколько дней Джек пришел за справкой о результатах прошения, секретарь радостно замахал рукой и закричал:

— А ведь повезло тебе, товарищ Восьмеркин! Вся комиссия твои сигары курила. Председатель прямо сказал: «Если парень такой табак у себя на огороде выходил, из него толк выйдет».

— Ну да, выйдет, — подтвердил Капралов. — Только дадут ли нам землю? Вот вопрос.

— Скорее всего дадут. Так постановили: поедет землемер ваши наделы обмерять, наказ получит — удобные земли кругом осмотреть. Если что окажется подходящее, прирежет. Так что помогли тебе твои сигары, Восьмеркин. Польза, так сказать, табака.

— А когда землемер приедет?

— Через месяц ждите. Председатель обещал ваше дело ускорить. Нам, говорит, сейчас американцы нужны. Только, Восьмеркин, друг, держись теперь. Смотри, дальше не подгадь!

— Не подгадим, — ответил Джек серьезно.

И пошел к порогу. Потом вдруг вернулся, полез в карман и вытащил два зернышка крупной пшеницы. Сказал смущенно:

— Вот покажи председателю наши семена. Скажи, что это американская пшеница — Манитоба. Через три года у нас ею сто гектаров в коммуне засеяно будет.

* *

*

Джек и Капралов после недельного отсутствия вернулись в Починки с приятными вестями. Пришли прямо в избу Чурасовых, собрали коммунаров и все им подробно доложили: устав утвержден, землемер приедет, может, и земли прирежут в этом году. Одним словом, основание коммуны положено.

Николка сейчас же выскочил с ружьем на крыльцо и выпалил в воздух от радости. Потом Джека и Капралова качали. С песнями и плясками коммунары прошли через всю деревню. Их останавливали крестьяне и спрашивали, в чем дело. Двое мужиков даже выразили желание вступить в коммуны и, их зачислили кандидатами тут же, на улице.

Дома Пелагея сообщила Джеку, что накануне старик Кацауров внезапно скончался. Он погнал коров к березовой роще, как всегда, а к ночи коровы вернулись домой одни. Братья ходили искать старика, но в темноте не нашли. Сегодня утром пошли на поиски всей семьей, как по грибы. Сперва увидели носовой платок на траве, а потом и самого старика. Он сидел у дерева, с потухшей папироской в руке.

Джек хотел сейчас же идти в Кацауровку. Но Пелагея сказала, что спешить туда нечего, там хлопоты. И будет вполне достаточно, если он пойдет завтра, прямо на похороны.

Глава вторая НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

СТАРИК Аристарх Владимирович Кацауров завещал похоронить себя по гражданскому обряду. Он даже наметил себе место для могилы: на опушке березовой рощи, где пас коров. Об этом он постоянно говорил за ужином, перед отходом ко сну.

Однако братья Кацауровы решили, что это желание отца должно быть нарушено, потому что никого и никогда в их роде не хоронили без священника. Они пригласили попа из Чижей и устроили вынос по церковному обряду. Вместе со священником пришли старики и старухи просто поглазеть на похороны. Приехал в тележке и Скороходов с сыном Петром. Он считал адмирала своим приятелем с тех пор, как выменял у него пару звучащих тропических раковин на гусака.

Джек пришел прямо на кладбище и стал в стороне. На рукаве у него был надет кусок черной материи, как это делали в Америке фермеры в знак траура.

Когда адмирала закопали, старший сын его Валентин сказал речь. Он говорил о том, каким замечательным мореплавателем был его отец, как до революции он командовал целой эскадрой броненосцев, а после революции пас двух коров и телку. Дальше Валентин отметил, что советская власть во внимание к заслугам отца оставила ему имение, которым теперь должны пользоваться дети. Закончил Валентин на том, что если бы отец его умер в Москве, его хоронили бы непременно с оркестром музыки.

Все начали сморкаться и утирать глаза. Татьяна, которая стояла тут же и тихо плакала, пригласила

Скороходовых и Джека в усадьбу закусить. Джек сначала не хотел идти, но потом у него появилась какая-то мысль, и он пошел.

Во флигеле, в столовой против камина был накрыт большой стол. Гости начали есть пирог, а братья Кацауровы принесли глобус из кабинета отца и показывали, в каких морях и океанах плавал адмирал. Во время этих рассказов Джек молчал, а потом встал и заявил, что хочет сделать предложение.

Братья испугались не на шутку. Они решили, что Джек в такой неподходящий момент опять заговорит о свадьбе. Но Яшка имел совсем другое в виду. Он сказал, что в Починках образовалась коммуна «Новая Америка», устав которой уже утвержден. По плану хозяйства намечается развести кур и держать коров в одном помещении. И вот он предлагает Кацауровым войти всей семьей в коммуноу. И для них и для коммуны это будет выгодно: коровник в Кацауровке большой, и есть теннисная площадка, окруженная сеткой. На ней можно поместить кур. Слово за Кацауровыми.

Братья Кацауровы переглянулись и не знали, что отвечать. Конечно, выгодно было войти в коммуноу, но Валентин сообразил, что Джек не даст им бездельничать и целыми днями играть в теннис. Поэтому, немного подумав, он ответил:

— Нет, уж освободите нас от коммуны. Все-таки теперь свой угол есть. А потом, хоть это мелочь, но недопустимо по-моему на теннисной площадке кур разводить.

— Породистых, — сказал Джек многозначительно. — Мы плимутроков разведем, или виандотов.

— Это все равно, — подхватил младший Кацауров, Анатолий. — Как вы не понимаете: благородная игра в теннис, и вдруг — куры! Я убежден, что покой-

ному отцу это было бы очень неприятно. Нет, этот номер не пройдет.

— Правильное решение, — сказал Петр Скороходов важно. — Дело в следующем: коммуны эти в городе придуманы, за столом. Нельзя народ соединять, если он врозь работать хочет. Все равно «Новая Америка» или старая, придется ее через год ликвидировать за долги.

— Посмотрим, — сказал Джек задорно. — Еще неизвестно, кто ликвидируется. Через три года мы весь район пшеницей засыплем и молоком зальем...

Скороходов захохотал, но сейчас же вспомнил, что он на похоронах, и сделал вид, что закашлялся.

Пока шел этот разговор, Татьяна вышла на минуту из комнаты и возвратилась, неся в руках книгу. Это был «Робинзон».

Страшно покраснев, она протянула книгу Джеку и просила его принять «Робинзона» в подарок, на память о покойном отце.

Джек смутился, но книгу взял и поблагодарил.

* *

*

Из Кацауровки Джек ехал в тележке вместе со Скороходовым. Павел Павлович сам предложил его довезти, сказав, что у него есть важный разговор. По пути все время говорил о том, что напрасно Джек ввязался в коммуны. Такой работник, как он, сумеет и без помощи других деньги заработать. На это Джек не ответил ему ни слова.

Джек вылез из тележки у своей избы, но Скороходов и тут его в покое не оставил. Зашел в избу и стал в присутствии Пелагеи уговаривать посеять на буду-

щий год сообща пять гектаров Вирджинии. При этом божился, что продаст табак с выгодой на Нижегородской ярмарке, а прибыль разделит пополам.

Джек не стал оспаривать проекта Скороходова, а просто ответил отказом. Развернул «Робинзона» и принялся читать, начиная с первой страницы.

Тогда Скороходов вдруг переменял тему разговора:

— Ну, хочешь, Яш, я за тебя Танюшку Кацаурову просватаю? Ведь братья-то ее у меня во где сидят, в кулаке. Они у меня на похороны пятьдесят рублей заняли.

Пелагея начала возражать против такого брака. По ее мнению, Татьяна была невеста неподходящая, из господского рода и ростом мала. Джек только открыл рот, чтобы высказаться по этому поводу, как вдруг заметил, что в «Робинзоне» лежит записка. Ага! Значит, Татьяна Кацаурова передала ему книгу со значением. Она что-то хотела сообщить ему.

Незаметно Джек прочел набросанные карандашом строчки:

«Я очень хочу вступить в вашу коммуну и обещаю там хорошо работать. Попытаюсь уговорить братьев. Приходите к нам завтра. Т.»

Прочитавши записку, Джек тихонько свистнул.

— Ну, так как же? — спросил Скороходов и обнял его за плечи. — Идет, что ль? Я тебе свадьбу устрою и посаженным буду. А ты из коммуны выходи, и табак разведем вместе.

Джек поднялся во весь рост.

— Скороходов, — сказал он весело, — можешь ты повернуть голову налево?

— Ну да, могу, — ответил Скороходов.

— Что же ты теперь видишь?

— Да ничего не вижу. Вот только дверь одну.

— Правильно, дверь. Теперь надень картуз и ступай в эту дверь. Да приготовь к новому году пятьсот рублей. А то я тоже с клещами приеду.

Скороходов не понимал американских шуток, а потому только захохотал и не двинулся с места. Тогда Джек просто сказал ему, чтобы он убирался из избы и больше не приходил. Скороходов, надел картуз и закричал:

— Ну хорошо, вспомню я тебе это!..

Однако фразы не кончил и вылетел в дверь.

Пелагея долго ворчала на Джека зато, что он обидел доброго человека. Но Джек хорошо знал, что делал. Скороходов со своими советами был теперь ему не нужен.

А все-таки в Кацауровку Джек на другой день не пошел.

Глава третья ЕЩЕ КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ КОММУНЫ

КОГДА копали картошку, Джек объявил по деревне, что коммуна скупает картофельную ботву по гривеннику за воз. Крестьяне подивились на чудачество Джека, но велели бабам и ребятам ботву не разбрасывать, а собирать ее при дороге. Коммунары выехали с подводами и за один день перевезли всю ботву на двор к Восьмеркиным. Ботва лежала на огороде огромной темной кучей и вызывала возмущение Пелагеи. Старуха считала, что из ботвы проку уж никакого быть не может.

Тут же на краю огорода Восьмеркиных ребята, по указанию Джека, начали рыть яму. Это была первая общая работа коммунаров, и прошла она дружно, без единой заминки. Ребята рвали лопаты друг у друга из рук и ни на минуту не прекращали работы, пока, наконец, Джек не сказал:

— Довольно, товарищи. Ведь не колодец роете.

Яму выстелили внутри соломой и прутьями. После этого начали рубить картофельную ботву сечками, как капусту. Изрубленную ботву свалили в яму, посолили, а сверху прикрыли соломой и досками.

Получилась силосная яма, о которой раньше не имели никакого представления в Починках. Джек разъяснил, что из картофельной ботвы весной выйдет хороший корм для коров. Но в это никто не хотел верить.

Как-то Николка Чурасов, которому поскорей хотелось наладить общее дело, предложил сливать излишки молока в железный бидон и отправлять на продажу в город. Но Джек подсчитал, что это не выгодно, и посоветовал выделывать творожные сырки. В избе у

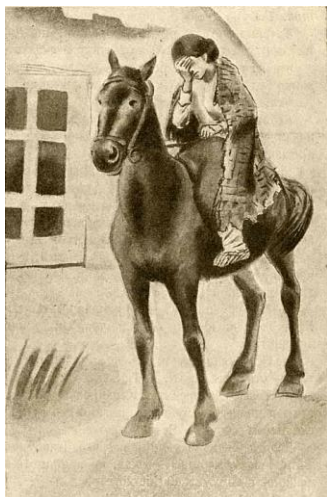
Капралова была устроена примитивная сыроварня, и в город отправили с Сережкой Маршевым двести сырков. Всю партию закупил кооператив, и коммуна получила новый заказ. Это было первое выступление «Новой Америки» на внешнем рынке.

В конце октября приехал из города гость в коммуны — землемер. С помощью ребят он обмерил отдельные участки коммунаров и наметил место для общего клина. Место попало хорошее, как раз у дороги в Кацауровку. Землемер осмотрел и запасные земли. Сказал, что в городе сделает доклад в пользу коммуны, и если его доклад утвердят, то весной он гектаров шестьдесят прирежет. Потом простился с ребятами, собрал чертежи в портфель и уехал.

Об этом приезде несколько дней говорили мужики в Починках. Похоже было на то, что дела коммуны действительно налаживаются. Коммунары ходили по деревне важно и деловито, и за это их даже стали звать «американцами».

Наконец выпал первый снег, но продержался только два дня и стаял. Николка Чурасов начал готовить патроны, чтобы идти на зайцев. А Джек целый день сидел в избе и вертел сигары из тех листьев, что оставил ему Скороходов. Работал, как на фабрике, по восьми часов в день, с перерывом на обед. Всю избу завалил сигарами, и Пелагея не знала, куда от них деваться. А Яшка вертел все новые и новые, словно нанятый.

Однажды вечером он резал листья на заvertку. Вдруг кто-то постучал в окно прутом. Джек вышел на крыльцо. У избы стоял всадник, накрытый рогожей. Джек подошел ближе и увидел, что это Татьяна Кацаурова. Она сидела на своем Байроне и тихо плакала. Поэтому, должно быть, и в избу входить не хотела.

— Меня ветка сильно по глазам хлестнула, потому я и плачу, — сказала она.

Джек снял ее с седла и ввел в избу. Попросил Пелагею поставить самовар и спросил у Татьяны, что случилось. Пока Пелагея колола щепки на растопку, Татьяна успокоилась и рассказала с возмущением, что старший брат ее Валентин уехал с женой в Москву и обратно не вернется.

— Зачем же он уехал? — спросил Джек.

— Мы нашли в столе у отца рукопись — его воспоминания о войне и революции. Валентин взялся устроить ее в издательство. Говорил, что можно тысячу рублей получить и поправить хозяйство. Забрал все деньги, какие были в доме, и уехал с женой. А сегодня от него пришло письмо, что он не вернется в Кацауровку. Устроился в Москве. О книге ничего не пишет...

Татьяна сказала все это с возмущением, но в то же время было видно, что она стыдится за своего брата и смягчает всю историю. Раньше она никогда не жаловалась на свою судьбу, но теперь, должно быть, терпение ее переполнилось. Она начала говорить Джеку о том, что с отъездом Валентина положение ее в усадьбе делается совершенно безвыходным. Младший брат — плохой работник, и хозяйство совсем разваливается.

Сказавши это, Татьяна опять горько заплакала и, стыдясь Пелагеи, отвернулась к стене. На Джека, наоборот, все происшествие произвело приятное впечатление. Он весело прошелся по избе и сказал:

— Что ж, Татьяна Аристарховна, дело ясное: вы вступаете в нашу коммуну — и конец.

— Уж я и не знаю, как теперь быть.

— Как не знаете? У меня уже есть от вас заявление.

— Какое заявление?

— А вот это.

Джек открыл «Робинзона» и показал записку:

«Я очень хочу вступить в вашу коммуну и обещаю там хорошо работать. Попытаюсь уговорить братьев. Приходите к нам завтра. Т.»

Татьяна хотела что-то возразить, но Джек не стал ее слушать. Позвал Катюку и сказал ей:

— Беги скорей за ребятами. Скажи, что заседание будет. Чурасовых позови, Маршева и Капралова.

Ребята собрались быстро. Джек закрыл дверь на крючок и заявил, что заседание будет секретное.

Ребята насторожили уши, а Джек принялся писать что-то на бумаге. Потом разъяснил коммунарам, что представляется возможность включить Кацауровку в состав коммуны и это даст возможность сразу наладить хозяйство. Ведь там и земли порядочно, и коровник теплый, и конюшня, и даже теннисная площадка, подходящая для разведения кур.

— Постой, постой! — закричала Татьяна. — Брат Толя на кур не соглашается. Он теннисом дорожит.

— Все равно ему теперь не с кем играть будет, — ответил Джек. — Так как же, ребята? Я предлагаю зачислить Кацауровых кандидатами в члены коммуны, с шестимесячным испытательным сроком. Есть возражения?

Ребята отлично понимали, что Кацауровка для «Новой Америки» — клад, но принимать помещиков в коммуны они не хотели.

— В мячики играть будет помещик! — закричал Николка. — А мы, выходит дело, как раньше на него работали, так и теперь работать будем.

Татьяна покраснела и закрылась руками.

— В чем, товарищи, вопрос? — спросил Джек. — Татьяна Кацаурова, хоть и помещичья дочка, а работать умеет и нам не повредит. Только вот, значит, с братом заминка...

— А брата мы на сторону выделим! И площадку за ним оставим, — весело предложил Николка.

— Верно! — закричала Татьяна, чувствуя, что выход найден. — Так и сделаем. Его жена Дуня вместе со мной работать пойдет, а он один с хозяйством не справится и площадку нам отдаст... Ну, ребята, спасибо вам за помощь.

И она начала радостно пожимать руки коммунарам, смеялась, и все смеялись вместе с ней.

— Только дело это не простое, ребята! — вдруг сказал Николка. — Сами понимаете, Кацауровка больших денег стоит. Вик ее нам без борьбы не уступит.

— А кто говорит, что уступит? Я в город поеду, — сказал Джек. — Завтра же и заявление подам.

Потом долго пили чай с молоком, ели сырки и курили сигары.

Говорили о том времени, когда коммуна станет богатой. Джек заявил, что первым долгом надо будет повалить колонны и разобрать развалины старого дома. Там много крепкого кирпича, и его можно использовать на постройки. Татьяна мечтала привести в порядок сад и почистить пруд. Николка заговорил о том, что надо подпрудить речку Миножку и устроить электрическое освещение. А Маршев сказал, что готов помириться на хорошем питании и крепких сапогах. Те-

перь ребята имели право фантазировать: ведь дело было пущено в ход.

Близко к полуночи Татьяна начала собираться домой. Джек предложил ей заложить телегу. Но она отказалась, заявив, что ничего не боится. Забралась на своего Байрона, ударила его прутом и понеслась по улице во всю прыть.

А на другой день после этого Джек пропал из деревни.

Словно он только и ждал, чтоб Татьяна Кацаурова вошла в члены коммуны.

Глава четвертая СБЕЖАЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОММУНЫ

СОБСТВЕННО говоря, в Починках сначала никто не помышлял, что Джек действительно пропал. Он уехал в город с совершенно определенным поручением: хлопотать о включении Кацауровки в состав коммуны. Но, очевидно, у него были и другие планы в голове.

Так, уезжая в город, он забрал с собой все сигары, которые сделал за последнее время. Перед отъездом дал матери сорок рублей, а Катьке оставил записку о том, как надо ухаживать за коровами, когда они телются. Прощаясь с Капраловым и Чурасовыми, просил их почаще собирать ребят на собрания и говорить об общих делах. Тогда, впрочем, никто не обратил на все это особого внимания. И только через две недели, когда установился санный путь, а Джека все не было, среди крестьян, не коммунаров, пошли разговоры, что Яшка уехал в Америку и обратно не вернется. Правда, коммунары таких вещей не говорили. Но и им было странно, что вестей от председателя нет. И иногда даже они готовы были верить, что с Яшкой действительно что-то приключилось.

Капралов, конечно, собирал ребят, но собрания протекали вяло, говорить было не о чем. Коровы зимой стали меньше давать молока, и производство сыров прекратилось. Таким образом зачахли первые ростки жизни коммуны. В декабре мужики уже открыто смеялись над коммунарами и их беглым председателем. И у ребят не было слов, чтобы заступиться за Яшку. Они считали свинством и безобразием, что за полтора месяца он не удосужился написать в коммуну письма.

Несколько раз в неделю Капралов с ребенком на руках являлся в избу Восьмеркиных и спрашивал Пелагею о Джеке. Но она сама ничего не знала, только громко вздыхала и утиралась платком. Временами она была даже готова считать появление Джека в деревне за какое-то наваждение. Внезапно он появился ночью, и так же внезапно исчез. Только серая корова в хлеву да кровать Джека напоминали ей о сыне. Да еще почти каждый месяц из Вика приносили Яшке письма в больших желтых конвертах. Пелагея знала, что это пишет Яшке друг из Америки. Она складывала бережно письма в сундук, как раз в тот угол, где лежали ее перчатки и коричневый зонтик с толстой ручкой.

Кто был искренно рад исчезновению Джека, так это Скороходов. Он считал, что теперь пятьсот рублей, которые он был должен Яшке, останутся при нем. Он даже распределил, куда истратит эти деньги. И всюду, где представлялась возможность, говорил, что у него есть верные сведения: Яшка утонул в Волге.

Но Скороходову скоро пришлось убедиться в том, что сведения его не совсем верны. Как раз после Нового года, когда срок векселю истек, в Чижи приехал человек из города. У человека был объемистый портфель подмышкой, а в портфеле лежали сборники законов, вексель Скороходова и доверенность Яшки на получение денег.

Человек пришел к Скороходову на дом и попросил расплатиться по векселю. Павел Павлович даже спорить не стал, сейчас же заплатил все до копейки. Человек вернул ему вексель и уехал в город. А Скороходов принялся ругать Яшку.

— Да нешто такие в Волге тонут? — говорил он сам себе. — Да он и в огне не сгорит, пока денег не вы-

мотает. Ведь сволочь, можно сказать, американского происхождения.

Да, конечно, Яшка не умер! Только он еще не привык работать в общем деле и по своей скверной привычке ничего не писал в коммуны. Впрочем, в середине января Капралова вызвали в Вик за заказным письмом. Капралов обрадовался: наконец-то Яшка раскачался. Но в конверте, который получил Капралов в Вике, письма не было. А лежала там накладная на получение со станции трех тонн груза. Какого груза, не было сказано, но и на том спасибо.

Капралов поднял на станцию всех коммунаров. Выехали на десяти подводах, чтобы сразу груз вывезти. Ребята повеселели. Еще бы: три тонны груза, это не комар начхал!

— Ишь ты, словно и правда коммуна, — говорили мужики, когда обоз из десяти подвод ехал по Починкам.

На станции коммунарам по накладной выдали мешки с неизвестным веществом, скорее всего, с химическим удобрением. Мешки разложили на все подводы поровну. Обрато ехали медленно, в пути обсуждали вопрос, откуда Яшка достал удобрение, почему ничего не написал и что теперь с удобрением делать.

Через Чижи для агитации решили пройти с песнями. Смотрите, мол, мужики, коммуна с зимы удобрение запасает! Песню грянули у самой околицы. Но до конца допеть не успели. В Чижах поджидала коммунаров такая потеха, какой они раньше и не видывали.

Павел Павлович Скороходов поссорился со своим сыном Петром, должно быть, первый раз в жизни. Поссорился на улице, при всем народе. И сейчас же пошел драться.

Крестьяне сначала смотрели на драку с интересом. Но потом, когда увидели, что старик начал Петра одолевать, бойцов розняли. У Петра шла носом кровь, и он кричал на всю деревню:

— Подожди, подожди, кулак, мироед! Мы тебя выселим.

Пошел в избу и еще с крыльца ругался.

Разговоров это вызвало много, и на улице собралось народа человек двести. Пока обсуждали событие, драка разгорелась опять, на этот раз на дворе у Петра. Оказалось, что старик не успокоился и пришел на двор к сыну с оглоблей. Тот тоже схватил оглоблю. Чтоб свободнее было драться, выскочили на улицу и принялись биться, как древние рыцари копьями, на далеком расстоянии.

Скоро, однако, Скороходов-старик ухитрился: ударить Петра оглоблей по ногам, сбил на землю и

принялся колотить. Тут уж и коммунары побросали воза и пришли Петру на помощь. Оглоблю у старика отняли, а Петра подняли на ноги.

Петр, хоть ему и плохо пришлось, поднялся и закричал:

— Подожди, подожди, папаша-храпоидол! Выселим тебя из Чижей. Походишь по миру с ручкой!

А старик Скороходов бил себя в грудь и еще громче кричал:

— Против отца идешь, ехидна! Хаму подражаешь! Ладно! Я тебя весной в рог согну.

Вся деревня была на стороне Петра. Все знали, что старик занимается ростовщичеством. Петр был безвреднее, хоть и тянул руку отца. Мужики после драки рады были посмеяться над Скороходовым. Кричали ему:

— Подожди, Пал Палыч. Доберемся до твоих: мешочков. Все твои делишки на свежую воду выведем.

Коммунары тоже посмеялись над даровым зрением, а когда все утихло, тронулись дальше. Но рано уехали. Потом мужики говорили, что Скороходовы еще два раза принимались драться, и оба раза на улице.

Скоро после этого в Починки к Капралову приехал Петр Скороходов. Попросил собрать совет коммуны, показывал следы от отцовских побоев, даже штаны засучивал. Потом завел длинный разговор. Говорил, что поссорился с отцом на вечные времена и хочет в Чижах организовать коммуну, под названием «Умная инициатива». Списал устав на бумажку и распрашивал Капралова, где и как в городе можно получить землю. Ребята отвечали ему охотно, понимали, что «Новой Америке» легче работать будет, если по соседству еще коммуна образуется. Петр угощал всех Яшкиным табаком, который был у него раскрошен, как ма-

хорка, но от этого вкуса не потерял. Очень ругал отца и приглашал ребят к себе в гости.

Когда он уехал, Капралов восторженно закричал:

— Во, видели, ребята! Все деревни по нашим следам тронулись. Лиха беда — начало...

* *
*

В феврале всколыхнулись деревни по случаю перевыборов в советы.

В Чижи приезжал оратор из города, и было там большое собрание. Коммунары пошли все. Оратор говорил о текущем моменте, о повышении урожайности и советовал образовывать коммуну. Капралов и Николка Чурасов беседовали с ним отдельно в сторонке. Просили поторопить землемера в городе с отводом земли. Оратор пообещал.

Потом начались перевыборы.

Между другими кандидатами чижовские мужики выставили Петра Скороходова. Решили, что после ссоры с отцом Петр в совете пригодится. Уж он доходы отцовские учесть сумеет и обложит его как следует!

Петр Скороходов прошел в совет большинством голосов.

Через неделю на волостном съезде его выбрали кандидатом в члены волостного комитета, как хорошо грамотного.

Глава пятая НИКОЛКА ЧУРАСОВ ЗАШЕВЕЛИЛСЯ

В МАРТЕ приехал в коммуну землемер.

Рано утром он вышел в поле с коммунарами и забил колья на новом участке. Прирезал и добавочный кусок, гектаров пятьдесят. Теперь поле коммуны было сведено в один участок, мерою в сто тридцать гектаров. Земля хорошая, вдоль дороги. Одно плохо: больше половины попало на целину.

Закончив работу, землемер передал Капралову чертеж нового участка, пожелал коммунарам всего хорошего и уехал в город. А ребят раздумье взяло: прежде всего, как поднять сто тридцать гектаров на десяти лошадях? А если и удастся поднять все поле, то чем засеять?

Подсчитали семена по амбарам, оказалось, запасов на восемьдесят гектаров. Да и семена все разные: и пшеница, и просо, и овес. Еще картошки нашлось гектаров на семь. А больше ничего.

Вот тут-то снова помянули Яшку недобрым словом. Еще бы, взбаламутил коммуну, доказал, что земли мало! А теперь, когда земля получена, скрылся неизвестно куда. Долго совещались ребята, как быть. Наконец решили выехать в поле всей коммуной и начать пахоту прямо с целины.

Но первый же день показал, что взялись они за трудное дело. Не шли слабосильные лошади по целине, а если и шли, то плужок только царапал землю. Даже до червей не добирался, так что грачам на поле нечего было делать. Так пробились ребята целый день. И с одного конца начинали пахать, и с другого, а прок один: не дается земля коммуне. По такой пахоте и семена разбрасывать жалко.

Ночью собрались в избу к Капралову на секретное совещание.

Был поставлен вопрос: как дальше работать?

Начались прения.

Одни предлагали целину бросить и пахать пары, сколько их есть. Другие говорили, что пока лошади не измучены, именно целину пахать надо. Каждый доказывал свою правоту.

Крик поднялся невообразимый, а выхода из положения не было видно. Наконец состоятельный Бутылкин сказал тихим голосом:

— Что ж, товарищи, дело ясное: ни рожна не выходит с коммунной. Предлагаю я потихоньку разделить землю по едокам, и пусть каждый пашет свой клин, как знает.

Николка Чурасов закричал:

— Так ведь это же значит смерть коммуне!

— Смерть и есть, — ответил Бутылкин храбро. — Зато мы живы останемся. А ведь ежели языком болтать всю весну да за коммуну стоять почем зря, осенью все ноги протянем. Предлагаю голосовать мое конкретное...

Проголосовали. Против только шесть рук поднялось: Капралова, Маршева, братьев Чурасовых да двух бедняков-безлошадников. Остальные голосовали за раздел. Сговорились, завтра утром чуть свет выйти в поле с веревками и землю на участки разбить. Сделать все это потихоньку от крестьян, чтоб лишних насмешек не было. Капралов занес постановление в протокол и заплакал от огорчения, словно он не мужик был, а девчонка.

Крестьяне быстро разошлись с собрания, должно быть, боялись, что опять новые разговоры начнутся

и решение переменят. В избе осталось только четверо старых друзей: Чурасовы, Капралов, Маршев.

Сидели и молчали.

— Надо дело спасать! — вдруг сказал Николка Чурасов.

— Конечно, надо, — подтвердил Капралов. — Только как, вот вопрос? Яшку искать, что ли?

— Да нет, раз он сбежал, не найдешь его. Да и не вспашет он нам участка. Другое надо.

— Что же?

— Будет тебе дурака ломать, неужели не понимаешь? Машину надо.

— Машину хорошо бы. Да где ее взять?

— Где? Завтра в город ехать придется.

Капралов махнул рукой:

— Опоздали, братишка. Теперь, поди, все машины распределены и на полях работают. Да и не дадут нам машины. Скажут, земли мало.

— А вот посмотрим. Кто в город поедет?

Ответа не последовало.

Николка поднялся, поправил пояс и ответил сам себе:

— Я поеду.

Капралов спросил с интересом:

— А деньги-то у тебя на дорогу есть?

— Нет денег. Да ничего. Найду.

— Где найдешь?

— Найду, говорю.

И тут по задорному лицу Николки пробежала какая-то тень.

Недолго еще поговорили, минут пять. Хоть и слабая надежда на поездку была, Николку никто не отговаривал. Все-таки, может быть, что и сделает в городе.

Капралов и Маршев проводили Чурасовых до избы. Просили Николая скорее возвращаться, даже если не достанет машины. Тихо пошли по домам.

А на другой день, рано утром, Николка ушел с ружьем из деревни. Шел он быстро и уверенно, словно на охоту в дальние места. У околицы встретил его старик Сундучков, который в поле ехал. Закричал:

— Эй, коммунары! Пахать надоть, а ты на охоту. Не много так наработаете, ребяташки.

На это Николка ему ничего не ответил, хоть отбrehиваться был мастер. В роще вдруг начал он стрелять без-толку по галкам и расстрелял все патроны. Потом сел у дороги и долго чистил ружье.

Через два часа его видели на станции: он брал билет в город. Ружья при нем не было.

* *

*

В городе Николка уже к обеду понял, что получить трактор во время пахоты — дело невозможное. Он обошел все учреждения, имеющие отношение к машиноснабжению деревни, и везде слышал одно:

— Опоздал, товарищ. На будущий год заходи.

Николка и сам понимал, что пришел за трактором слишком поздно. Семенной материал еще можно было достать в ссуду, а тракторов на складах не было. Чтоб испробовать все пути, Николка пошел по учреждениям, которые машиноснабжением не занимались. В земельном управлении он увидел Петра Скороходова. Петр о чем-то тихо говорил с секретарем, как решил Николка, о своей коммуне.

Николка обрадовался знакомому человеку и ткнул Петра в бок. Тот почему-то страшно смутился, но Николка на это внимания не обратил и начал рассказывать Петру свои горести.

Петр ничего не мог ему посоветовать, сказал только, что страшно спешит, и сейчас же пошел к двери. На пороге на минутку задержался и спросил:

— Что ж председатель-то ваш бездействует?

— Смылся Восьмеркин, — ответил Николка. — И не знаем, где он.

— Здесь околачивается. Я его вчера на базаре видел.

— Что же он там делал?

— Ничего особенного. Баранки покупал.

— В деревню-то собирается?

— Я его не спрашивал.

И Петр вышел из комнаты.

А Николай сел на лавку и задумался. Невероятная злоба появилась в нем против Яшки. Весна, пахота, коммуна мучится в деревне, а Яшка тут ходит по базарам и баранки покупает. Несколько раз Николка вскакивал и порывался итти куда-то. Но итти было некуда, и он опять опускался на лавку. Скоро служащие начали расходиться, а курьерша принялась мести помещение. Пришлось Николке уйти.

Оставалось одно — ехать в деревню с пустыми руками. Николай пообедал воблой и хлебом на бульваре и пошел на вокзал. Тоска его мучила. Проездил ружье, потерял день, а проку никакого. Все равно, распалась «Новая Америка»!

На вокзале он узнал, что поезд отходит только через три часа. Чтобы как-нибудь скоротать время, Николка решил зайти к своему знакомому, комсомольцу Бабушкину. На помощь он не рассчитывал, а только хотел поговорить.

Бабушкина он застал дома и сейчас же подробно рассказал ему, в какое тяжелое положение попала коммуна. Тот посочувствовал, но насчет трактора об-

надеживать не стал. Сказал, что время действительно упущено. Однако дал Николке один совет: добиться получения семян в ссуду и переправить их в деревню. По его мнению, общие семена спаяли бы крестьян, и хоть небольшой клин коммуна могла бы засеять сообщца. Мысль эта понравилась Николке, и он решил остаться в городе еще на один день.

Весь вечер он смотрел на ледоход и вздыхал, а когда стемнело, пошел на ночевку в дом крестьянина. Выправил себе у коменданта ордер на койку и побежал в спальню, чтоб поскорее заснуть и забыть свою злобу.

В спальне стояло десять кроватей. На каждой лежал сенник и сенная подушка, одеял не было. Высоко в потолке тускло горела запыленная электрическая лампочка.

Все койки были свободны, за исключением одной, на которой уже спал человек, прикрытый кожаной тужуркой. Николка посмотрел на куртку и подумал, что вряд ли это крестьянин спит: кто будет в пахоту ночевать в городе? Вернее всего — мастеровой из совхоза.

Не снимая сапог, Николка улегся на сенник и закрыл глаза. Поплыли льдины, которые он видел на реке, и тело начало наливаться сном. Вдруг кто-то застонал в комнате. Николка открыл глаза, повернул голову и увидел, что человек под кожаной курткой беспокойно заворочался и заговорил во сне что-то непонятное. Потом вдруг громко закричал:

— Горит... Горит...

И опять начал стонать, как тяжело больной.

Николка поднялся на кровати: голос человека показался ему знакомым. Но тот уже успокоился и опять накрылся курткой. Николка соскочил на пол, зажег спичку, отвернул полу куртки и заглянул спя-

щему в лицо. Предположения его подтвердились на все сто процентов: под курткой спал беглый председатель коммуны «Новая Америка» — Яшка Восьмеркин.

Он стонал и бредил, как тогда, летом, в засуху, когда солнце жгло его табак, а он ничем не мог помочь беде.

Глава шестая ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖЕКА ВОСЬМЕРКИНА

НИКОЛКА охнул и принялся трясти Яшку за плечи. Тот проснулся, протер глаза и посмотрел на Николку.

Хрипло спросил:

— Пахать начали?

— На чем? — зашептал Николка с яростью. — Что ж ты наших лошадей, что ли, не знаешь? Не идут они, и все...

— А разве целина попалась?

— Ну да, большая часть.

Яшка спустил ноги на пол, достал из-под подушки сигару и протянул ее Николке. Николка бросил сигару через всю комнату и принялся упрекать Джека во всех бедах коммуны. Рассказал ему, как крестьяне, отчаявшись, решили разделить землю на участки и пахать по отдельности. Упомянул и о том, что семян не хватит у коммуны и что наверное прирезку отберут.

Свой длинный и злобный рассказ Николай кончил вопросом:

— Ну, что думаешь делать, Яша?

Джек тяжело вздохнул.

— Третий день здесь бьюсь, — сказал он тихо. — Я еще осенью знал, что нам без машины поля не поднять. А теперь, понимаешь, есть трактор, да взять его нельзя.

— Где трактор?

Яшка рассказал, что всю зиму он работал в мастерской при совхозе «Красная звезда», в десяти километрах от города. Там вместе со слесарем он собрал из пяти старых тракторов четыре. За это получал сто рублей зарплаты в месяц и харчи. Весной попросил

заведующего совхозом отпустить один трактор для вспашки земли в коммуне «Новая Америка». Заведующий согласился, но потребовал поручительства, что трактор будет возвращен в срок. И вот Яшка три дня бегаёт по учреждениям и организациям за поручительством и везде получает отказ.

Николка Чурасов как-то странно гмыкнул, бросился на Яшку и подмял его под себя. Это было выражением его страшной радости.

— Только в поручительстве дело? — спросил он, сидя верхом на Джеке.

— Только в нём.

— Яшка, я достану поручительство.

— Врешь?

— Чего вру?! Через Бабушкина достану. Он мне полное содействие обещал. Будем, Яшка, с машиной. Спасена «Новая Америка»!..

* *

*

Ребята болтали долго.

У Яшки была ещё одна новость: Петр Скороходов от имени Вика добивается передачи Кацауровки Чижам. В этом помогает ему старик Скороходов.

— Брось ты, — сказал недоверчиво Николка: — ведь они поругались не на жизнь, а на смерть. Перед всей деревней оглоблями дрались.

— Может, перед деревней и дрались. А здесь, в городе, я их вчера вместе видел. Чай пили в трактире.

Николка призадумался. Теперь он понял, почему так быстро убежал от него Петр Скороходов. Значит, он ведёт под коммуну подкоп? Значит, драка с отцом была надувательством?

— Плохо дело, — сказал Николка. — Ведь Петр нам болтал, что тоже хочет собрать коммуну «Умная инициатива». Мы ему поверили. Я его вчера встретил здесь и рассказал, как доброму, что нам пахать нечем. Теперь он этим воспользуется и Кацауровку у нас перехватит.

— Беда будет.

— Конечно, беда. Но еще посмотрим, чья возьмет.

И ребята шопотом, словно их кто мог подслушать, принялись обсуждать, как защитить Кацауровку и разоблачить Скороходовых.

За окном как будто полилась вода, сначала голубая, потом белая. Воробьи зачирикали на улице. В комнате стало светло. А ребята все говорили и говорили.

* *

*

Из шестерых членов коммуны, голосовавших против раздела земли, лошади были только у Капралова и Дмитрия Чурасова. Но ни тот, ни другой в поле пахать не выехали. Они решили дождаться возвращения Николки из города.

На коммунаров это подействовало. Без вожаков не решались они делить землю. Первые полдня спорили о том, как теперь быть. А после обеда без дела каждый наметил себе полоску по парам и принялся пахать. Целина, отведенная коммуне, так и осталась не тронутой. Никому не хотелось мучить лошадей и ломать плуг в такое горячее время.

Правление же «Новой Америки» в полном составе осталось в деревне.

Не легко было сидеть во время пахоты сложа руки. Но каждый чувствовал, что, если выехать в поле, крестьяне сейчас же заставят разделить землю. Капралов, как наиболее осторожный, даже на улицу не показывался: сказался больным. А вечером, когда стемнело, тихо побрел с Сережкой Маршевым по направлению к Чижам. Надеялись встретить Николку.

Сережка Маршев, голодный и обессиленный, говорил отрывисто, не кончая фраз, что теперь ему остается только уйти из деревни на заработки, — другого выхода нет. Понадеялся он на коммуну и проел последний хлеб. Теперь семья питается только картошкой, да и та подходит к концу. Если Николка не достанет машины, хоть головой в реку бросайся. Ведь в городе-то тоже с работой не густо!

Сережка говорил это, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Все ему казалось, что Николка идет

навстречу. Но добрались до Чижей, никого не встретили. Решили, что Николка заночевал в городе, и вернулись обратно.

На другой день Маршев уже не пошел с Капраловым встречать Николку. Он совсем в отчаяние впал. Капралов пошел один.

Ночь была темная и теплая. Капралов, как вчера, добрался до Чижей, постоял немного в поле и повернул обратно. Решил зайти на минутку к Дмитрию Чурасову, сказать, что завтра

надо обязательно выезжать в поле. А то ведь каждый пропащий день портит дело коммуны и подрывает доверие к правлению.

Он недолго постоял у избы Чурасова, раздумывая, хорошо ли будет, если они завтра начнут пахать. Но делать было нечего, ведь Николка мог пробыть и неделю в городе. Нельзя же бездельничать неделю.

Капралов поднялся на крыльцо и уже взялся за ручку двери. И тут вдруг показалось ему, что далеко за деревней застучала какая-то машина. Залязгала, зафыркала и остановилась. Капралов решил, что это ему померещилось от долгого ожидания. Но он задержался на крыльце, приложил к ушам руки и стал вглядыв-

ваться в ночную темноту. Никакой машины не было слышно. Только собаки лаяли в Чижых, да корова громко дышала в хлеву у Чурасова. Потом вдруг опять где-то заработал мотор и пошел, пошел, прямо к деревне. Капралов прыгнул с крыльца и побежал в поле.

Далеко на дороге мигал слабый фонарь, и машина, лязгая железом, перла на деревню. Шла она вперед, стуча и буксуя на лужах, но сквозь ее шум можно было разобрать, что два голоса — Николки и Яшки — поют песню: «Александровский централ».

Капралов глотнул воздух и бросился бежать, но не к машине, а от нее — к избе Чурасова: сказать, что завтра коммуна начинает пахоту. Он едва успел растолкать Дмитрия, как на улице уже застучал трактор. Капралов и Дмитрий выскочили на крыльцо.

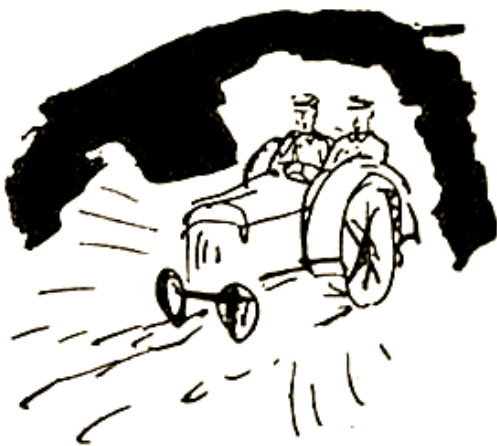
Трактор подкатил к избе и остановился. Весь он был обвешан какими-то мешочками, а сзади, между колес, была привязана железная бочка. С трактора соскочили Николка Чурасов и Джек, в кожаной куртке и таких же штанах.

Николка бросился обниматься с Капраловым, а

Джек, ни с кем не здороваясь, сказал громко по направлению к крыльцу:

— Ну, вот, товарищи, мы и приехали. Накройте-ка машину рогожей да собирайте всех на экстренное заседание.

И потушил на тракторе фонарь.

Глава седьмая ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЭКСТРЕННОЕ заседание длилось почти всю ночь. Долго собирали членов коммуны. Многие из них только что разоспались, и Николке с Капраловым пришлось поливать их водой. Наконец коммунары сошлись к избе Чурасовых, зевающие и недовольные. И только вид трактора у крыльца заставил всех забыть сон.

Но все-таки Яшке пришлось услышать много горьких слов на заседании.

Напрасно он кричал, что время не ждет и надо потолковать о делах. Каждый хотел вставить свое словечко, и Джека обвиняли во всех неудачах коммуны.

Наконец все упреки были высказаны, все обидные слова произнесены. Яшка получил возможность говорить.

Он начал свой доклад с рассказа о том, как работают на земле в Америке. Там никто не остается на зиму в деревне, разве только богатые фермеры. Работники же едут в те места, где зимой можно получить заработок. Так по американскому обычаю сделал и он в эту зиму.

Тут Капралов возмущенно закричал:

— Что ж у тебя руки отсохли написать, что в Америке такой обычай существует? Нешто мы можем здесь, в Починках, все американские обычаи знать?

Джек ответил, что писем писать не любит, поэтому ничего и не написал. Считает, что сделал ошибку.

— Так общее дело вести нельзя! — вставил Маршев. — Раз связался с нами, должен информировать.

Джек пообещал в будущем писать аккуратно, и

продолжал свой рассказ. Вкратце сообщил, как работал зимой в мастерских совхоза и как с помощью Николки получил оттуда трактор на две недели. За это время надо поднять всю целину, а также запахать кацауровские поля. Работать придется и ночью, при коштрах. Завтра же надо съездить на станцию за плугом и керосином. Если лошади не идут по целине, пару можно продать, благо цены весной стоят хорошие. Этих денег с лихвой хватит и на керосин, и на смазку для трактора, и на оплату за провоз семян, которые отпущены в городе. Остальных лошадей надо променять хоть на четверку хороших, он еще осенью об этом думал. Теперь после неудачи с пахотой коммунары должны его в этом деле поддержать.

Здесь Бутылкин, а за ним и некоторые другие члены коммуны, начали возражать, что нельзя действовать так поспешно, — жалко со старыми лошадьми расставаться. Но Джек ответил с запальчивостью, что только так и можно работать. Если каждый будет жалеть свою паршивую лошадь и курицу, то мечтать о хорошем хозяйстве нечего. Большинство голосов постановили вопрос о лошадях пока отложить.

Посыпались замечания. Непонятно было, как на тракторе пахать день и ночь. Оно, конечно, трактор — машина и не устает, но ведь люди-то с работой незнакомы. Тут Капралов вмешался, сказал, что лично он с трактором справится: ему во время военной службы приходилось ездить на танках.

— Остальных научим, — сказал Джек. — Надо, чтоб четыре тракториста было. Каждый будет по шести часов пахать. А на лошадях пусть пары поднимают.

Маршев сказал:

— Я хочу на тракторе.

— Ладно, — ответил Джек. — Так четверку и со-

ставим: ты, Николка, Капралов и я. Еще пару женщин обучим. Ведь на тракторе пахать не за плугом ходить. Силы не требуется.

Поговорили и о Кацауровке. Хотя ребята с собой бумаги на имение не привезли, им было обещано в городе, что Кацауровка отойдет к коммуне.

— На этих днях коров туда переведем для верности, — сказал Джек. — И работниц перебросим. Кормить скот будем силосом.

— Ведь у нас потелились коровы-то, — сказал Дмитрий Чурасов и улыбнулся. — Теперь в стаде шесть телят уж лишних.

— И телят в Кацауровку переведем, — заявил Джек. — В Кацауровке и гряды заложим под Вирджинию. Если руки свободные останутся, начнем дом разбирать адмиральский послезавтра. Я и веревку привез специальную, чтоб колонны валить. В ней двадцать метров.

Джек пошел к трактору и принес веревку.

Тут уж ребята смеяться начали. Бутылкин закричал:

— Ты, Жек, опять про свое. Я уж думал, что ты за зиму про дом-то забыл. Уж больно за дело сердито берешься. Нешто могут быть весной свободные руки?

— Да ведь за нас трактор работать будет, — разъяснил Джек. — И коровы в одном помещении меньше ухода требуют. Должен народ освободиться.

Об этом спорить не стали. Надо было распределить, кто на другой день что делает. Капралов переписал на лист всех работников и работниц и против каждого имени обозначил: кто пашет, кто на станцию едет, кто трактором управлять учится.

Совсем уже рассвело, когда Джек объявил собрание закрытым.

* *

*

Дома Джек не стал много разговаривать с матерью. Сказал Пелагее только, чтоб она с утра ехала пахать пары на общее поле, а Катьке велел пересчитать кур у коммунаров и составить ведомость. Выдал лист бумаги. Пелагея от радости, что сын вернулся, совсем одурела. Забыла ему даже сразу про американские письма сказать. Но Джек сам спросил о письмах и сел к окну их читать.

Пелагея задремала на печке, но потом вдруг проснулась от крика:

— Двести пятьдесят долларов!..

Это Джек кричал.

Пелагея испугалась и спросила шепотом:

— Яш, а Яш, может, тебе воды подать?

Но Яшка ответил:

— Ничего мне не надо.

И опять принялся читать.

Только с каждым письмом становился он все грустнее и грустнее.

Когда читал последнее, то Пелагее показалось даже, что он плачет.

Глава восьмая

ДЖЕК ДЕЛАЕТ ВИЗИТЫ СТАРЫМ ЗНАКОМЫМ

ТАТЬЯНА Кацаурова невесело провела зиму.

С отъездом старшего брата Валентина в Кацауровке жить стало труднее. Особенно тяжело доставались дрова. Раньше в лесу работали братья, а теперь Анатолий отказался ехать один, и вместе с ним пришлось пилить лес поочередно Татьяне и Дуне.

Работа эта была трудная и утомительная. С непривычки от пилы болели руки и спина.

Перед Новым годом Анатолий получил от Валентина письмо, но Татьяне его не показал. Сказал только, что брат приглашает его приехать в Москву на недельку. На билет у Анатолия денег не было, и он уговорил Татьяну продать на сорок рублей сена. Обещал, что из Москвы сейчас же вышлет телеграфом сто рублей, а потом переведет деньги, полученные за адмиральскую рукопись.

Уехал он под Новый год, и с тех пор от него известий не было. Дуня, жена его, часто плакала и уверяла, что в Кацауровку Анатолий никогда не вернется. Татьяна успокаивала ее, как могла, хотя сама понимала, что братья интересоваться усадьбой перестали и вряд ли возвратятся.

Теперь Татьяна совершенно не представляла себе, как поведет хозяйство дальше, без мужчин. Еще с коровами, пожалуй, она и Дуня управились бы. Но пахать землю и сеять хлеб было для них трудно. Единственная надежда оставалась теперь на коммуну, но и эта надежда была очень слаба.

Татьяна знала, что Джек пропал из деревни и за всю зиму не прислал в коммуну ни одного письма. Она знала также, что коммуна получила землю, но с пахо-

той вышла заминка. Все эти новости сообщал ей Петр Скороходов, который часто заезжал в Кацауровку. В первый раз он приехал еще в декабре, по поручению отца, получить долг. Тогда Анатолий попросил подождать до Нового года. Петр Скороходов приехал в январе и Анатолия уже не застал.

Потом начал приезжать чаще, денег уже не требовал, даже сам предлагал в долг. Один раз Татьяна заняла у него десять рублей. Приезжал обыкновенно Петр Скороходов после обеда, привозил с собой вино и конфеты и уговаривал Татьяну и Дуню пить. Оставался он долго, до самого вечера, и Татьяна не знала, зачем он ездит и о чем с ним разговаривать.

В феврале месяце Петр прикатил вместе с отцом, и старик Скороходов довольно прозрачно намек-

нул Татьяне, что Петр решил на ней жениться. Татьяна сообразила, что свадьба эта, предлог для того, чтобы завладеть флигелем. Да и Скороходовы этого не скрывали. Вдруг ни с того, ни с сего оба полезли на чердак — посмотреть, хороши ли стропила.

Татьяна страшно возмутилась. Когда старик слез с чердака, весь в паутине, Татьяна решительно заявила ему, что замуж за Петра ни в коем случае не пойдет. Тогда Павел Павлович Скороходов закричал:

— Ну, коли так, то тебя Петр, как помещицу, отсюда в поле выгонит. А поля твои чижовским мужикам отдаст. Ты сперва подумай над этим, а потом отказывайся.

— Фактически так, — поддакнул Петр. — Как теперь адмирал умер, а братья смылись, действительно потеснить придется.

Татьяна поняла, что ее дело плохо, и промолчала. Вечером, когда Скороходовы уехали, она написала братьям длинное письмо. Просила у них совета, как быть. Письмо она отправила срочной почтой, но никакого ответа не получила.

Прошло еще немного времени, и вот Петр Скороходов приехал в Кацауровку на отцовской тележке и в новом картузе. Он привез Татьяне белой материи на платье и две катушки ниток. Дуне привез носовых платков и гребенку. Передавая подарки, он заявил, что свадьба должна состояться на Красной Горке. Никаких возражений он не предвидел.

Татьяна отложила материю в сторону, даже не взглянув на нее, и вдруг заявила, что еще осенью она вошла в коммуны и ей надо посоветоваться с ребятами, как теперь быть. Этого Петр Скороходов не предвидел и даже растерялся. Но скоро он нашел выход из положения.

— Ты это дело, Таня, брось, — сказал он отечески. — Никакой коммуны быть не может, одни глупости это. Яшка на них плюнул и в городе крутится. Пиши сейчас заявление, что из членов уходишь, а я его Капралову свезу. Так лучше будет.

И стал рассказывать Татьяне о том, что он уже побывал в городе и там ему пообещали передать Кацауровку в распоряжение Вика. Значит, если он захочет, завтра же может прислать чижовских мужиков запахать кацауровские поля.

Татьяна поняла, что на помощь ей теперь рассчитывать неоткуда. Слезы тихо бежали по ее лицу, и она машинально начала рассматривать белую материю.

А Петр стучал каблуками по комнате и говорил:

— Тут и на оборки хватит. Четыре метра с половиной привез. Только кроить не дам, пока заявление не подпишешь...

* *

*

Джек в этот день с утра начал учить ребят работать на тракторе. Ученье происходило на улице в Починках: ездили взад и вперед. Капралов очень скоро усвоил всю премудрость, но Маршеву и Николке, которые никаких машин, кроме телег, не видали, приходилось трудно.

Весь народ высypал смотреть, как трактор с треском катался по улице, вдруг одевался облаком дыма, ломал изгороди и стучался в стены изб. Ближе к обеду путь трактора выровнялся, и машина перестала походить на пьяную. В самый обед на подводах привезли со станции четырехлемешный плужок и керосин. Джек велел везти все это в поле, а сам пообедал и

выехал вслед за подводами на тракторе. За трактором пошли все коммунары с бабами и ребятами.

Джек осмотрел поле, наметил на целине участок гектаров в пять, прицепил плуг и начал пахать.

Земля была еще сырая и хорошо отваливалась четырьмя пластами, обнаруживая свое черноземное нутро. На работу Джека смотрели все с восхищением: уж больно ловко слушался его трактор, и легко под машиной ломалась целина. Но Джек считал, что нечего стоять без дела да ротозейничать. Он поручил ребятам и бабам собирать хворост для костров, чтоб ночью запалить огни по краям участка. Передал машину Капралову, а сам с тремя ребятами пошел в Кацауровку.

По полю шли весело. Коммунары считали уже, что Кацауровка отошла к ним, а потому шли туда как к себе домой. От березовой рощи припустились бежать. В ворота вошли с присвистом. Но тут ожидала их неприятность: на дворе стояла тележка старика Скороходова. Лошадь была распряжена и жевала овес из мешка. По навозу видно было, что она тут давно.

Ребята переглянулись. Николка сказал:

— Объехал нас старик. Что он тут делает?

Но когда вошли во флигель и попали в столовую, то увидели, что объехал их не старик, а сын его Петр, член Вика. Он сидел с Татьяной за столом и пил чай. Тут же лежала белая материя и нитки.

Ребята поздоровались с Татьяной и Петром за руку и сели у стен. Николка закричал весело:

— Ну, Татьяна Аристарховна, пришли тебя на работу звать. Хворост собирать надо.

Татьяна, увидевши ребят, почему-то страшно побледнела, потом покраснела. Но скоро оправилась и стала рассказывать Джеку, как провела зиму. Сказала,

что оба брата в Москве, сена в Кацауровке нет и пахать полей она не начинала.

Тут ребята захохотали и заговорили наперебой, что она может не беспокоиться. По плану работ все кацауровские поля будут подняты трактором. Что сена нет, тоже ничего. На этих днях коммуна переведет своих коров в Кацауровку и перевезет силос. Одним словом, все обойдется.

Татьяна ничего на это не ответила и вдруг вышла из комнаты. А Петр поднялся, надел картуз и сказал развязно:

— Дело в следующем: вы, ребятки, полегче, незнательный народ. Известно ли вам, что Татьяна Кацаурова из «Новой Америки» вышла? Так что — ша...

Николка Чурасов ответил, что коммуне об этом ничего не известно, и начал возражать. Но Петр спорить не стал, а вышел на двор запрягать лошадь. Тут Татьяна позвала Джека в коридор и, волнуясь, сообщила ему, что Петр заставил ее подписать заявление о выходе из коммуны. Джек покраснел, насупился, охнул. Потом спросил:

- А где это заявление?
- У него в картузе лежит.
- Угу...

И, не говоря больше ни слова, выбежал на двор. Ребята не успели на крыльцо выскочить, как он сорвал картуз с Петра и овладел бумагой. Завязалась драка. Петр хотел ударить Джека по зубам наотмашь, но Джек присел, и удар пришелся мимо. Сам Петр чуть не упал. Джек схватил его за ноги и бросил в тележку, ударил по лошади и вывез за ворота. Петр уселся на козлах и закричал, что арестует Джека при первой возможности. Но Джек ему ответил тоже криком:

— Ладно, разговаривай! Бумага в коммуно адресована, ей нечего в твоём картузе лежать. А если ещё сюда приедешь, то смотри.

Погрозил кулаком и вернулся во флигель.

Татьяна сразу развеселилась, позвала Дуню, и все вместе начали решать, что делать дальше. Ребята были убеждены, что в городе состоялось уже постановление о Кацауровке; поэтому решено было на другой день ранним утром перевести коров.

Наступил вечер. Ребята разогрели самовар, попили чаю и пошли в поле к трактору. А Джек заявил, что остается в Кацауровке на ночь дежурить, чтоб вернее было.

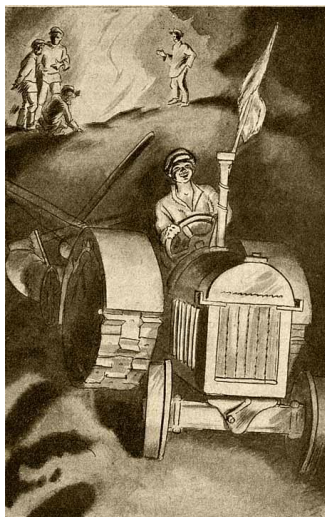
Глава девятая НЕУДАЧНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

ОСТАВАЯСЬ на ночь в Кацауровке, Джек рассчитывал, что таким путем он оградит усадьбу от захвата ее Петром Скороходовым. Весь вечер он проговорил с Татьяной о планах на лето. Они составили примерную смету, сколько нужно хлеба для коммуны, сколько молока, овощей, яиц, и подсчитали приход. Расчеты показали, что хоть и с трудом, а коммуна прокормится, даже часть зерна можно будет продать. Если же посеять табак и выгодно сбыть его, то зима совсем будет легкая.

Джек разговаривал в этот вечер с Татьяной только о делах коммуны. Вообще они никогда не вспоминали о том дне, когда он сватался за Татьяну и получил отказ. И Джек до сих пор не знал, действовал ли тогда адмирал по ее желанию, или нет.

Часов в одиннадцать в Кацауровку прибежал запыхавшийся Маршев и заявил, что трактор остановился. Джек испугался и, не прощаясь с Татьяной, побежал в поле. По пути расспрашивал Маршева, почему остановилась машина, но тот ничего не умел объяснить.

Миновали березовую рощу и увидели четыре больших костра впереди. У одного из них темной тенью стояла недвижимая машина, и огонь играл на зеркальном железе плужков. Джек, ни о

чем не спрашивая Капралова, полез под трактор. Скоро выяснилось, что поломки никакой нет. Подлили смазочного масла, Капралов завертел ручку, и трактор пошел. Джек вскочил на него на ходу.

Ночь была теплая, и работа шла хорошо. Пахло взрыхленной весенней землей и керосином. В два часа небо начало розоветь с востока, и в холодном свете зарри звезды тонули как в бездонном море. Костры догорали, и едкий дым стлался по земле. Джек разбудил Маршева, который спал в телеге, и еще раз показал ему, как надо пахать. Сережка с превеликим удовольствием уселся на машину и поехал. А Джек пошел в Починки. До утра оставалось немного, и ему хотелось пораньше выгнать коров. Кроме того, одолевала усталость.

Но Джеку не удалось отдохнуть, как следует, в эту ночь.

В пять часов его разбудила Катька и сообщила, что ребята выгнали скот на улицу. Пелагея заныла. Ей казалось, что скот у ней отнимают силой, и что коровы неминуемо подохнут в Кацауровке.

Джек, зевая и потягиваясь, с, помощью Капралова открыл силосную яму. На четыре подводы погрузили часть силоса. Бабы подивились, что за зиму картофельная ботва побурела и стала пахнуть кисло. Всем казалось, что коровы к этому корму и не притронутся. Но сделали пробу, и коровы пристали к силосу так, что их пришлось отгонять палками.

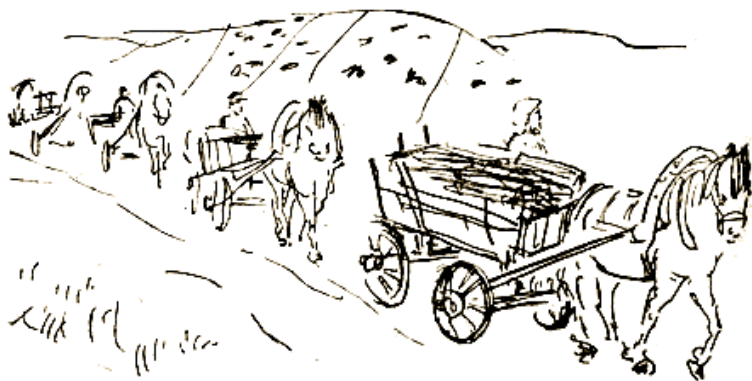
Подводы с силосом пустили вперед. За подводами шли коровы, рога которых девки украсили красными бантами. На это Катька пожертвовала платок. Сзади двигалась подвода с имуществом Джека, на подводе кверху ножками лежала его железная кровать. Потом везли телят и кур. А дальше шли коммунары.

В поле бабы заспорили, кому оставаться при ко-
ровах: ведь на весь скотный двор было положено толь-
ко три работницы. Каждой хотелось занять это место.
Николка Чурасов объяснил, что в Кацауровке будет
брошен жребий и что спорить нечего. Затянул песню:

— По морям, по морям...

Все подхватили. С песнями прошли березовую
рощу и тут увидели, что по дальней дороге в Кацау-
ровку скачет верховой. На это особого внимания не об-
ратили. В дубовой аллее заметили следы телег, а когда
подошли к воротам, то оказалось, что ворота заперты и
на них висит сургучная печать волостного комитета.
Сквозь забор видно было, что на дворе стоит много
крестьянских подвод и расхаживают мужики из Чи-
жей. Очевидно, они приехали в Кацауровку часа в че-
тыре, и там Петр Скороходов запечатал их печатью,
чтоб никто больше не мог войти в усадьбу.

Перед сургучной печатью Вика коммуна на ко-
лесах принуждена была остановиться.

Джек подошел к воротам и закричал:

— Что это здесь болтается?

Со двора послышались крики и смех. Чижевские мужики стали на телеги и через забор кричали:

— Поздно приехали, товарищи дорогие. Больно спать любите. Проспали, братишки, Кацауровку.

Коммунары начали доказывать, что мужикам Кацауровка не нужна, а для коммуны будет в самый раз. Но из-за забора в ответ понеслась ругань:

— Земля всем подходит, товарищи дорогие. Рано разбойничать начали. Убирайтесь, пока боков не намяли.

Во всей этой истории Джека возмущало одно: время проходит бесполезно. Он вынул из кармана ключ, которым подвинчивал гайки на тракторе, и подошел к воротам вплотную. С обеих сторон воцарилось молчание.

Джек взмахнул ключом. Николка Чурасов крикнул:

— Яша, погоди!

Но было уже поздно. Печать слетела на землю. Джек навалился плечом на ворота и раскрыл их. В это же самое время на крыльце флигеля появился Петр Скороходов. Он закричал на весь двор:

— Ребята, вяжи американца за сорватие печатей. И в город его, в исправдом!

Джек не успел сделать и шага, как на него навалились чижовские мужики, больно помяли его и связали вожжами руки. Бабы заревели, а ребята-коммунары пошли на выручку. Николка крикнул:

— Эх, жаль, ружье продал...

И бросился впереди всех.

Но чижовских мужиков оказалось больше. Члены коммуны были выгнаны за ворота, и ворота закрылись. А Джека потащили во флигель. С крыльца он успел закричать:

— Идите назад, товарищи! Но чтоб трактор день и ночь пахал! День и ночь!

Тут двери за ним закрылись, и «Новая Америка» осталась без председателя.

Печально было возвращение коммуны в Починки. Пелагея и Катька, да и остальные бабы ревели по Джеку на все поле. Ребята тоже приуныли, не знали они теперь, как действовать дальше. Никто не мог понять, совершил ли Джек преступление, сбивая сургучную печать с ворот, или действовал по праву. Решили устроить по этому вопросу заседание у трактора.

В Починках «Новую Америку» подняли на смех.

— Что же скоро вернулись? — кричали мужики. — Выселиться-то, выходит, не легко. Обрато приплыли, американцы!

Коров развели по дворам, красные ленты с них сняли. Пелагея даже не радовалась, что обе коровы ее вернулись в хлев. Теперь ей казалось, что Джека обя-

зательно расстреляют. Кровать Джека вверх ножками поставили обратно в избу, и это еще больше увеличивало Пелагеино горе. Повернуть ее, как надо, она не решалась: Джек запретил прикасаться к кровати. А смотреть на торчащие ножки невозможно было без слез. Охая и тяжело вздыхая, старуха растопила печку и состряпала обед. Стала кликать Катьку, но оказалось, что Катька пропала из деревни. Это совсем доконало Пелагею.

Она села у избы и редела до тех пор, пока кругом не собрался народ.

* *

*

В это же самое время в Кацауровке, в столовой, происходило летучее собрание чижовских мужиков под председательством Петра Скороходова.

Петр не скрывал своей радости, что Джек так опростоволосился: сорвал с ворот государственную печать.

Эта сорванная печать дала Петру законное право арестовать Яшку. Теперь оставалось только придумать, каким образом отделаться от него на длительный срок.

Петр Скороходов, еще накануне вечером приехавши в Чижи, пообещал мужикам произвести раздел кацауровских полей. Он понимал, что коммуна не отступится от усадьбы, и, чтоб усилить свою позицию, пошел на эту меру. При этом он выговорил у крестьян себе флигель и сараи, ссылаясь на то, что скоро женится на Татьяне.

Конечно, чижовские мужики не знали всех подробностей дела. Они были убеждены, что после смерти адмирала Кацауровка досталась Чижам, что Петр

Скороходов действует по праву, а Яшка Восьмеркин и все коммунары — разбойники, которые охотятся за чужим добром. Вот почему на летучем собрании в отношении Джека предлагались самые крайние меры. Одни говорили, что нужно его отодрать как следует, а после взять подписку, что он не будет лезть в Кацауровку. Другие предлагали немедленно отвезти его в город и там сдать в тюрьму. Сам Петр был против отправки Джека в тюрьму: он боялся, что в городе его выпустят. Он внес другое предложение: отправить Восьмеркина в Вик, в Чижи, и там продержать его под арестом две недели.

Петр думал за это время съездить в город и уладить там дело с Кацауровкой, затем запахать поля при имении и, если время позволит, жениться на Татьяне. Когда все это будет сделано, Джек получит свободу. У Петра была еще одна тайная мысль: он рассчитывал, что без Джека трактор может стать, и тогда запашка целины сорвется. А если так, то весенний сев коммуне не удастся, и она развалится. Вот почему Петр защищал свое предложение с азартом и никому почти не давал говорить.

Предложение Петра и было принято на летучем собрании.

Катька ушла из Починок без всякого определенного намерения.

Просто ей казалось невыносимым оставаться в избе теперь, когда брат ее схвачен врагами, связан и, может быть, избит. Прежняя ее

ненависть к брату была давно позабыта, и она считала Джека лучшим человеком на земле.

Стараясь быть незамеченной, Катька побежала в Кацауровку кустами, шлепала прямо по лужам и не выходила на дорогу до дубовой аллеи. Здесь она остановилась, подумала немного и решила идти в усадьбу окружным путем — не со стороны ворот, а сзади, от фруктового сада.

Дубы, омытые весенними дождями, стояли черные, как бы обуглившиеся. Прячась за них, Катька подошла к воротам, проползла немного по земле, а потом бросилась бегом вдоль забора. Миновала пруд и вошла во фруктовый сад. В саду было тихо, и Катька, где ползком, а где бегом, незаметно проскользнула за конюшню. Отсюда было рукой подать до заднего крыльца флигеля. Набравшись храбрости, Катька вбежала на крыльцо, открыла дверь и оказалась в коридоре. Здесь она стала у стены и вдруг почувствовала, что решительно не знает, что дальше делать и куда идти.

Но в это время в конце коридора закричали мужики, и Катька услышала, как Петр Скороходов поставил на голосование предложение — отвезти Яшку ночью в Вик и там продержать его две недели. Должно быть, все подняли руки за это предложение, потому что Петр объявил собрание закрытым.

Сейчас же в комнате задвигались стулья, и начали стучать сапоги. Катька поняла, что народ расходится. От страха она бросилась по коридору, наткнулась на лестницу и, недолго думая, побежала вверх. Так она оказалась в светелке, где сидели Татьяна и Дуня, дожидаясь решения собрания.

Татьяна была убеждена, что теперь ее уж наверное прогонят из Кацауровки. После стычки с коммунарами, конечно, Петр пойдет на крайние меры.

И Татьяна, глотая слезы, спешно укладывала свой чемодан, чтобы при первом же появлении Петра уехать с Дуней из усадьбы. Ехать они собирались в деревню Пичеево, откуда Дуня была родом.

Когда испуганная Катька вбежала в светелку, Татьяна держала в руках небольшой черный ящичек. В этом ящичке лежала безопасная бритва адмирала, и Татьяна раздумывала, взять ли ее с собой, как память об отце, или оставить в Кацауровке.

Катька страшно обрадовалась, когда увидела в светелке женщин. Она бросилась обниматься с Татьяной и тут же рассказала ей все, что подслушала внизу, в коридоре: ночью Джека увезут в Вик и там продержат до конца пахоты.

Глава десятая

СЕЛЬКОР ПО АМЕРИКАНСКИ

А ДЖЕК Восьмеркин в это время лежал связанный по ногам и по рукам в кабинете покойного адмирала Кацаурова.

Он знал, что двери во флигеле прекрасные и замки действуют без отказа. Его заперли на ключ в комнате, и он не делал никаких попыток выкатиться в коридор. Он только придвинулся поближе к двери, чтобы послушать, о чем говорят на собрании. Но столовая была далеко, а дубовые двери не пропускали звуков. Джек напрасно напрягал слух: ничего разобрать было нельзя. И он, извиваясь по полу, отодвинулся от двери и перестал слушать. Начал смотреть.

Прямо перед его глазами стоял на полу большой глобус адмирала. Глобус был повернут к Джеку Америкой, и он начал внимательно разглядывать этот так хорошо известный ему материк. Он легко нашел Вирджинию, где хворал скарлатиной. Затем Канзас, благодатный штат по части работы. Наверное Чарли уже пашет там землю и ждет от него письма с извещением, что можно приезжать. Тут Джеку стало стыдно: ведь он так ничего и не написал Чарли! Судя по последним письмам, парнишка совсем отчаялся и перестал верить в дружбу. Но что делать, так складывается жизнь! И Джек представил себе канзасские поля, трактор, и на нем Чарли с глазами, полными слез.

Да, пожалуй, если бы его руки не были сейчас связаны, он написал бы Чарли письмо, из которого тот понял бы, что дружба остается дружбой, но мешают обстоятельства. Ведь задача, которую Джек принял на себя в СССР, не из легких!

От Чарли мысли Джека перешли на трактор. Наверное он опять стоит посреди поля без движения, а ребята не могут пустить его в ход. А между тем каждый час простоя машины — прямой убыток для коммуны. Он дал подписку заведующему совхозом, что ровно через две недели пригонит машину обратно. И он не нарушит этого обязательства. Значит, трактор придется отдать, если даже не вся земля будет вспахана. Смазка и керосин останутся неизрасходованными, — прямой убыток! От этой мысли Джеку сделалось горько, и он закрыл глаза.

Чорт возьми! Значит, он опять допустил какую-то ошибку в своей деятельности, как тогда с табаком! Иначе он не лежал бы связанный в такое горячее время. Сорванная печать — пустяк, он сделал какую-нибудь другую ошибку, более крупную. В чем же дело? В чем дело?

Джек начал подробно вспоминать всю свою деятельность, благо было свободное время.

Правильно ли сделал он, что вошел в коммуну?

Безусловно правильно. За год он понял, что Советская Россия не Америка, здесь нет места фермерам! В СССР нужно работать сообща, и он так и сделал. Значит, здесь нет ошибки.

Тогда почему же он лежит связанный на полу, когда надо пахать? Почему за него не заступается государство, дело которого он делает?

Джек начал перебирать в своем уме все свои промахи, все невыполненные обещания и обязанности. И вдруг он повернулся на полу. Ему показалось, что он нашел то, чего искал.

Он вспомнил московского редактора газеты, к которому пришел год назад, голодный и разбитый. Тогда редактор помог ему справиться с бедой, помог

отыскать семью, дал даже денег на дорогу. Но давая ему деньги, он сказал:

— Даю тебе деньги при одном условии: как приедешь в деревню, осмотрись и пришли мне статейку. Мы ее напечатаем. *Это тебе может пригодиться...*

Написал ли он эту статью? Нет, не написал.

Чорт подери! Но ведь именно здесь и зарыта собака!

Конечно, надо было бы давным-давно написать десять статей, оповестить весь Союз о том, что в Починках образовалась коммуна. Ведь в советских газетах пишут решительно обо всем: где завели крестьяне породистых кур, где осушили болото, где кулаки подожгли баню в колхозе. Конечно, и для коммуны «Новая Америка» нашлось бы местечко в газете. Дело «Новой Америки» было бы связано со строительством всего государства. И уж наверное он не лежал бы сейчас связанный на полу. А если бы его осмелился скрутить Петр Скороходов, то по всему Союзу прошла бы волна протестов. Рабочие Ленинграда, Москвы, Харькова выносили бы резолюции: отпустить Джека Восьмеркина, наказать Петра Скороходова... Да нет, что там! Петр Скороходов просто не посмел бы к нему и прикоснуться.

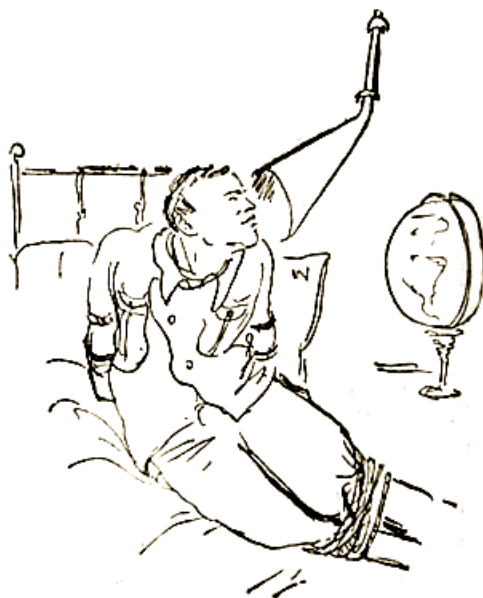
Почему эта мысль пришла ему в голову так поздно, именно теперь, когда руки его связаны?..

Заметку в газету! Заметку слов на двести!

Немедленно... Сейчас же... Написать хоть зубами!

Его руки связаны, но ведь рот его может открываться. Чертовщина! В кабинете адмирала был телефон наверх, в комнату Татьяны.

Извиваясь всем телом, как червяк, Джек начал двигаться по комнате по направлению к адмиральской

кровати. Она стояла на прежнем месте; в комнате после смерти старика никто не жил. Проклятые вожжи были очень туго завязаны, и каждое неосторожное движение причиняло боль рукам. Но Джек теперь не обращал внимания на боль. Он подполз к кровати и ударился затылком о ножку. Слабо охнул и сел ря-

дом с кроватью. Теперь надо взобраться на пружинный матрац, и половина дела сделана.

Сначала Джек положил на матрац голову. Потом, опираясь на голову, — плечи. Наконец грохнулся весь. Пружины слабо зазвенели в глубине матраца. У изголовья кровати торчал жестяной рупор, и от него вверх шла широкая белая трубка. Значит, телефон сохранился в целости, и теперь надо только его правильно использовать.

— Алло! — сказал Джек в трубку тихо.

Ответа не последовало.

— Алло!

Громче уже кричать невозможно. Надо свистеть. И Джек, сложив губы в трубку, начал высвистывать любимую песенку адмирала: «Буденный наш бра-тишка...»

Он остановился на мгновение и прислушался. Из рупора донесся тихий вздох и какой-то шепот.

— Громче! — сказал Джек.

— Вы здесь? — раздался голос Татьяны. — Я много раз шептала вам в телефон, но вы не отвечали. Ночью вас собираются перевезти в Вик и там продержат две недели, до конца пахоты.

— Ну, это мы еще посмотрим. Кто у вас в комнате?

— Дуня и Катя, ваша сестра.

— А лист бумаги найдется? И карандаш?

— Сейчас возьму.

— Пишите крупно и разборчиво.

И Джек, обдумывая каждое слово, продиктовал Татьяне заметку о том, как образовалась в Починках коммуна «Новая Америка», как получила она трактор и как, наконец, произошла ссора коммуны с членом Вика Скороходовым.

Заметка кончалась так:

«В настоящее время председатель коммуны лежит связанный на полу в Кацауровке. В таком положении Скороходов предполагает продержать его до конца посевной кампании. Необходимо немедленное вмешательство властей и общественности.

Селькор Восьмеркин».

— Что делать с этим письмом? — спросила Татьяна.

— Передайте его сейчас же Катке. Пусть она бежит домой, возьмет у матери тридцать рублей и скачет на станцию. Пусть передаст телеграфом статью в адрес редактора газеты, которую мы получали в прошлом году. Поняли?

— Да. Но телеграмма обойдется слишком дорого, Джек.

— Простой трактора дороже. Надо, чтобы через два часа телеграмма была на станции.

— Больше ничего? Джек задумался.

— Припишите на телеграмме покрупнее: копия губернскому прокурору. Теперь все.

— Нет, не все, — вдруг зашептала Татьяна в телефон. —

Джек, не сердитесь на меня. Джек, я хочу вам сказать, что тогда за столом я держала себя так странно и молчала все время потому, что обиделась на вас. Почему вы обратились к отцу с вашим предложением, а не прямо ко мне? У нас в СССР так не делается. Я понимаю, что вы американец и не знаете наших обычаев. Но все-таки это обидело меня. Джек, конечно, с моей стороны глупо говорить о таких вещах сейчас, по телефону, кроме того, вы связаны. Но раньше у меня не хватало храбрости...

Джек поднялся на кровати.

— Вы говорите все это серьезно?

Но Татьяна уже отбежала от трубки, смущенная своим признанием.

* *

*

А Пелагею ждала в этот день еще одна беда. Вскоре после обеда Катька прибежала в избу с мокрым подолом и вся забрызганная грязью. Обедать не стала, а забрала у матери тридцать рублей денег, отыскала старую газету и вышла из избы. Пелагея увидела в окне, что она вывела мерина на двор и забралась на него.

Старуха хотела сказать ей что-то. Но когда открыла дверь, то ни Катьки, ни мерина на дворе уже не было.

Зато статья Джека, которую больше года ждал от него редактор, пошла по проводам в Москву через три часа после ее написания.

Телеграфисту на станции никогда не приходилось передавать такой большой телеграммы, да еще в два адреса.

Глава одиннадцатая

ДЖЕК ВЫДЕРЖИВАЕТ ХАРАКТЕР

ТАТЬЯНА, отправивши Катьку с телеграммой на станцию, не могла успокоиться.

Она была убеждена, что телеграмма придет не скоро или пропадет. А если и дойдет по назначению, то не будет иметь результатов. Надо было предпринять для спасения Джека что-то более решительное. Иными словами, Татьяне казалось, что необходимо подготовить побег Джека.

Самым удобным временем для этого она считала сумерки, когда можно было незаметно выйти на двор и уехать из усадьбы. Ведь Скороходов собирался отправить Джека в Чижы не раньше ночи.

Татьяна не хотела спускаться вниз; она отсиживалась в своей комнате, как в крепости, даже обедала там. После ареста Джека она возненавидела Петра Скороходова, и встреча с ним ей казалась несчастьем. Теперь, однако, она решилась идти на все. Ведь Джек заступался за нее, хотел ей помочь. И она должна освободить его.

Прежде всего, необходимо развязать веревки на его руках и ногах. Оказавшись свободным, он легко может выйти в соседнюю комнату, дверь в которую завешена картой мира. А оттуда — один шаг до заднего крыльца. И Татьяна задумалась над тем, как освободить руки Джека от веревок.

Случайно на глаза ей попался небольшой ящичек с безопасной бритвой адмирала. Приход Катьки помешал уложить его в чемодан, и он остался на комоде. Татьяна вынула из ящичка два ножа, тоненьких и очень острых. Конечно, ими можно совершенно свободно перерезать любые веревки. Джек такой ловкий,

неужели он не сумеет сделать этого? Он зажмет ножик своими золотыми зубами, изогнется — и веревкам конец. Но как передать ему ножик? Очень просто. Через тот же самый телефон.

Действительно, рупор телефона широко открыл свой рот, и трубка могла пропустить тонкий ножичек. Татьяна просунула стальную пластинку в трубку. Ножик пролезал прекрасно. Вот и хорошо! Ножи полетят вниз и упадут у самой головы Джека.

— Джек! — сказала Татьяна в трубку, прежде чем бросать ножички. — Я вам сейчас спущу по трубке безопасную бритву. Постарайтесь перерезать веревки до сумерек. Затем выходите в дверь, которая завешена картой. Дверь не заперта. Вы выйдете в комнату брата, оттуда в коридор. За конюшней мы будем ждать вас с лошадьёю. Поняли? Вам необходимо спастись. Вы слышите, Джек?

Из трубки долетел какой-то неясный возглас, похожий на «ол райт». Татьяна приняла его за знак согласия и сейчас же бросила ножичек в рупор. Слышно было, как он провалился с легким звоном. Татьяна бросила второй.

Потом, прислушиваясь к звукам, доносившимся снизу, Татьяна и Дуня осторожно спустились по лестнице. В столовой все еще шли разговоры, но более тихие. Очевидно, часть крестьян уехала в Чижи. Женщины вышли на заднее крыльцо, все было тихо и на дворе. Только вода капала в бочку с крыши. Они оседлали Байрона, зашли с ним за конюшню и начали ждать Джека.

Так они простояли больше часа.

Было холодновато, да и лихорадка трепала от волнения. Вечерние тени по-весеннему мягко укладывались между домами. Молодой месяц, весь иссечен-

ный ветками дубов, делался все ярче и ярче, как бы наливался светом. Капля падала с крыши тысячу раз, а Джек все не приходил. Оставалось предположить, что он не сумел перерезать веревки обоюдоострым ножичком. Может быть, даже поранил себе язык и губы.

— Дуня, — сказала Татьяна тихо, — он не придет. Надо ему помочь. Возьми на кухне большой нож, наточи его, поди и перережь веревки. Ведь никто не знает, что дверь за картой открыта. Через нее вы и выйдете.

Дуня без возражений, покорно ушла, а Татьяна осталась одна. Она слышала, как Дуня точила нож на крыльце о кирпич. Затем стукнула дверь. Капли падали в бочку, и по ним Татьяна считала время. Стало совсем темно.

На парадное крыльцо вышли крестьяне, к Петр Скороходов сказал:

— Теперь через полчаса и везти можно. Только вы везите кружным путем, а то, пожалуй, коммунары ввяжутся. А я завтра утром приеду.

И он опять ушел в дом.

Татьяна обняла Байрона за шею и стояла, не двигаясь. Она ничего не понимала. Джек, всегда такой точный и стремительный, здесь вдруг медлит. В чем дело?

Наконец дверь скрипнула. Татьяна сделала несколько шагов вперед. Навстречу шла Дуня с длинным ножом в руках.

— Ты пробралась к нему?

— Да.

— Почему же он не пришел?

— Не захотел. Не позволил даже перерезать веревки.

— Почему, почему, почему?

— Он сказал, что теперь об его аресте знают уже в Москве, и если он убежит, то все будут думать, что никто его и не связывал. А ему хочется проучить Петра Скороходова.

— Боже мой! Какой он чудак! Что же он теперь делает?

— Кажется, заснул. Он говорил, что не спал несколько дней и очень устал. Он решил воспользоваться арестом и отоспаться.

В это время крестьяне вышли из дома и начали запрягать лошадей.

— Все пропало, — сказала Татьяна и сняла седло с Байрона. — Ты, Дуня, заложил телегу, сейчас поедет к твоему брату. Я здесь больше не останусь.

Дуня повела лошадь к телеге, а Татьяна незаметно прошла в светелку и принялась спешно укладывать в чемодан оставшиеся вещи. Она слышала, как Джека вынесли на двор и положили в телегу. Он ругался. Татьяна открыла форточку и прислушалась. Он протестовал против того, что его накрывают рогожей.

Телега с Джеком и чижовские мужики уехали со двора в десять часов вечера. Следом за ними предполагала уехать и Татьяна. Она понимала, что в ее отсутствие Петр Скороходов может разграбить дом, но теперь ей было решительно все равно. Телега с вещами стояла внизу. Татьяна ходила по своей светелке, прощалась с домом, со своим прошлым. Конечно, жизнь в деревне, в незнакомой семье будет еще тяжелее. Теперь она была готова обвинять Джека во всех своих несчастиях. Нашел время, когда спать!

Ах, Джек, Джек!

В светелку вошла Дуня.

— Едем, что ли? — спросила она. — Или до утра погодим?

— Нет, едем сейчас. Положи в телегу глобус и карту. Да привяжи коров, мы и их возьмем. Я сейчас спущусь. Мне надо кое-что собрать еще.

Но ей нечего было собирать. Она опять принялась ходить по комнате, прижимая к груди руки и судорожно дыша. Свет лампы дробился в ресницах, омоченных слезами. Было тяжело, но не хватало сил спуститься вниз.

* *

*

О том, что Джек был прав, отказываясь от побега, Татьяна узнала в одиннадцать часов вечера. Именно в это время к кацауровским воротам подскакало двое верховых: следователь и милиционер.

Ссылаясь на приказание губернского прокурора, они вошли в столовую, уселись за стол и начали допрашивать Петра Скороходова. Их, собственно, интересовал только один вопрос: кто это лежит в Кацауровке связанный?

— Дело в следующем... — начал Петр Скороходов весьма смущенно.

Затем, подавив смущение, он довольно развязно заявил, что никого связанного в усадьбе нет. Милиционер произвел обыск, и слова Петра подтвердились.

Тогда Татьяна вышла из-за двери, где она стояла во время допроса, и заявила следователю, что связанного человека увезли под рогожей час назад в Чижи, что она знает этого человека: это Яков Восьмеркин, председатель коммуны «Новая Америка». Все слова Татьяны подтвердила и Дуня.

Записав эти показания в протокол, следователь предложил Петру Скороходову ехать с ним в Чижи. Петр не возражал. Он забрал со стола белую мануфак-

туру и нитки и пошел закладывать лошадь. Татьяна слышала, как милиционер торопил его на дворе. А следователь разъяснял громко, что у них есть инструкция во всем помогать коммунам, особенно в период посевной кампании.

Через десять минут они уехали.

* *
*

Татьяна и Дуня остались одни в Кацауровке. Им сразу стало легко теперь: показалось, что все беды их миновали. Татьяна потушила огни в доме и вышла на крыльцо.

Она села на крыльцо и вдруг почувствовала желание уйти подальше от дома, в поле, в темноту. Дуня, которая успела уже распрячь лошадь, присоединилась к ней. Они заперли дом на ключ и вышли за ограду.

Невысоко от земли, наперерез дубовой аллее, быстро летели какие-то птицы и тихо свистели. Звезды мигали с туманного неба приятно и мягко. Женщины вышли в поле, не произнося ни слова. Общим будущее было не ясно, и обим хотелось тихо подумать о нем.

— Пожар! — вдруг сказала Дуня. — Это Починки горят.

Действительно, из-за холма поднимался дым, освещенный снизу. И даже не один, а как будто несколько. Женщины вбежали на холм и оттуда увидели, что пожара нет. Четыре больших костра горели в поле. Этого никогда не бывало в здешних местах.

Женщины пошли быстрее, и огни двигались на них. Скоро можно было видеть, что в квадрате, обозначенном кострами, разместился огромный участок вспаханной земли. По краю его полз трактор и грыз целину со вкусом, легко и уверенно. Глыбы поднятого дерна, освещенные сбоку, показывали, что плуг забирает глубоко и пашет на совесть. Видимо, работа приходила уже к концу. Кольцо вспаханной земли становилось все шире и шире, вытесняя целину в центре.

За трактором с горящими ветками в руках шагали двое ребят. Криками они понукали машину. Но она и так шла хорошо.

Татьяна схватила Дуню за руку и бросилась вперед, прямо по пахоте. Она бежала по развороченной земле, как по застывшим черным волнам, спотыкалась и падала. Только у самой машины она остановилась.

— Здравствуйте! — закричала она, давась дыханием. — Что нам делать?

— Кто такие? — спросил Капралов с трактора, всматриваясь в темноту.

— Члены коммуны «Новая Америка». Вышли на работу. Из Кацауровки.

— А-а...

Капралов дал тормоз, соскочил с машины и подошел к женщинам. Ребята сапогами затоптали ветки. Им было о чем поговорить.

Да, конечно, Джек ошибался, когда, лежа со связанными руками, терзал себя мыслью, что трактор без него остановится. Руки коммуны остались свободными. Правда, Николка Чурасов принужден был выехать в город, чтобы там сообщить, кому надо, о проделках Петра Скороходова. Но остальные ребята остались на работе. Этого мало: они дали себе зарок, что не пойдут спать, пока весь участок не будет запахан.

Впрочем, Джеку было уже кое-что известно о делах коммуны. Сквозь рогожу он сумел рассмотреть четыре огня в поле. И две мысли пришли ему в голову:

«Он не Робинзон теперь.

Пока все идет по плану».

Глава двенадцатая «СВОЯ ФЕРМА»

ЧТО ЖЕ, во всех широтах земного шара за весной приходит лето, а за летом — осень.

Осень появляется с легким холодком, как ревизор, и сухо на счетах подводит итоги весны и лета. Плодородие, конечно, покупается не дешево, но доказано все-таки, что оно себя оправдывает. Впрочем...

На той станции, куда приходил так часто Джек Восьмеркин, отправляясь в город, задержался товаро-пассажирский поезд. По расписанию он должен был стоять всего шесть минут, но прошло уже десять, а он все не отходил.

Пассажиры выскакивали из вагонов и справлялись, в чем дело. Им объясняли, что задерживает багаж. И в самом деле, у одного из товарных вагонов толпились люди и с большим трудом и криками выгружали какую-то машину в брезентовом чехле. Строго говоря, машина была не очень большая, всего только подержанный автомобиль. Но на станции не было никаких приспособлений для выгрузки громоздких вещей.

Наконец автомобиль медленно спустился по толстым доскам, которые были подложены под его колеса. Хозяин машины, черноглазый паренек, тут же подписал документ, что принадлежащее ему одно место груза получено в полной сохранности. Поезд ушел.

Паренек начал возиться с автомобилем. Он принес воды в брезентовом мешке, накачал шины. Потом положил в машину два больших черных чемодана и при сочувственных возгласах собравшихся крестьян поехал по траве, прочь от полотна. Все обратили внимание, что он ни у кого не спросил дороги, хотя ясно

было, что он впервые в этих местах.

Однако, проехав километра два, автомобилист остановился, так как оказался на распутье двух дорог. Но он не стал дожидаться прохожих, чтобы узнать дорогу, а, покопавшись в карманах, вынул бумажку, справился с каким-то планом, и поехал дальше.

Через десять минут автомобиль миновал Чижы. Здесь он не останавливался и даже не уменьшил хода.

Был уже август месяц, и колосья крестьянских хлебов ершились от созревших зерен. Конечно, это были низкие, редкие хлеба, какие можно найти только на наших полях и которые вызывают мысли только о бедности. Однако паренек, подъехавши к пшенице, остановился. Соскочил с машины, созвал колос, размял его на ладони и сосчитал зерна. Судя по всему, пшеница произвела на него самое скверное впечатление. Он сдунул зерна в пыль дороги и поехал дальше.

Он останавливался еще несколько раз у овса, ячменя, проса. Но и здесь количество и качество зерен, видимо, не удовлетворяли его. Он пустил машину дальше полным ходом, решивши, должно быть, что ничего интересного он не найдет в этом краю.

Но вдруг резко дал тормоз.

Пшеница с одной стороны дороги показалась ему совершенно особенной. Она стояла выше всех остальных пшениц вокруг, а колос ее пригибался к земле всех ниже. Посеяна она была длинной узкой полоской.

Паренек подбежал к высокой пшенице и засмеялся на все поле. Он поднял приветственно руку, как будто встретил дорогого приятеля, и закричал громко:

— Уих, Манитоба... Хау ду ю ду... ду... ду...^{*)}

^{*)} *Как вы поживаете?*

И как бы в ответ на его приветствие ветер слегка шевельнул колосьями.

Паренек сделал несколько шагов вперед, подошел к пшенице вплотную, но не стал ничего рвать. Он положил только себе на ладонь длинный, сигарообразный колос и сосчитал зерна. Два самых крупных он вынул и спрятал в карман. Затем перешел к следующей длинной полоске, засеянной тоже первосортным зерном. И здесь он узнал старых знакомых. Он кричал:

— Ол райт, Кота! Хип, хип, Маркиз!

И от радости гладил пшеницу, как кошку.

Полоски хлеба действительно поражали своим богатырским видом, и зерно в колосьях было полновесно и пузато. Такую пшеницу можно встретить, и то изредка, на опытных участках сельскохозяйственных школ.

Автомобиль тронулся дальше.

Уже чувствовалось приближение жилья. По обе стороны тянулись хорошо пропаханные картофельные поля. Автомобилист не стал осматривать картошки. Он остановил машину только в том месте, где за низкой изгородью был рассажен табак.

— Вирджиния! — закричал он и, не задумываясь, перемахнул через забор.

Прежде всего он измерил шагами засеянную табаконную площадь. Затем внимательно прошел по рядам. Он щупал жирные сладкие листья, сбивал букашек, подправлял кустики. Потом быстро влез в автомобиль и дал наивысшую скорость. Очевидно, ему все было понятно теперь, и он не хотел больше тратить времени.

Он пронесся по дубовой аллее, как сумасшедший, и на полном ходу въехал в ворота, над которыми распростерлась вывеска: «Коммуна Новая Америка».

Автомобиль проехал мимо развалин большого дома. Уже видно было, что над развалинами идет работа. Колонны были повалены, верхний этаж целиком разобран, и длинные штабели старого кирпича вытянулись в разных направлениях. Из окон дома уже не торчала бузина, а над частью строения даже возвышались стропила.

Впрочем, автомобилист здесь не останавливался. Он проехал дальше к жилому флигелю и тут привел в действие свой гудок, который молчал всю дорогу.

* *
*

Коммунары обедали.

Все они сидели за длинным столом, на лужке, по ту сторону флигеля. По направлению к этому столу Пелагея и Дуня тащили на палке огромный котел супа. Коммунары держали уже ложки в руках, когда звук автомобильного гудка заставил всех повернуться в одну сторону. Приезд автомобиля в коммуноу должен был принести с собой какие-то новости.

Автомобиль объехал флигель и остановился на тормозе почти около самого стола. Видимо, автомобилист не предполагал, что как раз за поворотом обедают.

Лицо приехавшего человека никому ничего не говорило. Один только

Джек вскочил в страшном негодовании и закричал тонким голосом, который появлялся у него в минуты гнева:

— Чарли, бродяга! Ты, как я вижу, все-таки купил автомобиль...

Джек произнес эти слова по-русски. Он совершенно упустил из виду, что приехавший человек не знал русского языка. Он сообразил это немного позже и сейчас же повторил слова по-английски, но по-прежнему грозно.

Чарли встал во весь рост в машине, но при этом опустил голову. Во всех денежных делах он всегда подчинялся Джеку и никогда ничего не предпринимал без его ведома. Но на этот раз его смущение длилось недолго. Он поднял голову и дерзко ответил:

— Да, конечно, купил за семьдесят пять долларов из общего фонда. Но ведь ты же мне писал, что у нас есть ферма, скот и сад. Значит, я купил по плану, в

последнюю очередь.

— Верно! — ответил Джек и расхохотался. — Представь себе, ты прав, старик. Эта ферма принадлежит нам, и на старости лет нас не выгонят отсюда палкой. Здесь будут жить наши дети и внуки, и на каждый вколоченный гвоздь мы будем вешать наши картузы.

Прятели обнялись. Затем Джек сказал, обращаясь к коммунарам:

— Товарищи, это и есть Чарли Ифкин, американский рабочий, новый член нашей коммуны. Он умеет делать все получше меня. Теперь вы увидите, как пойдет у нас работа.

Потом он подвел Чарли к Татьяне и сказал:

— Можешь обнять ее, бродяга. Это моя жена.

— Жена? Почему же ты ни слова не написал мне об этом, старик?

— Брось, Чарли! Ведь ты знаешь, что я терпеть не могу писем.

Чарли посадили на самое почетное место за столом. И коммунары смотрели на него во время обеда во все глаза. По рассказам Джека они знали, что Чарли Ифкин — золотой работник и у него есть чему поучиться.

После обеда, когда по обычаям коммуны каждый мог делать, что хотел, Чарли, Джек и все коммунары пошли осматривать хозяйство. Перед этим Чарли сказал Джеку несколько слов по-английски, и Джек перевел их:

— Чарли говорит, что он уже осмотрел поля, и остался ими доволен. Он просит показать ему только усадьбу.

Прежде всего, прошли к конюшне.

В стойлах стояло всего пять лошадей. Конечно, это были не заводские кони, но они не были похожи и на тех деревенских кляч, которые весной везли силос в Кацауровку. За лето каждые две лошади коммуны были обменены на одну, и таким образом конюшня, проиграв в количестве, выиграла в качестве. Лошади лоснились и выглядели хорошо покормленными. Чарли осмотрел каждую в отдельности и, должно быть, остался недоволен. Во всяком случае, он сказал Джеку:

— Ты не сердись на меня за автомобиль, дружище. Перевозка обошлась дорого, но ведь машина-то на ходу.

— Верно, верно, — ответил Джек. — Но ведь теперь она нам не нужна. Мы больше не будем колесить, бродяга, с севера на юг, от Висконсина до Техаса. Нам придется все время жить здесь.

— Я не о том, — сказал Чарли. — Я понимаю, что теперь мы прилипнем к месту. Я хочу сказать, что если автомобиль нам не нужен, то мы можем снять его с колес. Он нам прекрасно обмолотит пшеницу этой осе-

ню. Ведь все-таки в нем шестнадцать сил.

Коровы больше понравились Чарли, но он нашел, что они не достаточно крупны. Куры на теннисной площадке показались ему слишком разнокалиберными.

— Это надо бросить! — сказал он. — С весны я сам займусь инкубатором. Уж если заводить кур, так одной породы. И, конечно, не меньше пятисот.

Затем были осмотрены развалины дома, и Джек объяснил, что нижний этаж предусмотрено к зиме приспособить под жилье. Кирпич с верхнего этажа пойдет на постройки, прежде всего силосной башни. Против этого плана Чарли не возражал.

Прошли во фруктовый сад. Он был приведен в порядок, и это уже отразилось на урожае. Чарли попробовал одно яблоко и как-то растерянно улыбнулся. Должно быть, какое-то сомнение зародилось в нем. Он пробурчал:

— Чорт подери! Прямо не верится, что все это получено бесплатно.

Из сада спустились к пруду, круглому пруду, с островом посредине.

— И пруд! — закричал Чарли. — Прости меня, Джек, но я отказываюсь верить, что даже здесь, в СССР, такие усадьбы раздаются бесплатно. Ты меня обманываешь!

И он стал смотреть на остров, а по его лицу текли слезы. Он не верил своим глазам, он не мог верить, что их мечты осуществились полностью так скоро и так блестяще. Он не представлял себе, какие законы должны быть в стране, чтобы за короткий срок рабочие люди могли обзаводиться фермами с садом и прудом. Тщетно он старался объяснить себе это: у него ничего не выходило.

— Сколько земли в ферме? — спросил он наконец.

— Четыреста акров, Чарли, и еще двести покосов, — ответил Джек. — Но через два года у нас должно быть четыре тысячи. Все земли, которые лежат вокруг, сделаются нашими.

— Вы их купите?

— Нет, здесь нельзя покупать земли. Нам отдадут их бесплатно.

Чарли беспомощно махнул рукой. Он просто даже не хотел вдумываться в эти слова Джека. Он только подошел к своему другу, отвел его в сторону и тихо сказал:

— Покажи мне твои зубы, Джек.

Джек улыбнулся своей золотой улыбкой.

— Целы! — закричал Чарли. — Что за чорт! Ведь я так рисую дело: ты купил эту ферму сообща с другими. Но скажи мне, старик, откуда ты взял золото, чтобы внести свой пай? Ведь я тебе не перевел ни одного доллара.

Джек некоторое время молчал, должно быть, не знал, что ответить. Он только рассматривал свою руку, а потом принялся зубами отрывать от нее мозоль.

— Я платил вот этим золотом, Чарли, — сказал он и протянул своему другу кусочек огрубевшей кожи. — Даю тебе слово, что мы все расплачивались только этим. В Америке, на чикагской бирже, это совсем не котируется, дружище. Но вот нашлась на свете одна страна, где мозоли расцениваются на вес золота. Как догадываешься, я и пустил этот капитал в ход...

— Только и всего?

— Нет. Говоря по совести, пришлось пускать в ход и кулаки.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Чарли Ифкин приехал в СССР осенью 1928 г.

Осенью же в 1929 г. в газетах начали появляться сведения, что многие районы Поволжья переходят на сплошную коллективизацию. Целые деревни начали объединяться для совместной обработки земли по всем правилам усовершенствованного земледелия.

Таким образом, Джек и Чарли получили возможность работать не на маленькой ферме, а в огромном хозяйстве, с сотнями товарищей коммунаров и хорошими условиями кредита.

В настоящее время автор работает над продолжением этой книги: он не считает историю Джека Восьмеркина законченной.

В самом деле: какую роль будут играть в условиях сплошной коллективизации действующие лица повести «Джек Восьмеркин, американец»? Как проявят себя Чарли, Джек, Николка, Татьяна, редактор газеты и какая судьба ожидает Скороходовых? Как развернется хозяйство «Новой Америки», какие трудности ждут коммуну, и как будет использован автомобиль, привезенный Чарли?

Автор просит читателей поделиться с ним своими соображениями по этим вопросам.

Все дельные советы помогут ему в работе и будут использованы.

Письма надо адресовать в Москву, Рождественка, 4. Гиз, Отдел детской литературы.

Н. Смирнов.

1930 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Владимир Фалеев

УТОПИЯ ИЛИ АНТИУТОПИЯ?

Читая роман «Джек Восьмеркин американец», волнуешься: а сможет ли главный герой Яшка-Джек прижиться на советской почве? Яшка родом из села Починки, провел восемь лет в США, там возмужал, приобрел опыт наемного рабочего и цель жизни — купить клочок земли, чтобы стать на нем фермером, — возвращается на Родину, в СССР... Это не американец-миллионер, это американец-рабочий, трезвый, энергичный, дисциплинированный и целеустремленный. Сможет ли он существовать у нас? Захочет ли работать, если ему отказать в праве купить свою маленькую ферму? Будет ли энергично и смекалисто трудиться, если его лишит личной заинтересованности?

«Джек Восьмеркин американец» впервые издан в 1930 году, с той поры имя русского американца Джека стало нарицательным, хотя сам образ привлекает не столько литературоведов, которые как бы опасаются его сложности, сколько социологов и экономистов. Недавно этот необыкновенный персонаж весело прошел по экранам нашей страны в одноименном фильме, еще раз обращая всеобщее внимание на то, что он, Яшка, однажды став Джеком, уже никогда не сможет обернуться снова в Яшку... Американский рабочий инороден советскому образу жизни, более того, не поддается «перевоспитанию». Не странно ли?

Прежде чем приступить к анализу характера этого героя, к «разборке и сборке» романа, вспомним

об авторе книги — Николае Григорьевиче Смирнове (1890–1933), который, прожив короткую жизнь, всего сорок три года, десять лет из них отдал детской литературе. Он родился в Вязьме. В 1912 году окончил юридический факультет Московского университета и еще до Октябрьской революции оказался в петербургском театре «Кривое зеркало», для которого сочинял пьесы, настораживавшие царскую цензуру. По складу своего таланта он не был сатириком, а скорее — аналитиком судеб, видевшим тайные мотивы поступков, умел весело рассказывать об этом, с грустным подтекстом, в той манере, которая дорожит принципом: «один пишем, два в уме».

После революции Николай Смирнов организовал в Калуге революционный театр сатиры, стал его режиссером, а затем увлекся литературным творчеством для детей и юношества; лучшими его книгами признаны историко-приключенческая повесть «Государство Солнца» (1928) и роман «Джек Восьмеркин американец» (1930), хотя читатели не без интереса встречали и другие его произведения.

Уже сам выбор героев — незаурядных, отважных, авантюристов и романтиков, искателей приключений и странников — позволял писателю вместе с ними обсуждать проблемы переустройства общества и перековки личности.

«Джек Восьмеркин американец» написан вслед за повестью «Государство Солнца»; уже в ней поставлен великий вопрос, над которым ломали головы могучие мыслители: как и зачем перестраивать общество?

Государственная структура делает людей несвободными; одни оказываются богатыми, другие бедными. Как быть? Куда звать людей? В рай или в ад? Если

в стране ад, то возможен ли рай? И вот теоретики, сидя за письменным столом, конструируют разные модели общественного жизнеустройства. Утопия — сказочная модель, антиутопия — разоблачительная. Обе модели неосуществимы. А возможны ли другие варианты? И какой из них считать за наилучший?

Повесть «Государство Солнца» рассказана от имени жителя Камчатки Леньки Полозьева, невзначай ставшего сподвижником отважного практика-утописта Августа Беньовского, который в конце XVIII века, начитавшись «Утопии» Томаса Мора (1478–1535) и «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы (1568–1639), попытался на Мадагаскаре воплотить утопическую идею в жизнь, основав государство равных — город Солнца (город Здоровья). Ясно, что из затеи ничего путного не вышло, но герой на то и герой, чтобы смело произвести эксперимент.

«Он приехал сюда для тех сотен тысяч черных, которых скрывала от нас стена тропического леса. Он не знал этих черных, и они не знали его, но он верил в то, что они поймут в конце концов, в чьих интересах высадился он на этом сыром берегу, объединятся, забудут свою дикарскую лень и примутся за работу по плану, который он составил в Париже. К этому он решил двигаться хитростью, насилием, уговорами, но неуклонно. Он совершал малое, имея в виду большое. Он не стукнул бы пальцем о палец, если бы это было безразлично для его основного дела. Только один он из всех нас умел видеть среди бедствий и нищеты ростки Государства Солнца».

Затруднения для Августа Беньовского вышли от того, что окружавшие его люди не хотели быть лучше самих себя, медленно и плохо учились тому, что им предписывалось и предназначалось. Беньовский

«начал формировать из мальгашей огнестрельную роту, и это нам удавалось. Но с пушками мальгаша не могли справиться. После каждого выстрела они падали на землю. Мы напрасно тратили порох. Всякий раз повторялась та же история.

— Привыкнут! — говорил Беспойск.

— Да, но тогда у нас не будет пороха, — говорил я.

И туземная артиллерия не была создана».

Умирая от раны, отважный утопист, названный президентом, произносит: «Не зови меня президентом. Зови дураком. Проиграть такое дело...» Рассказчик заключает: «Но будь у него хоть семь пядей во лбу, он не смог бы осилить того дела, за которое взялся! Мы слишком рано приехали на Мадагаскар».

Неудача с устройством государства по утопическому чертежу объясняется в повести не тем, что идея была иллюзорна, а тем, что герой с единомышленниками поторопился со своим энтузиазмом. Впрочем, это мнение высказывает Ленька Полозьев; сам же писатель Николай Григорьевич Смирнов мягко усмехается.

«Государство Солнца» можно назвать повестью о кризисе несбыточных иллюзий и фантастических представлений смельчаков-утопистов, которые взялись не только в корне перестроить общежитие мальгашей, но и просветлить им головы. Тут уместно сказать, что социалисты-утописты пришли к благородной идее просвещения людей, с тем чтобы потом просвещенными силами собраться в гармоничные общины — фаланги и построить великолепные дворцы — фаланстеры.

Отрицательные результаты экспериментов социалистов-утопистов навели других мыслителей на другую идею: первоначально разрушить старое гособ-

щежитие, а потом на развалинах возводить по новым чертежам светлый дворец справедливости, в ходе строительства освобождая людей от частнособственной психологии. Итак, начать не с ломки характеров, а с ломки здания; строя новое жилище, переделывать несознательных. Логично?

Тут уместно вспомнить древнюю мудрость, которую исповедуют американские прагматисты: «Если тебе кто-то не нравится, хочется его изменить, то приступай к этому немедленно и начни с себя». Каждый, кто произносит слова «начни с себя», обязан помнить, что он говорит их только самому себе!

Переделывать себя или «несознательных»? Вопрос принципиальный! Николай Смирнов, приступая к роману «Джек Восьмеркин американец», отлично знал революционные преобразования, которые начались в российской деревне в конце 20-х годов. В качестве новой крестьянской организации предлагалась модель коммуны. Русский американец Яшка-Джек оказался председателем группы коммунаров, которые называли себя «Новая Америка». Как видим, Джек Восьмеркин внес элемент личного опыта даже в название общины; он не только хотел ввести в практическую жизнь коммунаров американскую инициативу, жесткий ритм труда, экономическую целесообразность и прибыльность производства, но и принципы личной заинтересованности. Однако его «американизм» коммунарам не нравится; они сами были готовы переделать психологию Джека!

Множество конфликтов, сливающихся в многослойный поток романа, — поверхность, зеркало которого светлым юмором отражает внешние события жизни, а глубинные течения — трагические и грустные движения судеб, и составляют объемную картину про-

исходящего и пророчествуют о будущем. Роман легко обвинить в несерьезности, в намеренной усмешливости, но он почти нигде не переходит в фельетон; улыбки его не ядовиты, смех не переходит в хохот и сатиру, даже беды не подаются как драма или трагедия. Зато под верхним слоем приключений и разговоров всегда угадывается темная глубина раздумий. Вот, например, Джек обращается к своему американскому другу Чарли:

«— Каким же образом можно получить бесплатную ферму?

— Да очень просто: после революции в России раздают землю даром.

Джек недоверчиво покачал головой:

— Наверное, какие-нибудь солончаки или пески?

— Да ничего подобного, жирнящий чернозем! Прямо как черная икра, какую в Нью-Йорк привозят с Волги и продают по двадцать долларов за жестянку. Намазывай на хлеб и ешь за обе щеки. В России почвы лучшие в мире. И пахотной земли в десять раз больше, чем во всех наших штатах».

Что же тут «подводного»? А то, что на земном шаре площадь черноземов составляет около 240 миллионов гектаров, из них 130 миллионов гектаров принадлежат Молдавии, Украине, Поволжью, Северному Кавказу, Западной Сибири... В России почвы лучшие в мире... Это невероятно, но факт! Прав оказывается американец Чарли; жаль только, что мы не можем питаться черноземом, не обрабатывая его под урожай, а употребляя прямо в пищу... И, вернувшись на Родину, увидев нищий Мурманск, несчастные свои Починки и заселенную густо клопами и тараканами избу, в которой бедствуют его мать и младшая сестра, Яшка-Джек

решает преобразовать сперва личное хозяйство матери по образцу американской фермы. Он по-своему реформатор, но его никто не понимает. В чем дело? Да в том, что тут, в селах, уже изобретены свои варианты-модели новой жизни.

«— А правда, Яша, сказывают, что в Америке крестьянство все поголовно вверх ногами ходит?

— Этого не замечал.

— Как же ты самого главного не заметил? Сколько лет прожил, а на ноги внимания не обратил».

Фельетонный прием? Да нет. Джек привез из Америки в родное село мечту о культурном хозяйствовании, но большинство крестьян, да и не только крестьян, но и горожан, не бывали за границей, малограмотны; тут скопился, как поется в «Интернационале», «мир голодных и рабов»; организовавшись, они хотят быстро и без больших усилий получить для себя рай. В коммуны как в средство избавления от голода верят искренне, даже студент из Москвы Мишка Громов прямо-таки уговаривает Яшку:

«...научился ты добру в Америке. Только для себя одного ты это добро бережешь. Ты посмотри кругом-то сначала. Ведь мучается деревня, форменно мучается. Бедность страшная, со свиньями дети спят, мылом только по праздникам моются».

В селе можно услышать и другое: «коммуны эти в городе придуманы, за письменным столом», — слова принадлежат зажиточному по тому времени единоличнику Скороходову, но большинство крестьян — не на его стороне, так что отговоры от вступления в утопическую организацию хозяйствования на Джека не действуют, он поверил в коммуны. Даже дочь бывшего адмирала, помещика Кацаурова, Татьяна становится коммунаркой. Джек избирается председателем «Новой

Америки». Он, конечно, сомневается и задает себе вопросы:

«Правильно ли сделал он, что вошел в коммуны?»

Безусловно, правильно. За год он понял, что Советская Россия не Америка. В СССР нужно работать сообща...»

Однако скоро его мечты и энергия пришли в противоречие с предложенным вариантом организации коммуны. Помещичья усадьба отдана коммунарам не за так, государство требует хлеб.

«Пшеницы хватило на возврат ссуды и на семена. Коммуна свезла и на сыпной пункт сколько полагалось. Остальное зерно пока не мерили и не делили, но, по расчетам Капралова, тонны три приходилось на нужды коммуны, в неделимый фонд.

Вот из-за этого неделимого фонда и разыгрался в коммуне скандал».

Надо было переселяться в большой дом, да не было у него ни окон, ни дверей. Для Джека ясно, что если дом до зимы не отделать, не продав часть зерна, не купив на вырученные средства стекла и не застеклить рамы, то в дом никто не заселится, а значит, все разбегутся по своим избам, разберут скот и запасы, зиму будут бездельничать, — коммуна развалится. Секретарь партячейки Николка Чурасов с ним не согласен, он решил дать Джеку бой, одновременно проверив «сознательность членов».

Вот на идее «сознательности» коммуна и лопнула! Понимая, что Джек может покинуть коммуны, Николка предлагает Татьяне почитать «политграмоту» о продовольственном положении в стране, о значении коммун, а затем своими словами все это внушить Джеку.

Николка малограмотен, но и Джек малообразован. Впрочем, Джек — хозяин и экономист. Он не принимает призывов секретаря партячейки: «Не может быть несознательных коммунаров, а тем более председателей». Рамы в окна дома не вставлены, а Николка «красный обоз составил», отправил зерно государству. И тут звучит мягкая ирония писателя: «Большой кусок красной материи на двух палках тормозил движение».

Бывший деревенский шалопай Николка Чурасов, возглавив партячейку, стал «совсем другим человеком», он в кармане носит наган. И это не ирония. Дело в том, что каждый социальный слой в романе (помещик Кацауров и его сыновья, которые, разорившись, играют в поле в шахматы; зажиточные крестьяне, объединившиеся в свой «лжеколхоз» «Умная инициатива»: бедняцкая группа, имеющая шесть лошадей, слившаяся в коммуну «Новая Америка»; союз бедняков-артельщиков «Кулацкая гибель») имеет свои интересы! Вот эти-то интересы и раздирают на части Чижи, Починки и Кацауровку.

Даже в коммуне отношения складываются не просто. Один любит спать безпросыпа, другой фантазер, третий выпивоха, четвертый занят множеством своих детей, а некий Чувилев «был задумчив, и казалось, что мысли его далеко от коммуны. Иногда он говорит, что думает все время о социализме, когда в каждой деревне появятся тротуар и зверинец и можно будет летать на аэропланах хоть каждый день. Чувилев очень боялся, что не доживет до этого времени, поэтому жалел свое здоровье и от трудных работ отказывался».

К этому можно добавить еще интересы настоящего американца Чарльза Ифкина, уборочного рабочего, недавно приехавшего в СССР, готового за три года

создать здесь рай по-американски, но он за всю жизнь ни разу не имел дела с косой или серпом, привык работать только на машинах, поэтому убирать урожай в коммуне вручную не хочет и, по существу, уклоняется от помощи коммунарам.

В романе очень точная социологическая раскладка, и нет примитивного деления людей на героев и антигероев, на друзей и врагов. События большого масштаба — войны, революции, социальные потрясения и преобразования — вызываются к жизни не вождями и не героями, а засухами, перенаселениями, косностью управленческих структур и накоплением взрывоопасного бедняцкого слоя; не революционеры породили экономический кризис в царской России, не они довели страну до технически убожеской отсталости — одряхлевший аппарат самодержавной власти; но и новые методы руководства, будучи революционно-командными, не смогли вывести российскую деревню из вековой отсталости, а раскулачивание и другие научно необоснованные мероприятия даже усугубили многие проблемы села...

«Что ж, товарищи, пришла пора показать, кто мы есть — советская коммуна или волки-хищники в коммунарской шкуре! По-Яшкиному выходит, что самое для нас подходящее дело спекуляция в компании с Пал Палычем Скороходовым...» — эти слова секретаря партячейки звучат вроде бы актуально и в наши дни. Да, при отсутствии реальных результатов труда всякая самоотверженность со временем выдыхается, энтузиазм иссякает, и тогда возникает подозрение, что кто-то вредит...

А кто может вредить коммунарам? Джек страшно удивился: хлопотал не за себя, а за большинство, но его никто не хочет поддержать. Джек привез из Моск-

вы подаренную ему писателем Летним собаку Боби Снукса, которую приспособили «искать следы врага». Людьми все более овладевают мысли: «Откуда могут быть призраки у нас в СССР?» Подозрение, в данном случае обоснованное, падает на хитрого хозяина Петра Скороходова, возглавляющего «лжеколхоз» «Умная инициатива»; предлагается ударить его в бок электрической искрой, то есть не давать ему электричества. Люди «друг другу не говорили, но чувствовали, что, если не открыть тайного врага, успех и радость общего дела будут всегда под угрозой и что теперь можно ждать любого несчастья».

Специалисты из США приехали смотреть коммуну. Но голос профессора Иллинойского университета не доходит до сознания не только крестьян, но и руководителей: «Продуктивен ли труд, когда нет личной заинтересованности? Я хочу сказать, что результаты труда здесь ведь не принадлежат вам».

Крестьяне разорили помещика, отставного адмирала, у которого было только двадцать лошадей и сорок коров, а в США на фермах по 500 и более коров. Отнятые у адмирала кони и коровы никого в селе не сделали богатыми, потому что дележ не увеличивает производительность труда, чужой хлеб и мясо съели — и опять голодно. Очередь доходит до дележа кулацких хозяйств, а затем и середняцких... В такой ситуации достаточно искры-слова обреченного на раскулачивание Скороходова: «По его словам получалось так, что Советская власть очень нуждается в хлебе и мясе. Чтобы получать все это, мужиков насильно будут загонять в колхоз».

Все разбежались по дворам, схватились за ножи, начали резать скот. Паника охватила село. Несколько членов «Кулацкой гибели» побежали по дворам и ста-

ли уговаривать крестьян бросить дикую затею. Но уговоры не действовали. Каждый орудовал у себя на дворе по своему усмотрению, «страшное бедствие произошло в деревне».

«— Бить вас в морду надо, коммунаров! Продали вы деревню городу! Гнать вас отсюда надо по шеям! Страдания вы мужиков увеличиваете!» На такие речи есть управа; Павла Павловича Скороходова решено выселить из села за контрреволюцию. Бегают коммунары, ищут врагов, пускают по следам собаку, которую кто-то убивает. Татьяна и Пелагея пытаются уберечь Скороходова от раскулачивания, но «борьба сейчас обострилась, сам знаешь», — разговаривают в Москве редактор газеты и писатель Егор Летний, — Джека ранят, а его жену убивают...

Писатель закончил свой роман на описании весны 1931 года. Село готовится к новому грандиозному эксперименту — к объединению крохотных коммун и артелей в большой колхоз «Правильный путь»...

Сейчас, более пятидесяти лет спустя после коллективизации, появились разные суждения о ее целесообразности или темпах; дескать, она проводилась «вопреки ленинским принципам», Сталин преднамеренно все трудности приписывал врагам: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту». «И средства преодоления трудностей виделись ему в беспощадном уничтожении врагов, среди которых на первом месте стояли кулаки» (см.: «Коллективизация: как это было», «Правда», 26 августа 1988 г.).

Хочется перечитать концовку романа, последнюю страницу, написанную зорким и мудрым человеком:

«— Видишь теперь наш план? — спросил Николка и ткнул Чарли в бок.

— Вижу! — ответил Чарли. — Вижу ваш план и план всего СССР — идти все время вперед. И если мы будем так двигаться дальше, то...

Чарли не кончил. Угловатая, злющая молния запрыгала в туче, как бы силясь вычеркнуть ее с небес. Гром ударил неожиданно близко и оглушительно. По земле пробежал ветер.

— Что — то? — закричал Николка.

— Честное слово, мы в пять лет действительно перегоним старую Америку.

Чарли сказал это и покраснел. Николка захохотал:

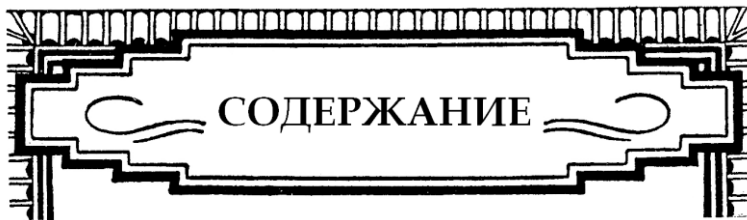
— Нашел чем пугать!..»

Читая роман сегодня, мы воспринимаем его как притчу, где герои-романтики (в большинстве своем люди без образования, не выдавшие в жизни никакой техники) берутся с энтузиазмом построить жизнь по «светлым идеалам»; действуют они с задором и оптимизмом. Судьба Джека, Чарли и других персонажей легко предсказуема, а карьера Николки Чурасова, «борца за сознательность», даже очевидна... И на какой бы гром ни намекал писатель Николай Смирнов, он понимал, что малокультурный слой людей, джинном вырвавшийся в период революционного разлома из недр народа, продиктовал условия социально-экономических преобразований. В. И. Ленин добивался введения новой экономической политики, но командно-административная сила приказала готовиться народу к мировой революции, к иллюзорным целям. Упорствовать в заблуждениях и шагать за иллюзорными лозунгами беднейших слоев, а не приобщать их

к научному и техническому, социальному и экономическому творчеству — это губительно для народа, и это было понятно писателю Николаю Смирнову еще в конце 20-х годов. Но кто, какая сила перехватит управленческую инициативу у малокультурных бедняков? На этот вопрос роман ответа не дает.

1990 г.

ЧЕРЕЗ 5000 ДНЕЙ
Фантастический роман
5

ДЖЕК ВОСЬМЕРКИН
АМЕРИКАНЕЦ
Повесть
297

ПОСЛЕСЛОВИЕ
Владимир Фалеев
УТОПИЯ ИЛИ АНТИУТОПИЯ?
550

Литературно-художественное издание
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста
Николай Григорьевич Смирнов
ЧЕРЕЗ 5000 ДНЕЙ
ДЖЕК ВОСЬМЕРКИ – АМЕРИКАНЕЦ
Издательство «СПУТНИК™»
Двуреченск, ул. Славная, 88

Отпечатано в полном соответствии с качеством представленного электронного оригинал-макета в типографии ООО «Шер-Хан», субсегмент Энлиль, пр. Голконды Таврической, 177

